

Читайте в следующем номере:

Анатолий ПОЛЯНСКИЙ.
«Взрыв».

Афганистан, русские солдаты в плену, в крепости-тюрьме. Разные характеры, разные судьбы, но все они объединились в одном - в попытке бунта... Свобода или смерть!

Леонид МОГИЛЕВ.

«Черный нал».

Этот роман раскрывает самые разные пласты действительности - от сегодняшних и до тех, что уже история, вплоть до легендарного «Че» Че Геварры, неистового «экспортера» кубинской революции.

Подписные индексы
Роспечать:

70814 «Подвиг»

71174 «Детективы СМ»

47703 «Подвиг»

«Детективы СМ»

Объединенный каталог
«Подписка-2001»:

45440 «Подвиг»

45441 «Детективы СМ»

45443 «Подвиг»

«Детективы СМ»

В. ГОЛОВАЧЕВ **СЕРЕБРЯНЫЙ МАЛЬЧИК**

В. ПЕРШАНИН **ЛАБИРИНТ**

Иллюстрация

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

Василий ГОЛОВАЧЕВ
СЕРЕБРЯНЫЙ МАЛЬЧИК

Никифор выстрелил в последний раз — кончились патроны, выхватил пистолет, но сухопарый "ковбой" в шляпе и шортах выкинул в его сторону сжатый кулак, с перстня на пальце вылетела фиолетовая молния, вонзилась в грудь Хмеля, и капитан упал.

Владимир ПЕРШАНИН
ЛАБИРИНТ

Олег Сотников лежал, прижимая обмотанную тряпками руку к груди. Он не спал, но разговаривать не хотелось ни мне, ни ему.

Я долго тер ствол оставшейся от перевязки тряпкой. Ржавчина понемногу исчезала. Я выщелкнул из плоского магазина патроны и тоже протер. патронов было шесть.

Падви

ИЗДАЕТСЯ С 1950 ГОДА

ГЕРОИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

МОСКВА

Василий
ГОЛОВАЧЕВ
СЕРЕБРЯНЫЙ МАЛЬЧИК

РОМАН

стр. 4

Владимир
ПЕРШАНИН

ЛАБИРИНТ

ПОВЕСТЬ

стр. 186

ОБ АВТОРАХ

стр. 312

ПОДВИГ

2 2001

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ "ПОДВИГ"

Василий
ГОЛОВACHEВ

СЕРЕБРЯНЫЙ МАЛЬЧИК

РОМАН

ЯРОСЛАВЬ — МОСКВА. ТАРАСОВ.

Софья никогда раньше не переживала по поводу отсутствия мужа, но тут ей вдруг сделалось грустно. Все вокруг как нарочно собирались семьями, мужчины суежились возле жен и детей, женщины им что-то выговаривали, мужа покорно выслушивали, и этот тривиальный процесс вызывал зависть. Софью с дочерью никто не провожал к поезду, и хотя она сама не любила долгих проводов, настояв на том, чтобы слезливые бабки и тетки остались дома, все же на этот раз расстроилась, посетовав на судьбу.

Она ушла от мужа семь лет назад, когда Оленьке исполнилось год и два месяца. Ушла сразу и навсегда, показав гордый и независимый характер, поссорившись с родителями, увидевшими в муже "надёжу и опору".

Софье не часто встречались люди, на словах пекущиеся о благе других, но на самом деле глухие к человеческим переживаниям. Этим людям кажется, что они все делают правильно, сочувствуют, помогают, ведут душевнораспорядительные беседы, но на поверку оказывается, что думают они прежде всего о себе и заботятся больше всего о своем душевном равновесии. Таким человеком оказался и Алексей Шипилов, спортсмен, красавец, удачливый адвокат, затем бизнесмен, ставший мужем Софьи. Выдержать его отношение к себе и к дочери Софья смогла всего два года.

Софья заметила взгляд дочери, тонко чувствующей ее настроение, улыбнулась.

— Устала? Ничего, недолго ждать осталось, скоро подадут состав.

— Я не устала, мамочка, — улыбнулась в ответ восьмилетняя Оленька. — У тебя лицо плачет. Плохое вспомнила?

Софья покачала головой, на мгновение прижала дочь к себе.

— Бабушкам без тебя будет скучно.

— Но я же следующим летом снова к ним поеду?

— Да, конечно. — Софья хотела добавить: “если они еще будут живы”, — но передумала. — Вот вернемся домой, соберемся и поедем к бабушке Тоне в Карпунино, будешь с ней за грибами в лес ходить.

— А ты разве не будешь?

— И я.

Софья оглядела зал ожидания Ярославского вокзала и увидела молодого, но с седыми прядями в темно-русых волосах, мужчину. Вспомнила, что встретила его, гуляющего по залу ожидания с девочкой примерно того же возраста, что и Оленька, но не обратила на него особого внимания. Теперь же ей удалось разглядеть его спокойное волевое лицо, карие, с золотыми точечками, глаза, и Софья вздрогнула, испытала самое настоящее потрясение. Мужчина был не просто симпатичен, он был полон внутреннего спокойствия, выразительной сосредоточенности, ледяной уверенности и бесстрашия. Это был именно тот тип мужчины, за которым Софья пошла бы в огонь и в воду. А еще этот человек был очень сильно похож на брата Софьи, Дмитрия.

Тарасов обошел лавку, ведя за руку дочку, протянул руку Софье.

— Пойдемте, я провожу вас к поезду. Вы в Москву едете?

— В Москву, — с готовностью откликнулась Софья, поднимаясь, наклонилась к Оленьке. — Вот мы и дождались, доченька.

Она повесила на спину дочери ее маленький рюкзачок, хотела взять сумку с вещами, но Тарасов отстранил женщину.

— Я донесу.

— Спасибо! — остановилась на перроне Софья. — Дальше мы уж сами.

— Меня зовут Глеб, — улыбнулся Тарасов. — Это моя дочь Акулина... А как вас величать?

— Софья, — подала руку женщина. — А это моя дочь Ольга. Были в гостях у родственников, теперь едем домой.

— Так давайте вместе, если не возражаете. По-моему, мы едем в одном поезде и в одном вагоне — третьем.

— Хорошо, давайте вместе.

Каково же было ее удивление, когда оказалось, что едут они не только в одном поезде, одном вагоне, но и в одном купе!

Это судьба! — мелькнула радостно-удивленная мысль. Софья с легкой растерянностью посмотрела на Тарасова, встретила его задумчиво-утвердительный, успокаивающий и одновременно волнующий взгляд, и поняла, что он чувствует то же самое.

Прощались на площади трех вокзалов Москвы недолго.

Софья поцеловала Акулину, подала руку Глебу, глядя ему в глаза:

— Позвонишь?

— Непременно! — кивнул Тарасов, целуя пальцы женщины, потом вдруг неожиданно для себя самого поцеловал Оленьку. — До встречи, кроха. Скоро увидимся.

Тарасов взял Акулину за руку, по привычке повел к стоянке служебных машин, где группа “Хорс” держала дежурную “Волгу”, потом вспомнил, что он в бегах, и вернулся на площадь...

Вести девочку к Сергею и Татьяне в Вологду после всех событий не хотелось, оставлять ее в Москве было не с кем. Оставалась мама в Нижнем Новгороде, родственники в Ветлуге и дед Евстигней Палыч в деревне Карпунино под Ветлугой. Подъезжая к дому на частной машине, Тарасов решил, что отправит Акулю к деду. Хотя бы до конца лета. Потом можно было подумать и над дальнейшей судьбой девочки. Мысль оставить ее с Софьей сначала была робкой и мимолетной, однако вскоре завоевала право на обдумывание, и в глубине души Глеб понял, что хочет уже сейчас предложить женщине стать его женой...

— В омут с головой, — вслух проговорил он, входя в квартиру.

Глеб разулся, отметив, что в квартире много пыли, бросил на стол в кухне почту — сверток газет и журналов, увидел кончик конверта и вытащил из пачки.

Письмо было от деда. Хмыкнув: надо же, совпадение, только что думал о старике, и на тебе — письмо от него! — Глеб вскрыл конверт.

“Здравствуй, внучек, — писал Евстигней Палыч. — Извини, что беспокою, да вишь ты, боле обратиться-то и

не к кому. Петяня болеет часто, по лечебницам да докторам больше ошивается, Костик боится всего, племяш Степан уехал куда-то на край света на заработки, вот и не осталось в деревне родственников. Одна надежда на тебя. А дело вот в чем”.

Далее дед сообщал, что в деревне появились два “молодых быка” — купили хату у старухи Мотовилихи — и начали “терроризировать население, предлагать “крышу” фермерам. У тех же, кто отказывался от “охраны”, начинались неприятности.

Фермер Алексей Мазин построил пекарню и снабжал односельчан вкусным дешевым хлебом, да и не только жителей Карпунино, но и других окрестных деревень. Даже в Ветлугу хлеб возил на продажу. А когда отказался от услуг новоявленных “охранников”, у него сгорела пекарня.

Фермер Трефилов на своем участке в четыреста гектаров начал сеять сначала рожь и пшеницу, потом перешел на лен, стал продавать районному льнозаводу, затем соединил усилия с двумя другими хозяевами и построил собственный маленький льнозавод. Маленький да удаленький — прибыльный. Который и сгорел после визита к Трефилову “быков”.

То же самое произошло и с магазином, который построил в Карпунино ТОО “Верховье” — бывший колхоз “Светлый путь”.

“Все знают, — писал далее старик, — что поджоги все — это дело рук “быков”, а доказательств нетути. Может, приедешь, окоротишь башибузуков? А так жить было бы ничего, ожила деревня, молодежь почала оставаться на родной земле, да и приезжают многие из города. Если не сможешь приехать, хоть письмецо напиши, скачаем мы без тебя и твоей Кулинки-пружинки. Привет тебе от всех”.

О себе Евстигней Палыч не написал ни слова, хотя сам тоже по сути был фермером — держал на краю деревни пасеку.

Глеб постоял в задумчивости посреди комнаты, взвесил письмо в руке и сказал вслух:

— Прости, старик, забыл я про вас, действительно. Теперь жди в гости.

В десять часов вечера он уложил дочь спать, с наслаждением вымылся сам, сварил кофе и сел на кухне за телефон. Надо было сообщить Сергею о благополучном

исходе операции с освобождением дочери и дать адрес стоянки в Ярославле, где Тарасов оставил зоценковский “Тольф”.

Поговорив с обрадованным до крайней степени Сергеем, Глеб достал хайдер и вызвал Ухо: “Привет, Александр! Что нового?”

Ответ на экране появился через несколько секунд. Компьютерщик группы очевидно предавался любимому занятию и торчал в Интернете.

“Привет, Старый! Ты живой?”

“Не труп же с тобой разговаривает”.

“Нового у нас нет ничего, кроме того, что тебя усиленно ищут по всей Руси. Что собираешься делать? Да, кстати, нашел дочку?”

“Нашел, она уже со мной”.

“Рад за тебя. Советую вернуться и покаяться, Хохол отходчив. А в Ригу нам все равно придется ехать”.

“Отвозу Акулину в деревню и вернусь”.

“Тогда до встречи. Подключайся, если понадобится моя помощь”.

“Спасибо, дружище. В таких случаях обычно говорят: хочешь помочь — не мешай. Всех благ!”

В четверг, третьего августа, Глеб взял напрокат новенькую “Ладу” пятнадцатой модели — “Сосну”, уложил багаж, усадил Акулину на заднее сиденье и выехал из столицы по Горьковскому шоссе в сторону Нижнего Новгорода. Ему предстояло преодолеть около пятисот километров, отделяющие Москву от деревни Карпунино Ветлужского района.

Дорога заняла около семи часов и не запомнилась ничем, кроме жары и пыли. Наличие в машине кондиционера, слегка понизившего в кабине температуру, не защищало новую “пятнадцатую” от пыли, и у пассажиров постоянно скрипел на зубах песок. Доехав к вечеру до пункта назначения, уставший Тарасов поклялся никогда больше не брать в прокат отечественные автомобили, а тем более — покупать их.

Деду Глеба по материнской линии Евстигнею Палычу исполнилось восемьдесят семь лет, но это был еще крепкий старик с роскошной гривой седых волос и красноватым лицом, продубленным ветрами и морозами. Жену он похоронил еще двадцать лет назад и с тех пор жил один, не прибегая к помощи многочисленной

родни, сыновей и дочерей, вел немудреное хозяйство и приглядывал за пасекой, снабжая медом всех родственников.

— Надолго приехал? — спросил старик после объятий, охов и приговорок, не зная, куда посадить дорогих гостей. — Баньку истопить?

— Баню топи, — кивнул Тарасов. — Уеду я возможно уже завтра, — добавил он, подходя к старенькому холодильнику и доставая оттуда бутылъ варенца. Налил в кружку, пригубил, почмокал губами.

Старик, не сводя с него умильно-радостных глаз, не выдержал:

— Ну, как?

— Отменный пурген, — похвалил Глеб и выдул полную кружку.

Дед на всю округу славился не только как пасечник, но и как мастер по приготовлению всяческих настоев, отваров и напитков.

— Пап, я схожу к Насте? — спросила Акулина, имея в виду соседскую девочку, с которой подружилась еще три года назад.

— Если она дома, — сказал Тарасов, глянув на Евстигнея Палыча.

— Дома, дома, непоседа, — проворчал старик, — уже сто раз спрашивала, когда Кулинка-пружинка приедет.

— Иди, — разрешил Тарасов, — только от дома далеко не отходите, скоро ужинать будем.

Акулина умчалась.

— Выросла, — кивнул на дверь старик, светясь от радости, потом засуетился. — Что это я стою, как пень? Пойду накрывать на стол да баню топить. А ты отдыхай покуда, поваляйся на своем любимом лежаке.

— Погоди, — остановил его Глеб. — Давай, рассказывай подробнее, что тут у вас творится. Я проезжал мимо Мотовилихиной избы, никого не видел. Не уехали ваши “быки”?

— Они в жару из хаты носа не кажут, — помрачнел Евстигней Палыч. — Рожи наели — решетом не прикроешь! Может, и зря я тебе жалился в письме, не справишься ты с ними, уж больно здоровы, поганцы! К ним недавно участковый приезжал из Ветлуги, так они с ним пошукались, он и отстал, больше не появляется. А народ боится, фермеры платить дань начали, я от Кольки Степашина узнал.

— Понятно, — сказал Глеб. — Ладно, не переживай, разберемся. О своем житье-бытье Расскажи. Как живешь? Не болеешь? Маманя приезжала к тебе?

— Две недели побыла в июле и уехала. Да как я живу? Как и все. Если бы не мед, давно б коньки отбросил, а так вот еще клыпаю.

Глеб выглянул в окно, увидел две головенки в кустах малины на соседском подворье, улыбнулся, подумав, что Акулине здесь будет хорошо. Налил себе и деду варенца, сел на диван, раскинув руки.

— Как хорошо все-таки, Господи! Взять и переехать к тебе в деревню, что ли? Примешь?

— Не шуткуй, — усмехнулся Евстигней Палыч. — Ты человек городской, испорченный цивилизацией, не выдержишь в деревне долго.

— Это почему же? Корни-то у меня деревенские. Кстати, ты в церковь ходишь?

— Хожу, а что?

— Сходим завтра утром вместе?

— Зачем? Ты же в Бога не веруешь.

— Да как тебе сказать? Вера-то она в душе должна быть, необязательно ее напоказ выставлять. Мне надо будет свечку поставить... за спасение человека...

— А я что ж, пойдем, коли надо. О каком человеке речь?

— О самом дорогом.

Старик допил варенец, поднялся и засеменял в сени.

— Потом еще погутарим, займусь делами. Хорошо, что вы сегодня приехали, утром уже не застали бы, я на пасеку собрался. За харчами приехал да за кое-каким инструментом.

Глеб плотнул вкусного, с хмельком, золотистого напитка, посидел, ни о чем не думая, вспомнил о Софье и поборо лень, пошел умываться. Баня будет готова не раньше, чем через четыре-пять часов, а ходить потным и грязным не хотелось.

Вымывшись по пояс, он переоделся в чистую голубую футболку, надел шорты и вышел на улицу. И первая, кого он увидел у соседней хаты, была Софья!

В цветастом сарафанчике, загорелая, длинноногая, красивая, она шла ему навстречу с полиэтиленовым пакетом в руке, сопровождаемая дочкой Оленькой, и разговаривала с ней. Затем увидела застывшего Тарасова и остановилась, изменившись в лице.

— Глеб?!

— Я, — очнулся капитан.

— Как ты меня нашел?!

— Я не искал, — улыбнулся он, делая шаг вперед. — Так получилось.

— Господи! — выдохнула она, роняя пакет. Потом сделала шаг, другой и бросилась в его объятия. — Господи, как я по тебе соскучилась!

Оленька, выглянувшие из кустов малины Настя и Акулина, соседка Евстигней Палыча и он сам от крыльца, глядели на эту встречу с благожелательным любопытством.

ЗЕМЛЯ — НЕБО. АДЕПТЫ НРИ.

Если приходилось лететь в командировку за рубеж, Аким Давидович Сосновский пользовался самолетами ведущих компаний мира, но внутри страны он предпочитал летать на личном самолете “Сессна” чешского производства. В пятницу четвертого августа он как раз и собирался им воспользоваться, чтобы отправиться в приуральский городок Лысьва — на охоту. Уважаемый бизнесмен и политик имел здесь собственные охотничьи угодья. Не то чтобы он был заядлым охотником, спящим в обнимку с ружьем, просто любил пострелять по движущейся живой мишени, поднять в крови адреналин.

Вылет должен был состояться в три часа пополудни из аэропорта в Жуковском, однако задерживался. Вместе с Акимом Давидовичем собирался лететь еще один человек, представитель гильдии магов России Харитон Кобяга, изъявивший желание изучить “законы единого мироощущения” в российской глубинке, но почему-то опаздывающий. Аким Давидович попытался связаться с ним по радиотелефону, но не добился успеха. Известный экстрасенс, психотерапевт и консультант ФАС не отвечал.

Прождав напрасно больше часа, Сосновский сел в самолет, способный нести десять пассажиров, двух летчиков и стюардессу и оборудованный по последнему слову техники комфорта, и велел отправляться. С ним вместе летели две молоденькие девочки из числа начинающих шоу-певиц и восемь телохранителей во главе с бесменным руководителем собственной службы безопасности Сосновского полковником Иваном Шенгеровичем Замятиным.

Сосновский был раздражен... Ему было отчего прийти в раздражение и без художеств мага, частенько позволяющего себе опаздывать на совещания и манкировать обязанностями консультанта. Только что пришло сообщение из Ярославля об уничтожении отрядом ЧК “финансово-боевой единицы”, то есть группировки, похищающей людей по заказу руководителей НРИ, и это была уже третья успешная операция “чекистов”, закончившаяся ликвидацией бандитов и освобождением пленников. Мало того, на сей раз были освобождены дети, предназначенные для особой цели — калибровки “живого псилопатора”, роль которого должен был сыграть один из кадров БЕСа.

Аким Давидович скрипнул зубами. Все возрастающая активность особых групп спецназа, подчиняющихся непосредственно президенту, — ЧК и “Хорс”, — не только действовала на нервы, но срывала подготовку эксперимента глобального зомбирования населения России, и теневые лидеры Запада уже высказали Сосновскому свои претензии по этому поводу. За президента надо было браться всерьез, выводить из игры, пока его не прибрали к рукам вербовщики Катарсиса. Волхвы, руководимые Катарсисом и его “боевыми силами” — Сопротивлением, начинали выходить из тысячелетнего забвения и вырабатывать свой порядок, отвечающий их понятию Высшей Справедливости.

Неслышно возник у кресла Замятин.

— Садись, — кивнул на кресло рядом Вождь НРИ.

Полковник сел.

— Докладывай. Причины наших провалов. Почему мы проваливаемся, теряем темпы?

— Потому что концепция наших противников сильнее, — ответил Замятин. — Они привлекают к реализации своих идей умных людей, причем добровольцев, понимающих ситуацию, мы же опираемся на толбу.

Аким Давидович с удивлением посмотрел на руководителя секьюрити. Таких откровений он от него не ждал.

— Но ведь зомбированными людьми управлять легче! Стадо всегда подчинялось только кнуту и прянику.

— Ситуация изменилась. Мы командуем быдлом, но думающие люди нам неподвластны.

— Да и черт с ними! Есть разные методы управления, для того мы и создаем психотронную систему, чтобы

управлять всеми, в том числе и думающими. А ты что же, сомневаешься в нашей победе?

— Мои мысли не мешают мне работать, — уклончиво ответил Замятин.

— А ты от нас не сбежишь, полковник?

— Нет.

— Почему?

— Власть. — Замятин растянул бледные губы в кривой улыбке. — Власть — единственный наркотик, который напрямую не приводит к физиологическим изменениям в организме человека.

— Любопытная философия. Ты надеешься на изменение масштаба власти?

— Когда вы станете президентом, я останусь начальником охраны, этого вполне достаточно.

Аким Давидович окинул взглядом одутловатое, с мелкими чертами, невыразительное лицо полковника, пожевал губами и допил "чай". Подозвал стюардессу:

— Подавайте обед. Продолжай, — кивнул он Замятину.

— Спецназ президента действует успешнее наших парней потому, что сформирован из самых классных специалистов своего дела. У нас таких нет даже в ФАС.

— А "тающие"?

— Мы так и не научились сохранять кондиции "тающих" длительное время. Спустя два-три месяца после программирования у них начинается процесс фрустрации, заканчивающийся обычно через полгода полной деградацией.

— Ты хочешь сказать, что мы не сможем создать спецкоманду соответствующего уровня?

— В принципе, можем, и я этим занимаюсь, но проще переподчинить уже созданные команды — те же ЧК и "Хорс".

— Каким образом? — заинтересовался Сосновский.

— Спецназовцы обеих групп привыкли подчиняться своим командирам, а их мы как раз и сможем закодировать. — Замятин помолчал. — Или купить.

Сосновский улыбнулся.

— А не зря я тебя из зоны вытащил, качественно мыслить. Установил, кто командует отрядами президента?

— Пока нет, у нас нет доступа к секретным серверам президентской службы безопасности. Попросите Кобягу, он поможет.

Аким Давидович нахмурился, недовольно буркнул:

— Этот гребаный экстрасенс зарвался! Иногда мне кажется, что он или работает еще на кого-то, или готовит собственную революцию.

— Конунги такого уровня работают в основном на себя, — безразличным тоном сказал полковник. — Я думаю, их лучше не злить. Работают с нами — и то хорошо.

— С чего это ты стал его защищать?

— Я защищаю не его, а вас. Помните, как первый Директор Проекта Бессараб попытался запрограммировать с помощью "лунного света" одного из грэев? Что из этого вышло?

— Не путай, — отмахнулся Аким Давидович, с проснувшимся раздражением глянув на голые ноги стюардессы, которая принесла ему обед. — Бессараб не рассчитал своих сил, и у него не было такой аппаратуры и таких идей, как идея использовать группы людей в качестве живых пси-усилителей и пси-радаров. — Сосновский опрокинул в рот рюмку водки и принялся за еду. — Кстати, как идет подготовка к эксперименту в Вологде?

— Настоятель БЕСа уже закончил формирование массы усилителя, доведя количество молодых и здоровых послушников до необходимого количества в сто человек, и готов к демонстрации.

— Нам придется провести эксперимент без калибровки усилителей. Ждать, пока оставшиеся на свободе охотники за живым "расходным материалом" добудут необходимое количество детей, нецелесообразно.

— Выполнение такого солидного эгрегора без настройки опасно.

— Для кого?

— Прежде всего для послушников храма.

— Наберем новых в случае чего. Ничего с ними не сделается. Ты лучше давай побыстрее формируй триангулы*. Как продвигается дело?

— Есть определенные сдвиги. К концу августа у нас будут пять триангул и женская монада. Женский батальон Российского Легиона был расформирован, но я нашел концы и теперь собираю баб-профессионалок по всей стране.

— Молодец, так и до генерала дорастешь, — пошутил Аким Давидович, не заметив сверкнувший в глазах себе-

* Триангулы — группы, в состав которых входят специально обученные старики, женщины и ребенок.

седника огонь. — Ладно, потом о делах поговорим, пригласи ко мне девочек.

Замятин освободил кресло, направляясь к щебечущим красавицам, ждущим, когда их господин обратит на них внимание, и в это время тихо зашипел воротник костюма Сосновского — это сработала система вызова абонента личной компьютерной сети. Аким Давидович сунул руку во внутренний карман пиджака, включая аудио-диалог с компьютером.

— Прошу прощения, Вождь, — прошелестел голос диалог-системы, слышимый только Сосновскому. — Я не смог вовремя предупредить о моем опоздании.

— Харитон? — осведомился Аким Давидович, жестом останавливая подходивших к нему певичек. — В чем дело?

— У меня появилось более важное дело, — ответил конунг, — но я к вам вскоре присоединюсь. Хочу предупредить: президент принял решение убрать вас. Задание на разработку плана операции получили и командир "Хорса" и начальник ЧК. Чей план будет лучше, тот и получит карт-бланш на ликвидацию. Я вам потом сообщу, кто именно. А пока будьте осторожны, Вождь. В ваших руках судьба НРИ, мы хотели бы и дальше видеть в вас союзника по общему делу смены общественных систем, поэтому не делайте ошибок.

— О каких ошибках речь? — высокомерно поинтересовался Сосновский.

— Вы только что говорили со своим цербером о Катарсисе...

— Откуда вы знаете?

— Колдун я или не колдун? — Послышался смехок. — Короче, эта система вам не по зубам. Занимайтесь своим делом, Катарсис оставьте нам, иначе волхвы нанесут такой удар — костей не соберете!

— Я всегда отвечаю ударом на удар!

— Некому будет отвечать. С Катарсисом надо воевать только в идеологическом, семантическом, психо-социальном пространстве, изменяя и заменяя его идеалы и цели.

— Как это понимать?

— Вы прекрасно справляетесь с войной в идеологическом пространстве, имея такую мощную инструментальную базу как телевидение, где главное оружие — слово, искажение истины, искажение смысла ценностей. В свое время нам удалось изменить смысл многих слов,

отражающих суть славянского духовного пространства, теперь ваша очередь.

— Что-то я не припомню...

Именно с нашей подачи предок-бог славян Род препратился в ругательное слово урод. И таких примеров много. Ваше дело — подготовка средств к прямому психотронному подчинению России, к глобальному зомбированию ее населения, после которого никакой Катарсис будет нам уже не страшен. Россия поднимается вторично после культурной катастрофы девяностых годов прошлого века, и наша организация является единственным фактором, сдерживающим этот процесс. К сожалению, Катарсису удалось решить стратегическую проблему — замедлить спад страны по всем уровням и не дать Китаю и исламскому содружеству выйти вперед, что при агрессивной сущности этих систем неминуемо привело бы к третьей мировой войне.

— Ну и что? — тупо спросил Аким Давидович, соловья от усилий постичь смысл речи собеседника.

— Еще раз повторяю — не лезьте в прямые физические разборки с оперативной службой Катарсиса — Сопротивлением, потерпите поражение. Все эти ваши спецназы — глупость, сосредоточьте усилия на храмах Братства Единой Свободы как на важнейшей стратегической философии, противостоящей идеологии школ возрожденного Славянского Союза.

— Школы можно просто ликвидировать...

Материальная ликвидация не означает ликвидацию идей, школы появятся в другом месте, но вот проникнуть в их систему можно, после чего начать замещение — учителей, доктрин, идей — искаженными системами ценностей. Это делать вы умеете. Кстати, Катарсис пользуется тем же оружием, замещая наши кадры своими, из-за чего мы начинаем терять контроль за финансовыми потоками внутри России. Но мы с вами об этом еще поговорим. Просто я хотел вас предупредить о возможных последствиях ваших неосторожных шагов по созданию своих суперкоманд. Да, вот еще что: прекратите работать с бандитами, похищающими людей. По этой связи вас вычислит Сопротивление, и тогда даже я не в силах буду помочь. До встречи в Лысьве, Вождь.

Щелчок, тихая музыка. Голос компьютера:

— Абонент отключил канал связи.

— Скотина! — с чувством выговорил Аким Давидович, вытирая пот со лба.

ВЕТЛУГА. ВОЛХВЫ.

С виду он почти не изменился, разве что в волосах появились серебряные пряди. Но изменилось внутреннее наполнение, он стал гораздо богаче этически и духовно и стал смотреть на мир другими глазами — не глазами человека боя, хотя всегда мог постоять за себя и за своих близких. Однако надобность в этом отпала, когда он постиг философию *живы* и сумел стать “линейным ясновидящим” — человеком воли, контролирующим линию судьбы, прошедшим ступени лестницы — уровни духовного роста. Теперь он знал, что главные войны на Земле происходят в другом пространстве — пространстве намерений и замыслов, и хотя эти войны были бескровными, они также приводили к гибели людей, коллективов, эгрегоров и целых этносов.

Строить собственную теорию Крутов не собирался, ему просто было интересно работать с приборами и размышлять над результатами опытов, и дом его в Ветлуге на улице Герцена представлял собой по сути большую физическую лабораторию с несколькими бесценными по уникальности установками и аппаратами, как, например, “Шизер” — установка для холодного термоядерного синтеза. В мире таких установок насчитывалось всего шесть. Или многофазовый вакуумный преобразователь для “выбивания” из вакуума кварков. Чтобы заполучить такой аппарат Крутову пришлось просить помощи у волхвов и грэев, один из которых согласился стать посредником продажи аппарата в Россию “частному лицу”. Зато теперь Егор мог исследовать граничные законы — законы магической физики, дающие выход на уровни ментального оружия и выше — в сферы отношений космических Сил, отрицающих борьбу добра и зла. Единственное категорическое условие, которое ставилось человеку, достигшему таких высот знаний, было условие *н е в м е ш а т е л ь с т в а*. Маг такого уровня должен был находиться в *н е* всяких битв.

До этого уровня Крутов еще не поднялся, но был уверен, что недалек от завершения пути. А пока основной его деятельностью оставалась служба в Катарсисе, для выхода за пределы земной физики он тренировался изменять сознание, накапливать энергию и аккумулировать знания, следуя даосской мудрости: умеющему рубить не нужен меч.

Елизавета помогала ему во всем. Она была и оставалась берегиней, верной одному Витязю, познавшему суть своего имени*.

* См. книгу автора “Бой не вечен!”

Ему не нужно было, как другим паломникам монастыря, добираться поездом Москва-Мурманск до станции Ковья, затем автобусом до поселка Рабочеостровск и от монастырского подворья на катере до острова. Владея всеми ступенями *ж и в ы*, он мог мгновенно преодолевать огромные расстояния; этот способ передвижения назывался старорусским словом *л е г к о с т у п*.

Вышел из *л е г к о с т у п а* Крутов у западной стены монастыря, сложенной из валунов еще в шестнадцатом веке. В этот жаркий и душный августовский вечер на территории обители практически никого не было. Вечернее богослужение, начинавшееся в шесть часов, уже закончилось, паломники покинули обитель, а большинство монахов разошлось по кельям. Таким образом, совещание волхвов никто не мог помешать.

Участники совещания, хранители русского тайноведения, начали собираться возле трапезной в девять часов вечера. Всего их должно было прибыть пятнадцать человек: девять попов и шесть посвященных; среди последних — Егор Крутов. Ждали Белого волхва — Спиридона, который появился с опозданием, одетый, как и все, в белое, но в отличие от других носивший белый плащ с красной каймой и силуэтом летящего сокола — знаком Владыки.

Никаких церемоний такие встречи не предусматривали, поэтому Спиридон сразу начал с конкретного сообщения о совещании синклита черных магов, прошедшего в субботу.

Конунги приняли решение ускорить создание единой системы пси-программирования страны, для чего усиленно строятся храмы БЕСа. Нам надо подумать, что мы можем противопоставить этой расплзающейся по нашей земле заразе.

— Школы *живы*, — сказал почти такой же молодой, как и Крутов, посвященный Терентий, игумен Оптиной пустыни.

— Школ мало, и некоторые из них уже попали под влияние адептов конунгов и начали изменять принципы духовного построения *живы*.

— Почему бы нам не пойти тем же путем, каким пошли лидеры Новой Революции? — предложил Крутов. — Они собираются использовать храмы БЕСа в качестве усилителей психотронных генераторов. Мы тоже можем создать на базе школ *живы* защитные эгрегорные “резонаторы”. Тогда районы со школами станут недоступными для прямого пси-кодирования населения.

— Как это сделать практически?

— Надо подумать. Технические решения достаточно просты, но школа *живы* — добровольная организация, ее внутреннее пси-пространство зависит от сознания учеников.

— Кто может заняться разработкой Замысла?

— Я, — помедлив, ответил Крутов.

— Хорошо, решено. В системе Катарсиса есть все необходимые специалисты, эниологи и псисоциологи, найди их и подклочи к Замыслу. Теперь поговорим о второй волне сектанства, инициированной Новой Революционной Инициативой, волне, захлестнувшей страну. — Спиридон повел рукой, и на лужайке у стены появились, уплотняясь, прозрачные скамейки. — Присаживайтесь, други, в ногах действительно правды нет, а многие, я чувю, притомились. Цель НРИ ясна: превратить людей в слепой инструмент воли Вождя и лидеров помельче, разрушить традиционные институты власти, религии и морали, чтобы из огня и крови “Великой Революции” создать единую тоталитарную, легко управляемую империю. Если бы НРИ действовала самостоятельно, справиться с ней было бы достаточно просто, но она опирается на институт конунгов, а те в свою очередь — на Силы Сатаны, создавшие так называемый СССР — “систему сил, стабилизирующих реальность”, а по сути — систему закрепления диктата сатанизма. С этой системой бороться намного труднее. Катарсису следует оперативней реагировать на возможные изменения иерархии земной псиструктуры.

Крутов пошевелился, и Спиридон прервал речь, бросил на него взгляд из-под косматых бровей:

— Что хотел сказать, сынок?

— К СССР надо подходить как к нелинейной системе с шаблонизированным поведением. У каждой сложной иерархической структуры есть два этапа развития — этап предсказуемого поведения и бифуркационный этап, в котором происходит ветвление альтернативных путей развития. На этом этапе принципиально невозможно повлиять на переход системы на тот или иной из возможных путей. Но мы в состоянии подобрать такую совокупность управляющих параметров и такие величины их изменений, которые приведут к желаемому результату. СССР сама себя разрушит, что бумерангом ударит и по СС в целом.

— Ты берешься за разработку программы?

Нет, — подумав, покачал головой Крутов. — Я не готов, нужен лидер иного плана — типа деятеля, соединяющего священство и войнство. Я же скорее фундаментальный созерцатель.

Ты еще и Витязь, и координатор Сопротивления.

Согласен. Если собрание поручит разработку Замысла мне, я возьмусь. Хотя он мне пока видится смутно и фрагментарно.

Хорошо, определимся. Возможно, придется создать искусственный оператор для этой цели, который в будущем заменит тот, кого мы ждем. Кстати, пока он под моей защитой, за его судьбу беспокоиться не стоит, но я не уверен. Необходимо подумать о создании триады для его защиты.

Ранне “серебряному мальчику” что-то грозит? — спросился посвященный Демид — заместитель министра обороны Вадим Демидов.

Конунги уже знают о его рождении и предпринимают меры по розыску мальчика. Для этого они используют данные преступные группировки, похищающие детей по волею руководства НРИ.

Черные так боятся пришествия просветленного?

Он будущий лидер всех светлых Сил России, способен изменить ее духовный уровень. Если он реализует свой потенциал, конунгам придется рано или поздно убраться с нашей земли и в конечном счете исчезнуть. Поэтому они будут драться за свою жизнь и власть светлыми. Егор, я просил подыскать людей для формирования триады защитника.

Триада готова, — сказал Крутов, — хотя сами носители еще не догадываются, что они — триада.

Это эти люди?

Профессионалы боя, но с задатками Витязей и по-настоящему духовного роста. Глеб Тарасов, капитан спецподразделения “Хорс”, Никифор Хмель, капитан группы ЧК, и Дмитрий Булапин, инструктор вологодской Школы выживания. Мы давно присматриваемся к ним и скоро выйдем на контакт.

Ошибок не будет?

Ошибки исключены, — твердо заявил Крутов.

Но подд. “Хорс” и ЧК — спецгруппы президента, действующие вне закона, — сказал Прокофий, волхв с Крыма.

Тарасов и Хмель — исполнители, попавшие в спецназ не по своей воле и не догадывающиеся, на чьей они

стороне. Они согласятся работать на Катарсис по доброй воле.

— Стоит ли привлекать в Соппротивление профессиональных убийц? — скептически проговорил седобородый волхв Никодим, отвечающий за Сибирский регион.

— Может быть, ты будешь защищать наших людей физической реальности? — исподлобья посмотрел на него Крутов. — Или другие старцы? Девять лет назад вы почему-то не захотели помочь Сергию в бою с конунгами, из-за чего он и погиб.

— Он не погиб, а перешел в иную реальность, чтобы воплотиться в другое время.

— Это заслуга Владыки, а не ваша...

— Успокойся, Егор, — остановил Крутова Спиридон, — не дерзи старшим. Не их дело — сражение, это дело Витязей. Но и ты, Никодим, неправ. Люди не рождаются святыми или конунгами, их такими делает Среда, поэтому наша задача — вырастить тех, на кого мы можем опереться, из тех, кто еще не потерян. Да, нам труднее, чем вербовщикам Братства Единой Свободы, обещающим молодым людям свободу от страданий, переживаний, беспокойства о будущем, от ответственности и всех обязательств. Именно поэтому мы — надежда Божья на возрождение Закона Справедливости. Хотя до сих пор на земле у каждого — свое понятие о справедливости. Например, у президента. Можно ли повлиять на него в нужную нам сторону?

— Наш человек уже стал его советником по национальной безопасности, — сказал Демид. — Но прямое воздействие на президента достаточно сложно. И все же мы потихоньку движемся к цели, постепенно формируя слой носителей ответственности за судьбу мира. Однако вынужден отметить, что процесс освоения нравственности идет крайне медленно, и мы не знаем, как его ускорить.

— Этот процесс идет медленно в силу ограничения на Земле Закона Восстановления Этики, он может длиться тысячелетия. Главное — идти в этом направлении.

— Но для торжества Закона необходимо уничтожить носителей Программы Сатаны!

— Вселенная-Творец не уничтожает существ, нарушающих ее законы, она их изменяет, переделывает. Когда мы все поймем это, откажемся от старой веры и старой символики, вспомним — кто мы, наш род воспрянет. Од-

нако, други, давайте вернемся к конкретике дня. Вирсавий, ты контролируешь Замысел по нейтрализации Печати Сатаны.

Замысел требует времени и определенной подготовки, — ответил волхв Вирсавий, отвечающий за центральный регион. — Процесс подмены всего русского общества русским зашел слишком далеко и продолжает развиваться. Стремительно деградирующая этика Америка все настойчивей стучится к нам с экранов телевизоров и через сеть Интернет, и кодирует, кодирует, кодирует. Кстати, не без помощи Вождя НРИ Акимы Сосновского, контролирующего центральные телеканалы. Пока мы не устраним Вождя или хотя бы не ограничим его влияние на СМИ, этот процесс будет продолжаться и приведет в конце концов к аннигиляции подлинной русской культуры.

— У тебя есть предложения?

Нужен оператор, направленный на физическую зачистку носителей Печати Сатаны в окружении Сосновского. Программа уже готова. Эгрегор формируется.

— К каждому политику и руководителю не приставишь контролера или водителя.

— Водитель будет виртуальный, но действующий на подсознание, а на сознание. База процесса — не электроника, а прямое волевое воздействие с усилением основных характеристик личности. Мы выходим на уровень управления статистическими процессами.

Что даст нам неизмеримо большую свободу выбора. Естественно, это понимают и конунги, прилагающие усилия в том же направлении. Теперь обсудим положение с нашими лабораториями, продолжающими разрабатывать системы прямого управления людьми. На спецслужбы работает восемнадцать лабораторий, вплотную подобранных к созданию глобальной системы зомбирования через телеканалы. Индивидуальные пси-генераторы типа "удоч" и "нокаут" уже апробированы и применяются спецслужбами, теми же командами ЧК и "Хорс". НРИ имеет всего три лаборатории, но они ушли вперед дальше всех. И третьей лаборатории, расположенной в Туле, уже монтируется установка типа "лунный свет-2". Ее надо уничтожить немедленно! Ваши предложения?

— Пусть этим занимается Соппротивление, — меланхолично заметил Демид.

Все посмотрели на Крутова.

— Я попробую сориентировать на ликвидацию лаборатории одну из президентских спецкоманд, — сказал Егор. — С подключением Витязя, естественно.

— Тогда у меня все, други, — сказал Спиридон. — До встречи.

Он исчез.

За ним стали расходиться, исчезать другие волхвы. Последним покинул территорию обители Крутов, размышлявший над новым заданием Владыки. Он понимал, что выполнить его будет очень трудно, а ошибаться не имел права. Все зависело от тех людей, кого он избрал для выполнения роли оператора воздействия или триады: Тарасова, Хмеля и Булавина. Надо было на практике убедиться, стоит ли им доверять такое важное дело, как защита "серебряного мальчика". Будущего собирателя России.

Подумав, Крутов переместился в Нижний Новгород, где жили Иракий Федотов и Мария Арсеньева, первая берегиня Егора, благодаря которой он остался в живых после боя с конунгами.

Федотов и Мария жили на улице Родионова, на берегу Волги, в двухкомнатной квартире, защищенной от проникновения Печати Сатаны через телефон, телевизор и компьютер. Было всего десять часов вечера, и помощники Крутова еще не спали. Увидев входящего в гостиную Егора, они не удивились, хотя обрадовались.

— Какие гости! — обнял Крутова Иракий, выглядевший в халате весьма импозантно, глянул на Марию, сидевшую с ногами в кресле, красивую и женственную, взиравшую на гостя с легким изумлением. — Собирай на стол.

— Не надо, — покачал головой Егор, целуя женщину. — Я всего на несколько минут.

— Даже чаю с нами не попьешь? С гренками?

— От чаю не откажусь.

Мария убежала на кухню. Мужчины остались одни, присматриваясь друг к другу.

— Что-нибудь случилось? — понизил голос Иракий.

— Ничего особенного, — сказал Крутов, усаживаясь в кресло Марии, еще хранившее тепло ее тела. — Владыка поставил перед Катарсисом новые задачи, нам придется их отрабатывать. Тебе с Машей надо будет понаблюдать за моими протеже лично, проверить их и войти в контакт.

— С кем именно?

— С капитаном Никифором Хмелем и Дмитрием Булавиным, инструктором Вологодской школы выживания. Но контакт с Булавиным не вызывает сомнений, парень достаточно честен и независим, то Хмель работает на ЧК и живет в Москве. С ним придется работать осторожно.

— Справимся, — улыбнулся Иракий, — не первый раз кому-то. Я сам поеду в Москву.

— Что ты в отсутствии Марии такой смелый? Или по-прежнему обладаешь силой? Фукидид говорил, что смелыми делает людей необходимость.

— И он же говорил, что размышление делает людей действительными, — парировал Иракий, но снова заурчал. — Не читай мне мораль, старик. Конечно, я люблю с Машей...

ВОЛОГДА. БУЛАВИН.

Дмитрий никогда не думал, что воспримет так близко к сердцу цели КОП, хотя и согласился работать в команде после некоторых размышлений. Но почитав досье на чиновников и руководителей, погрязших в коррупции и увлеченных в связях с бандитами, он преисполнился презрением и гнева, полностью приняв доктрину КОП: "Каждому — по делам его!"

Сколько человек работало на КОП, Дмитрий не знал. Сам он вошел в оперативную группу, состоящую из одиннадцати членов. Командовал группой полковник Михно Михаил Валерьевич, отзывающийся на аббревиатуру Микс Мик. Он лично инструктировал Дмитрия и выдавал материалы для ознакомления с неизвестной Булавину сферой деятельности. Всего Дмитрию досталось изучать четыре солидных папки с досье на чиновников, которых надо было "исправить".

Первое досье было заведено на помощника главы администрации Вологды Геннадия Вавилова, начавшего активно травить телеканала Вол-ТВ за критику в адрес мэра и депутатов городского собрания, открыто запуская руку в городскую казну и отстроивших в лесной зоне на берегу реки огромные особняки. В этой же папке были и характеристики депутатов, которых тоже надо было "лечить" от болезни мздоимства.

Второе досье содержало материалы о деятельности председателя губернского законодательного собрания и его сторонников, отнявших у больных туберкулезом де-

тей санаторий “Березка”, построенный на базе обкомовской дачи. Эту информацию Дмитрий уже знал.

В третьей папке были собраны сведения о деятельности Семена Стародубова, главы сельхоздепартамента губернии, принявшего постановление, которое предписывало товаропроизводителям “всех форм собственности” сдавать государству (в лице губернской промышленно-финансовой корпорации) все, что будет выращено, для формирования губернского продовольственного фонда. У производителей, не пожелавших сдавать свою продукцию, отнималось право реализовывать ее на рынках города и губернии. Естественно, руководил промышленно-финансовой корпорацией близкий родственник Стародубова, а именно — его жена.

Четвертое досье содержало сведения о двух братьях Коротковых — Игоре и Борисе, связанных с преступными группировками, но ухитрявшихся занимать достаточно высокие посты на государственной службе. Игорь Коротков работал простым завхозом Ланевской больницы, но был вхож во все кабинеты местной власти, так как поставлял “девочек” практически всем высокопоставленным чиновникам города.

Борис Коротков был главой Шекснинского района Вологды и курировал весь его преступный бизнес. Правоохранительные органы знали об этих сторонах деятельности братьев, однако так и не смогли набрать нужное для задержания и суда количество доказательств. Вполне вероятно, приказ “не трогать братьев” был им спущен сверху. Поговаривали, что прокурор губернии Александр Скурлатов тоже неоднократно пользовался услугами Игоря Короткова.

Изучив все полученные документы, Дмитрий уже соглашался было на участие в “операции по исправлению” братьев Коротковых, когда Мих-Мих передал ему еще одну папку с материалами о деятельности на территории Вологодской губернии сект Братства Единой Свободы. Прочитав эти материалы, Дмитрий твердо решил начать свою работу в КОП с ликвидации храмов БЕСа.

Эти храмы нельзя было назвать сатанинскими. Их адепты не справляли ритуальных убийств, как настоятели “Ордена дьявола” под Хабаровском или пастыри Братства Новых Протестантов в Калужской губернии, но ученики БЕСа в течение короткого времени переставали общаться с родными и близкими, продавали

или передавали квартиры и имущество учителям и становились послушниками Братства, исчезая за стенами храмов.

Конечно, Дмитрий осознал, что деятельность КОП противозаконна, хотя и преследует благие цели, однако посоветоваться ему было не с кем. Наиболее близкие люди — отец и мама, наверняка не одобрили бы его решение, а ставшая близкой Диана сама работала в КОП.

С Дианой он теперь встречался регулярно, по два раза на дню, если позволяло время, а на субботу и воскресенье она вообще оставалась у него, мгновенно превратив холостяцкую квартиру Булавина в уютное семейное жилище. После случая на набережной, когда Дмитрий спас женщину от увечья, будто что-то вспыхнуло в ней, пробудило интерес к жизни, и Диана с энтузиазмом принялась строить с Дмитрием воздушные замки совместных планов и замыслов — от поездок к морю до возведения дома на берегу Сухоны, что не могло не радовать Булавина, влюбленного по уши в эту удивительно целеустремленную и независимую женщину, закованную до встречи в броню самодостаточности.

В свободный воскресный вечер они выбрались в ресторан-клуб “Натали”, принадлежавший подруге Дианы, в котором Симон Калабриади появляться не решался, так как его здесь не любили и однажды уже выбрасывали на улицу, затем погуляли под луной по аллеям парка Ветеранов труда, провинциальном и тихом, оставшимся неопрятным игорным бизнесом, и снова отправились на квартиру Дмитрия, предвкушая вечер вдвоем. Оба не подавали виду, но радовались, что вечер прошел без инцидентов, и что им нигде не повстречалась компания Семена.

Дома они по очереди искупались в ванной, соблюдая преувеличенно любезный этикет, затем открыли шампанское, поставили в гостиной столик с фруктами и ягодами, но долго принятого тона не выдержали, и все закончилось взрывом страсти, до сих пор изумлявшей Дмитрия. Диана в такие минуты превращалась в трепещущую от любого прикосновения, покорную и неистовую одновременно, легко возбудимую женщину, готовую на все ради своего повелителя. Если бы Дмитрий не знал настоящего характера Дианы, способной сдержать любой порыв сердца, он бы назвал ее нимфоманкой. Однако о

таких вещах он предпочитал не думать и поведение любимой женщины не анализировал. Им обоим было одинаково хорошо...

Храм БЕСа, выросший на месте снесенной церквушки недалеко от Введенского кладбища, представлял собой монументальное кирпичное сооружение с тремя конусовидными башнями, напоминающее элеватор, обнесенное мощной шестиметровой стеной. Проникнуть внутрь этого сооружения силой не представлялось возможным, оно было рассчитано чуть ли не на артиллерийскую осаду, и разработчикам операций КОП пришлось изрядно поломать головы, прежде чем найти достаточно эффективное и простое решение. В понедельник это решение было обсуждено, а во вторник команда полковника Михно приступила к его реализации.

В десять часов утра, когда послушники храма в количестве ста с лишним человек (наблюдатели постарались и выяснили весь состав Братства) приступили к "утренней литургии", к воротам "замка" подкатила белая, с красными крестами на дверцах, машина — медицинская "Газель", и водитель дважды надавил на клаксон.

Отворилась калитка рядом с тяжелыми металлическими воротами, оттуда выглянул могучий молодой человек в черной рясе.

— Чего надо?

— Санэпиднадзор, — веско сказал врач в белом халате, которого играл сам Мих-Мих. — В районе обнаружены случаи сибирской язвы, разносчиком которой могут быть мыши и крысы. Открывай, проверять подвалы будем на наличие.

— Не велено.

— Тогда доложи своему батюшке, не в его интересах с властями конфликтовать. Закроем храм на фиг! У меня на руках постановление губернатора о поголовной ревизии всех общественных и частных заведений вроде вашего.

Привратник в рясе глянул на "Газель" и скрылся.

— Если они нас не впустят, — сказал водитель, также одетый в халат, роль которого исполнял бывший омоновец Самохин, — придется идти на таран.

— Не придется, — уверенно проговорил полковник. — Мы вчера передали по радио об инфекции, в храме должны слушать новости. А настоятель не захочет идти про-

тив властям, он знает, что храм находится на особом счету и его мало кто жалует из местных жителей. — Мих-Мих расправил пуговку рясы на воротнике халата. — Внимательно, порежничка.

Точно голоса оперативников доложили о готовности к работе. Сообщил о себе и Дмитрий, прогуливающийся возле храма в паре с Миленой Отиевой, служившей раньше в женском батальоне Российского Легиона. Они должны были сыграть роль молодых людей, пришедших заботиться о послушниках Братства.

Когда они прогуливались, с ними повстречалась старуха, гордито косившаяся на неприступные стены храма БЕСа и разговаривающая сама с собой. Увидев, что они не смотрят, она заулыбалась смущенно и кивнула на вход в храм.

Вот хоромы отстроили, богоотступники! Не побоялись стены Божьего!

А почему они должны бояться? — поинтересовалась Миленка, переглядываясь с Дмитрием.

Так ведь здесь раньше стояла церковь Воскресения. Когда церковь, православным и помолиться негде стало, а кто веруют, молодежь с панталыку сбивают. Обидно это.

И старушка побрела дальше, что-то приговаривая и покачиваясь.

Что она напрасно жалуется, — заметила спутница Дмитрия, — в Вологде хватает православных церквей, где куда сходить помолиться.

Она старая, живет где-нибудь поблизости, — вступила за старушку Дмитрий. — Раньше-то прошла старуха — и вот тебе церковь, а теперь куда-то ехать надо. И вообще ты плохо штудировала материалы Мих-Миха. В Вологде за последние десять лет восстановили лишь один православный храм, зато открыли буддистский центр, два протестантских храма, католический, две синагоги, две мечети и шесть сектантских приходов. Это разве не обидно русскому человеку?

И за свободу вероисповедания.

И того, только не за счет вытеснения Православия. А храм БЕСа вообще сатанинская организация, и ею надо заниматься всерьез. Я не уверен, что наш наскок что-либо изменит. Разве что заставит власти задуматься.

Снова отворилась дверь в стене.

Послушник занят, — сказал выглянувший привратник. — Приезжайте после одиннадцати часов.

— Почему после одиннадцати? — не понял Михно.
— Закончится восхваление принципа, — туманно пояснил страж ворот, закрывая дверь.

— Всем передышка до одиннадцати, — скомандовал Михно.

— Не люблю я ожидания, — проворчала Милена, беря Дмитрия под руку. — И оттяжек не люблю. Наверняка что-нибудь непредвиденное случится.

“Влюбленные” снова побрели по аллее мимо храма, поглядывая по сторонам и прислушиваясь к долетавшим из-за стен звукам: мычанию коров, крикам петухов, тарахтению мотора; храм имел собственное подворье и подсобное хозяйство. Время со скрипом двинулось от десятичасовой отметки к одиннадцати часовой.

В половине одиннадцатого неожиданно к воротам храма подкатил джип “Тойота” с темными стеклами, посигналил, и ворота открылись. Джип скрылся во дворе.

Михно и Самохин переглянулись.

— Кто это так по-хозяйски заехал?

— Номера между прочим московские. Наверное, центральное начальство Братства из столицы прикатило.

— Это очень некстати.

— Что будем делать?

Полковник с минуту размышлял, барабанил пальцами по торпеде машины.

— Подождем все-таки. Отбой объявить никогда не поздно.

Снова потянулись минуты ожидания.

Без пяти минут одиннадцать ворота открылись, выходящая джип.

— Заезжайте, — махнул рукой привратник. — Сейчас вам завхоз выйдет.

Самохин включил двигатель, “Газель” медленно проехала на территорию храма. Ворота закрылись.

— Через три минуты начинаем, — принесла рация приказ полковника.

— Наконец-то, — с облегчением вздохнула Милена. — Пошли.

Кнопок на двери не оказалось, однако она сразу же отворилась, как только молодая пара приблизилась к ней вплотную. На пороге вырос все тот же рослый привратник в черной рясе.

— Чего надо?

Мы пришли записаться в Братство, — несмело проговорила Милена, чуть выставив вперед ногу. У юбки был разрез, и от ее движения оголилось бедро.

Братник-привратник равнодушно посмотрел на ее ногу, буркнул:

Приходите позже, наставник занят.

Он повернулся, чтобы уйти, и Дмитрий сделал стремительный выпад пальцем в спину парня, попадая в незащищенный угол. Привратник охнул, приседая, начал заваливаться головой вперед, и “диверсанты” с трудом удерживали его на ногах. Весил молодой монах гораздо больше его синопграммов.

Убавив его на пол будки и прислонив спиной к стене, Дмитрий и Милена прислушались к шуму во дворе, выткнули наружу и увидели бегущую по дорожке к храму молодую женщину в белом сарафанчике. Перегнавшись,

— Кого это еще несет? — сквозь зубы проговорила Милена. — Лещенко, кого вы пропустили?

— Никого, — отозвался командир засадной группы, готовый прийти на помощь основной. — Все тихо.

— А кто к храму спешит?

Пауза.

— Не знаю... мы никого не видели...

— Так это призраки, по-вашему? — Милена выругалась, выткнула на Дмитрия. — Встреть ее, я побежала к полковнику. Потом догонишь.

Она побежала во двор.

Дмитрий хотел было натянуть на себя рясу привратника, чтобы сыграть его роль, но не успел. Женщина в белом сарафане, смуглая, черноволосая, очень красивая, с поразительной быстротой преодолела расстояние от дороги до храма и, толкнув дверь, оказалась перед лицом Булавина. Она бежала очень быстро, но даже не дамыхалась, что поразило Дмитрия больше всего.

— Уходите, — быстро сказала она, бросив взгляд на пытающегося подняться верзилу-привратника. — Сейчас здесь будет смерть!

— Что?! — изумился Дмитрий, едва не потеряв дар речи. — Какая смерть?!

Самая реальная. Этот храм подготовлен в качестве экспериментального пси-усилителя для проведения атак на депутатов Городской думы. Там сейчас

сессия как раз открывается. И когда он включится, внутри все погибнут, так как импульс не рассчитан на резонанс такого количества пси-сфер. Я имею в виду послушников храма. Да не стойте же столбом! У вас есть связь со своими коллегами, давайте сигнал тревоги! Отбой!

— Кто вы?!

— Меня зовут Мария, потом все объясню.

— Как храм может стать усилителем?..

— На джипе привезли установку для психотронного воздействия на людей “лунный свет”, импульс которой и должен будет усилить эгрегор храма. Дайте же вызов порации!

Подчиняясь властным интонациям в голосе незнакомки, Дмитрий вызвал Михно:

— Полковник, надо уходить! Возникли непредвиденные обстоятельства...

— В чем дело? — осведомился Мих-Мих.

— Здесь проводится эксперимент...

— Какой еще эксперимент? Булавин, ты в своем уме?!

Дмитрий беспомощно посмотрел на Марию.

— Храм заминирован! — подсказала та, догадываясь о характере переговоров.

— Храм заминирован! — повторил Дмитрий. — Срочно уводите людей!

— Кем он, на хрен, заминирован?! — не поверил полковник. — У меня нет никаких сведений. Быстро ко мне, мы уже в центральной пирамиде, наставник здесь... — Михно внезапно замолчал.

— Я иду туда! — дернулся к выходу во двор Дмитрий, но Мария остановила его, схватив за рукав.

— Стой! Поздно!

Глаза женщины налились чернотой, затем вспыхнули изнутри золотым пламенем, и в то же мгновение Дмитрию показалось, что на голову ему обрушилась гранитная глыба.

Горячие щупальца начали собирать нити сознания в единый поток, холод в груди собрался в ком, растаял, сердце заработало вновь, мысли прояснились.

Дмитрий ощутил себя прислоненным к стене будки. Тело казалось рыхлым и тестообразным, покрытым слоем пота, ноги ватными, на голове что-то лежало, тяжелов и горячее, но приятное, и лишь когда Мария убрала руку, он понял, что это была ее ладонь.

— Что... произошло?! — еле выговорил Дмитрий неслышными губами.

Они включили “лунный свет”, — глухо сказала Мария. Провела рукой по лицу, бледная, с тенями под глазами, сосредоточенная на каком-то переживании. — Все нормально... Уходим отсюда!

— Но там... мои товарищи...

Они мертвы.

— Все равно... как мертвы?!

— Так. Обопритесь на меня.

— Но я не могу... я должен их...

— Но вы все равно не поможете. Из всей группы уцелели только вы и засадники. Уходите же!

— Почему я... остался жив?

— Потому что я вас защитила. Давайте я помогу вам добраться до машины.

Мария взяла под руку Дмитрия и повела его прочь от храма. В Са, в котором царил странная тишина. Не было никакого шума, не мычала, как прежде, корова, не стрекотали цетухи, не работал мотор дизеля. Дмитрий попытался остановиться, но спутница была непреклонна.

— Но останавливайтесь, Булавин, ваша деятельность в Са закончилась.

— Но понимаю, о чем вы...

— Понимаете, я о вас знаю все. Просто вы оказались не в то время и не в том месте. Слава Богу, что я успела. Приведите домой, полежите, помедитируйте, как вы умеете, пока пройдет.

— Кто вы, черт возьми?!

— Я подунья, работник Катарсиса. Остальное узнаете позже. Садитесь. — Мария помогла Дмитрию сесть за руль старой “Волги”, принадлежащей “КОПу” и ждущей их в километре от храма на улице Некрасова. — Доберетесь?

— Доберусь, — поморщился Дмитрий. — Что это было?

— Эгрегор храма усилил разряд “лунного света”, но мы не выдержали резонанса, произошел пси-взрыв...

— Как вы меня защитили?

— Долго объяснять. Езжайте.

— Так Лещенко... в засаде с ним трое...

— Они нас не видели.

— И не об этом...

— Возможно, они останутся в живых. До встречи, Дмитрий Михеевич, я вас навещу в скором времени.

Никому ни слова о том, что вы здесь были, а также о нашей встрече, даже Диане.

Женщина исчезла.

Дмитрий покрутил головой, ища глазами незнакомого пробормотал:

— С ума сойти!.. Куда она пропала?.. Или у меня что-то с головой?..

Потом завел двигатель и повел "Волгу" прочь от клуба, возле которого высилась громада храма БЕСа.

Дома его ждал сюрприз: приехала сестра Софья, оставившая дочку Ольгу у бабушки в Карпунино. Увидев быстрые движения брата, она всполошилась:

— Что с тобой, Димка?! На тебе лица нет!..

— Все в порядке, — слабо отмахнулся Дмитрий, чувствуя разливающуюся по телу слабость. — Устал малость... помоги раздеться...

Он с трудом умылся, добрал до спальни и рухнул на кровать, проваливаясь в темноту беспамятства. Софья испуганная его состоянием, хотела вызвать скорую, но подумала и позвонила отцу.

Михей Олегович приехал через полчаса не один, с ним была незнакомая красивая девушка, сразу бросившаяся к Дмитрию.

— Кто это? — показала глазами на дверь спальни удивившаяся Софья.

— Диана, — ответил Михей Олегович, заглядывая в спальню. — Что с ним?

— Сама не знаю, — растерянно пожала плечами Софья. — Появился бледный, как полотно, потный, слабый и сразу в кровать.

— Не сказал, где был?

— Нет, а что?

— В городе переполох. Городская дума в шоке, большинство депутатов ни с того, ни с сего потеряло сознание, у трех инфаркт, двое в реанимации... Вот я и думаю, может, Димка тоже оттуда?

— Что ему делать в Думе?

Михей Олегович вздохнул и отстранил хлопотавшую над телом сына Диану.

— Теперь я его посмотрю, посидите в зале.

Женщины вышли, оценивающе посмотрев друг на друга. В глазах Дианы стояли слезы, и Софья вдруг поняла, что перед ней будущая золовка.

КАРПУНИНО. ТАРАСОВ.

Глеб собирался уехать на следующий день, то есть в пятницу, но остался, не имея ни малейшего желания уезжать из деревни, где он так неожиданно встретился с понравившейся ему женщиной. В тот вечер он не отпустил Софью от себя ни на шаг, да и она сама не хотела отделиться от Тарасова, ошеломленная и обрадованная встречей не меньше, чем он.

Они провели вместе все время, сначала в доме деда Глеба, гонимого дочерей и подружку, играющих в саду, потом Софья спохватилась, что не закончила какие-то дела, уложила на четверть часа, и Тарасов вынужден был отлучиться, чтобы не кинуться за ней следом.

— Что, прикипел? — бросил на внука насмешливо-хитрым взгляд Евстигней Палыч. — Хороша деваха. Они-то, Карпунины, все статейные, породистые, любо глянуть. Софья сказала, что ее фамилия Шипилова.

Правду? А так Булавина в девичестве. Ничего, что она с дедом-то?

— У меня у самого такая... веселей будет вместе...

Правда надумал Софью под венец?

Надумал, — смущенно признался Глеб. — Если еще развалит. Одобряешь?

Мое дело стариковское, чего зря языком чесать — развалит или нет, но женщина она справная и строгая. Как от мужа ушла семь лет назад, так и живет одна.

Почему ушла?

Безраздушный он был, собой только занимался. Да и кучу дел завел на стороне.

Понятно, — задумчиво проговорил Тарасов, с неопределенным ожидая возвращения Софьи. — Странно, что я до сих пор здесь не встретил.

Теперь она в деревне редко бывает. Сначала жила с мужем и родичами его в Нижнем Новгороде, потом что у них отношения со свекровью не заладились. Знаешь, как это бывает: косой взгляд, не туда шагнула, не то сказала, слово за слово...

Знает, — кивнул Глеб, вспоминая тещу, с которой у него тоже не заладились родственные отношения.

Ну, вот, она пожила в Нижнем полгода и переехала в Москву, а еще через год развелась.

Откуда ты все так хорошо знаешь? — прищурился Тарасов.

— Так ведь в деревне живем, все друг о друге знаем. Раньше вообще как одна семья жили, это вот сейчас обособляться начали, заборами пообгородились. Не хочешь со мной на пасеку съездить? И ее бери.

— А что, это мысль, — почесал макушку Глеб. — Попробую уговорить. Давно меня пчелы не кусали.

— Если к ним по-доброму — не покусает.

Дед еще что-то говорил, но Глеб не слышал, заметив идущую по улице Софью. И еще он заметил, что за ней внимательно наблюдают “быки” — два кряжистых, волосатых, угрюмых, с квадратными лицами типичных вышибал, парня, о которых упоминал в письме дед. Тарасов очень не понравились их кривые ухмылки. Однако раз борку с ними он решил отложить на следующий день. Нынешнее настроение не соответствовало выяснению отношений с наглыми деревенскими рэкетирами.

— Все, я освободилась, — сообщила Софья, успевшая переодеться в спортивный костюм и от того ставшая еще более соблазнительной. — Что будем делать?

Она заметила Евстигнея Палыча, смущенно улыбающегося.

— Извините меня, дедушка, что я доставляю столько хлопот.

— Так ведь хлопоты хлопотам рознь, — усмехнулся в бороду старик. — Такие хлопоты мне в радость. Глядишь, там и свадебку сварганим.

Он скрылся в хате.

— О чем это он? — удивленно поглядела ему вслед Софья.

— Шутит старый, — поспешил успокоить ее Глеб. — Обрадовался, что мы приехали. Так-то все один да один. Кстати, он пригласил нас на пасеку завтра, не желаешь поехать с нами?

— Вообще-то я собиралась завтра уезжать... — засомневалась Софья. — Да и Ольгу одну оставлять не хочется.

— И Оленьку возьмем, я же с Акулиной еду.

— Не знаю, право слово... надолго?

— Как понравится. Ну, пожалуйста. — Глеб опустился перед женщиной на колени, взял ее за руку, поднял глаза. — День на природе — это здорово! Поехали, Софи.

— Ты этого хочешь?

— Очень! — Он встал, глядя ей в глаза, притянул ее к себе...

— Конечно, — сказала Софья, — я познакомлю тебя с моим басуркой? Она у меня целительница, хотя и не врач. Раньше ее так называли. И с Колей познакомлю, Коля мой единственный брат, здесь в Карпунино живет, учился в институте, ботаникой занимается, книги пишет. Очень интересный человек.

— Хорошо, — улыбнулся Глеб. — До заката еще часа два, давай уложим детей спать и посидим на веранде. Ты не хочешь?

Софья хотела посидеть за чашкой чая в хорошей компании, да все не получалось. То времени нет...

— Ну, что будем через час, пригляди за чадами. Приходи, я буду пить, заварю свежачка.

— Хорошо, — отозвался Евстигней Палыч.

Палыч с Карпой двинулись вдоль деревни, провожаемые любопытными взглядами старух и женщин, копавшихся на огородах и во дворах, миновали избу Мотовилова, скрылись за зеленой крышей, где у машины возился один из соседей.

— Неадекватные люди, — тихо проговорила Софья, кивнув в сторону. — Говорят, они многим угрожали.

— Не знаю, — кивнул Глеб. — Ничего, я с ними поговорю, все мирится.

— Ты совсем бы тебе с ними связываться, — нахмурилась Софья. — Они вон какие здоровые, что кабаны. Ты с ними справишься?

— Скажу что сказать. Не бери в голову, все будет нормально. Где ваша хата?

— Вот та, с зеленой крышей, — показала Софья на хату Палыча, стоявшую на краю деревни. — Бабуля у меня живет, она у меня подвижная, хотя ей уже далеко. Ты не бойся.

— Хорошо, — кивнул Глеб.

— Хорошо.

Глеб не прошел на территорию участка, остановился на тротуаре, по которому вышла высокая, стройная женщина в платке и старинном платье с оборками. Лицо у нее было смуглым, гладкое, почти без морщин, а глаза смотрели спокойно и весело.

— Здравствуйте, хозяйка, — поклонился Глеб.

— Ты будь здоров, сынок, — поклонилась в ответ старухой назвать ее не поворачивался язык; — а ты бабуля Софьи Полина Родионовна. — А ты родственник пасечнику Евстигнею будешь?

— Внук он ему, — сказала Софья, подталкивая Глеба вперед. — Проходи, не стесняйся, бабуля не кусается. Ведь не кусаешься, Родионовна?

— Скажешь тоже, — усмехнулась хозяйка, не обижаясь. — Я хороших людей не трогаю. Проходи, сынок, будь как дома.

Софья подмигнула Глебу, повела его в сени, а оттуда не в хату, а во двор.

— Посмотри, как тут у нас все устроено, настоящий фэншуй*.

— Китайцам такое и не снилось, — покачал головой Глеб. — Вряд ли они догадались бы соединить принципы защитной геометрии с нашим дворовым хозяйством. И пруд хорош! Как вам удастся сохранять во дворе траву. Куры есть?

— И куры есть, и утки, но траву во дворе не щиплют. почему — это бабулин секрет. Посидим под кленом?

— В другой раз — обязательно.

— Тогда пошли покажу хату, фотографии семейные, пойдем к Нику.

— К кому?

— Его отец Ником назвал: Ник Иванович Кузнецов, понимаешь. А мы всю жизнь Колькой зовем.

— Ник — это же вроде английское имя, зачем русскому мужику понадобилось называть сына Ником?

— Поди узнай, что стукнуло в голову родителю, когда он сына Ником называл. Сия тайна покрыта мраком. Кстати, в соседней деревне живет парень с еще более экзотическим именем: Динамо Сергеевич Педурханов.

Глеб засмеялся.

— Шутишь.

— Нисколечко. Отец этого самого Динамо заядлый футбольный болельщик, вот и назвал сына по-идиотски.

Софья провела Тарасова в горницу, усадила на диван, достала альбом с фотографиями и примостилась рядом, поджав под себя одну ногу и прижавшись плечом к плечу Глеба. Его бросило в жар, но он заставил себя не думать о близости женщины и открыл альбом.

Она стала показывать фотографии и называть имена. Длилась эта пытка к счастью недолго. Внезапно потемнело, порыв ветра захлопнул окно в горнице, недалеко раздался удар грома.

* Фэншуй — “ветер — вода” (кит.), свод правил для достижения гармонии в быту, деловой и семейной жизни.

Ой, гроза! — всполошилась Софья. — Надо бежать, а то дети промокнут.

— Успокойся, — остановил ее Глеб. — Дед их в хату заберет. — Он повернулся к ней, прижавшей кулачки к груди, увидел в ее широко раскрытых глазах восторг и тревогу, обнял. Поцеловал. И уловил ответный поцелуй.

Когда в горницу заглянула Полина Родионовна, они еще целовались.

— К вам гость, — сказала она, деликатно покашляв.

— Кто? — оторвалась от смущенного Глеба Софья, ни капли сама не смущаясь под взглядом бабки.

— Коля пришел.

— Зови его сюда. — Софья поправила прическу, одернула спортивный джемпер, посмотрела на Тарасова. — Деток на помине мой братик. Мы к нему собрались, а он сам появился.

В избу шагнул высокий худощавый молодой человек с голубыми глазами и русыми волосами, смущенно поздоровался. Софья подбежала к нему, чмокнула в щеку пунцовыми, еще не остывшими от поцелуев, губами, подвела к Глебу.

— Знакомься, это и есть Ник Кузнецов или просто Колька. Ник, это Глеб Тарасов, особо важный агент какой-то крутой спецслужбы, он сам расскажет, если можно. Вот что, мужчины, раз уж мы тут встретились, то давайте выпьем за знакомство и закусим, а уж потом поговорим. Я пойду бабуле помогу стол накрывать, а вы пока побалагурьте.

Софья выбежала в сени.

Ник исподлобья глянул на Тарасова.

Командирша у меня сестрица. А вы правда агент?

Глеб улыбнулся.

— Просто служу в спецназе.

Как интересно! Впервые вижу живого спецназовца. Давно Софью знаете?

— Три дня, — признался Тарасов. — Давайте присядем, чего стоя разговаривать.

— И то верно.

Они сели на диван, присматриваясь друг к другу.

У двоюродного брата Софьи было симпатичное русское лицо с ямочками на щеках, парень явно стеснялся своего вида, — одет он был в старенькие холщовые штаны и майку, — и держался с преувеличенной серьезностью.

— Где же вы с ней познакомились, если не секрет?

— На вокзале, случайно, — сказал Глеб. — Мы ехали в одном поезде и даже в одном вагоне. Как говорится, случай всегда подворачивается в самый неподходящий момент.

Ник понимающе усмехнулся.

— Софья не подарок. Вечно с ней что-нибудь приключается. А в каком спецназе вы служите?

Тарасов понял, что пора брать инициативу в свои руки.

— Мне сказали, что вы занимаетесь топонимикой?

— Да, занимаюсь. Софья сказала? Вообще-то я учитель русского языка в местной школе, а топонимикой увлекся в институте, когда летом гостил у родственников в Усть-Печенге. Деревенька такая есть в двухстах десяти километрах от Вологды, на реке Сухоне. Захотелось узнать, почему река так странно называется. Оказалось, в переводе с древне-индийского — “легкоодолимая”. А потом пошло и поехало. — Ник махнул рукой. — Знаете, как Печенга переводится? На языке чуди заволочской — “со-сновая река”.

— А Карпунино как переводится?

— Никак, этот топоним возник по имени основателя деревни Карпа, поставившего здесь, в глуши, на берегу Осечихи небольшой скит двести двадцать лет назад. Кстати, Осечиха — словечко из лексикона вепсов, означает — “длинная трава”, то есть осока. — Ник увлекся, глаза его заблестели. — Я и сам не знаю, почему мне нравится исследовать происхождение названий рек, озер и деревень. Просто интересно, и все. В первом тысячелетии на территории нашего края жили несколько финно-угорских народов: весь, меря, пермь, лопари, чудь, но из них только вепсы — потомки веси — до сих пор проживают на западе области.

В горницу заглянула Софья.

— Идемте на веранду, там такие запахи после дождя — закачаешься!

Они перешли на веранду, сели за стол, но Ник продолжал делиться своими знаниями, найдя в лице Тарасова благодарного слушателя, и тот узнал много нового о географических названиях Вологодчины и Нижегородчины.

— Подожди, Коля, — остановила разговарившегося брата Софья, поднимая бокал с брусничной наливкой, по части изготовления которой Полина Родионовна была

бывшая мастерица. — Давайте выпьем за встречу и чтобы исполнились наши мечты.

— Это целых два тоста, — сказал раскрасневшийся Ник. — Сначала пьют за одно, потом за другое.

— Хорошо, вы пейте за одно, а я за другое.

Они сдвинули красивые резные хрустальные стаканы, Глеб пригубил вино, не очень сладкое, терпкое, с приятной горчинкой, пахнущее травами.

— Мужчины, вы тут доедайте без меня, — встала из-за стола Софья, — а я за Оленькой сбегаю. Спать пора детям, солнце уже село.

— И я пойду, — поднялся Тарасов. — Моя Акулина без меня не ложится.

Встал и смущенный Ник.

Заговорил я вас совсем...

— Нет-нет, — запротестовал Тарасов, — все было очень интересно. Мы еще встретимся и поговорим.

— Тогда уж заходите к нам в гости, мы с женой будем очень рады. Завтра и заходите.

— Завтра не получится, мы на пасеку поедem, а вот послезавтра, скорее всего, зайдем.

Ник просиял, пожал руку Тарасову, обнял сестру и ушел.

Хороший мужик, — сказал Глеб, глядя ему вслед. — Интеллигентный, умный, увлеченный. Побольше бы таких.

Софья оглянулась, украдкой поцеловала его прямо на лице и потащила за руку в сгущающихся сумерках на другой конец деревни, где жил Евстигней Палыч.

Договорились, что, как только уложат детей, встретятся на берегу Осечихи, чтобы проводить вечер. Но план пришлось поменять, когда они проходили мимо хаты фотографов. “Быки” сидели на лавке у ворот и курили.

— Эй, красавица, — окликнул Софью один из них, — зашла бы в гости. У нас хорошая музыка, коньяк есть, танка, повеселимся.

Софья не ответила, невольно ускоряя шаг. Они молча прошли мимо.

— Эй, ты чего, глухонемая? — продолжал “бык”.

Его брат заржал.

— Подожди-ка, — сказал Глеб. — Я скажу им пару слов.

— Не надо!

— Не бойся, я за себя отвечаю.

Он подошел к лениво курившим, голым по пояс, братьям и сказал тихо, но четко:

— Даю вам два дня сроку, ублюдки! Чтобы в понедельник духу вашего здесь не было! Не съедете отсюда — пеняйте на себя!

— Чего?! — разинул рот “бык” посветлей.

— Что слышал!

Глеб догнал Софью, взял под руку, не обращая внимания на мат за спиной.

— Что ты им сказал? — с любопытством спросила она, оглядываясь.

— Чтобы уезжали из деревни.

— Стоило ли связываться?

— Стоило. Пока они здесь хозяйничают, никому житья не будет.

— Они опасные люди и не уедут.

— Уедут, куда не денутся, — усмехнулся Тарасов, подумав, что он со своими навыками гораздо опаснее.

Они разобрали детей, и Софья повела не хотевшую уходить Оленьку домой. Глеб остался, собираясь укладывать Акулину, потом переложил эту обязанность на деда, поцеловал дочку, пообещав рассказать ей “страшную” историю в следующий раз, и быстро зашагал к центру деревни вслед за Софьей.

Он успел вовремя. “Быки” остановили женщину и не торопились пропускать.

— Веселитесь? — негромко сказал он, подходя ближе.

Софья вырвалась из рук одного из братьев, с которым боролась молча, не желая кричать (Оленька бегала вокруг и причитала: “Мамочка, тебе помочь?”), и бросилась, вся дрожа, к Тарасову.

— Все в порядке, — сказал он, ощущая растущий в душе гнев. — Пойдемте, я вас провожу.

“Быки” расступились.

— Эй, братан, — сказал первый, — так чего ты там базарил, чтоб мы уехали?

— Я сейчас вернусь и объясню, — пообещал он.

— Ох ты, крутой! — заржал второй “бык”.

— Ну-ну, будем ждать, — осклабился первый.

Глеб взял на руки Оленьку, доверчиво прижавшуюся к нему, проводил Софью до избы бабули Полины Родионовны и оставил.

— Укладывай нашу красавицу спать, я сейчас вернусь.

— Не ходи к ним! — покачала головой Софья. — Еще покалечат. Это же нелюди!

— Не волнуйся, еще не родился человек, способный тебя покалечить...

Его ждали. С лавки поднялись навстречу две шкафообразные фигуры со смутно видимыми в свете далекого фонаря в конце улицы лицами.

— Ну, что, крутой? — заговорил светловолосый “бык”, сжимая огромные кулаки. — Что ты там базарил насчет... — он не закончил.

Глеб подошел вплотную и с тугим в плеском энергии толкнул его в квадратное лицо ладонью с растопыренными пальцами, расслабленными до последнего изгибания и ставшими вдруг железными.

Охнув, “бык” грохнулся на спину и остался лежать, ошлушенный ударом и падением.

Его брат недоуменно перевел взгляд на него, посмотрел на Тарасова, продолжавшего подходить к нему, проворно сунул руку в карман широких штанов и достал брусок электроразрядника.

— Ах ты, бля! Да я ж тебя зашибу на... — он не договорил.

Глеб вошел в темп, обогнул неповоротливого детину слева, перехватил толстую руку (он мог сломать ее одним ударом, но не стал), отобрал электрошокер (надо же, армейский “мангуст”!) и влепил удар локтем в живот, в солнечное сплетение. Тот утробно хрюкнул и осел на враз ослабевших ногах. Тарасов присел рядом на корточки, приблизил лицо к физиономии “быка”.

— Повторять больше не буду, уроды! Если не уедете из деревни — вас отсюда увезут вперед ногами! Понял?

— М-м-м... — промычал детина, не в силах вздохнуть.

Глеб дал ему пощечину.

— Понял, спрашиваю?!

— По-по... — попытался выговорить “бык”.

— Очень хорошо. — Глеб встал. — Эту штуковину я экспроприрую, она не подлежит передаче в руки гражданских лиц. Даю вам два дня. В понедельник проверю. И не дай Бог, чтобы я здесь задержался из-за вас!

Не оборачиваясь, он двинулся назад к дому Полины Родионовны и в полусотне метров от места разборки столкнулся с бегущей Софьей.

— Господи, живой! — Она бросилась к нему на грудь. — А я пожик вот с собой взяла, на всякий случай...

— Защитница моя, — засмеялся Тарасов, обнимая женщину. — Не нужен твой ножик, и так все обошлось. Они обещали завтра уехать.

— Правда?!
— Посмотрим. Ну что, пойдем гулять?
— Нет, — прошептала Софья. — Бабуля ушла к соседке на всю ночь. Мы с тобой будем одни.
— А Оленька?
— Она спит на веранде.
Глеб развернул к себе Софью, заглянул в темные глаза, хотел что-то сказать, но она закрыла ему рот ладошкой.
— И ничего не говори, ладно?
Тарасов подхватил ее на руки и понес, не стыдясь взглядов из-за заборов и из дворов.

Неизвестно, что его разбудило в два часа ночи. Однако проснулся Тарасов мгновенно, прислушался сначала к тишине в доме, потом к самому себе. Интуиция “ощетинилась” и “тихо заворчала”. Глеб напрягся и стал видеть слабо светящуюся сетку с ячейками разного размера и формы — это была энергетическая решетка земли, позволявшая ему в моменты наивысшего напряжения по изменениям рисунка подсказывать приближение опасности.

Однако в доме и вокруг него сетка светилась равномерно и не плыла, источник тревоги, разбудившей капитана, находился где-то в другом месте.

Стараясь не потревожить спящую Софью, Глеб осторожно высвободил руку из-под головы женщины, встал, натянул штаны и вышел из хаты.

Дом Мотовилихи был темен и тих.

Глеб постоял у забора с минуту, прислушиваясь к тишине внутри избы, и начал красться к дому Евстигнеев Пальча, уже зная, где сейчас находятся “быки”- рэкетеры.

Он обнаружил их возле хаты. Один обливал бензином приоткрытые ворота из канистры, второй возился во дворе у машины Тарасова.

Глеб тенью метнулся к первому и рубанул пытящего парня ребром ладони по толстой шее. Тот сунулся носом в землю и затих. Но его брат услышал шум падающего тела, насторожился и прошипел:

— Алекс? Что там у тебя?

Тарасов проскользнул в ворота и неожиданно вырос перед “быком”, заставив его шарахнуться назад и стукнуться спиной о багажник машины.

Привет, поджигатель. Не ждал?

“Бык” проворно выхватил из-под полы куртки какой-то длинный предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении помповым ружьем “сайгак”, и Глеб разрядил в него прижатый к себе “мангуст”. Три извивающихся клубящихся электрических змейки вонзились в грудь бугая, тот таким взвизгом выронил ружье и упал.

Открылась дверь в сени, во двор выглянул Евстигней Пальча в одних трусах.

— Это ты, что ли, шумишь, внучек?

Я, — отозвался Тарасов. — Забыл кое-что в машине. Сейчас спит?

Уснула сразу, как только легла. Даже сказку не досказала.

Дод пересек двор, зашел в будочку туалета, не заметив лежащее тело. Вышел, почесываясь, зевнул.

— Не забудь ворота закрыть. И не проспай: в семь уже встаем.

— Не просплю. — пообещал Глеб.

Дод ушел в хату.

Глеб извалил на плечи воняющую потом и мочой тушу “быка”, отнес к его дому и свалил в палисадник на клумбу с цветами. Затем таким же манером перетащил брата. Поблизости возле них несколько минут, ожидая, когда они задохнутся в себя. Сходил к ним в дом, вынес ведро воды и облил на каждого по полведра. Братья очухались, заволашелись, тараща глаза, озираясь, не понимая, как они сюда попали.

— Я мог бы вас кончить еще там, у машины, — сказал Тарасов, передергивая затвор помповика, — и меня бы оправдали, потому что доказательства вашего преступления налицо. — Он пнул ногой канистру с бензином, та упала, бензин начал выливаться на землю. — Вы хорошо меня понимаете?

“Быки” ошеломленно переглянулись.

— Не слышу! — Тарасов направил ствол ружья в грудь темноволосого бугая.

Тот на карачках отполз назад, просипел:

— Понимаем...

Глеб покачал головой.

— Честно говоря, верится с трудом. Пострелять вас прямо здесь, что ли? Или вызвать омоновцев из Ветлуги?

— Не надо, — пробормотал темноволосый брат. — Мы уедем...

— Громче!

— Мы уедем! Завтра... соберемся только...

Глеб с удовлетворением кивнул.

— Теперь верю. Но запомните: дадите хоть малейший повод — и я вас не пожалею! Слово офицера! И не надейтесь на своих братков в милиции, на них тоже управиться найдется.

Он повернулся и зашагал прочь, но сделав два шага, оглянулся, чиркнул спичкой о коробок, поджег его весь и бросил на канистру с бензином. Братья с воплями бросились наутек. Глеб снова двинулся по улице к дому Софьи и не обернулся, когда сзади рвануло.

Брызги горящего бензина разлетелись в разные стороны, попали на стены хаты, и “быки” принялись их тушить. Молча! Метод воспитания, примененный Тарасовым, подействовал на них должным образом.

Софья встретила его на пороге в одной ночной сорочке, подозрительно потянула носом.

— От тебя бензином воняет. Куда ходил? — Она увидела в его руке ружье. — Что это?!

— Ничего, все в порядке, — успокоил он женщину, принося ружье к крыльцу. — Братья хотели поджечь дом деда и машину, пришлось их урезонивать.

— Ты... их?..

— Помял немножко, — небрежно отмахнулся Глеб. Ружье отобрал, посоветовал уехать, они опять обещали.

— Представляю себе, как ты им советовал! А если не уедут?

— Тогда я поговорю с ними еще раз. — Голос Тарасова стал жестким. — Не бери в голову, я знаю, что делать. Помоги лучше смыть грязь и бензин.

Софья послушно принесла ведро с водой и мыло, Глеб с удовольствием вымылся под струями холодной колодезной воды.

— Вот теперь пойдем спать. Подъем в шесть часов...

Никогда прежде ему не было так хорошо, как в этот августовский день на пасеке деда.

Ушли прочь заботы и тревоги, забылись невзгоды, стычки с разного рода подонками, не приходили мрачные мысли о грядущем возвращении в отряд. Ничто не могло нарушить возникший союз двух сердец и двух аур. Ни одно тревожное ощущение не могло поколебать атмосферу дружелюбия, нежности, радости и уюта, царив-

шая вокруг. В душе Тарасова пели птицы и летали ангелы, но вдруг ему показалось, что подул холодный ветер и над деревней сверху накрыла огромная черная тень, хотя солнце светило вовсю, на деревьях не дрожал ни один листик и в воздухе стояла знойная сонная тишина. Глеб поднял голову и включил свою внутреннюю “локацию”.

Под лопаткой запульсировал сосудик, в голове тихо закружился стеклянный шарик.

Они были не одни.

В лесу, метрах в пятидесяти, прятались какие-то люди, не менее трое. Еще четверо — так подсказывала интуиция — подкрадывались к пасеке со стороны мажоран — дедовой “Нивы” и “пятнадцатой” Тарасова, стоявших в тени развесистых ив вдоль ручья.

Какого дьявола?! — пришла гневно-холодная мысль. Когда я понадобился? Неужели меня выследил Хохол, чтобы вернуть в команду “заблудшего сына”?!

Что с тобой? — удивилась Софья.

— Молчи и слушай, — тихо сказал он. — В принципе, ничего серьезного, я уверен, но хочу исключить любую случайность. Ты мне веришь?

Верю.

Тогда делай, что говорю. Возьми детей и уведи их вверх по ручью, где он подходит к болотцу. Спрячьтесь там в кустах и ждите, пока я не позову. Поняла?

Глаза у Софьи стали большими, тревожными, но переспрашивать, в чем дело, она не стала и сразу направилась к детям, набрасывая на себя на ходу сарафан.

Оленька, Кулинка, ко мне, я вам что-то покажу.

Девочки подбежали к Софье, и все трое двинулись к ручью, весело щебеча.

Глеб посидел в траве, прислушиваясь к звукам, доносившимся из чащи леса, и начал действовать.

Для начала он решил достать из машины оружие — отобранные у “быков” и захваченные с собой помповое ружье и электрошокер, затем забрать деда и догнать Софью с детьми у ручья. Поэтому, ничего не говоря деду, в робе и сетчатом противопчельнике напоминавшем прищельца, тихо отполз к лесу и, пригибаясь, побежал по дуге к машинам.

Но его опередили.

Из леса на другой стороне гречишного поля, на краю которого разбил свой лагерь пасечник, показались двое парней в пятнистых штанах и куртках с короткими рука-

вами. Они двинулись к пасеке прямо через неубранное поле, отмахиваясь от пчел, и хотя Глеб оружия у них не увидел, все же ощутил их злую целеустремленность. Эти парни были опасны и прекрасно знали, кто здесь находится. Единственным преимуществом Тарасова было то, что они в данный момент его не видели. Но он знал, что в лесу и за ручьем прячутся еще какие-то люди, и до их появления остались считанные минуты.

— Эй, дед, — окликнул Евстигнея Палыча самый рослый из парней, белокрысый, с коротким ежиком волос, — ну-ка угости нас медком.

Старик оглянулся, не снимая “шлема”, пробурчал:

— Угостить можно, если подождете часок.

— Нету времени у нас ждать, — заговорил второй, обритый наголо, с блестящим от пота бугристым черепом. — А ты тут один этим хозяйством управляешь?

— Один, — еще более мрачно буркнул старик.

— А машины у тебя две, — покачал укоризненно головой белокрысый, — зачем обманываешь? Не стыдно такому почтенному гражданину добрых людей обманывать? А ну как мы рассердимся?

— Шли бы вы отсюда, добрые люди, подобра-поздорову. Неровен час пчелы покусаят — начальство не узнает.

Парни переглянулись.

— Хамит дед, — констатировал бритологовый лениво. — Плохо у них тут с гостеприимством. Наказать бы надо.

— Если скажет, где его напарник, простим.

— Мы добрые.

Оба заржали.

По тому, как они держались, по жестам, уверенной походке и напористости, Глеб понял, что эти ребята не рэкетиры и не случайные прохожие, захотевшие отвесить медку. Они были из спецкоманды и появились здесь специально, точно зная координаты цели. Но это были не люди Хохла-Тихончука, на Тарасова вышла другая структура.

— Давай, дед, колись, кто тут с тобой, — предложил белокрысый, подходя ближе. — Может, мы тебя и не тронем за холодный прием.

— Никого тут нет, — огрызнулся Евстигней Палыч, — один я, а машина — агронома, он поля объезжает и скоро здесь объявится... с помощниками...

Молодец, дед! — похвалил в душе старика Тарасов, начиная д в и ж е н и е. Ждать было уже нечего, картина

становилась простая и понятная, надо было пользоваться своим минимальным преимуществом и нападать немедленно.

Ай-ай-й, — снова укоризненно покачал головой белокрысый бугай, — как нехорошо брехать. Ведь ты здесь не агроном, а с внуком капитаном Тарасовым, а зачем с его бабой и двумя детьми. Так?

Брошут собаки, — с достоинством ответил Евстигней Палыч, поднимая дымовую морилку в форме лопаты, — да еще вот такие, как вы, а я разговариваю человеческим языком. Убирайтесь отсюда, пока я пчел на вас не спустил!

Ой-ой, как страшно! — развеселился бритоголовый. — Слышь, Боб, он пчел на нас спустит! Укротитель дикий нашелся. Или, может, у него не дымодув, а ракетмет?

Он шагнул к деду, и тот направил на него струю дыма.

В тот же момент Глеб в т е м п е рванулся вперед. Захрипел в ушах ветер. Двадцать шагов, отделявшие опушку леса от ульев на поле, он преодолел за доли секунды и обрушился на непрошенных гостей в камуфляжной сади, не считая нужным их предупреждать, как это делают “крутые” герои в кинобоевиках.

Он не ошибся в своих предположениях, приняв их за профессионалов из какого-то спецподразделения. Они были вооружены пистолетами бесшумного боя, а один из них — белокрысый — еще и “глушаком”, поэтому Тарасову пришлось сразу пойти на самый жесткий вариант боя, чтобы исключить даже малейшую возможность стрельбы. И тем не менее ему не удалось приблизиться к спецподразделению незаметно!

Очевидно, за полем следили наблюдатели группы и успели предупредить своих разведчиков. Как быстро Глеб передвигался, оба парня уже схватились за оружие, и только т е м п позволил капитану обезвредить одного из них ударом в голову (прямой гэг-хех в висок костяшками пальцев, сжатыми в “копыто осла”), отвести руку второго пистолетом в сторону и схватиться с ним в тягучей, гимнастически-силовой рукопашной. Парень владел барсом и хорошо двигался, а главное, был силен, как бык. Если бы Тарасов уступал ему в силе, ему пришлось бы туго.

Бой длился не меньше минуты. В конце концов Глебу удалось заломить пальцы левой руки белокрысого, дер-

жа правой его правую руку с пистолетом, затем ударил его головой в лоб, после чего капитан вытащил из-за пояса парня "глушак" и разрядил сначала в него, потом в его бритоголового напарника, начавшего подавать признаки жизни.

Все это время Евстигней Палыч простоял без движения, в столбняке, и это возможно спасло ему жизнь, потому что белокрытый спецназовец успел-таки пару раз нажать на курок пистолета.

— Уходим, Палыч, — сказал Тарасов, тяжело дыша. — Отдых на пасеке закончился.

— Э-э... — начал старик и не закончил.

— Эй, капитан, — окликнули Тарасова из леса, — не дергайся, а то мы нервные. Брось оружие и подними руки!

Зашевелились кусты, и на поле вышли, подталкиваемые в спину Софья и девочки.

Глеб в бессильном гневе скрипнул зубами, разглядывая двух стриженных здоровяков в пятнистой униформе, держащих под прицелом Софью и его самого. Ситуация складывалась патовая, а он ничего не мог сделать, даже владея т е м п о м и навыками русбоя, не рискуя подвергнуть дорогих ему людей смертельной опасности.

МОСКВА — КАРПУНИНО. НИКИФОР ХМЕЛЬ.

Он не предполагал, что будет счастлив, как ребенок, живя почти семейной жизнью с женщиной, чья национальность стала для него символом зла. Шарифа была весела, нежна, покорна, не уставала ухаживать за капитаном, навела в его холостяцкой — без мамы — квартире идеальный порядок, и Никифор, профессионал спецназа, прошедший огни и воды, превратился вдруг в главу семьи, которого каждый вечер ждали руки, губы, глаза и смех любимой, за которую он теперь готов был отдать жизнь.

Однако длилась эта идиллия всего три дня — с понедельника по четверг, пока не началась череда событий, которая надолго оторвала капитана от семейного уюта.

Пятница началась со срочного вызова Гвоздецкого:

— Быстро на базу, капитан! Час на дорогу, час на сборы — и в путь!

— Куда?

— В обед ты должен быть в Ветлуге, это городок в Новгородской губернии. Там тебя встретят наши разведчики. Остальное объясню на инструктаже.

Связь прервалась.

Никифор выругался про себя: он надеялся вечером поехать с Шарифой в театр, — позвонил ей на работу и сообщил неприятную новость:

— Я срочно уезжаю.

— Надолго? — огорчилась она.

— Дня на два-три, не больше, — заверил он, не зная, сколько времени в действительности займет его командировка.

— Буду ждать!

— Целую, не переживай.

На базе он появился вовремя и уже через час летел с двумя "чекистами" в вертолете МЧС, который высадил их в трех километрах от Ветлуги, на сельской дороге. Только тут Хмель наконец окончательно пришел в себя и понял, что пора включаться в работу.

С ним на задание, суть которого еще предстояло выяснить, Гвоздецкий направил снайпера Бориса и компьютерщика Виктора, из чего Никифор заключил, что им надо убрать кого-то традиционным способом, то есть из снайперской винтовки. Его вывод подтверждался и выбором экипировки. Всем троим выдали спецкомбинезоны "леопард", бесшумные пистолеты "котик", компьютерный комплекс хайдер, а Хмелю доверили еще и генератор пси-воздействия "нокаут", именуемый в просторечии "глушаком".

В полукилометре от места высадки их ждала машина — зеленая "Нива" с ветлужскими номерами, в которой сидели двое парней. Один из них сразу вылез и скрылся в лесу. Водитель же, ответив на пароль, протянул Никифору пакет.

— Здесь инструкции по заказу.

— Кто объект? — спросил капитан, ожидая услышать имя какого-нибудь террориста или похитителя людей, но вместо этого услышал:

— Глеб Евдокимович Тарасов.

Никифор не сразу вспомнил эту фамилию.

— Тарасов?! Капитан спецназа?! Это уж не тот ли парень, что помог нам ликвидировать банду в Ярославле?

— Читайте, — невозмутимо пожал плечами водитель "Нивы", не понимая переживаний Хмеля.

Никифор вскрыл пакет, достал три листка бумаги и фотографию, с которой на него смотрело открытое лицо объекта с прищуренными в легкой усмешке глазами. Это действительно был капитан Тарасов, ради спасения дочери практически в одиночку уничтоживший группу похитителей людей в Ярославле.

— Япона мать!.. — выругался Никифор. — Его-то за что?! Что он натворил?

Но в ориентировке об этом не было сказано ни слова. Тройке ЧК предписывалось выйти на объект с помощью группы наведения и уничтожить. И ни намека на причину ликвидации.

— Поехали, — сказал водитель. — Объект сейчас находится на пасеке с дедом и женщиной в пяти километрах от деревни Карпунино и в двенадцати километрах отсюда. Мы за ним наблюдаем.

Никифор в задумчивости подергал себя за ухо и повернулся к Виктору.

— Крути связь с полковником.

— Если над нами сейчас нет спутника, хайдер не потянет.

— Попробуй.

Виктор достал "ручной" компьютер, пристегнул к локтю и включил. Две минуты ушло на развертку дисплея и настройку, затем связист выслушал ответ диалог-диспетчера и передал наушники Никифору.

— Что случилось? — услышал капитан голос хайдера, имитирующий голос Гвоздецкого.

На экранчике хайдера высветилась фраза: "Зона свободна. Контакт разрешен".

— По-моему, произошла ошибка, — доложил Никифор. — Объект — капитан Тарасов из смежной конторы. В чем он провинился? За что его необходимо ликвидировать?

— Это не ошибка, капитан, — ответил полковник. — Выполняйте приказ. Если нам отдают такие приказы, значит все просчитано.

— Но он же такой, как и мы! Мы вместе участвовали в...

— Разговор окончен, капитан! После ликвидации объекта немедленно вылетайте на базу, вертолет будет ждать группу на том же месте с шестнадцати часов. — Короткий щелчок и голос хайдера: Абонент отключился.

На экранчике компьютера высветилась надпись: "Конец связи. Несанкционированного доступа к линии не обнаружено".

Никифор снял наушники, посмотрел на приставленных к нему "чекистов".

— Ну что и что-то не понимаю!

— Что будем делать? — дипломатично спросил Виктор.

— Будем делать машинку. — Никифор кивнул водителю.

— Поехали, на месте разберемся. Где твой приятель?

— Он пошел пешком, напрямик здесь в три раза короче.

— Нам лучше подъехать, за пасекой наблюдают наши люди, там все тихо. Объект ни о чем не подозревает.

— Тогда резво побежала по непыльной, заросшей травами тропинке, свернула в лес на узкую тропинку, прятаясь под кронами деревьев. Через полчаса дорога кончилась, упираясь в болото.

— Тогда дальше пешкодралом. — Водитель, одетый в спортивный костюм и кеды, достал бинокль, начал смотреть.

— Переодеваемся, — скомандовал Никифор.

— "Чекисты" натянули "леопарды", превращавшие их в животных иного измерения, проверили оружие, боеприпасы, радиоприемники, и проводник повел их за собой вдоль болотца на восток, руководствуясь одному ему известными признаками.

Двигаясь по распадкам и низинкам, все четверо вышли к реке, за которым начиналось колхозное поле, засеянное гречихой. Проводник сделал знак: внимание! Дальше они передвигались короткими перебежками от куста к кусту, а также ползком, пока не достигли густых зарослей лещины и крапивы. Наблюдатель группы наведения прекратил здесь.

Проводник подполз к нему, что-то спросил, кивком указав на Никифора. Капитан осторожно приблизился, присаживаясь на корточки, раздвинул стебли травы и увидел пасеку: в поле стояли восемнадцать ульев, возле которых возился пасечник в балахоне и сетчатой маске. За ульями у кромки леса была разбита палатка, возле которой, в тени деревьев, лежали на надувных матрацах мужчина и женщина в купальнике. Недалеко от них позировали в траве две девочки лет семи-восьми. В одной из них Никифор узнал Акулину, дочь капитана Тарасова, которую тот отбил у бандитов три дня назад в Ярославле. Сомневаться не приходилось: мужчина был тем самым Тарасовым, приехавшим очевидно с женой и детьми на отдых в деревню, и именно его надо было убить незаметно и без шума.

— Сволочи! — прошептал Хмель, имея в виду свое начальство, а заодно и весь мир с ним. — Что же ты натворил, капитан, что тобою вынуждена заниматься такая контора как ЧК? Продался мафии? Не похоже...

— Вы старший? — повернул к нему голову наблюдатель в маскировочной шапочке, скрывающей лицо.

— Я, — стиснул зубы капитан. — Можете отдыхать. Мы берем ситуацию под контроль.

— Произошли кое-какие изменения. Напарник сообщает, что с другой стороны поля он заметил двух подозрительных парней в камуфляжных комбезах. А еще двое двинутся к машинам со стороны ручья.

— Где? — Никифор отобрал у водителя "Нивы" бинокли.

— Левее, за сухой осиной. Машины видите? Красную "Пятнадцатую" и старенькую "Ниву" с прицепом?

— Вижу.

— Теперь посмотрите на осину...

Никифор действительно заметил колыхание травы. Две головы в маскировочных головных уборах, то появлявшиеся, то исчезающие в траве.

— Странно... что здесь происходит? Кто эти парни?

— Не наши, это точно. У них комбезы прибалтийского производства, с бледным рисунком. Но они явно нацелились на наш объект.

— Интересный компот получается. А ну-ка, рассредоточились вдоль поля! Борис, выбери позицию повернее. Без приказа не стрелять и не вмешиваться! Посмотри, что будет дальше. Похоже, объект наш тоже заметил гостей.

Тарасов действительно начал действовать, отослав женщину с детьми к ручью, но он не видел подкрадывающихся с той стороны парней и по сути направил своих близких прямо к ним в лапы.

Никифор передвинулся еще левее, чтобы видеть действия чужих спецназовцев, вышедших из леса и двинувшихся к пасеке. Они приблизились к пасечнику в накидке, который снимал соты, отгоняя пчел струей дыма, заговорили с ним. Слов слышно не было, до разговаривающих от кромки леса, где сидели в кустах "чекисты", было не меньше полусотни метров. И в это время из-за кустов, подходивших к ульям почти вплотную, вынесся один из плавках Тарасов — бежал он так быстро, что едва поспевал за ним! — и обрушился на пришельцев пятнистых костюмах.

И могу снять его с одного выстрела, — доложил по радио Борис.

— Стоять! — остановил снайпера Никифор. — Что-то здесь не так! Наши не могли послать две группы в сарафани, не предупредив нас. Это другая контора. И мне это не нравится. Жди!

Тарасов между тем уложил бритоголового здоровяка ударом в голову (ох и классно дерется капитан!) и схватил с белобрысым верзилкой, в руке которого внезапно оказался пистолет с насадкой бесшумного боя. Схватка длилась около минуты, после чего капитану удалось обезвредить противника и разрядить в него и в напарника пистолет, впоследствии оказавшийся почти таким же "шумихом", что был и у Хмеля.

Однако это была временная победа.

— Ди, капитан! — окликнули Тарасова из леса, — не выжили, а то мы нервные. Брось оружие и подними руки!

Защелвелились кусты, на поле вышли, подталкиваемые в спину, женщина в сарафане и девочки.

Тарасов замер, глядя на них, весь — хищный порыв и ярость, — но в данной ситуации он ничего не мог сделать, парни в камуфляже свое дело знали и не дали бы ему ни одного шанса, если бы он попытался сопротивляться.

— Стрелять? — снова заговорила рация.

Никифор понаблюдал за Тарасовым, медлившим сдаваться в плен, за плачущими девочками, за женщиной с незаконным от страха лицом, и принял решение.

— Боря, ты этих громил в комбезах хорошо видишь?

— Одного как на ладони, — отозвался снайпер. — Дискретно на второго перекрыта женщиной.

— Возьми того, что открыт, только с первого выстрела, и не попади в девчат. Я возьму второго. — Никифор ужом сошлся в траву, обходя выходивших на поле бойцов неизвестного спецназа, выбрал позицию. — Готов?

— Иес, — лаконично ответил Борис.

— Огонь!

Тихо треснули два выстрела — словно отломались сухие веточки сосны. Державший женщину детина завалился лицом вперед с дырой в затылке. Его напарник получил пулю в плечо, выпустил девочек, оглянувшись, подождал пистолет-пулемет, и Никифор выстрелил еще раз. Спецназовец упал. На мгновение стало совсем тихо. По-

том заревели дети, женщина стремглав бросилась к ним, закрывая телом, ожидая новых выстрелов, но их не было. Никто не показывался из леса, "чекисты" были опытными специалистами и ждали реакции группы поддержки парней в камуфляже.

Точно так же реагировал Тарасов, вдруг толкнув заставившего пасечника и ныряя за ним в траву.

И тотчас же с противоположного конца поля донесся тихий щелчок, а затем — шлепок пули в один из ульев. Подозрения Никифора подтвердились: за полем наблюдали не только "чекисты".

— Засек? — быстро прошептал Никифор.

— Нет, — виновато отозвался Борис.

— По-моему, я видел блик возле дуба. Я отвлеку снайперка, а ты снимай.

Капитан насадил на ветку берет и поднял над собой. Берет дернулся, отлетая в сторону с дыркой от пули. Тотчас же дважды выстрелил Борис. Снова наступила тишина.

Никифор достал берет, снова пошевелил им в метре от себя, но выстрелов больше не было. Спецназовцев в заграничных костюмах было пятеро — стандартная выкладка спецгруппы, охотившейся на определенного человека.

Никифор привстал:

— Глеб Евдокимыч, не стреляй, это я, капитан Хмель.

— Не знаю никакого Хмеля, — донеслось из гречихи.

Никифор встал.

Пауза длилась несколько секунд. Потом возле крайнего улья зашевелились стебли гречихи, и над белоснежным розовым полем поднялся Тарасов, держа в руках по пистолету.

— Кажется, мы действительно недавно встречались, — сказал он хладнокровно.

— В Ярославле, — подтвердил Никифор. — Я хотел бы с тобой поговорить.

— Не ощущаю встречного желания. Конечно, спасибо за помощь, но сдаюсь мне, ты тоже, капитан, появился здесь не для моей защиты.

— Вот об этом и поговорим.

— Хорошо, подожди пару минут.

Тарасов подбежал к тесно прижавшимся к Софье девочкам, погладил по волосам одну, другую, успокаивая, заглянул женщине в глаза.

— Как?

— Нефигильно, — отозвалась Софья, глотая слезы. — Они же убили?!

— Иначе они убили бы нас. Собирайся, через пять минут уезжаем.

Тарасов подозвал Евстигнея Палыча, с трудом прихватив его в себя.

Бросай работу, дед, надо уезжать. У тебя есть кто-нибудь из друзей или родичей, кто мог бы приютить Софью с девочками и подтвердить, что мы все были у вас со вчерашнего дня?

Евстигней Палыч поскреб бороду.

— Разве что кум? Головастый мужик, все понимает, знает что конюх. И баба у него не языкатая.

— Забирай Софью с детьми и быстро сматывайся отсюда. Где твой кум обитает?

— В Ченебчихе.

— Я вас через пару часов навещу.

Тарасов поцеловал женщину, подошел к Никифору, шепнув на ходу штаны.

— Что ты хотел мне сказать?

Отбой операции, — проговорил Никифор в усик радио. — Всем собраться у пасеки. — Он повернулся к Тарасову, смерил его взглядом. — Ты хорошо сражаешься, капитан, однако не просчитываешь варианты.

— Некогда было просчитывать, они свалились, как снег на голову.

— Я не об этом. Меня послали "заземлить" тебя, причем я знал о личности клиента только здесь. Моли Бога, что я тебя видел в деле и узнал, да и не хочу выполнять "темные" поручения вслепую. А теперь выкладывай, почему за тобой послали аж две команды, мою и этих пятнистых гавриков.

— Не поверишь, — сказал Тарасов, — но я не знаю. Сначала я думал, эти парни из моей конторы и пришли за мной, чтобы доставить пред светлые очи начальства. Я ведь до сих пор как бы в бегах: командир не отпустил меня для освобождения дочери и я, естественно, ушел в полномолку. Но мои коллеги не стали бы меня "заземлять", нет особых причин. Я никого не предавал.

— Это ты так думаешь. Они могут думать иначе.

— Все равно это не они. Экипировка не та. Кстати, у них, как ты выразился, гавриков был "глушак". — Тарасов показал пистолет с длинным квадратным дулом. — Но не армейский.

— Это “удав”. Давай-ка посмотрим, что за ребята.

Они подошли к убитым спецназовцам, проверили карманы и обнаружили коричневое удостоверение с золотыми буквами ФАС на имя лейтенанта Борового. Под фотографией лейтенанта была вытиснена золотом латинская буква “Z”. У остальных парней удостоверений не было, в том числе у оставшихся в живых белобрысого верзилы и его бритоголового напарника, которые все еще находились в отключке после разрядов “глушака”.

— Что за литера? — указал на букву “Z” Тарасов.

— Это группа антитеррора “Зубр”, — мрачно ответил Никифор. — Те еще волкодавы, legionеры бывшие. Я с ними сталкивался в свое время, знаю их методы. Однако, насколько мне известно, ликвидацией отдельных клиентов они раньше не занимались.

— Значит, теперь занимаются.

— Не понимаю, чем ты мог насолить фасовцам.

— Я тоже.

— Есть два варианта объяснения. Первый: ты работаешь на какую-то преступную группировку и тебя решили убрать без суда и следствия, как особо опасного бандита.

— Я не работаю на преступную группировку.

— Верю. Второй вариант: ты что-то знаешь о деятельности некоего важного властного функционера, который и послал группу профи для ликвидации.

— Если бы я знал, что я знаю, — горько усмехнулся Тарасов.

— Точно?

— Клянусь! Я виноват лишь в том, что самовольно покинул часть, чтобы спасти Акулину.

— Бредятина! Представить не могу, где пересеклись следы деятелей ФАС и моего начальства, попробую выяснить. Как говорится: следы многих преступлений ведут в будущее. А пока мой тебе совет: скройся где-нибудь в такой глуши, чтобы тебя никто не мог найти.

— Не могу, — повесил голову Тарасов. — Мне надо вернуться на базу.

— Тебя убьют.

— Во-первых, это непросто. Во-вторых, я не привык зайцем бегать от опасности.

— В этом мы с тобой кажется одинаковые дураки, — вздохнул Никифор. — Ладно, уезжай.

— А эти?

— Мои люди отвезут их подальше отсюда и изобразят бегущих друг с другом. Прощай, капитан, может, еще доведется свидеться.

Тарасов помедлил, глядя то на Хмеля, то на выходивших из леса “чекистов” в “леопардах”, пожал капитану руку и догнал деда с семьей.

— Ох и влетит тебе! — сказал в спину капитану Борис.

Никифор не ответил. Он и сам знал, что его ждет за невыполнение приказа.

ВОЛОГДА. БУЛАВИН.

Терапия отца, усиленная присутствием Дианы, принесла свои плоды. Уже к вечеру Дмитрий пришел в себя и почувствовал прилив сил, позволивших ему проанализировать все случившееся в храме БЕСа и прийти к выводу, что он многого еще не знает об устройстве Вселенной вообще и о психотронных возможностях некоторых секретных организаций в частности.

Он жаждал встречи с женщиной по имени Мария, спасшей его во время испытания пси-генератора, чтобы узнать от нее все подробности дела, а также услышать обещанное объяснение ее вмешательства в его судьбу. Те же чувства владели и Дианой, которой он рассказал о своем чудесном спасении.

В субботу Дмитрий на занятия с младшей группой школы не пошел. После обеда пришла Диана, и они вновь говорили о том, о чем говорила вся Вологда — о “самоубийстве” ста десяти человек храма БЕСа. Новость разлетелась по свету с быстротой молнии, и в Вологду съехались журналисты из многих десятков агентств новостей, чтобы срочно раздобыть подробности о “кровавом жертвоприношении”, унесшем жизни более ста человек. Диана пыталась выяснить, каким образом его спасительница Мария оказалась возле храма во время “церемонии”, закончившейся жуткой драмой, а Булавин, сам не знавший ответа на этот вопрос, все вспоминал свои ощущения во время пси-удара и размышлял над словами Марии, намекнувшей о странной организации под названием Катарсис.

К четырем часам к беседующим присоединилась Софья, и только теперь Дмитрий обратил внимание на состояние сестры, выглядевшей усталой и озабоченной, ушедшей в себя.

— Что случилось, Софи? — спросил он. — За два дня ты ни разу не улыбнулась.

— Ничего, — попыталась улыбнуться Софья. — Просто я волнуюсь за... одного человека.

— За того, с кем ты познакомилась в Ярославле?

— За него. Его зовут Глеб Тарасов, и он... — Софья заколебалась, не решаясь рассказывать о том, что случилось на пасеке под Карпунино, потом все же решила поделиться с братом и его девушкой своими новостями.

Когда она закончила, в гостиной Дмитрия наступила тревожная тишина.

Дмитрий покачал головой, с интересом разглядывая виновато-печальное лицо сестры.

— Оленьку ты в деревне оставила?

— Вместе с дочкой Глеба, у его родственника.

— Да-а, история! Если это правда...

— Правда! Все так и было!

— Извини, я неправильно выразился. Но судя по всему, твой приятель — очень непростой человек.

— Он служит в спецназе...

— На обыкновенных спецназовцев не устраивают охоту спецподразделения в камуфляже, вооруженные с ног до головы. Он либо мафиози...

— Дима! — возмущенно воскликнула Софья. — Ты его не знаешь, а говоришь!

— Ты тоже знаешь его всего два дня.

— Во-первых, не два, а больше, а во-вторых, я чувствую, он сильный и добрый!

— Тогда он опер, — примирительно сказал Дмитрий, — чем-то досадивший крутой компании парней в спецкомбедах. Возможно, что твой Глеб заполучил какой-то важный секрет, из-за которого не жалко положить команду профессиональных киллеров.

— Все так странно... и страшно! Так хорошо все началось... и так хочется счастья!

— Я тебя понимаю, — кивнула Диана, кинув косой взгляд на Дмитрия.

— Задача — сделать человека счастливым — не входила в план сотворения мира, — философски заметил тот. Пойдемте-ка куда-нибудь погуляем, в парк, на реку, в крайнем случае — в ресторан.

— Лучше на реку, — раздался из коридорчика квартиры Булавина чей-то голос, и в комнату вошла красивая темноволосая женщина в белом летнем костюме, в кото-

рой Дмитрий узнал спасшую его женщину. — Добрый вечер.

— Тарасые, — ответили обе женщины, с удивлением принимая гостью.

— Как вы вошли? — пробормотал не менее потрясенный Дмитрий.

— Это не важно, — слабо улыбнулась гостья. — Извините, что я не предупредила вас заранее. Однако нам надо поговорить.

— Это Мария, — очнулся Дмитрий. — Она ведунья и... спасла меня...

— Я вас видела, — вдруг объявила Софья. — В деревне. Мария внимательно посмотрела на нее.

— У нас хорошая память, Софи, хотя вы не берегиня, а скорее дариня. Обычно редко кто вспоминает, что видел Марию, если я этого не хочу.

— Что вы делали в Карпунино?

— Искала Глеба Тарасова.

— Глеба?! Зачем?!

— Он нам нужен. Так же, как и Дмитрий.

— Кому это — нам? — нахмурился Дмитрий.

— Вот об этом и поговорим. Если хотите, можно сделать это на природе, вечер сегодня просто чудесный. Если нет, посидим здесь.

— Пожалуй, можно и прогуляться, — взяла на себя инициативу Диана. — Софи, ты не против?

— Сестра Дмитрия покачала головой.

— Я бы лучше посидела дома, но если вы решили прогуляться, я с вами.

В сопровождении трех красивых женщин Дмитрий спустился вниз, испытывая необычное возбуждение. Они выбрали дорогу и направились к набережной.

— А теперь давайте мы пойдем чуть впереди, — властно сказала Мария, — а ваши девушки пусть идут сзади. То, что вы услышите, предназначено только для вас.

Дмитрий и Мария двинулись вперед вдоль парапета набережной, Диана и Софья чуть отстали, невольно прислушиваясь к их беседе, хотя услышать, конечно, ничего не могли. Мария говорила тихо, и к тому же их окружала тишина "глухой ночи".

Итак, Дмитрий Михеевич, разговор у нас пойдет о вещах настолько серьезных, что не приведи Господь вам поделиться ими с кем-нибудь из друзей или близких! Вы против такой степени ответственности?

— Н-нет... конечно, нет.

— Тогда все в порядке. Вы нам подходите. Нам — в системе, которая вот уже тысячи лет противостоит другой системе, в разные времена имеющей разные названия. Еще десять лет назад мы называли ее СС — Силы Сатаны, теперь же она называется немного иначе. СССР, то есть Система Сил Стабилизирующих Реальность.

— Чем же плоха эта система, если она стабилизирует... э-э, реальность?

— Хороший вопрос. Эта система плоха тем, что «стабилизирует» наш мир в рамках с в о и х законов, отрицая всякое волеизъявление других людей. Вот и все — эта система не хуже других, официально признанных институтов власти типа государства или карательных дознавательных органов. Наша система называется Катарсисом.

— Очищение... — хмыкнул Дмитрий.

— И это скорее виртуальная организация, руководители-наставники которой почти не выходят на контакт для решения тактических задач. Для этого существует структура уровнем ниже — Сопротивление. Вам предлагается войти в ее состав.

Дмитрий оглянулся на приотставших женщин.

Мария тоже оглянулась, встречая любопытно-недоверчивые взгляды Софьи и Дианы. Сказала с улыбкой:

— Диана хороший начальник? Я имею в виду подразделение КОП.

— Я подчинялся другому человеку.

— Вам повезло, Дмитрий Михеевич, что у вас так красивая и самоотверженная подруга. Она не бегит и не пойдет за вами в огонь и в воду.

Дмитрий смутился, некоторое время молчал.

— Могу я подумать пару дней?

— Разумеется. Членство в Сопротивлении добровольное, как и выход из него.

— Чем же грозит людям деятельность СС... э-э, СССР?

— Эта система активизирует жизнедеятельность организаций, пытающихся уничтожить Россию, а ее люди использовать в качестве послушного рабочего быдла. Америка и Европа практически уже под властью этой системы, остались лишь немногие очаги сопротивления. Россия, исламский мир, некоторые страны Африки.

— Китай.

— С одной стороны — да, с другой — экспансия китайских «народно-коммунистических» стратегий не менее опасна, чем идеология СССР. К сожалению, в будущем из-за отсутствия системы согласования конкретных групп интересов нам еще придется столкнуться как с китайским агрессивным самосознанием, так и с исламской стратегией «фундаментального неравенства». Но это отдельный разговор. В настоящее время наиболее опасно распространение закона единого мироощущения, к чему нас навязывают стратеги СС, по сути — закона зомбирования. Проявления этого закона уже видны статистически: все меньше людей интересуется деятельностью избранных руководителей, развязывая тем самым руки хищным и некомпетентным руководителям, все меньше людей участвует в выборах честных чиновников, все меньше людей борется за справедливость.

— Я это и сам замечал, но не знал, что это следствие деятельности Сил Сатаны. Кстати, что это такое на самом деле? Орден? Масонская ложа?

Мария улыбнулась.

— Вы задаете детские, но очень точные вопросы. Силы Сатаны — такая же виртуальная структура, что и Катарсис, по сути — это Программа, которая проявляется через реальные организации типа Международного Валютного Фонда, Всемирного банка развития, Совета Европы, сатанинских сект, Новой Революционной Инициативы и других. Но и об этом мы поговорим в другой раз, если не возражаете. У меня мало времени.

— А кто руководит СССР? Я имею в виду главного... начальника. Сам Сатана?

Мария искоса глянула на раздумывавшееся лицо собеседника.

— Об этом не принято говорить вслух. Но можно назвать руководителя СССР оператором дьявола. Это не фетишеское лицо.

— Естественно, о руководителе Катарсиса тоже нельзя говорить вслух?

— Вы правы. — Мария рассмеялась. — Истинное имя безмолвной мудрости произнести нельзя. Итак, вы согласны?

Дмитрий еще раз оглянулся.

— Что я должен буду делать конкретно?

— Продолжать работать в вашей Школе выживания, так и прежде, помогать отцу создавать духовную семина-

рию на базе живы. Это кстати очень трудное и почетное занятие. Но в ближайшее время вам предстоит одно очень важное дело — защита личности.

Дмитрий хмыкнул.

— Вы предлагаете мне работу телохранителя?

— По форме — да, по содержанию ваша задача — спасение будущего с о б р а т я всех светлых Сил России.

— Кто же этот человек? Не президент, случайно?

— Это шестилетний малыш, мальчик с белоснежными волосами. Мы зовем его “серебряным мальчиком”.

Дмитрий бросил на Марию удивленно-испытующий взгляд.

— Вы не шутите? Я буду телохранителем... мальчика?

— Вас будет трое — монада духа, она же — триада физического воплощения. Вскоре мы вас познакомим друг с другом, хотя духовно вы уже давно знакомы. Точнее: вы трое — одна духовная организация, воплощенная в трех индивидуальных сознаниях.

— Черт! Как интересно! Расскажите подробней.

— Во-первых, никогда больше не произносите этого слова вслух. Оно создает вербальный резонанс полей и сил и оповещает СС о носителе смысла. Человека, произносящего это слово, легко запеленговать и прослушать. Во-вторых, вы все узнаете в свое время.

— Хорошо, чертыхаться больше не буду. Но скажите хотя бы, кто эти люди, с кем я буду защищать малыша в составе триады.

— Это Глеб Тарасов и Никифор Хмель.

Мария остановилась, поворачиваясь к Булавину.

— У меня на сегодня все. Разрешите откланяться, меня ждут.

— А как же я? — растерялся Дмитрий. — От кого я получу инструкции? Когда мне ждать вашего звонка?

— За вами пришлют гонца Сопротивления.

— Как я его узнаю? По паролю?

— Пароль не нужен, узнаете. Извинитесь за меня перед вашими дамами, что я ухожу так неожиданно... — Мария вдруг замолчала, глядя вверх. Лицо ее застыло, глаза почернели.

Дмитрий посмотрел на вечеряющее небо с полосами бело-розовых облаков и увидел на их фоне косо летящий над рекой черный прямоугольник.

— Подойди ко мне! — чужим властным голосом проговорила Мария.

Дмитрий вздрогнул, с недоумением посмотрел на женщину и встретил ее глубокий, исполненный внутреннею огня и силы взгляд.

Подойди!

Он сделал шаг, другой, приблизился вплотную. Мария обвила его, прижала к себе.

Не смотри!

Дмитрий повиновался, затих.

Черный прямоугольник продолжал бесшумно лететь над рекой в их сторону со скоростью автомобиля, потом вдруг закувыркался, неуверенно закружился на месте и поменялся в другом направлении, пока не скрылся на фоне противоположного берега.

Мария отпустила Дмитрия, глубоко вздохнула, устало прижала по глазам ладонью.

Как это все невовремя!..

— Что это было? — спросил ошеломленный, ничего не понимавший Булавин.

Подгляд, — объяснила ведунья. Заметила его недоумевающий взгляд, слабо улыбнулась. — Нас пытались запеленговать, Дмитрий Михеевич.

Кто?!

Конунги. Так мы называем черных магов, прислуживающих т о й стороне. То есть системе СС.

Черные маги? Так это не сказки?

К сожалению, не сказки. Вам еще многое предстоит узнать о магической стороне реальности, скрытой от большинства людей. А теперь прощайте. До встречи.

Мария помахала рукой стоящим в отдалении спутникам Дмитрия и быстро пошла прочь. Через двадцать метров у бордюра набережной затормозил темно-зеленый “Бьюик-Империял”, открылась дверца, Мария села в машину, и “Бьюик” рванул вперед, исчез за поворотом дороги в считанные секунды.

А Дмитрий вдруг вспомнил, что Мария упоминала это имя — Глеб Тарасов. С этим человеком ему предстояло защищать “серебряного мальчика”, и судьбы их были неразрывно сплетены еще до знакомства. Связь Тарасова и Софьи лишь удивительным образом подчеркивала это обстоятельство.

В среду девятого августа разговоры о гибели ста сорока тысяч послушников храма БЕСа все еще будоражили умы людей, но средства массовой информации вдруг

перестали муссировать слухи и снабжать читателей и слушателей "новыми подробностями" случившегося. Будто где-то вверх перекрыли кран по данной теме, и тревожная информация перестала выливаться на страницы газет.

Дмитрий в обсуждении происшествия в храме БЕС не участвовал. Он либо отмалчивался в кругу приятелей и сослуживцев, либо переводил разговор на другую тему. Он знал больше других, но анализировать жуткую историю мог только сам с собой.

Вероятно, руководство КОП тоже было потрясено происшедшим, гибель полковника Михно и шестерых помощников могла обескуражить кого угодно, и Дмитрий оттуда никто не беспокоил. Даже Диана не напоминала ему о своих связях с КОП.

По совету Марии Булавин продолжал работать в Школе и ждать нового контакта с работниками Катарсиса. Гибель секты БЕСа заставила его по-новому взглянуть на события последних лет в России, и он принялся искать информацию социально-исторического характера, для начала покопавшись в библиотеке отца и отыскав не сколько любопытных книг. Особенно заинтересовали его труды Платонова, Асова и Стрелецкого.

МОСКВА. НИКИФОР ХМЕЛЬ.

Он знал, что поплатится за невыполнение приказа, поэтому не стал звонить Шарифе при возвращении на базу, предупреждать ее о возможных последствиях своего шага и жаловаться на судьбу, а сразу явился в штаб базы и доложил Гвоздецкому о своем решении не "заземлять" капитана Тарасова.

— Да ты с ума сошел, капитан! — побагровел полковник. — Значит, ты его отпустил?!

— Так точно, — кивнул Никифор. — Произошла какая-то ошибка. Этот человек ни в чем не виноват.

— Да ты понимаешь, что натворил?! Нам спустили приказ на отстрел консультантов мафии из бывших спецслужб. Капитан Тарасов из их числа!

— Не верю, — упрямо мотнул головой Никифор. — Тарасов не работает на мафию. Это подтверждает и тот факт, что его хотела убить группа "Зубр". — Капитан подал Гвоздецкому удостоверение лейтенанта ФАС Бенко с золотой литерой "зет".

Полковник повертел в пальцах коричневую книжечку, скептически хмыкнул.

— Это еще ни о чем не говорит. Вернее, подтверждает принадлежность Тарасова к советникам преступной группировки.

— Суперы из "Зубра" никогда не занимались ликвидацией такого контингента. Здесь какая-то ошибка. Прошу разобраться.

— Некогда мне с этим разбираться, — разозлился Гвоздецкий. — Работы до хрена! — Лицо полковника стало официальным. — Сдайте оружие, капитан.

Никифор пожал плечами, выложил на стол пистолет, "ружак" и нож, опустил руки по швам.

— Разрешите идти?

Гвоздецкий нажал клавишу селектора на столе.

— Маринин, зайди.

Через минуту в кабинет вошли два рослых молодых человека в комбинезонах, представлявшие внутреннюю службу безопасности ЧК.

— Посадите капитана под замок, — распорядился Гвоздецкий. — Будет сопротивляться — не церемоньтесь.

Никифор остался невозмутим.

— Вы делаете ошибку, Кирилл Наумович. Тарасов работает на какую-то параллельную спецконтору, а не на Бендитов. Если бы он служил мафии, у него не украли бы деньги. На вашем месте я бы все-таки разобрался.

— Это не вашего ума дело, капитан. Есть приказ, и его надо выполнять. Уведите его.

Один из телохранителей полковника лейтенант Маринин с неброским сонным лицом и коротким ежиком волос, подошел к Никифору, сжал плечо до боли.

— Вперед!

Никифор гибким змеиным движением освободился от хватки, перехватил руку парня, заблокировал его мгновенный удар левой, сдвинул мышцу на правой так, что тот зашаркал.

— Не трогай, лейтенант, я сам пойду, договорились?

Второй телохранитель рванулся к Никифору, но Гвоздецкий его остановил.

— Не нервничай, Карл, капитан никуда не сбежит.

Никифор отпустил Маринина, вышел из кабинета смирным. Маринин переглянулся с Гвоздецким и последовал за Хмелем. Оба конвоира догнали его в коридоре.

— Не спеши, капитан, — сказал мрачнолицый Карл, — я пойду первым.

Они вышли из штабного домика, повернули к небольшому деревянному строению, в котором размещалась баня и душевые кабины. Карл отпер замок, распахнул дверь. Никифор шагнул вперед, боковым зрением отметил движение сзади, но отреагировать не успел. Удар по затылку был нанесен неожиданно и мастерски точно. В голове капитана вспыхнуло солнце, затем наступила темнота.

Очнулся Никифор в темноте.

Голова раскалывалась от боли, его тошнило, что говорило о сотрясении мозга: били его со знанием дела и не рукой, а чем-нибудь вроде кастета. Он нащупал на затылке пульсирующую огненно-электрической болью шишку, поморщился. Крови не было, удар не пробил кожу, да и волосы слегка смягчили удар, и тем не менее Никифор отдал должное телохранителю Гвоздецкого: парень разбирался в “шоковой терапии”.

Никифор попытался встать, и его едва не стошнило. Пришлось чуть расслабиться и полежать неподвижно, чтобы не провоцировать новые приступы тошноты. Несколько минут он боролся с ватной слабостью и наплывами боли, пока не добился некоторого облегчения. Затем вытер рот платком и медленно поднимаясь по миллиметрам, сел, прислонился спиной к стене помещения.

Внутри камеры было темно, однако он по шероховатой-текстурной поверхности определил, что находится в сауне — слава Богу! — с выключенным электронагревателем.

— Вот сволочь! — вслух проговорил Никифор, имея в виду Гвоздецкого. — Бить-то зачем? Да еще по затылку!

Вспомнилось чье-то изречение: я знаю людей, но как хочется верить, что я ошибаюсь*.

Посидев еще с полчаса в одном положении, Никифор так же медленно встал на ноги. Его шатнуло, в глазах запрыгали огненные круги, но на ногах он удержался. Сделал шаг, другой, цепляясь за стену, налетел коленом на каменный угол печи, зашипел от боли. Добрался до двери, нажал.

* Г.Х.Кул

Напрасные старания. Хотя его и не связали, понадеявшись на силу удара, однако крепкую дубовую дверь заперли, а разбить ее Никифор не смог бы, наверное, и в отличной физической форме. Тогда он лег на лавку и с полчаса отдыхал, собираясь с мыслями и силами. Затем начал сосредоточенно изучать свою деревянную тюрьму, ощупывая каждый сантиметр поверхности пола и стен.

Его поиски увенчались успехом.

Во-первых, он обнаружил два десятка округлых камней, сваленных кучей на решетку электронагревателя и служащих для парообразования. Во-вторых, здесь же находился и таз для воды, с ковшиком для разбрызгивания.

— Вы меня разочаровываете, ребята, — пробормотал Никифор, взвешивая в руке один из камней.

Каждый булыжник весил не меньше килограмма и представлял собой неплохое оружие. Да и алюминиевый ковш мог стать оружием, если бы удалось разогнуть его ручку.

Идея пришла сама собой: перебить кабель, подходящий к тэну, пока еще есть время. Когда начальство примет решение избавиться от ненадежного исполнителя и заменит нагрев, будет поздно.

Капитан заставил себя слезть с лежака, подошел к парнотому металлическому ящику электронагревателя, упрятанному в нише за кирпичной стенкой полуметровой высоты. И в этот момент за стеной раздалось приглушенное гудение, печь стала потрескивать и от нее пахнуло теплом. Снаружи включили нагрев!

Выругавшись сквозь зубы, Никифор начал сбрасывать с решетки тэна камни, попытался нащупать кабель в металлическом шланге, обжегся и ухватился за ящик электронагревателя. Надсаживаясь, шипя от боли, почти теряя сознание от наплывающей волнами слабости, рванул вверх. Раз, другой, третий...

Что-то щелкнуло, заскрежетало, затрещало, руки свело судорогой, и Никифор провалился в беспамятство, упав в воду.

Очнулся от колокольного звона, в кромешной тьме, он удивился: откуда в сауне колокол? Потом сообразил, что слышит пульсацию крови в голове. Вспомнил о своей попытке вырвать “с корнем” тэн, зашевелился, вылез из воды, встал на ноги, потер лицо. Осторожно

пощупал рукой: ящик тэна. Он все-таки оборвал кабель. Смерть от жары и удушья ему не грозила.

— Мы еще поборемся, — прошептал Никифор с угрозой, начиная готовиться к появлению “банщика”. Наверняка там скоро спохватятся и захотят проверить, почему не работает нагреватель.

Ждать пришлось минут десять — по внутренним часам капитана. Затем рывком распахнулась дверь в сауну, и оттуда внутрь небольшого помещения брызнула очередь из автомата. Пули веером прошли доски двухъярусного лежака, с визгом скрикошетили от камней. Никифор издал стон. Стрельба прекратилась.

В проем двери просунулось дуло автомата, ощупывая зрачком сауну, появилась рука, затем чья-то голова.

Никифор, прятаясь за кирпичной стенкой в нише, где стоял тэн, метнул камень.

Раздался вскрик, короткая очередь — “банщик” судорожно вдавил пальцем спусковую скобу автомата, — ступавшего тела, и тишина. Однако Никифор чувствовал, что в предбаннике находится еще один человек, напарник “банщика”, и вылезать из-за укрытия не торопился, превратившись в слух. Через несколько секунд он услышал какой-то шорох, сдавленный хрип, потом раздался негромкий голос:

— Капитан, выходи, если живой.

Хмель не ответил.

Раздался смешок, чей-то шепот, затем прозвучал еще один голос — женский:

— Никифор Петрович, выходите. Мы знаем, что вы там. Одного палача вам удалось нейтрализовать, второго обезвредили мы. Только побыстрее, пожалуйста, у нас мало времени.

Никифор помедлил немного, преодолевая острое нежелание что-либо делать вообще, выбрался из сауны в предбанник. Быстро глянул на два лежащих в разных позах тела в пятнистых комбинезонах и стал рассматривать своих спасителей.

Мужчина был высок, черноволос, ощутимо опасен. Он понимающе усмехнулся в ответ на взгляд капитана. Одежда была в обычный “цивильный” светло-серый костюм с галстуком.

Женщина тоже была в костюме, но песочного цвета, ее необычная красота притягивала взор: тонкое смуглое лицо, карие глаза с миндалевидным разрезом, красиво

рисунка губы, а в глазах светились ум, легкая ирония и сила.

— Кто вы? — буркнул Никифор, с трудом справляясь с очередным приступом головокружения.

— Все объяснения потом, — жестко сказала женщина. — Пока вам достаточно знать, что мы ваши друзья. Меня зовут Мария.

— А меня Ираклий, — слегка улыбнулся мужчина.

— Я иду первой, вы за мной, Ираклий сзади.

Не дожидаясь ответа, женщина повернулась и вышла из предбанника наружу. Никифор последовал за ней, опасаясь самому себе, что подчиняется ей.

Из-за столовой показался солдат в пятнистом комбинезоне, глядя на проходивших мимо Никифора и его освобожденных. Капитан невольно замедлил шаг и получил толчок в спину.

— Не останавливайся! — прошипел Ираклий.

Солдат равнодушно проследовал к штабу, словно никого не видел и не слышал, скрылся за дверью.

Никифор понял, что женщина по имени Мария обладала даром отводить глаза бойцам и сотрудникам, что объясняло и появление этой пары на территории секретного, хорошо охраняемого объекта.

Никифор снова замедлил шаг, остановился. Ираклий толкнул его в плечо, но капитан не сдвинулся с места. Мария оглянулась.

— В чем дело?

— Мне надо зайти в штаб.

— Зачем?

— Поговорить с полковником.

— Это лишнее. Надо уходить.

Никифор упрямо сдвинул брови.

— Можете уходить, я останусь. Спасибо за помощь.

Ираклий и Мария обменялись быстрыми взглядами.

— Никифор Петрович, мы напрасно потеряем время.

Полковник Гвоздецкий просто выполнял приказ.

— Есть приказы, которые требуют объяснений.

— Я его уговорю? — сказал Ираклий вопросительным тоном.

— Не надо, — поморщилась Мария, — пусть идет. Даю вам пять минут, Никифор Петрович. Если не уложите, предоставите и себя, и нас.

Никифор прошел мимо водителя «Волги» словно человек-невидимка, миновал дежурного за столом у входа,

свернул в коридор первого этажа, вошел в кабинет Гвоздецкого и одним ударом успокоил повернувшего голову на звук открывшейся двери парня в камуфляже — начальника охраны базы.

Полковник удивленно проследил за падением своего главного телохранителя. Он сидел за компьютером, уставился на открытую дверь, и в это время сфера невидимости, защищавшая Хмеля, исчезла, и капитан появился перед глазами командира ЧК.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга: бледный до зеленого оттенка, с черными кругами под глазами, исцарапанный Никифор и сухопарый, с лошадиным костистым лицом, с проседью в волосах, Гвоздецкий. Затем полковник сунул руку в ящик стола, а Никифор метнул камень, прихваченный с собой из сауны.

Килограммовый булыжник попал Гвоздецкому в подбородок, сломал челюсть, раздробил зубы. Полковник глухо охнул, отлетая к окну кабинета, свалился вместе со стулом. Никифор подошел к нему, глядя, как человек, спокойно отдававший распоряжение убить его, ворочается на полу, пачкая кровью ворот комбинезона, сказал без выражения:

— Со мной нельзя так, полковник! Я не расходный материал, который можно просто списать со счета. Выживешь — живи!

Никифор достал из ящика стола пистолет с квадратным дулом — психотронный генератор “нокаут”, порылся в других ящиках, выудил еще один пистолет — бесшумного боя, новейший “котик”, и вышел из кабинета.

Мария пристально посмотрела на него, прочитала, что творится в душе Хмеля и молча направилась к выходу с территории базы. Никифор, поймав сочувствующий взгляд Ираклия, хмуро зашагал за ней. Ираклий двинулся следом.

Мария пересекла небольшую площадь напротив ворот базы, прошла еще около сотни метров по узкой улочке и остановилась у темно-серого джипа “Бьюик-Империл”. Ираклий занял место водителя, открыл дверцу сзади.

— Садитесь, — кивнула женщина.

— Вы не сказали, кто вы, — напомнил Никифор, чувствуя, что еще немного, и он упадет.

— Садитесь, — властно приказала Мария. — Еще успею поговорить.

Джип выехал из Раменского, направляясь в сторону МКАД.

— На кого вы работаете? — проговорил Никифор. — Не на капитана Тарасова случайно? Он мой должник.

— С капитаном Тарасовым вы вскоре встретитесь, — пообещала спасительница, отнимая ладони. — Сейчас мы как раз едем к нему. Вы с ним ухитряетесь попадать в неприятные ситуации с непредсказуемым финалом. Затем поедем в Вологду, где познакомим вас с Дмитрием Булавиным. А работаем мы на Вечевую службу Рода. Слышали о такой организации?

Нет, — мотнул головой Никифор.

— А слово Катарсис вам ни о чем не говорит?

— Что-то греческое...

Мария снова улыбнулась.

— Это слово означает — очищение, и оно же точно отражает смысл работы нашей организации. Мы хотим предложить вам войти в структуру Катарсиса, послужить Отечеству на иных уровнях.

— Это на каких еще?

— На уровнях духовных. Время от времени нам требуются такие люди как вы, люди боя, но не потерявшие души и совести. Кстати, если бы вы сейчас убили полковника, этот разговор не состоялся бы. Месть не входит в число добродетелей людей, с которыми мы работаем.

Никифор хмыкнул.

— Так я, пожалуй, загоржусь. А что мне предстоит делать? Спасать мир? Россию? Отдельную контору?

— Как говорил один поэт*: мир, вероятно, спасти не удастся, но отдельного человека всегда можно.

— Значит, мне предстоит спасти какого-то конкретного человека? Я вас правильно понял? Кто же этот важный босс?

— “Серебряный мальчик”, — оглянулся Ираклий.

— Мальчик? — пробормотал Никифор, сбитый с толку.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросила Мария.

— Сносно.

— Тогда обо всем по порядку.

И она повела рассказ о Сопротивлении, о Катарсисе, о волхвах и о многом другом. Через час Никифор знал все, ради чего пара магического оператора — Ираклий и Мария — вытащили его из тюрьмы, спасая от неминуемой смерти.

И. Бродский

МОСКВА. ТАРАСОВ.

В Москву Глеб возвращался с тяжелым сердцем. Хотя дед и обещал присмотреть за Софьей и детьми, оставлять их в деревне у малознакомых людей было страшно. Те, кто планировал ликвидацию капитана — группа “Зубр”, да и коллеги капитана Хмеля, могли вернуться и захватить женщину с двумя детьми, представляющими идеальный инструмент для шантажа.

Теперь Тарасову предстояло выяснить причину, по которой его хотели убить две разные спецкоманды, и нейтрализовать эту причину. А поскольку он понимал, что такие решения принимаются где-то в достаточно высоких кабинетах, то для поиска человека, принимающего такие решения, надо было пройти всю вертикаль исполнения — от киллеров до заказчика. Мешало этому только собственное положение изгоя, точнее “самовольщика”, полубеглеца, которому еще предстояло доказать свою невиновность.

Машину, взятую в аренду, надо было возвращать, однако Глеб оставил ее у деда в Карпунино, а в Москву поехал на серебристом мерседесовском минивэне с темными стеклами, принадлежавшем группе “Зубр”, который обнаружили оперативники Хмеля в километре от пасеки. Сначала они хотели сжечь машину, имитируя перестрелку между своими, однако Глеб уговорил Никифора этого не делать и теперь имел роскошное средство передвижения, оборудованное системой спутниковой связи, в багажном отделении которого обнаружился запас оружия и боеприпасов. Блямба пропуска с красной полосой и буквами ФАС надежно охраняла машину от инспекции ГИБДД, поэтому доехал до столицы Тарасов без остановок и приключений. Уже за МКАД остановился, настроил хайдер и вызвал Ухо.

Ответ пришел через две минуты.

— Капитан, Александр Свиридов уволен. — Диалог-блок хайдера имитировал речь Тихончука. — Немедленно явитесь по месту службы для выяснения причин вашего отсутствия! Если через два часа вы не появитесь, на вас будет организована охота как на особо опасного преступника! Как поняли?

— Буду через два часа, — заверил Глеб Хохла и выключил компьютер, гадая, что означают слова майора “Александр Свиридов уволен”.

В девять часов вечера он оставил микроавтобус “Зубра” в сотне метров от КПП базы, показал удостоверение в охране и прошел на территорию части.

Хохол ждал его у двухэтажного строения штаба с Чересом, Романом и двумя мощного сложения парнями, на лицах которых застыло выражение “отсутствия всякого присутствия”. Глеб этих здоровил раньше не встречал. Подойдя ближе, кинул руку к виску:

— Товарищ майор, разрешите доложить. Капитан Тарасов из самовольного увольнения прибыл! За время отсутствия освобождена моя дочь и уничтожена команда киллеров “Зубра”, имевшая задание ликвидировать меня.

Брови Хохла дрогнули, поползли вверх, в глазах появилась озадаченность. Однако отступить от заранее разработанного сценария встречи “блудного капитана” он не стал. Сыграл желваками, сказал сухо:

— Капитан, вы совершили подсудное деяние и должны быть наказаны. Сдайте оружие!

Глеб оглядел ждущие лица здоровяков, приготовившихся в случае его сопротивления применить силу, перехватил виновато-сочувственный взгляд Романа, пошевелил:

— Где Ухо, Ром?

Роман отвел глаза.

Он переведен в другую часть.

— Сдайте оружие и документы, капитан! — лязнул мелким голос Тихончука.

Глеб еще раз оглядел компанию, размышляя, зачем майору понадобилось организовывать показательную встречу (в целях воспитания молодого пополнения, что ли?), подумал, что вряд ли этим ребятам удалось бы его остановить, и протянул Тихончуку удостоверение.

— Хайдер в машине, товарищ майор. Там же оружие. Может быть, поговорим, выясним все смягчающие мою вину обстоятельства?

— Отведите его в КПЗ, — отвернулся Хохол с подчеркнутой холодностью.

Парни с отсутствующим выражением лиц шагнули к Тарасову, взяли его под руки.

— Я сам пойду, — тихо сказал Глеб. — Уберите грабли.

Его дернули вперед, а здоровяк слева еще и до боли стал трехглавую мышцу плеча, так что капитан закусил губу.

— Отпустите, парни, я же сказал — пойду сам.

Еще один рывок, удар кулаком по ребрам.

Дальнейшее произошло в течение двух секунд.

Глеб ушел в п у с т о т у, вывернулся из рук конвоиров, одного ткнул костяшкой указательного пальца под кадык, второму одним движением сломал кисть руки и тут же добавил ребром ладони в переносицу. Оба здоровяка легли на асфальтовую дорожку и затихли.

Тихончук схватился за пистолет.

Тарасов повернул к нему голову, проговорил глухо:

— Майор, не доводи меня до бешенства. Если бы я захотел, я бы вас всех тут положил. Я готов отвечать перед законом, но только за самоволку, а не за убийство. К тому же я тебя просил отпустить меня на несколько дней, чтобы спасти дочку. Ты не отпустил, я ушел. Это все мое преступление, за которое я готов понести наказание. Но не унижай меня перед пацанами!

— Может, действительно разберемся без базара? — посмотрел на Тихончука Черкес. — Если бы мне пришлось выбирать, я бы тоже сбежал.

— Отставить, лейтенант! — ощерился Хохол. — У меня другие данные по деятельности капитана в самоволке. Ведите его в бытовку, пусть посидит, подумает. Приказы для того и отдаются, чтобы их выполняли, а не обсуждали. Завтра приедет полковник Чиповатый из отдела внутренних расследований, вот с ним пусть и договаривается. Пошел!

Тихончук направил ствол “котика” на Тарасова.

Черкес развел руками.

— Извиняй, Старый, придется подчиниться.

Глеб молча повернулся и зашагал к хозблоку, в котором располагались мастерские, кухня, столовая и бытовка обслуживающего базу персонала. Черкес догнал его, пошел рядом. Когда они отошли от майора и Романа, оставшегося на месте, на достаточное расстояние, Николай проговорил, почти не разжимая губ:

— Зря ты вернулся, Старый. Ухо за то, что держал с тобой связь, загремел куда-то на нары, и тебя ждет та же участь, если не что-либо похуже.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю, я знаю. Этот Чиповатый уже приезжал, он из ФАС, морда — что передок у БМП! Такой родную маму не пожалеет, не то что тебя.

— Спасибо за предупреждение, Коля, я буду осторожен. А ты точно знаешь, что он из ФАС?

— Я слышал его трепотню с Хохлом. На твоём месте я бы не ждал, а тихо свалил.

— Не могу, я офицер.

— Ну, конечно, офицерская честь и все такое прочее. Кому будет нужна твоя офицерская честь, если тебя завтра шлепнут?!

— С чего ты взял, что меня шлепнут?

В хозблоке в этот вечерний час уже никого не было. Черкес открыл входную дверь, затем дверь бытовки, сделанную из толстых сосновых досок и обшитую металлическим листом, включил свет.

— Вот твои апартаменты типа “люкс”, Старый. Извини, что нет кровати и удобств. Спать придется на полу и без матраса.

Он ушел.

Дверь закрылась, заскрежетал в замке ключ.

Глеб прошелся по бытовке, оглядывая запасы облицовочной плитки, постукал костяшками пальцев по оштукатуренным стенам.

Две стены были кирпичными, толстыми, глухими, третья тоже оказалась кирпичной, но уже тоньше, сложенная в полкирпича. Ее при определенных условиях можно было пробить ломиком или молотком. Четвертая стена принадлежала Тарасову. Она явно была деревянной, представляя собой перегородку, но при этом казалась гораздо мощнее первых трех, а главное — о п а с н е е.

Глеб выключил свет, постоял у стены, привыкая к темноте, и напряг “второе” зрение, помогавшее ему ориентироваться в полной тьме.

Он увидел слабо светящуюся решетку, пронизывающую толщу стены, и понял, что она опутана электрическими проводами с немалым напряжением. Кто-то позаботился о том, чтобы с этой стороны в бытовку проникнуть было не менее трудно, чем с других сторон. А может быть, сюрприз готовился для пленника, пожелавшего бы сбежать из импровизированной камеры.

Пожав плечами, — бежать он пока не собирался, будучи уверенным, что все обойдется, — Глеб нашел тюк с ватниками, соорудил из них на полу постель и улегся.

Обостривший слух уловил звуки шагов нескольких человек. Действительно, к хозблоку подкрадывались сразу с трех сторон. Причем, каждый из гостей тщательно

прятался от остальных, что говорило о самостоятельности действий трех групп.

Шорох у входной двери. Звук вставляемого в замок ключа.

Шорох со стороны столовой: какие-то люди уже проникли в хозблок и направлялись к бытовке.

Глеб взял в правую руку монтировку, в левую — две облицовочных плитки, которые можно было использовать в качестве метательных пластин, встал за ящики справа от двери.

Скрип открываемого замка наружной двери.

Те, что уже были в здании хозблока, остановились у бытовки. И тотчас же дверь в бытовку, — Глеб не поверил своим ощущениям! — беззвучно приоткрылась. В проеме сформировалась зыбучая тень. Тарасов поднял монтировку и едва удержал руку, услышав торопливый шепот:

— Капитан, это друзья! Мы хотим вас освободить! Быстро выходите отсюда!

Говорила женщина.

— Кто вы? — прошептал удивленный Глеб.

— Объясняться будем потом. За вами пришли две разные конторы, не считая нашу, надо использовать данное обстоятельство.

— Я тоже думал об этом.

— Вы знаете, что за вами охотятся из разных лагерей?

— Я это чувствую.

— Мария, время! — послышался другой шепот, мужской.

— Выходите, капитан, двигайтесь за нами.

Глеб выскользнул из бытовки, видя перед собой два ощущения темноты. Его плеча коснулась чья-то рука.

— Быстрее!

Дверь в бытовку закрылась. Тень плотнее переместилась за спину Тарасова (мужик, и очень мощный!), вторая тень (женщина, уверенная, властная и тоже очень сильная) заскользила по коридорчику к столовой. Глеб поспешил за ней, настраиваясь на адекватное восприятие опасности.

Через несколько секунд они скрылись за открытой дверью столовой, замерли, прислушиваясь. Кто-то осторожно крался к двери бытовки со стороны главного входа, и еще какие-то люди подбирались к хозблоку со стороны мастерских.

— Сейчас сработает, — шепнул мужчина.

В тишине, царившей в корпусе хозблока, вдруг послышался стук в дверь: стучали из бытовки, где минуту назад сидел Тарасов, — а затем крики:

— Откройте! Эй, кто-нибудь, откройте! Я хочу в туалет!

Глеб понял, что включился оставленный Ираклием магнитофон.

— Лихо! — пробормотал он.

Ираклий похлопал его по плечу.

— Отвлекающий маневр. Уходим.

Они вылезли через окно столовой наружу, двинулись один за другим к воротам базы. Тарасов хотел было спросить, как освободители собираются выводить его за пределы части, но передумал. Они явно действовали по плану и знали, что надо делать.

Внезапно из хозблока донеслась приглушенная стрельба. Затем окна здания осветила вспышка взрыва. Дрогнула земля. С грохотом и звоном вылетели стекла. Из-за кустов жимолости, подступавших к хозблоку почти вплотную, вылетела огненная стрела, вонзилась в окно здания. Раздался еще один взрыв, за ним — вопли, мат и беспорядочная стрельба.

Из будки у ворот выскочили часовые. С двухсекундным запозданием взвыла сирена.

Глеб замедлил шаг.

— Не останавливайся, — взял его под локоть Ираклий. — Все нормально, им теперь не до нас. Они долго будут выяснять отношения друг с другом.

— Кто — они?

— Киллеры ЧК и ФАС. Мы их столкнули лбами.

— А эти? — Глеб кивнул на часовых, освещенных начинавшимся пожаром.

— Они нас не видят, мы в зоне “непрогляда”.

Мария спокойно прошла мимо часовых, не обративших на беглецов никакого внимания, подождала мужчин, и все трое вышли через проходную на улицу. В двух сотнях метров от проходной их ждал джип “Бьюик-Империал”, внутри которого сидел какой-то человек. Глеб шел рядом с ним, несколько обалдевший от удивительной простоты своего освобождения. Ираклий занял место водителя, Мария села рядом с Ираклием на переднее сиденье.

Поехали. К утру мы должны быть в Вологде.

Ираклий включил двигатель. Джип заурчал, зажег фары и покатился прочь от базы группы "Хорс", на территории которой все еще слышалась стрельба.

— Привет, капитан, — заговорил вдруг человек рядом с Глебом.

Тарасов повернул голову и в отсвете фар узнал своего первого спасителя капитана Никифора Хмеля.

— Ты с ними?!

— Не знаю пока, — усмехнулся Никифор. — Скорее да, чем нет. Четыре часа назад они меня вытащили из сауны.

— Откуда?!

Никифор снова усмехнулся.

— Меня туда посадили под замок, за то, что я тебя отпустил.

— Понятно. Меня тоже мое начальство упрятало в бытовку за невыполнение приказа.

Капитаны обменялись понимающими взглядами.

— Кажется, мы оба попали под асфальтовый каток чье-то приказа: "уничтожить!" Может, попробуем добратсья до заказчика?

Тарасов вспомнил слезы в глазах Софьи, страх в глазах дочери, горестное недоумение в глазах деда, глухо проговорил:

— Я — за! Если, конечно, нам разрешат заняться этим делом.

— Вы вольны в своих поступках, Глеб Евдокимович, — оглянулась на них Мария. — Но я бы не советовала вам заниматься поисками заказчика. Он и так известен.

— Кто?! — в один голос воскликнули Тарасов и Хмель.

— Узнаете в свое время. Для того, чтобы вы поняли, кто есть ху, вам придется выслушать пару лекций, после чего вы и решите, что делать.

— Тогда начинайте свои лекции.

Ираклий вдруг резко затормозил. В свете фар джипа на дороге выросла высокая фигура в белом.

— Егор?! — пробормотал Ираклий.

Фигура приблизилась, превратилась в седого мужчину с приятным, спокойным лицом, на котором буквально сияли желтые, "тигриные", все понимающие глаза. Мария вышла к нему навстречу, оглянулась на Ираклия. Тот спохватился, выключил фары.

Разговор женщины и незнакомца длился около минуты. Ираклий тоже вышел из машины, но тут же забрался в кабину обратно.

Кто это? — кивнул на седого Никифор.

Егор Крутов, — задумчиво ответил Ираклий. — Координатор Сопротивления и волхв.

Никифор и Глеб переглянулись.

Мария села на свое место. Седой мужчина махнул рукой и исчез. Тарасов невольно завертел головой, пытаясь определить, куда подевался собеседник Марии, но никого не увидел. Координатор Сопротивления действительно исчез.

— Планы меняются, — сказала Мария, в то время как ее спутник разворачивал джип. — Нас пригласили в гости в Ветлугу. С вами хочет побеседовать один человек.

— Тоже волхв? — спросил Тарасов.

Мария покосилась на Ираклия. Тот ответил виноватым взглядом.

Я им сказал о Крутове.

Да, волхв, — кивнула женщина, спрятав улыбку. — Вести, внимание волхвов дорогого стоит. Никифор, вы что-то знаете о нашей организации, просветите капитана Тарасова, пока мы будем ехать. Остальное узнаете от хозяина.

Никифор посмотрел на Глеба.

— Приготовься, капитан, услышать кое-что необычное, но что верится с трудом.

Джип пересек мост через реку Ветлугу, попетлял по улочкам города, выехал на улицу Герцена и остановился возле красивого старинного дома с резными наличниками и коньком крыши. Открылись ворота во двор. И тот же из сеней вышел высокий седой мужчина в белой рубахе и шортах, открывающих мускулистые, отнюдь не старческие ноги. Он с улыбкой во взоре шагнул навстречу прибывшим.

— Доброе утро, гости дорогие...

Никифор и Глеб переглянулись, ошеломленные встречей. Это был тот самый седой прохожий, что встретился им на дороге в Подмоскowie.

— Как вы здесь оказались раньше нас? — пробормотал Никифор.

— У меня свои средства передвижения, — обозначил Крутов усмешку краешком губ. — Проходите в дом.

Тарасов и Хмель направились к дому, вошли в прохладные сени, где гуляли приятные запахи трав и сосновой смолы. Навстречу им вышла из светлицы миловид-

ная молодая женщина с большими лучистыми серыми глазами, в которых прятались грусть и улыбка одновременно.

— Здравствуйте, — слегка поклонился Глеб.

То же самое сделал и Никифор.

— И вы здоровы будьте, — поклонилась в ответ женщина; проседь в густых пышных волосах ее совсем не старила. — Меня зовут Елизавета Романовна, хотя можно звать просто Лизой, я жена Егора. Проходите в горницу.

— Располагайтесь, — повела рукой Елизавета. — Там дальше гостиная, лаборатория мужа, можете посмотреть, пока он занят с друзьями.

Гости прошли в комнату хозяина, и глаза их разбежались от обилия сложнейших установок, приборов и устройств, о назначении большинства которых ни у Тарасова, ни у Хмеля не было понятия. Кроме того здесь стоял длинный деревянный стол с рядами реторт, бюветов, различных сосудов замысловатых форм, банок и чашек. Тарасов с оторопью пригляделся к изогнутой бутылке с зеленоватой жидкостью, внутри которой плавал самый настоящий дракон. Только маленький. Глеб не удержался, чтобы не потрогать холодную, как лед, бутылку пальцем.

Все установки располагались вдоль стен помещения, посередине же образовался пустой круг диаметром около трех метров, в центре которого на медвежьей шкуре стояло массивное деревянное кресло с резной спинкой и гнутыми подлокотниками, с ножками в форме волчьих лапы. На подголовнике кресла висела необычной формы корона из голубовато-серебристого металла, притягивающая взор. Она была семигранная, двухэтажная и с очень красивым и сложным рисунком ажурной вязи. Ее хотелось погладить, взять в руки и надеть на голову.

Никифор не удержался от соблазна, подошел к креслу, — Глебу показалось, что он услышал при этом необычный звук, напоминающий тихий стон лопнувшей струны, — и коснулся короны пальцем. И вздрогнул от голоса незаметно появившегося в лаборатории хозяина:

— Трогать здесь предметы не рекомендуется.

Никифор оглянулся, спрятал руку за спину.

— Извините. Я только хотел посмотреть на эту вещь поближе.

— Это опасно.

— Почему?

— На атомной электростанции вы же не станете держать за рукоятки и нажимать кнопки? А тут, пожалуй, еще покруче.

— Да, машинки у вас внушительные, — сказал Никифор, — особенно вот эта. — Он указал на сверкающий золотом и полировкой агрегат с прозрачным колпаком шарофага.

— Это позитронный эмиссионный томограф для изучения коры головного мозга. С его помощью можно легко определить, к какому виду относится человек — хищному или нехищному.

— Разве есть такое деление — на хищный и нехищный виды? — удивился Никифор.

— К сожалению, есть. Существуют два хищных вида человека — суперанималы и суггесторы, и два нехищных — диффузные люди и неоантропы.

— А это что за корона?

— Минуту!

Бесшумно ступая босыми ногами по полу, Крутов подошел к креслу, провел над ним ладонью, как бы оглаживая корону и само кресло, затем взял корону в руки. Тарасову показалось, что корона при этом на мгновение обернулась в ветвистую сеточку разряда.

— Я заложил в компьютер параметры всех известных коронок, в том числе таких знаменитых, как “шапка Менюмаха”, короны наших царей, хранящиеся в Кремле и в музеях, короны английских и европейских королей, жрецов племен Африки и Америки, других царственных особ, и рассчитал универсальную энергоинформационную матрицу, воплотив ее в суперкороне, которую я назвал капией. Попробуйте надеть.

Никифор заколебался. Глеб сделал шаг вперед.

— Я попробую.

— Тогда я за тобой, — сказал Хмель с легкой досадой.

Тарасов сел в кресло, ощутимо тяжелое, твердое и холодное, потемневшее не то от времени, не то от множества прикосновений. Крутов осторожно надел корону ему на голову, натянул чуть глубже, и Глеб провалился в сияющую бездну, хотя осознавал при этом, что сидит в кресле и видит перед собой предметы лаборатории. В голове с похрустыванием начал разламываться прозрачный панцирь, сковывающий тело, зазвенели далекие цимбалы. Под этот звон панцирь окончательно слетел с сознания Тарасова, и он окунулся в бездну невероятной

глубины знания и понимания. А потом вспомнил все, что происходило с ним в жизни...

— Помнишь себя трехлетним? — долетел откуда-то издалека гулкий бас.

— Помню... — прошептал Глеб.

— А двухлетним?

Перед глазами капитана развернулась сцена: он стоит у комода, цепляясь ручонками за ручки ящиков, и тянет на себя скатерть, скатерть сползает, с нее летят женские безделушки, пудреница, зеркальце, флакончик духов и ножницы, они падают прямо ему на запрокинутое лицо, еще мгновение — и острие вонзится в глаз, и вдруг откуда-то выныривает рука отца и перехватывает ножницы в самый последний момент...

— Помню!..

— А что ты помнишь, когда тебе исполнился один год?

— Пожар... — прошептал Глеб. — Мать оставила включенный утюг... я почуял запах дыма, закричал...

— Может быть, вспомнишь свои ощущения в день рождения?

— Тепло, уютно... потом толчок... холодно и страшно! Вижу какую-то башню в форме креста... старца с развевающимися белыми волосами... и мальчика с такими же волосами... они входят друг в друга...

— Достаточно! — Крутов стянул с головы Глеба корону, и тому показалось, что его ударили по затылку! Он ослеп и оглох на какое-то время, ничего не соображая, но чувствуя огромное сожаление и горечь отключения от внутренней вселенной.

Крутов подал ему чашку с водой.

— Глотни родниковой.

Глеб повиновался. Голова прояснилась, словно внутри нее подул свежий морозный ветерок. Пришло ощущение подъема. Глеб освободил кресло.

— Ты крепкий парень, — с уважением сказал Крутов. — Не многие выдерживают больше минуты. Да и тебе нельзя держать канал памяти больше двух минут, это чревато нарушениями психики. Ну, капитан, ты еще не потерял желаний испытать капю на себе? — глянул волхв на Хмеля.

— Я что, рыжий? — ответил тот, занимая кресло. — Хочу испытать то же самое. Надевайте вашу капю.

Крутов осторожно натянул корону на голову Никифора.

Глеб с интересом ждал реакции капитана.

Тот вздрогнул, широко раскрывая глаза, замер, вцепившись в подлокотники кресла, и ушел. То есть, как и Гарасов, погрузился в свой внутренний мир, принялся "листать" страницы своей памяти, вспоминать давно минувшие дни.

Крутов не стал спрашивать, помнит ли Никифор себя в детстве, какие чувства испытывает, волхв просто снял корону спустя минуту после начала сеанса.

Никифор снова вздрогнул, начал озираясь, протирать глаза, с недоумением глянул на считавшего его пульс Крутова.

— Что это было?!

— Капю фокусирует ламинарный поток Сил, очищающих и настраивающих мостик между сознанием и подсознанием. Но психика человека не подготовлена к такому состоянию, у него зачастую "едет крыша", как это наглядно иллюстрируют примеры поведения наших царей.

Никифор потрогал затылок, пригладил дрожащей рукой волосы, с опаской и уважением посмотрел на корону.

— Если бы не испытал сам, никогда бы не поверил! Вы действительно колдун, Егор... э-э, да, Егор.

— Но сначала ты думал иначе, не так ли? — улыбнулся Крутов. — Ладно, пульс почти нормальный, все хорошо. Идемте в баню.

Никифор посмотрел вслед волхву, сконфуженно усмехнулся в ответ на красноречивый взгляд Глеба.

— Мысли мои он читает, что ли? Когда он говорил, чем занимается, я сравнил его с "исследователем длины носа буратино". Так говорил о себе мой учитель физики.

Глеб молча похлопал капитана по спине и вышел из лаборатории, уверенный, что им предстоит узнать еще много интересного, необычного, поражающего воображение.

Беседа началась за чаем.

— Итак, гости дорогие, кое-что вам уже рассказали о Кагарсисе и о его исполнительном органе — Сопропелении. Добавлю следующее. Система Сил Сатаны существует реально и уже тысячи лет проводит в жизнь свою Программу, опираясь на черных магов, обладающих абсолютной властью, — как известно, власть во всех ее проявлениях — самый сильный наркотик! — и на хищных людей, также добывающихся влас-

ти, уже на более низком уровне. Программа Сатаны базируется на нескольких архетипических установках, требующих жесткого соблюдения стандартов поведения, шаблонов для подражания и четкой иерархии управления, а также на подавлении любого проявления воли индивидуумов. Исполнители самого высокого уровня Программы никого не уважают, но и не стремятся никого уничтожить, предпочитая заставлять всех работать на себя. Это уровень иерархов Программы и конунгов. Исполнители же рангом ниже — “новые революционеры” из НРИ, adeпты Братства Единой Свободы, “борцы с терроризмом” из ФАС и другие, — признают только культ силы и полное уничтожение противника, в крайнем случае — его полную капитуляцию. Компромиссов они, как правило, не признают. Вы с ними уже столкнулись, хотя я думаю, причина этого столкновения вам еще неизвестна.

— Может, просветите? — вставил слово Никифор.

— Разумеется, чуть позже. В продолжение темы: равноправные отношения между слугами СС и нами, людьми Катарсиса, невозможны. Но и воевать мы не собираемся, разве что нас заставят обороняться, спасти свою жизнь. Иногда такое случается, когда мы не успеваем просчитать линии намерений и ожиданий противоположной стороны или узлы пересечений реализованной системы власти с какой-либо из виртуальных ветвей. Особенно это касается бифуркационных состояний государственных макросистем. Примеры: революция в семнадцатом году, развал СССР в конце девяностых годов прошлого столетия, нынешний всплеск терроризма. Но это отдельная тема для разговора. Для дальнейшего пояснения происходящего вам необходимо знать схему взаимодействия СС и Катарсиса с государственными структурами.

Крутов принес листок бумаги, карандаш и набросал схему, состоящую из полутора десятков квадратиков и кружочков, соединенных линиями.

— Как видите, главных направлений вытеснения СС шесть: финансы, СМИ, культура, президентские структуры, властные структуры, то есть правительство, и силовые службы. СС предлагала нам войну на уничтожение, мы отступили. Тогда началась война информационная, точнее — магически-информационная, которая привела к большим духовным потерям с нашей стороны, пока мы не поняли, что воевать — все равно что играть в вирту-

альную компьютерную игру! Даже если ты победил — ты все равно остался там, в игре! Не вышел на свободу, остался заложником вечной войны, рассчитанной лишь на временные победы.

— Но что же, выходит, сражаться с СС не стоит? Сидеть и ждать, пока не придут киллеры?

— Почему ждать? Надо жить! Строить с вами модель жизни. Отсюда и стратегическая цель Катарсиса — не ждать до победного конца, а заставить и систему СС и систему живых! Во всех сферах жизни: политической, социальной, экономической, культурной. Необходимо изменить саму концепцию власти, основанную на разобщенности и торговле совестью, чтобы все нехитые люди стали ее частью. Только тогда Сатана, или, как его еще называют, Люцифер, Чернобог, Денница — Утренняя Заря, Чегирь, Инквизитор, Экзаменатор и тому подобное, отступит, уйдет с Земли, так как перестанет получать энергоинформационную подпитку. Однако до этого еще очень далеко, если вообще эта цель достижима. Слишком сильно искажена система ценностей человека, слишком мощную скорлупу он вырастил вокруг своей души. Изменить его способна только философия жизни по совести, путь трансформации традиций и форм воздействия, путь поиска новых связей и творческой реализации. Мы всю жизнь с кем-то дружим, не подозревая, что дружим с дьяволом. И всю жизнь воюем, не зная, что воюем сами с собой.

— Это теория, — тихо сказал Тарасов. — Что нужно делать на практике для достижения поставленной цели?

— У нас много работы. СС продолжает расширять сферу своего влияния на человечество через организации типа МВФ, ООН, НРИ, братство БЕСа, другие фанатические секты и военизированные организации, и нам надо все время защищаться, нейтрализовать их деятельность и сталкивать хищников между собой. Это на физическом уровне. Есть и уровни повыше. К примеру, нам необходимо убрать конунга из окружения президента, а это требует иных подходов и методов разведки и воздействия, недоступных простым смертным.

— Нам тоже? — прищурился Никифор.

— Вам пока тоже, — спокойно ответил Крутов. — Этим занимаются Витязи, прошедшие большую жизненную школу и знающие магические приемы. Тактическая задача Витязей — создание системы нелинейной безопасно-

сти общества и замещение систем обучения системой возрожденной *живы*.

— Но ведь им в таком случае приходится... драться?

— К сожалению, приходится. Но терпеть глупое — глупо, а сносить жестокое — жестоко. Мы вправе отвечать своим врагам адекватно, хотя, подчеркиваю, стремимся изменить себя и мир не насильственным путем. Это все, что я хотел сказать вам сегодня. Вопросы?

— Вы не сказали, что нам предстоит делать конкретно, — медленно проговорил Тарасов.

— Основная ваша задача — вместе с Витязями снять со страны пресс криминального давления. В ближайшем же будущем вам предстоит защищать одного...

— Мальчишку, — перебил волхва Никифор.

— Да, “серебряного мальчика”, инкарнацию Белого Волхва, будущего координатора возрожденной России. Это почетная и очень рискованная работа. Доверяют такую немногим. Но вам мы можем ее доверить, вам двоим и еще одному человеку, Дмитрию Булавину.

— Почему именно нам? Чем мы заслужили такое доверие? Разве ваши... Витязи не в состоянии охранять мальчика?

Крутов помолчал, разглядывая стакан на столе. Поднял голову:

— Дело в том, что вы трое — физическая триада действия, но в то же время — ментальная или, если хотите, духовная монада совести, этической связи.

— С кем?

— С Ним. — Крутов кивнул вверх, улыбнулся. — С Творцом. Со Вселенной. По сути не мы, а Он дал вам кредит доверия, помог вырваться из круга вечной войны ради войны. Постарайтесь это доверие оправдать.

Никифор и Глеб переглянулись.

— Ни фиги себе масштабик! — пробормотал ошеломленный Хмель. — А если не оправдаем? Он нас... уничтожит? В лягушек превратит?

— Говори, что думаешь, — буркнул Тарасов.

— Я не такой умный, как ты, — огрызнулся Никифор. — Кстати, человек, который говорит, что думает — конченый человек.

— Зато человек, который думает, что говорит — законченный идиот!

— Все? Выяснили отношения? — доброжелательно посмотрел на обоих Крутов.

Капитаны смутились.

— Извините, Егор, мы просто обалдели и перевариваем информацию. Что нам делать дальше? Ведь нас будут искать... э-э, наши коллеги и враги. Кстати, непонятно все же, почему на нас организована охота.

— Конунги знают о существовании “серебряного мальчика” и о том, что мы готовим триаду охраны. Вас вычислили магическим способом...

— Черный прямоугольник?!

— Это магическая “антенна пеленгатора” конунгов. Они вас засекли, а дальше подключили спецкоманды “стающих” НРИ и ФАС. Это опасный противник, но не всемогущий. Мы научим вас опережать его. А сейчас вас ждут мои друзья, которые отвезут вас в Вологду.

Крутов поднялся из-за стола.

ВОЛОГДА. БУЛАВИН.

В понедельник в Вологде открылись Всероссийские детские соревнования по регболу, в состав судей которых вошел и Дмитрий. Отсудив три поединка команд из Белоруссии и Казахстана, Дмитрий с приятелем из “Динамо” пообедал в кафе спорткомплекса, где проходили соревнования, и вернулся в судейскую комнату поздравить Диане и предупредить о вечернем randevу, чтобы она не планировала других встреч. Он собирался заехать к ней на фирму после шести часов вечера и посидеть в ресторане. Однако Дианы на месте не оказалось, не отпечал и ее мобильный телефон, и расстроенный Булавин ушел на диване в уголке комнаты, в которой не прекращалась обычная организационная суета, размышляя о причине молчания любимой женщины.

Софья уехала обратно в деревню к дочке, точнее, к девочкам — Оленьке и Акулине, дочке капитана Тарасова, которую уже считала своей, отец в дела сына не вмешивался, и посоветоваться Дмитрию в общем-то было не с кем. А поскольку угроза приставаний Симона Килабриади к Диане оставалась, Дмитрий не мог не тревожиться за ее жизнь.

В судейскую вошел крутоплечий молодец с коротким ежиком волос, в котором Дмитрий с удивлением признал майора службы безопасности президента Михаила Дегтярева. Найдя глазами Булавина, он подсел к нему, дружески сунул руку.

— Привет, чемпион. Рассказывай.

— Прямо здесь? — хмуро буркнул Дмитрий.

Дегтярев оглядел судейскую.

— На нас никто не обращает внимания, так что все нормально. Что случилось? Почему погиб Мих-Мих и большая часть группы?

— И почему не погиб я, так? — усмехнулся Дмитрий.

— Правильно, — не смущаясь, кивнул майор. — Хотя я не стал бы так категорично увязывать эти события в причину и следствие. Мы проанализировали ваше поведение и причин сомневаться в вашей невиновности не нашли. Но тем не менее подробности случившегося нам неизвестны.

— Мне тоже, — сухо сказал Дмитрий. — Я уцелел только вследствие того, что не успел войти на территорию храма. Разве Диана вам этого не рассказала?

— Рассказала, но мы... как бы это выразиться поаккуратнее, сомневаемся. Что же вас задержало?

— Объективные обстоятельства.

— Точнее?

— К храму подъехал на велосипеде молодой парень в черной рясе, я остался его встретить и нейтрализовать, чтобы он не поднял тревогу.

Дегтярев окинул лицо Булавина задумчивым взглядом.

— Нечто в этом роде мы и предполагали. Хотя странно все же, что вы уцелели, находясь практически в эпицентре действия таинственной смерти, а группа поддержки, располагавшаяся в сотне с лишним метров от храма, вся выбыла из строя. Парни до сих пор жалуются на головные боли. Ну, да Бог с ними, живы остались и то хорошо. Возможно, вы знаете какие-то приемы выживания в таких условиях. Как вы думаете, Дмитрий Михеевич, что все-таки произошло? Почему погибло столько людей, причем одновременно?

Дмитрий ответил на жест главного судьи, постучавшего по циферблату часов, что, мол, помнит свой выход, повернулся к собеседнику.

— Майор, уверен, что вы знаете причину гибели людей. Я же могу только догадываться. На мой взгляд в храме было произведено испытание психотронного генератора большой мощности, разработанного в секретных лабораториях Братства Единой Свободы или какой-то другой организации. Кстати, этими вещами

должно заниматься и ваше ведомство. С одной стороны, цель КОП достигнута, храм перестал работать, секта в Вологде перестала существовать, но с другой стороны — погибли люди, а это уже совсем другой расклад, иная философия. Я бы не хотел быть на стороне тех, кто проводит такие бесчеловечные эксперименты. И если я узнаю, что виновник гибели ста с лишним человек — КОП...

— Что тогда?

Булавин помолчал.

— Я постараюсь закрыть эту вашу лавочку.

— Иными словами, вы отказываетесь работать с КОП?

— До тех пор, пока мне не докажут, что КОП не имела отношения к психотронным экспериментам.

— Понятно. Успокойтесь. Могу утверждать, что ни КОП, ни мы не занимаемся психотроникой и опытами над людьми. И уже занялись расследованием этого дела. Но мы весьма заинтересованы в сотрудничестве с вами. Вот, почитайте. — Дегтярев подал Дмитрию конверт.

— Что это? — покосился на конверт инструктор.

— Информация по объектам, с которыми продолжает работать КОП. Возглавлять опергруппу теперь буду я. Не отказывайтесь сразу, подумайте, взвесьте все "за" и "против". Возможно, вы поймете важность нашей работы и наши непростые времена.

Майор дружески стиснул локоть Дмитрия и вышел из комнаты, оставив конверт на диване.

К четырем часам Дмитрий освободился, снова попытался дозвониться до Дианы, не смог и поехал в офис фирмы "Волтри", расположенный в центре города, на улице Батюшкова. Однако секретарша Дианы беленькая "мышка" Лариса могла сообщить лишь, что ее начальница уехала в район за льяным волокном еще утром и до сих пор не появлялась.

— Куда именно она поехала? — спросил раздосадованный новостью Дмитрий, покосившись на плотного парня в серо-синей униформе, с тяжелым боксерским лицом, — милицейского работника, охраняющего офис.

— Не сказала, — виновато поежилась Лариса под взглядом Булавина.

В кабине машины он с минуту размышлял, что делать дальше, где искать Диану, потом вспомнил о визите майора Дегтярева и достал конверт.

На десяти страницах машинописи описывалась деятельность двух "объектов" КОП, требующих "перевоспитания". Первым оказался хозяин частной строительной компании "Спец-2000" Леонид Кучмар, которому позарез понадобилось проложить дорогу через частный жилой сектор Вологды и построить бензозаправку. А карт-бланш на это ему дал лично господин Шинцев, заместитель мэра города по хозяйственной деятельности. Всего-то и надо было уговорить семидесятилетнего пенсионера Башкирова, инвалида труда, переселиться в квартиру в городской многоэтажке, а так как пенсионер уперся и никак не хотел переезжать, его принялись "уговаривать" иными методами, при полном попустительстве властей.

В яркий солнечный день двадцать второго июля в дом Башкирова ввалились трое стриженных молодцов, завернули ему руку за спину, вывели и бросили в машину без номеров.

— Куда везете? — осведомился старик, когда тронулись.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — заржали "качки".

Остановились в глухом месте под крутым берегом Вологды.

— Вот что, дед, — сказал один из "качков". — Если завтра не освободишь дом, мы тебя тут и утопим. Посиди пока, подумай, а мы за хозяином поедем.

Как только машина скрылась из виду, Башкиров с большим трудом вскарабкался наверх (два инфаркта перенес, сил было мало), вышел на дорогу и остановил самосвал, который довез его до города. Там он позвонил сыну, армейскому офицеру, майору радиотехнических войск, и попросил срочно приехать. Утомленный, прилег на диван. А тем временем к дому подошли экскаватор.

Первой неладное почуяла собака: завyla, стала скрести лапами дверь. Башкиров потянул ручку на себя — из дверного проема в коридор посыпались битые кирпичи, куски штукатурки, мусор, арматура, земля... Собака со своим рванулась вверх, выбралась сквозь щель наружу. У Башкирова карабкаться через завал сил не осталось, и он решил ждать.

Вечером его откопал сын. Но старик был уже мертв — не выдержало сердце. О том, что и как произошло, он успел написать на листочке из школьной тетради.

Дмитрий посидел немного, видя перед глазами эту картину, выдохнул сквозь зубы:

— Их "мочить" надо, нелюдей, а не перевоспитывать!

Начал читать второй пакет данных.

В нем речь шла о деятельности народных защитников — милиционеров. В понедельник, тридцать первого июля, то есть не так давно, в офис фирмы "Мирамар" вошли семеро, четверо из них — в милицейской форме. Представились сотрудниками седьмого отделения милиции (что оказалось в принципе правдой) и заявили, что это плановая проверка документации фирмы.

Визит никого не удивил, работники фирмы, расположенной в полуподвальном помещении, привыкли к проверкам со дня введения в Вологде особого положения в связи с угрозой терактов. Но когда в офис приехал директор фирмы Михаил Панкин, милиционеры закрыли одиннадцать сотрудников предприятия по рекламным услугам в отдельной комнате, вместе с двумя охранниками, сами же уединились с ним в кабинете и потребовали денег. А чтобы сделать директора болееговорчивым, прострелили ему обе ноги. Затем забрали из сейфа сто пятьдесят тысяч рублей, двадцать тысяч долларов, часы "ролекс" и спокойно уехали на двух машинах.

Вычислить их удалось легко — по украденному "ролексу", который оказался на руке начальника того самого седьмого отделения милиции подполковника Пузанца. Он-то и санкционировал налет в целях "защиты предпринимателей", просто его подчиненные "перестарались". А поскольку у него были большие связи и высокие покровители — тот же заместитель мэра Шинцев, уголовное дело заводить не стали, погрозили подполковнику пальчиком и отпустили.

— Ну и сволочи! — заключил Дмитрий, дочитав материалы дел. — И этим нельзя жить на белом свете! Особенно господину Шинцеву.

Но что делать в сложившейся ситуации, Булавин не знал.

С одной стороны, вопиющие факты требовали расследования и реакции правоохранительных органов, а так как происшествия замаяли, КОП должна была отреагировать самостоятельно и наказать негодяев. Мало того, Дмитрий с удовольствием взялся бы за исполнение приговора, будучи уверенным, что зло не л ь з ь а остав-

лять безнаказанным. С другой стороны, оперработница неведомого Катарсиса Мария не велела ему связываться с “копами”, и ее рекомендации казались достаточно весомыми.

Ладно, отложим решение, подумал Дмитрий. Если в течение ближайших двух дней Катарсис не даст знать о себе, я приму предложение майора. Он прав, спускать такое нельзя, иначе бандиты совсем обнаглеют. А пока надо искать Диану. Не нравится мне ее отсутствие и молчание.

Дмитрий тронул машину с места, боковым зрением увидел выходящую из здания Людмилу в сопровождении солидного мужчины в дорогом костюме, и остановился. Подождал, пока хозяйка фирмы “Волтри” отъедет, вышел из машины и вернулся в офис.

— Куда? — остановил его за дверью парень-охранник.

Дмитрий наконец вспомнил, где он видел эту квадратную физиономию: парень находился в компании Симона Калабриади, когда тот попытался изуродовать лицо Дианы кислотой. Правда, тогда он был в штатском костюме.

— Один вопрос Ларисе, — сказал Булавин.

— Никого не велено пускать.

— Тогда давай вызовем ее и я задам вопрос при тебе.

— Тебе сказано — не велено! Понял? Попрошу очистить помещение! — Охранник положил руку на кобуру пистолета.

— О, вот и она, — посмотрел ему за спину Дмитрий.

“Качок” оглянулся, и через мгновение оказался лежащим лицом вниз на полу. Дмитрий вытащил из его брюк ремень, связал руки, сказал ему в ухо:

— Не люблю хамов, братан. Кстати, я тебя узнал. Ты из свиты Симона, по которому давно плачет тюрьма. Мой тебе совет: не дружи с ним, это плохой мальчик. А меня злить не стоит, я и так расстроен. Мог бы вежливо вызвать Ларису, я ведь не просто прохожий, а в какой-то степени друг хозяйки. Полежи немного, я сейчас вернусь. Будешь кричать — засуну язык в одно место. Договорились?

Охранник затих.

Дмитрий зашел в приемную, улыбнулся удивленно поднявшей на него глаза секретарше:

— Лара, куда именно поехала Диана?

— Я уже говорила, Дмитрий Михеевич: не знаю. Людмила Николаевна утром кому-то звонила, я случайно услышала, по-моему, речь шла об Устье.

— А мне она сказала, что Диана отправилась в Туропец, — задумчиво проговорил Дмитрий. — К ней никто не заходил?

— Маша заходила, Петр Дмитриевич...

— Из посторонних.

— Из посторонних никто. В приемную, правда, заглядывал парень, спрашивал Диану Петровну, но к ней не заходил.

— Какой парень? — насторожился Дмитрий.

— Его Костя знает, наш охранник, они с ним потом беседовали в коридоре.

— Ясно, спасибо за информацию.

Радуюсь, что сотрудники фирмы “Волтри” не шатаются по коридорам офиса без дела, Дмитрий подошел к лежащему на полу в коридоре охраннику и рывком поднял его на ноги.

— А теперь говори, падла, кто к тебе приходил утром! Зачем он спрашивал Диану?! Куда она поехала?! Ответь, мразь!

В коридоре появилась женщина, с любопытством посмотрела на “беседующих”, — Дмитрий загораживал собой охранника, — и свернула направо, открыв одну из дверей.

— Не знаю, о ком ты говоришь, — сквозь зубы выговорил охранник.

Дмитрий надавил на предплечье сильнее. Парень охнул.

— Говори!

— Больно!.. Ко мне приятель заходил, Нос... Федька Носов...

— Зачем? Говори, руку ломаю!

— Его Симон послал... узнать, когда Диана выезжает... больше я ничего не знаю...

В коридоре офиса появились две девушки с кипами бумаг и, щебеча, скрылись в приемной.

Дмитрий отпустил взопревшего охранника.

— Адрес!

— Что? — вытаращился “качок”. Потом вспомнил об оружии и схватился за кобуру. И замер, увидев у глаза острие шариковой ручки.

— А ты все-таки гнида, — констатировал Дмитрий. — Еще одно движение — и останешься без глаза!

— Я заявлю в отделение о нападении...

— Не заявишь, тогда тебе придется рассказать о своих связях с бандитом Калабриади, за которым тянется длинный хвост преступлений. Адрес Носова!

— Улица Ветошкина, двенадцать, квартира семь... Мы тебя все равно найдем!

Дмитрий заглянул в блеклые глазки парня.

— Это я вас найду... если что случится с Дианой! И тогда разговор у нас будет другой! Да не хватайся ты за пушку, Костик, ей-богу, не поможет она тебе.

Дом номер двенадцать по улице Ветошкина располагался недалеко от дворца спорта "Юбилейный", где не раз бывал Булавин. Отыскав дом и квартиру, он позвонил. Дверь открыла неопрятно одетая полная женщина с нерасчесанными волосами. От нее несло перегаром.

— Чего надо?

Дмитрий внутренне поморщился.

— Федька дома?

— Нету, он раньше двенадцати не приходит. — Женщина собралась захлопнуть дверь, и Булавин придержал створку носком туфли.

— Где его можно найти?

— А хрен его знает! Может, к бабе пошел, есть у него краля в Нижнем Посаде, а может, с друзьями гуляет. Или в карты где-нибудь режется.

— Где обычно он режется?

— А кто ты такой, что вопросы задаешь? Мент, что ли?

— Я ему деньги принес, — нашелся Дмитрий. — Федька их честно заработал, велели найти и передать.

— Федька заработал? Честно?! — Женщина захохотала. — Анекдот! Мир перевернулся, если он стал честно зарабатывать. А где его искать, я все равно не знаю. Сходи в пивбар "Гамбринус" на Рабочей.

Дверь захлопнулась.

Дмитрий вернулся к машине, гадая, кто Федьке эта женщина — мать или сестра, и направился по указанному адресу. Шел уже седьмой час вечера, когда он подъехал к пивному бару "Гамбринус", прятавшемуся в подвале старого особняка сталинской постройки.

В зале бара былолюдно, слоями вился сигаретный дым, в воздухе висел гул десятков голосов, все стойки были практически заняты любителями пива и соленой рыбки. Судя по всему, здесь проводили время как минимум пять-шесть компаний, но в какой из них обретался

Федька Нос и здесь ли он вообще, Дмитрий не знал. Надо было начинать поиск с нуля.

Он взял кружку клинского пива, подошел к трем разговаривающим мужчинам степенного вида. Поднял кружку.

— Привет, мужики.

— Привет, — отозвались мужики вразнобой, равнодушно глянув на пристроившегося незнакомца.

— Вы тут Федьку Носа не видали?

— Это которого? Картежника, что ли?

— Его.

— Он обычно в компании с Симоном выпивает, но сегодня еще не приходил.

На плечо Дмитрия легла чья-то тяжелая рука.

— Это кто Носом интересуется?

Дмитрий повернул голову.

На него смотрел широкий, как платяной шкаф, бугристый от мышц абориген с красным обветренным лицом.

— Я интересуюсь, — кротко ответил Дмитрий. — Мне он нужен по важному делу.

— По какому?

— А это уж я ему лично скажу.

— Ты сначала мне скажи, — ухмыльнулся "шкаф".

— Ну, если ты адвокат Носа, то пошли, поговорим, — сказал Дмитрий, ставя кружку с пивом на стойку. — Постерегите, мужики, я сейчас вернусь.

"Шкаф" толкнул его в плечо пудовым кулаком.

— Иди, я допью, возвращаться тебе не придется.

Дмитрий направился к выходу из бара, а у порога чуть поклонился вправо, развернулся вокруг оси, пропуская удар бугая (попади кулак по темечку — голова точно лопнет, как арбуз!), и воткнул "дротик" — сложенные вместе пальцы руки — в солнечное сплетение парня. Утробно ухнув, тот отскочил, хватаясь руками за живот. Глаза его посоловели.

Дмитрий нагнулся к его уху.

— Так где Нос, говоришь?

"Шкаф" замычал, силясь набрать воздух в легкие. Дмитрий заметил приближавшихся к ним двух накачанных парней, разогнулся.

— Ваш приятель?

Наш, — угрюмо ответил чернявый "бык" с перебитым носом. — Что с ним?

— Пиво в голову ударило, — сказал Дмитрий. — Скоро очнется. А вы случайно не знаете, где сейчас Федька Нос? Мне он срочно понадобился по важному делу.

“Быки” переглянулись.

— Он уехал.

— Куда?

— В деревню, на охоту.

— На охоту? — поднял брови Дмитрий.

— Он так сказал. — Чернявый подошел к “шкафу”, на чинавшему приходить в себя. — Копёр, ты чо балдеешь?

— Федька один поехал... на охоту?

— Задолбал ты своими вопросами, — буркнул второй “бык”. — Вали отсюда.

— Уже валю, — миролюбиво сказал инструктор. — Спасибо за совет.

Он вернулся к стойке, удивив недавних собеседников, допил пиво, размышляя о бесперспективности подобного рода поисков, и вдруг поймал идею, в случае удачи способную вывести его из тупика. Пожелав любителям разливного пива здоровья, он вышел из бара, провожаемый недобрыми взглядами приятелей “шкафа”, сел в машину и поехал домой. Оттуда позвонил секретарше Дианы, узнал номер мобильного телефона Люси, потренировался говорить баском, как ее охранник Костя, и набрал номер.

— Я слушаю, — отозвалась компаньонша Дианы.

— Все в порядке, — проговорил Дмитрий. — Она у нас.

— Это ты, Костя?

— Я.

— Почему не Симончик?

— Он занят. Вечером перезвонит.

— Куда вы ее отвезли?

— К Федьке Носу на квартиру.

— Какого дьявола?! Мы же договаривались, что он отвезет ее на дачу Симона!

— Планы изменились. Он вам все объяснит.

— Вам?! Ты что, Костя, пьян?!

Дмитрий понял, что отношения охранника и начальницы фирмы “Волтри” далеки от официальных, добавил торопливо:

— Ко мне тут пришли, я позвоню позже.

Выключил телефон, глядя перед собой остановившимся взглядом. Проговорил глухо:

— Сука! Захотелось и рыбку съесть и на ... сесть!

Имелось в виду, что Людмила решила одним ударом избавиться от компаньонши и приобрести любовника в лице Булавина.

— До чего же паскуден человек!

— Вы не правы, Дмитрий Михеевич, — раздался из прихожей женский голос. — Разрешите войти?

Дмитрий изумленно оглянулся.

В гостиную вошла его спасительница Мария, стройная, красивая, уверенная, с ироничными огоньками в черных глазах.

— Простите, что я без стука. Что случилось? Чем вы расстроены?

Дмитрий молча прошел мимо женщины к двери, открыл замок: он был закрыт. Вернулся в комнату, собираясь спросить, каким образом гостья вошла в дом, но вместо этого сказал:

— У меня неприятности. Есть очень большое подозрение, что мою девушку похитили.

— Диану?

— Да.

Мария покачала головой со странным выражением сочувствия и задумчивости на лице.

— Господи, как вы похожи!

— Кто? — не понял он.

— Я вас познакомлю. Рассказывайте. Впрочем, зачем терять время, дважды рассказывать одно и то же. Давайте я вас представлю друг другу, и вы расскажете свою историю всем сразу. Потом и решим, что делать.

— Кому вы меня собираетесь представить?

Мария улыбнулась, к чему-то прислушиваясь, и тотчас же в дверь позвонили.

— Открывайте, это друзья.

Булавин повиновался.

В прихожую один за другим вошли Никифор Хмель, Глеб Тарасов и, последним, спутник Марии Ираклий.

МОСКВА. ПРЕЗИДЕНТ И СОВЕТНИК.

Они встретились в синей гостиной Кремля: подтянутый, целеустремленный Георгий Георгиевич и подчеркнуто официальный Сергей Борисович.

Президент в последнее время много работал, но держал себя в хорошей физической форме, и по его виду нельзя было судить о тех переживаниях, которые им владели.

Советник же всегда выглядел одинаково внимательным и серьезным, и по его виду тоже нельзя было вычислить, о чем он думает или чем расстроен.

Они пожали друг другу руки, уселись за круглый стол с инкрустацией, поглядели друг на друга.

— Хорошо выглядите, Сергей Борисович, — сказал президент. — Всегда завидовал вам в этом отношении. Вот бы всем нашим чиновникам в ваши мудрые годы держаться так же молодо и бодро.

— Мудрость не всегда приходит с возрастом, — слегка улыбнулся Сергей Борисович. — Бывает, что возраст приходит один. Вы тоже выглядите прекрасно. Я подготовил материал по вашему запросу. — Он положил на край стола бювар с тисненым золотым двуглавым орлом.

— Хорошо, этот материал мне нужен для поездки в Брюссель. Ваши выводы относительно сдвигов?

Сергей Борисович помолчал, формулируя ответ.

— Когда я начал свою дипломатическую деятельность, меня часто подмывало завопить во весь голос: Мне больно за тебя, Россия! Встань с колен! Теперь я так вопить не хочу. Сдвиги в положении страны достаточно заметны, хотя проблем все еще хватает.

— Вы оптимист, Сергей Борисович.

Советник хмыкнул.

— Скорее реалист. Кстати, есть такой анекдот: пессимист видит впереди только бесконечный темный тоннель, оптимист видит свет в конце тоннеля, а реалист видит тоннель, свет и поезд, идущий навстречу.

Георгий Георгиевич засмеялся.

— Я знаю другое сравнение: пессимист — тот, кто финансирует оптимиста. Но к делу.

— Честно говоря, трудно дать рецепты стране, представляющей собой богатейшую державу и одновременно одну из самых безалаберных стран мира. Хотя статистика все же говорит о положительных процессах. За десятилетие доход на душу населения удвоился, с семьдесят первого места по шкале ИЧР* мы продвинулись вверх до сорок девятого, практически все грамотные, заботимся о природе наравне с самыми развитыми странами. Но...

— Я ждал этого "но".

— К сожалению, "но" очень пугает. Россия стоит на пороге демографической катастрофы. Если процесс будет продолжаться, к две тысячи пятидесятому году мы насчитаемся двадцати с лишним миллионов человек.

* ИЧР — индекс человеческого развития

— Я читал доклад Совета безопасности по этому вопросу, цифры действительно впечатляют. Однако я слышу в вашем голосе не единственное "но".

— Совершенно верно, — остался серьезным Сергей Борисович. — Все разговоры о росте благосостояния населения так и останутся разговорами, если затраты на социальную сферу не будут соответствовать уровню экономики. А главная правда заключается в том, что начальный быстрый рост экономики невозможен без эксплуатации. То есть до реального достижения богатства народу необходимо пережить бедность.

— Это аксиома. К сожалению, народ не хочет понимать таких вещей.

— Не столько народ, сколько чиновник. Чиновник при всех режимах хочет жить вольготно и богато. Отсюда — коррумпированность власти снизу доверху и рост криминальных войн за передел собственности. Кстати, рост богатства абсолютно не коррелируется с ростом духовности страны. Процесс освоения нравственности в России все еще в зачаточном состоянии.

Президент с любопытством посмотрел на собеседника.

— Вы говорите как проповедник, Сергей Борисович, а не как советник по нацбезопасности. Хотя во многом я с вами согласен. Что же мешает этому процессу, по-вашему?

— В первую очередь аннигиляция культуры, подмена всего русского псевдорусским, внедрение западного образа жизни, совершенно чуждого менталитету россиян. Во-вторых, агрессивное вытеснение православия другими религиями. Подчеркиваю — не собственно Церковь как институт религиозной власти, а философию справедливого ответа, религию правды — Пра-Веды. Я давал вам читать исследование Академии наук о распространении в России древних славянских традиций и обычаях...

— К сожалению, еще не прочитал.

— Жаль, тогда бы вы меня поняли быстрее. Идет смена символики, в глубинке России начались интересные процессы самоосознания Рода, изменилось мировоззрение, появились новые течения, причем, заметьте — не националистического толка. Народ ожил, ему надо помочь, и ваш указ об изменении систем воспитания на базе древнеславянской системы живы помог бы стране стать поистине Великой державой.

— Нас мгновенно обвинят в имперских замашках и правле инакомыслящих.

— Шакалы при власти воют всегда, особенно если терпят кормушку. С ними не нужно вступать в полемику, они умеют говорить и отстаивать свои интересы гораздо лучше нас. Надо просто делать свое дело.

Президент задумчиво побарабанил пальцами по столу, придвинул к себе бювар.

— Здесь не только об этом?

— Не только, я проанализировал и положение соотечественников за рубежом. За пределами России сегодня живут двадцать миллионов русских и граждан страны, седьмая часть нынешнего населения России. Это — сила! Если, конечно, не обращаться с нашими соотечественниками как с людьми "второго сорта". Я предлагаю принять комплекс мер по экономической и социальной поддержке российской диаспоры в дальнем и особенно в ближнем зарубежье.

— Цель?

— Ослабление факторов, выдавливающих этнических россиян из стран их проживания. В первую очередь необходимо объединить разрозненные союзы русскоязычных граждан на базе дипломатических представительств...

— Хорошо, — перебил Георгий Георгиевич советника, прилепив ладонью бювар, — я прочту ваш доклад сегодня же. Давайте поговорим о другом. Мне доложили, что вы занимаетесь исследованием деятельности некоей организации под названием СС... Вы что же, всерьез верите в Сатану?

Сергей Борисович ответил не сразу.

— Ваша разведка работает весьма оперативно, Георгий Георгиевич. А чтобы ответить на ваш вопрос, надо начинать издалека. И вы еще не готовы принять мой ответ. Вам надо кое-что почитать.

— Что?

— Ваши помощники так хорошо манипулируют информационными потоками, что к вам попадает лишь тщательно, так сказать, отпрепарированная, дезинфицированная информация. Если вы не возражаете, в ближайшее время я сведу вас с человеком, который многое вам объяснит.

— Кто он?

— Смеяться и считать, что у меня "поехала крыша", не будете?

— Обещаю.

— Он волхв, один из руководителей системы, нейтрализующей в нашей стране деятельность СС. Между прочим, эту систему называют Соппротивлением, а СС стала называться недавно СССР.

— Как? — удивился Георгий Георгиевич.

— СССР — Система сил, стабилизирующих Реальность. Разумеется, делает она прямо противоположное. Что касается моей веры, то я действительно верю, но не в Сатану, а в Творца. Существует гипотеза или, если хотите, философская концепция, объясняющая Зло как тестирование человечества, а Сатану — как Испытание, своего рода Экзамен, Программу тестирования. То есть в рамках этой концепции Сатана предстает перед нами как совершенно необходимая структура, пропускающая в "рай", в высшие планы только духовно совершенных людей.

— Весьма оригинальная концепция, — покачал головой Георгий Георгиевич. — Получается, что Сатана необходим человечеству?

— Как часть эволюционного процесса.

— А вы как к этому относитесь?

Сергей Борисович снова улыбнулся.

— Возможно, концепция и в самом деле отражает истину, и Сатана действительно является необходимой частью эволюционного становления человечества, но я — не на его стороне!

— Вы меня успокоили, — с легкой иронией сказал Георгий Георгиевич. — Хотя мне трудно судить о положении дел в этой сфере. Я не атеист, отрицающий существование трансцендентного опыта, но и не религиозный фанатик, слепо верующий во Всевышнего, единого и милостивого. Но допустим, я проникся вашей идеей и готов поддержать вас. С чего вы советуете начать?

— Со смены парадигм. Те задачи, которые мы решаем сегодня с помощью силовых методов, можно решать принципиально другими методами.

— Это какими же?

— С помощью изменения линий намерений. Сильная власть должна основываться на законе, а не на его отрицании. В первую очередь — на законе восстановления справедливости. С одной стороны, рост преступности в стране, унижение наших соотечественников за рубежом требуют немедленных адекватных действий, и это можно понять, но с другой — уничтожение одного врага

вызывает появление другого. Война такого рода может вестись вечно.

— Не понял, — удивленно посмотрел на собеседника президент. — Вы же недавно поддержали создание спецгрупп ЧК и “Хорс”.

— Деятельность этих групп требует постоянного жесткого контроля. История учит, что подобные спецкоманды на каком-то этапе начинают преступать и другие законы, работать сначала на себя, а потом и на противника. Возможно, этот метод воздействия на ситуацию быстр и надежен, но не идеален, так как порождает атмосферу вседозволенности.

— При хорошем контроле результат всегда будет положительным.

— Вы упускаете из виду возможность перехвата контроля. В конце концов наступит момент, когда этот бумеранг ударит по нам с вами. В связи с чем я предлагаю программу перехода от концепции физического уничтожения противника к концепции ненасильственного воздействия, базирующегося на расчете линий вероятного поведения, на анализе намерений врага и их изменений путем упреждения. Приоритетными должны стать программы воспитания и обучения, а не бесконечных войн со слугами Сатаны.

Георгий Георгиевич хмыкнул, побарабанил пальцами по бювару, изучая лицо советника.

— Я неправильно оценил вас, Сергей Борисович. Вы вовсе не оптимист, а утопист. Против нас работает мощная криминальная структура, обладающая собственными финансами, совершенными технологиями, психотроникой и оружием. Ее деятельность даже ограничить трудно без силовых методов борьбы, а вы призываете заняться воспитанием преступников. Да нас просто сомнут!

— Не сомнут, — возразил Сергей Борисович. — Уже накоплен значительный опыт ненасильственного воздействия на социальные институты, его надо изучить и перенять.

— Кем накоплен?

— Системой под названием Катарсис.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Георгий Георгиевич. — Я что-то слышал об этой якобы колдовской организации.

— Почему якобы? Кто вам сказал, что она колдовская? — улыбнулся советник. — Не Зиновий Альбертович

— Это имеет значение?

— Имеет.

— Объяснитесь.

— Если позволите, в другой раз. Мне нужно подготовиться. Это тема отдельного разговора.

— Вы меня заинтриговали... — президент не договорил.

В гостиную вошел начальник службы безопасности Кремля Зиновий Альбертович Павлов. Он был мрачен и сосредоточен.

— Что случилось? — нахмурился Георгий Георгиевич. — В Кремле обнаружили заложенную бомбу?

Павлов перевел взгляд на советника. Тот поднялся.

— Я буду у себя, Георгий Георгиевич.

— Оставайтесь, Сергей Борисович, от вас у меня тайны нет. Говорите, генерал.

Павлов метнул еще один неприязненный взгляд в советника, проговорил, растягивая слова:

— У нас утечка информации. Сосновский знает о работе ЧК и группе спецназначения “Хорс” и готовится дать материал по всем каналам.

Президент и советник переглянулись.

Я предупреждал, взглядом сказал Сергей Борисович.

Я имею право на сомнения, ответил взглядом президент.

— Каким образом Сосновскому стало известно о спецгруппах? Кто допустил утечку?

— Возможно, хакеры Вождя взломали наши базы данных и нашли оперативный сервер. Хотя как это можно сделать незаметно, я не знаю. Ни одна система защиты не отметила взлома. Возможно, кто-то из наших компьютерщиков просто выдал канал. Мои люди проверяют эту версию.

— Что вы предлагаете, Зиновий Альбертович?

— Есть всего два варианта действий. Первый: срочно разработать план похищения Вождя НРИ. Второй: ликвидировать спецкоманды.

Президент прошелся по гостиной, задумчиво поглаживая подбородок. Остановился у окна спиной к помощникам.

Пауза затянулась. Наконец Георгий Георгиевич повернулся к советнику.

— Ваше мнение, Сергей Борисович?

— Если уж выбирать, я за первый вариант.

— Я за второй, — буркнул Павлов.

Президент снова отвернулся, постоял у окна, глядя на иссиня-черную тучу, закрывающую солнце, проговорил как про себя:

— Быть грозе... Когда Сосновский собирается взорвать свою информационную бомбу?

— По моим данным — в субботу.

— То есть у нас всего три дня на подготовку. Нельзя ли каким-либо образом уничтожить материал?

— Едва ли, наверняка существуют копии. А танки на Останкино не пошлешь.

— Мне кажется, я могу помочь, — сказал Сергей Борисович.

Президент и начальник службы безопасности посмотрели на него с одинаковым недоверием.

— Чем вы можете помочь? — покачал головой Георгий Георгиевич.

— Мне надо посоветоваться кое с кем. К вечеру будет ответ. Разрешите откланяться?

— Идите. Жду вас в своем кабинете в девять часов.

Советник вышел.

— Старик спешит выслужиться, — выдавил кривую ухмылку Павлов.

— Вы его плохо знаете, Зиновий Альбертович. Он не из тех, кто выслуживается. Но времени у нас действительно мало, действовать надо немедленно. Разрабатывайте оба варианта сразу, потом выберем оптимальный.

— Слушаюсь, — вытянулся генерал.

— Кстати, выяснили, что произошло в Вологде?

— Сосновский испытал “лунный свет” на послушниках храма Братства Единой Свободы. Неудачно. Хотя при этом погибла оперативная группа вологодского КОП.

— Когда будет готов к испытаниям наш “лунный свет”?

— В конце сентября.

— Американцы отстали?

— Не меньше чем на два года.

— Это радует. Как только уничтожим базы НРИ с их “лунным светом”, я объявлю о результатах наших исследований всему мировому сообществу. Думаю, это заставит СССР отступить. Как вы думаете?

— Я не думаю, — отвел глаза Павлов, — я исполняю ваши приказы.

— Ступайте.

Генерал вышел вслед за советником.

Президент усмехнулся и подумал, что когда терять нечего, можно рискнуть всем.

МОСКВА. ШТАБ НРИ.

Именно в этом телецентре и располагался штаб Новой Революционной Инициативы, возглавляемой Акимом Давидовичем Сосновским.

В среду, девятого августа, Вождь НРИ приехал в штаб в дурном расположении духа и сразу вызвал начальника своей личной службы безопасности, занимавшейся не только охраной начальства, но и сбором компромата на всех высших руководителей страны.

Полковник Замятин прибыл в телецентр через сорок минут и застал босса за созерцанием экрана телевизора размером чуть ли не во всю стену; такие телевизоры теперь выпускал и отечественный “Рубин”, причем они по качеству не уступали ни западным, ни японским аппаратам.

— Я весь внимание, шеф, — встал по стойке “смирно” полковник.

— Садись, — буркнул Вождь, не глядя на него. — Смотри.

Замятин перевел взгляд на экран телевизора.

По НТВ шли новости, и телеведущий, похожий на подергнутого вивисекции, очеловеченного грифа, рассказывал о расследовании жуткого случая “коллективного самоубийства” послушников Братства Единой Свободы в Вологде.

— Я понял, — подобострастно склонил голову Замятин. — Больше об этом ни один канал передавать информацию не будет.

— Я не об этом, — поморщился Аким Давидович. — Разобрался, почему это случилось? Почему вместо того чтобы воздействовать на депутатов областной Думы, “лунный свет” подействовал на материал усилителя?

— Разбираемся, — ровным голосом ответил полковник. — В пятницу проведем еще одно испытание — в Нижнем.

— В четверг! Завтра!

— Не успеем...

— Должны успеть! В субботу я хочу запустить в эфир компромат на спецслужбы президента и подключить “лунный свет” для промывки мозгов центрального региона.

— Это зависит не от меня. “Лунный свет” — детище ученых, а они не любят торопиться.

— Так поторопи их! Если Базловский и компания не подготовят эксперимент к завтрашнему дню, я найду им замену!

— Слушаюсь!

— Теперь о другом. Нам активно начинает мешать новый советник президента. Его необходимо срочно нейтрализовать.

— Слабо или?..

— Или. На контакт с нами он не пойдет, он связан с Катарсисом, поэтому его надо просто ликвидировать.

— Нет ничего проще.

— У тебя на словах все просто! — взорвался Сосновский. — А на деле один прокол за другим! Почему под Ветлугой погибла команда “Зубра”? Как она оказалась в десяти километрах от точки сброса? Кто ее подставил?

— Капитан Тарасов — профессионал... — осторожно начал Замятин.

— Один человек не мог справиться с целой спецкомандой, тоже состоящей из профессионалов! Кто ему помог? Почему оперативная машина “Зубра” найдена в Москве? Кто ее перегнал в столицу? Люди Сопротивления? Злые духи?

У полковника было свое мнение по этому поводу, но он промолчал.

— Этого человека надо найти и убрать! — продолжал Аким Давидович, выключая телестену. — Любым способом! Привлеку своих “тающих” волкодавов, этого своего дикого Абрека, которого ты так хвалишь, других профи. Я договорюсь с начальником ФАС генералом Орстом, он даст технику и связь, полковник Ксанфомалиди даст тебе роту “тающих”, но чтобы больше никаких провалов! Тарасов, а также капитан Хмель из президентской ЧК и Дмитрий Булавин, инструктор Вологодской Школы выживания, должны быть уничтожены!

— Слушаюсь, шеф!

— И последнее. Как показали себя эти ваши смешанные тройки, триангулы?

— Отлично, — с некоторой заминкой ответил Замятин. — Идея себя оправдывает. Именно за такими спецгруппами будущее, особенно если их использовать для оперативного наблюдения. Мы готовим еще пять таких троек и можем использовать их для ликвидации перечисленных вами людей.

— Для ликвидации используйте “тающих”, это их работа, тройки хороши лишь для слежки.

— Как скажете, шеф.

— Кроме тех заданий, что я уже дал, тебя ждет еще одно, самое ответственное: найти в Новгородской губернии мальчика с белыми волосами и доставить его мне.

— Зачем нам какой-то мальчик? — слегка удивился Замятин.

Аким Давидович кисло улыбнулся.

— Это не “какой-то там” мальчик, а будущий лидер. Его надо нейтрализовать до того, как он войдет в силу.

— Сделаем, — пожал плечами полковник. — Координаты имеются?

— Если бы я знал его координаты, не посылал бы тебя на поиски! — снова разозлился Вождь. — Но примерный район известен: одно из озер в окрестностях городка Неболчи в Новгородской губернии.

— Там же их десятка три.

— Искать надо у наиболее крупных, таких как Люшно, Ваган, озеро Каменское, Никулинское. Короче, действуй! Если мальчика захватить не удастся, убейте его.

— Почему не удастся? — не понял Замятин. — Мы крали детей десятки раз.

— Это не тот случай.

Полковник понял, что Вождь специально чего-то не договаривает, хотел спросить, чего стоит опасаться при удержании мальчика, но встретил взгляд водянистых глаз Сосновского и опустил руки по швам.

— Будет сделано, Аким Давидович!

— Иди. Пришли ко мне Абрека, хочу с ним побеседовать.

Замятин боднул лбом воздух и вышел.

Пора тебе в “тающие”, Иван Шенгерович, рассеянно подумал Сосновский, слишком много знаешь и начинаешь задавать глупые вопросы...

ВОЛОГДА. ТРИАДА ДЕЙСТВИЯ.

Дискуссии не потребовалось. Все понимали, что Дмитрий никуда не поедет, прежде чем не найдет свою любимую женщину, поэтому Мария первая предложила объединить усилия в ее поиске и, если понадобится, оплодотворении.

Квартира Булавина могла вместить всех пятерых, даже если хозяину пришлось бы уступить спальню чете Ираклия и Марии, но они предложили другой вариант — провести ночь у своих знакомых в Вологде — и уехали поздно вечером, предоставив мужчинам триады возможность познакомиться поближе.

В ходе беседы выяснилось, что родились все трое в один день двадцать первого июня семьдесят восьмого года, что все не курят и спиртное употребляют редко, любят одежду, не стесняющую движений, что вкусы у всех примерно одинаковые: любимые цвета — серый, голубоватый и салатный, любимый юльен — грибной, любимые писатели — Чехов, Бунин, О.Генри, любимые поэты — Есенин, Блок, Бальмонт и Эдгар По.

— Черт возьми! — выразил общее легкое потрясение Никифор. — Почему у нас так много общего?! Мы же почти как братья... разве что не внешне.

— Тебе же объясняли, — заметил Тарасов.

— Объясняли. Мария утверждает, что мы образуем какую-то триаду действия, объединенную общими целями. Но триада вовсе не означает схожесть характеров и всего прочего.

— Ты забыл, что нам говорил волхв. Мы все — реализация одной духовной организации или души. Отсюда и такое сходство.

Пока гости по очереди принимали душ, он заварил свежий чай, сварил кофе по-турецки, все трое уселись в гостиной в халатах хозяина, и Хмель поведал историю своего знакомства с Марией, а потом и с Крутовым. Затем то же самое сделал Тарасов.

— Везет же вам, — с завистью покачал головой Дмитрий. — Я всю жизнь читаю эзотерическую литературу, преподаю динамику живых систем, учу людей правильно двигаться, знаю о существовании древнеславянских боевых и философских систем типа живы, а с волхвами до сих пор не знаком.

— У тебя еще все впереди, — успокоил его Никифор. — Мы тоже ни сном ни духом, как говорится, не ждали такого поворота в судьбе.

— Вы женаты?

Никифор и Глеб переглянулись.

— Я был женат, — сказал Тарасов. — Есть дочка, Акулина, живет со мной. Недавно познакомился с...

— Моей сестрой Софьей, — хмуро улыбнулся Булавин. — Она мне все уши прожужжала про тебя. Софья — человек правильный и верный, я ее хорошо знаю, и если уж она кого полюбит...

— Ты ведь тоже не женат? — перебил его Тарасов, не желая обсуждать свои отношения с Софьей.

— С Дианой я познакомился буквально две недели назад.

— И влюбился.

— По уши!

Никифор вдруг засмеялся с неким странным облегчением.

— Кажется, даже в этом мы похожи как братья. Я тоже недавно познакомился с женщиной, ради которой готов на все.

— Где она живет?

— В Москве, причем недалеко от моей квартиры. Правда, теперь она ждет меня...

— У тебя дома.

— Как ты догадался?

— Умный потому что. Она красивая?

— Так и я ж не урод.

Все трое засмеялись, потом Дмитрий помрачнел, посмотрел на часы. Было видно, что его постоянно гложет одна мысль, и все понимали — какая.

Глеб тоже посмотрел на часы.

— Какие у кого соображения насчет поисков Дианы?

— Никаких, — сказал Никифор. — Я не знаю всех данных, чтобы предлагать какие-то варианты. Давай, Дима, шводи нас в курс дела.

Через полчаса его новые знакомые и коллеги по триаде знали историю его отношений с Дианой Перфильевой и Симоном Калабриади.

— Вот скотина! — выразил свое мнение о сынке бизнесмена Никифор. — Его самого надо кислотой облить! Но какова подруга у Дианы! Компаньонша, в душу ее мать!..

— Ты уверен, что правильно разобрался в ситуации? — тихо спросил Тарасов. — Именно Люся — заказчица?

— Больше некому, — хмуро ответил Дмитрий. — Она неопытна в таких делах и легко попала на мою нехитрую удочку. Я думаю, Люся заранее все рассчитала, договорилась с Симоном о похищении и послала Диану туда, где ее ждали.

Дмитрий вскочил, сунул сжатые кулаки в карманы, походил по комнате, — гости молча следили за ним, — и сел на диван...

— Ладно, давайте спать, — предложил наконец Тарасов. — Сейчас мы все равно ничего не сделаем. Утро вечера мудренее. Я уверен, что Мария завтра выведет нас на гнездо Симона.

— Почему ты так уверен?

— Она не просто умная женщина, она ведунья и многое может из того, что недоступно простым смертным. Будь спокоен, завтра мы найдем твою Диану и освободим.

Тарасов оказался провидцем.

В семь часов утра их разбудила Мария и сообщила, что знает, где располагается дача Калабриади-младшего.

— Где?! — вскочил с кровати в одних плавках Дмитрий.

Мария сделала вид, что не заметила этого.

— Недалеко от Ефимьево есть осиново-березовая роща...

— Знаю, там садовые участки и пруды.

— Дача Симона стоит в лесной выемке, прямо на лугу. К счастью, никакой магической защиты она не имеет, чего я опасалась. Видимо, к похищению Дианы конунги отношения не имеют. Поэтому дополнительной помощи просить не придется.

— Все, собирайтесь, — сказала Мария, направляясь к двери. — Поедем на разведку.

— Оружие бы какое-никакое заиметь... — почесал затылок Никифор.

— Обойдемся без стрельбы! — отрезала женщина. — Все вы профессионалы рукопашного боя, спецы разведки и диверсии, вот и примените свои навыки. Жду вас в машине.

Мария вышла в сопровождении вежливо-внимательного Ираклия.

Оставшиеся посмотрели друг на друга. Дмитрий развел руками:

— Она права, мужики.

— Мой дядя-хирург говорил: неудачная операция — половина удачного вскрытия, — пробормотал Никифор. — Не думаю, что у этого вашего Симона нет охраны с пушками. Хотите анекдот?

— Потом расскажешь, — прервал его Дмитрий. — Быстро приводим себя в порядок и едем.

Вскоре они спустились во двор, где стоял джип, но не "Бьюик-Имperiал", а "Шевроле-Навигатор", за рулем которого сидел Ираклий. Дмитрий нес сумку, в которой лежали его старая спецназовская форма, бинокль и нож.

— Знаете, как ехать? — спросил он. — Могу подсказать.

— Знаем. — Ираклий выжал сцепление. — Доедем...

Они нашли брешь в сетчато-проволочном заборе, отделяющем дачи от рощи, и углубились в заросли осин, постепенно сменившиеся березняком. Идти пришлось не больше полутора сотен метров. Березы поредели, и отряд оказался на красивом лугу, поросшем метельчатой травой и клевером. Дача Симона, построенная на этом месте в обход всех запретов на использование сельхозугодий, красовалась точно посреди поляны — трехэтажная, как и положено, из красного кирпича, с пирамидальной мансардой и верандой, обнесенная высоким тесовым забором.

Мария закрыла глаза, прислушиваясь к чему-то, вытянула руки перед собой, ладонями к даче. Постояв так минуту, расслабилась, оглядела спутников ставшими совсем черными глазами.

— Там сейчас человек двенадцать-тринадцать. Не могу сказать, что Симон тоже находится на даче, я его не знаю, но тут уж как повезет. Кроме охранников вдоль забора бродят три собаки, поэтому просьба идти за мной тихо и на собак не смотреть. Нас они не тронут. Готовы?

Мужчины переглянулись.

— Вперед! — за всех ответил Дмитрий.

Отряд вышел на луг и направился к даче, поражающей своим несоответствием данному уголку природы. Вблизи забора стало слышно басовитое собачье ворчание. Никифор оглянулся на идущего следом Тарасова. Оба не раз сталкивались с собаками и сразу оценили угрозу: рычали так называемые травильные собаки из группы "молосов" — мастиффы или бульмастиффы.

Дорога к даче была проложена асфальтовая, упиравшаяся в металлические ворота. Но на территорию хозяйства можно было проникнуть и через запасной выход, который трудно было назвать калиткой, настолько он казался капитальным. Во всяком случае калитка эта была сделана из бруса толщиной с кулак человека и запиралась мощным навесным замком и щеколдой. Вряд ли ею

когда-либо пользовались, луг в этом месте подходил к забору вплотную, и никаких дорожек в нем протоптано не было.

Группа остановилась у калитки.

Ираклий глянул на Марию, кивнул, как бы отвечая на ее мысленный вопрос, и зашагал вдоль забора к южной стороне дачи, скрылся за изгибом забора.

Собаки перестали выть, затем вдруг глухо заурчали и побежали туда, куда ушел Ираклий. Прошла минута, другая. Показался спутник Марии, приблизился, кивнул в ответ на ее взгляд. Затем надавил плечом на толстую пластину калитки, и та бесшумно отошла в сторону.

Дмитрий, Никифор и Глеб переглянулись. Они конечно догадывались о возможностях ведуньи Катарсиса, но одно дело — предполагать, другое — убедиться воочию. В голове не укладывалось, как ей удавалось открывать наглухо запертые двери.

“Десантники” протиснулись в образовавшуюся щель и гуськом направились к коттеджу, боковым зрением отмечая, как три огромных черно-белых пса рычат на забор, а двое крупногабаритных молодцов в серой униформе, с пистолетами и дубинками, пытаются их успокоить.

Тарасов понял, что Ираклий каким-то образом заставил собак отреагировать на “виртуального зверя”, и они теперь чуяли за забором “живое существо”.

На территории дачи были высажены двухметровые ели, клены и березы. Остальное пространство занимала луговая трава. Недалеко от коттеджа стояла беседка, в которой четверо мужчин играли в карты. Видимо, они играли здесь всю ночь: везде стояли и лежали пустые пивные и винные бутылки, валялись шампур для шашлыков и прочий мусор. Охранял игроков еще один громил в сером. Четвертый охранник скучал у входа в дом.

Симона нигде видно не было. Если он и присутствовал на даче, то находился в самом коттедже.

Приблизившись к широкому, с перилами и решеткой, крыльцу, Мария остановилась. Ираклий нагнулся, поднял камешек с галечной дорожки, — они шли по траве, практически без шума, — и бросил в стенку дома. Охранник насторожился, повернул голову влево, ничего не увидел, но все же сошел с места, глядя то на окна коттеджа, то на своих приятелей, возившихся с собаками. Мария быстро поднялась по ступенькам на крыльцо. Дверь в дом от-

крылась. Четверка “десантников” скрылась за ней, дверь закрылась.

Охранник оглянулся на дверь, ничего не заметил и снова застыл в сонном оцепенении.

Они оказались в просторном холле с мраморным полом, стенами из розового туфа и красивыми декоративными колоннами, также отделанными мрамором. Здесь же наличествовал бугай в сером, подозрительно глянул на открывшуюся и закрывшуюся входную дверь, двинулся к ней, положив руку на дубинку, и наткнулся на Ираклия.

Что сделал спутник Марии, остальные мужчины не поняли, но охранник вдруг согнулся пополам и тихо улегся на пол. Ираклий повернулся к остальным,

— Расходимся, — прошептал он, едва двигая губами. — Каждому по этажу, я в подвал. Мария ждет здесь. Через пятнадцать минут сбор в холле. Постарайтесь обойтись без шума. Удачи!

Тарасову достался первый этаж коттеджа.

Он заглянул сначала в столовую на двенадцать персон, где царил полный кавардак; здесь очевидно гуляли всю ночь. Затем обследовал туалет и ванную комнату, а в тупичке коридора — хозяйственную клетушку, все — пустые. Кроме этих помещений на первом этаже располагалась еще бильярдная, в которой все еще слоями висел дым, так здесь было накурено, а также бар и гостиная. Ни одного человека в этих помещениях, сверкающих полированным металлом, стеклом, хрусталем, фарфором и мрамором, Глеб не обнаружил. Вернулся в холл.

Мария молча показала на окно.

Тарасов увидел направлявшегося к дому лохматого, с испитой рожей, парня в спортивном костюме, который до этого играл в карты. Парень бросил несколько слов охраннику и вошел в холл, где нарвался на удар Глеба и потерял сознание.

Тарасов оттащил тело в столовую, где уже лежал охранник, подумал и переоделся в его форму. В плечах рубашка жала, но охранник был крупным молодым человеком, и особых неудобств смена одежды Глебу не доставила.

Он поднялся на второй этаж, доставшийся Никифору, и едва успел увернуться от удара: Хмель не сразу распознал, что перед ним свой. Произнес беззвучное руга-

тельство, прижал палец к губам и кивнул на одну из дверей, выходящих на лестничную площадку.

Дверей было четыре, три из них вели в спальные комнаты, четвертая в туалет, совмещенный с душем. Никифор успел проверить две спальни и туалет и готовился к штурму оставшейся спальни, где, судя по всему, находились люди.

Дверь оказалась запертой изнутри на щеколду.

Тарасов потянул ручку двери вправо, Никифор отжал язычок щеколды, и Тарасов ворвался в комнату, где стояла огромная кровать, две тумбочки и трюмо. На кровати нежились... два голых молодых человека, представлявших собой пару "голубых". Они спали и не успели ничего сообразить, как оказались в куда более глубоком сне.

Так как Дмитрий, которому достался верхний этаж коттеджа, до сих пор не спустился вниз, освободившиеся "десантники" решили сначала помочь ему, а потом идти в подвалы, где очевидно располагались сауна и бар, а также бассейн и винный погреб хозяина.

Лестница заканчивалась шестиугольным эркером с прозрачным окном на крыше, из которого небольшие коридорчики вели в три небольшие мансарды пирамидальной формы. Дверь одной из них была открыта, и на пороге расслабленно лежала рука человека. Сам человек — мужчина средних лет, могучий телом, с роскошной растительностью на груди, лежал навзничь и находился скорее всего в объятиях Морфея. От него несло перегаром за несколько шагов.

Никифор толкнул вторую дверь, и глазам гостей представала еще одна спальня, на кровати которой располагалась еще одна парочка молодых людей. Впрочем, судя по их позам, они уже не спали, а были "отключены". Дмитрий успел побывать здесь и "успокоил" "молодоженов".

— Бордель для "голубых", а не дача! — с презрением произнес сквозь зубы Хмель.

За стеной что-то упало.

Оба, не сговариваясь, метнулись к двери в третью мансарду, ворвались в комнату и увидели сцепившихся людей. Один был громадный, накачанный, скользкий от пота, бритоголовый, с татуировкой по плечам, в руке у него был пистолет. Вторым борцом оказался Дмитрий, успевший перехватить руку с оружием и не

давший бритоголовому выстрелить. В комнате находился еще один мужчина, толстый, грудастый, с длинными волосами и бабьим лицом. Он сидел в углу за кроватью и тихо скулил.

Никифор прыгнул к борющимся, врезал бритоголовому по основанию черепа ребром ладони. Гигант обмяк.

— Спасибо! — выдохнул Дмитрий, хватая ртом воздух.

Глеб подошел к толстяку и сунул палец в яремную ямку, дозируя силу удара. Толстяк закатил глаза и затих.

— Здоровый, гад, оказался! — прошептал Дмитрий, массируя предплечье, на котором остались отпечатки пальцев бритоголового. — Как он меня учуял — ума не приложу! Еле успел зажать пистолет. Где Диана?

— На наших этажах пусто.

— А Симон?

— Его тоже нет.

— Значит, он внизу.

Дмитрий бросился к двери, исчез на лестнице. Глеб плюнул на часы: прошло девять минут с момента их выхода. Время шло, уменьшая шансы закончить операцию тихо, а они все еще не знали, здесь ли находится подруга Булавина.

Никифор понял его мысль, толкнул кулаком в плечо и помчался вслед за Булавиным. Глеб в форме охранника спустился на первый этаж последним.

Ираклий ждал их у бассейна. У ног его лежала Диана, завернутая в простыню. Глаза ее были закрыты, под глазами темнели круги, верхняя губа была разбита и вспухла, на щеке и на шее были видны синяки и ссадины.

— Что с ней?! — тихо вскрикнул Дмитрий, бросаясь к любимой.

— Жива, — остановил его мрачный, чем-то озабоченный Ираклий. — Берите ее, будем выбираться.

Дмитрий прижался щекой к груди женщины, поцеловал ее в щеку, выпрямился, и в глазах его вспыхнул огонь ненависти.

— Где Симон?!

— Ушел, — скривил губы Ираклий, добавил, заметив, что его не поняли. — С о в с е м ушел. Да забирайте же ее!

Дмитрий недоверчиво посмотрел на спутника Марии, бросился в сауну, исчез за дверью.

— Они ее?.. — понизил голос Никифор, кивая на лежащую без движений Диану.

Ираклий посмотрел на него с хмурым неодобрением и не ответил.

Из сауны вышел Дмитрий с опущенной головой, сказал тусклым голосом:

— Это должен был сделать я...

— Уходим. — Ираклий направился к лестнице.

Дмитрий взял Диану на руки, зашагал следом.

Никифор и Глеб заглянули в сауну и увидели в комнате отдыха два тела. У одного была свернута шея, второй лежал, скорчившись, в луже крови и держался обеими руками за промежность. Это и был Симон Калабриади.

Выбраться из коттеджа удалось без особого труда — перебежать луг даже с Дианой на руках было делом одной минуты. Однако на этом приключения “спецгруппы” не закончились. Внезапно Мария остановилась, словно наткнулась на невидимое препятствие, и предостерегающе подняла руку. Задержка оказалась связанной не с угрозой нападения, а с появлением странного, плоского, черного прямоугольника, кувыркающегося над рощей. Впечатление было такое, будто он что-то искал, то опускаясь к вершинам деревьев, то поднимаясь выше.

Все уже встречались с подобным явлением и знали, что прямоугольник являет собой “локационную антенну” черных магов, поэтому послушно ждали, пока Мария даст сигнал к движению. Дмитрий с беспокойством посматривал на бледное лицо Дианы, все еще не пришедшей в себя, но тоже не торопил Марию, понимая, что в данном положении ничего сделать нельзя.

— Не нравится мне это, — сквозь зубы проговорил Ираклий, провожая глазами порхающий прямоугольник. — Абсолютно не представляю, как они могли засечь нас здесь.

— Это “привязанная антенна”, — тихо проговорила Мария. — Конунги знают, что один из углов триады живет в Вологде, и “привязали” к городу поток внимания. Антенна настроена на биометрические параметры Булавина.

— Ты не можешь направить ее отсюда подальше?

— Пытаюсь, но полностью заблокировать поток и отсечь след не могу, не хватает сил.

— Тогда быстрее в машину и едем! Егор поймет, почему нас нет в Новгороде. Можешь связаться с ним через тям?

Мария покачала головой.

Лицо ведуньи побледнело, нос заострился, борьба с “штенной” конунгов действительно отнимала у нее очень много психических сил.

— Заедем к Дмитрию домой, и я позвоню кое-кому, чтобы нас встретили в Новгороде.

— Как знаешь. — Ираклий дал знак остальным двигаться.

В дыру в заборе они выбрались на территорию дачной зоны, расселись в машине: Ираклий снова за рулем, рядом с ним Мария с Дианой, трое мужчин на заднем сиденье. Ираклий сразу погнал джип к Вологде, а Мария принялась колдовать над Дианой, приводя ее в чувство. Через минуту женщина очнулась, начала оглядываться, ничего не понимая, попыталась отодвинуться от Марии и только тогда заметила, что она по сути ни во что не одета. Прошептала:

— Это... вы?

— Успокойся, милая, — обняла ее Мария, — все уже позади. Приедем домой, примешь ванну, переоденешься и все забудешь, как дурной сон. В сущности, это и был сон, уж ты мне поверь, не думай о плохом.

Она еще что-то говорила, но Диана вспомнила, где она была и что с ней случилось, прижалась к ведунье и забила в рыданиях.

В доме Дмитрия Диана сразу уединилась в ванной, не впустив туда даже Дмитрия, и остальным пришлось ждать, пока она окончательно не успокоится и не переоденется. Лишь через час открылась дверь ванной комнаты и Диана вышла с влажными волосами, не поднимая глаз, кутаясь в халат хозяина. Оставлять ее в таком состоянии одну было нельзя, но и брать с собой тоже не представлялось возможным, и Мария спросила:

— Дианочка, у тебя есть родственники или друзья в Вологде, у которых ты могла бы дожидаться нашего возвращения?

— Нет, — тихо ответила женщина. — Только тетки, но у них я оставаться не хочу. Можно, я поеду с вами?

Мужчины переглянулись. Мария закусила губку. Дмитрий виновато и в то же время твердо сказал:

— Я возьму ее с собой, в Вологде ей оставаться нельзя. Мы ведь едем в Новгород?

— Не совсем, — качнула головой Мария, — в Новгородскую губернию, деревня Ладославль.

— Ну, все равно, я заскочу по пути в Барановичи и устрою Диану у моего дядьки Василия. Это не займет много времени.

Мария посмотрела на Ираклия, с которым была явно связана “ментальным полем понимания”, тот улыбнулся.

— Как говорил Эйнштейн: “Есть только две бесконечные вещи — Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не совсем уверен”. Однако на месте господина Булавина я поступил бы точно так же.

Дмитрий благодарно глянул на него, обнял Диану.

— Пойдем одеваться, родная.

Они вышли из гостиной в спальню.

Мария оглядела спутников.

— Больше никаких отклонений от намеченной траектории движения я не допущу. Надеюсь, ваши любимые дарини не требуют немедленного освобождения и защиты?

Никифор встретил умный, всё понимающий взгляд вдовуны и понял, что она знает о существовании Шарифы. Проворчал:

— Не требуют.

Тарасов промолчал. Он снял с себя униформу охранника и переоделся в джинсы и рубашку Дмитрия, которая была маловата ему в плечах, поэтому чувствовал себя стесненным.

Через несколько минут Дмитрий и Диана вышли из спальни, держась за руки. На Диане были джинсовые шорты, футболка и косынка (половину своего гардероба она, по сути, хранила в квартире Булавина), в руке она держала сумку с вещами. Дмитрий переодел только джинсы, испачканные во время визита на дачу Симона.

— Мы готовы.

— Ираклий, проверь, что там во дворе, — сказала Мария. — Что-то мне перестает нравиться атмосфера. Мы недопустимо долго сидим на одном месте.

Спутник Марии исчез за дверью.

— Я думал, мы еще успеем выпить кофе, — пробормотал Дмитрий.

— Я чувствую изменение полей внимания, — покачала головой Мария. — Конунги не оставят нас в покое, зная о существовании триады. Чем скорее мы попадем в зону непроглядия, тем больше шанс успешно выполнить миссию.

Вернулся Ираклий.

— С одной стороны, все тихо, во дворе не наблюдается никакого движения, но с другой — мне очень не нравится отсутствие движения по улице. Уж не перекрыли ли его по какой-то надобности?

— Надо проверить.

— Это уже наша забота, — вмешался Никифор. — Пошли, капитан, посмотрим, что там происходит. Эх, нам бы какие-никакие рации — горя бы не знали!

— Я с вами, — шагнул вперед Дмитрий. — Раз уж нам суждено быть триадой, надо привыкать действовать вместе.

Диана схватила его за руку, но отпустила, застыдившись своего порыва. Мария обняла ее за плечи.

— Пусть мужчины занимаются мужскими делами, а мы с тобой помолимся за них. Все будет хорошо.

Мужчины вышли.

— Я их подстрахую, — сказал Ираклий, направляясь к выходу. — Ждите сигнала и сразу спускайтесь.

Тарасов вышел из подъезда первым и ленивой походкой двинулся через двор, отмечая все детали картины.

Кроме джипа Марии и “Хонды” Булавина во дворе дома стояли еще несколько автомашин, все — отечественного производства, но из них лишь серая пятнадцатая “Лада” с полуспущенными стеклами вызвала подозрения, так как внутри нее неподвижно сидели трое парней. Если это была к о м а н д а, ее следовало нейтрализовать в первую очередь, потому что “Лада” перекрывала выезд со двора.

Глеб равнодушно проследовал мимо и свернул в арку, выходящую на улицу, остановился за углом, поджидая остальных.

Вторым из подъезда вышел Никифор, сутулясь, как старик, и прихрамывая. Узнать его по походке и поведению было трудно, так он умело перевоплотился в пожилого инвалида. Никифор также пересек двор, но наискосок, и вошел в другую арку. К Тарасову он подошел уже с другой стороны. Шепнул быстро:

— “Ладу” видел?

— Видел.

— Сидят, как пришитые, и даже не курят. Это к о м а н д а, капитан!

— Я тоже так подумал.

— А улица действительно пуста, ни одной колываги. И у дома с той стороны стоит милицкий “Форд” с ми-

галками. Внутри четверо в форме. Ждут. Чего ждут? Приказа? Или нашего выхода?

Капитаны посмотрели друг на друга.

— Нам ждать нечего, — сказал Глеб. — Надо начинать первыми, иначе опоздаем.

— Согласен. Выйдет Дима, и начнем. Я возьму на себя “Форд”, ты парней в “пятнадцатой”. Дима подстрахует женщин, посадит в джип, и поедем.

— Нас могут встретить у перекрестков, улицу не зря перекрыли.

— Тогда попросим Марию отвести глаза милиции.

— Это не милиция, Никифор, это спецгруппа, поджидающая удобный момент для нападения. Не знаю, почему она медлит, может быть потому, что не уверена в идентификации объекта, мы здесь появились всего полтора часа назад, но у нас есть прекрасный шанс опередить их и уйти. Вот идет Дима, начинаем.

— Эх, мне бы какой-никакой заваливающий пистолетик! — выдохнул Никифор, выходя на улицу походкой “инвалида”.

— Или пси-индуктор “нокаут”, — добавил Глеб, направляясь навстречу Дмитрию.

Они встретились в двадцати шагах от серой “Лады”, и Тарасов сказал, улыбаясь и пожимая Булавину руку, будто до этого они не встречались:

— Берем серую “пятнадцатую” за твоей спиной. Я начну, ты поддержишь.

— Понял, — с такой же деланной улыбкой потряс ему руку Дмитрий.

Они разошлись.

Дмитрий направился к выходу со двора. Глеб к подъезду, но вдруг остановился, похлопал себя по карманам и свернул к “Ладе”.

— Эй, водила, дай закурить, — попросил он водителя, подходя вплотную.

Трое седоков посмотрели на него удивленно, все молодые, здоровые, налитые силой, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы с другой стороны машины появился Дмитрий и рванул на себя дверцу “Лады”. Все трое пассажиров схватились за оружие, однако нападавшие действовали быстрее.

Глеб воткнул своему противнику-водителю палец под ухо, а Дмитрий ударом в переносицу отключил своего. Остался третий бугай, сидевший на заднем сиденье и уже наводивший на Булавина ствол пистолета, но Глеб

ударом кулака разбил стекло с его стороны, заставив его отшатнуться, а Дмитрий ударом по руке выбил пистолет. Затем оба нырнули в кабину, выкручивая руки парню, а когда тот взвыл и начал кусаться, Тарасов локтем врезал ему по толстой шее.

Схватка закончилась.

— Выводи женщин! — бросил Глеб, вылезая из машины и не обращая внимания на отшатнувшихся пешеходов, скапливающихся во дворе у подъездов. — Я помогу Никифору.

Булавин молча помчался в дом, но Ираклий уже выво-дил Диану и Марию, и времени процесс рассаживания по машинам много не занял. Через несколько секунд джип и “Хонда” выехали со двора, оставив потерявших дар речи случайных прохожих разглядывать лежащие у серой “Лады” тела.

Тарасов подоспел к Никифору вовремя.

Капитан несколько переоценил свои силы и смог вырубить лишь двух милиционеров, водителя и лейтенанта на заднем сиденье. Сержант, вдвое больший по габаритам, чем Хмель, успел вытащить пистолет, и Никифору пришлось схватиться с ним по-борцовски, чтобы не дать выстрелить, в то время как четвертый пассажир милицейского Форда”, с погонами старшего лейтенанта, хладнокровно выцеливал его сзади, расставив ноги и держа штатный “волк” двумя руками.

Подбежавший Тарасов кинул в него с десяти метров камень, попал в шею, заставив инспектора непроизвольно сделать выстрел, — пуля попала в сержанта, — и обернуться. Но выстрелить в Глеба он не успел и, получив несколько легких тычковых ударов, дезориентировавших его, пропустил “клюв аиста”, бросивший старлея на асфальт.

Никифор добил своего противника, хлопотавшего пулю в плечо от напарника, и в это время из арки вынеслись джип Ираклия и “Хонда” Булавина. Остановились рядом со скрипом тормозов. Распахнулись дверцы обеих машин. Никифор нырнул в кабину джипа, Тарасов прыгнул в “Хонду”, и через несколько мгновений обе машины унеслись прочь, скрылись из виду.

И лишь спустя минуту на месте схватки — возле “Форда” — начали останавливаться люди — появились два микроавтобуса, из которых стали выпрыгивать парни в пятипистой форме и в черных вязаных шапочках-масках, воо-

руженные автоматами и пистолетами-пулеметами. Беглецов к тому времени уже и след простыл.

К удивлению самих беглецов улица хотя и оказалась перекрытой: на перекрестке стояла машина патруля ГИБДД, и двое инспекторов останавливали и заворачивали машины в другую сторону, — но засада их не ждала, а “девятку” инспекции Ираклий просто сшиб бампером так, что она врезалась в бордюр и перевернулась. Дальше начиналась набережная, и мчаться можно было с большей скоростью.

— За нами наверняка будет погоня, — сказал Никифор хладнокровно, оглядываясь и ловя глазами не отстающую “Хонду” Булавина.

— Уйдем, — не менее спокойно отозвался Ираклий, мельком глянул на сидевшую рядом с ним Марию. — Сил хватит? Или помочь?

— Хватит, — ответила ведунья, глаза ее вспыхнули мрачным огнем.

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ТРИАДА: ПРЕЛЮДИЯ.

В деревню Ладославль, расположенную на западном берегу озера Никулинское, они приехали еще засветло, по пути посетив Барановичи и оставив там Диану на попечение родственника Булавина. “Хонду” Дмитрия решили бросить в лесу, во избежание сюрпризов. Возможно, как предположила Мария, она была помещена “черным вниманием” конунгов и могла ими плениться.

Дмитрий, пережив немалый стресс, оставшись без подруги, несколько успокоился, но вид имел мрачный, неприступный, поэтому его до времени не теребили и в разговоры не вовлекали. Зато за время поездки узнали от Марии и Ираклия много нового о Катарсисе и его оперативной службе — Сопротивлении, а также о древнем искусстве *живы*, о системах треков — рассчитанных линий упреждения намерений, и о многом другом.

Узнали новые работники Сопротивления и о тактических целях Катарсиса, неофициальной, “мнимой” структуры, не контролируемой ни одним государственным институтом или частной организацией. Целями Катарсиса являлись: перераспределение финансовых потоков в пользу государства, регуляция информационных пото-

ков, “очистка” их от “печати Сатаны”, коррекция властных структур, упреждение террора, выявление коррумпированных чиновников и их “оперативное замещение”, создание родового защитного эгрегора.

Больше всего в этой части беседы Никифора и Глеба поразило то, что их работу в ЧК и группе “Хорс” можно было построить иначе, и тогда не потребовалось бы уничтожать бандитов физически и похищать ультранационалистически настроенных лидеров.

— Но как же с ними бороться, когда они захватывают и мучают людей?! — спросил обескураженный Никифор.

— Зри в корень, как говорил незабвенный Козьма Прутков, — оглянулся на капитана Ираклий. — Всегда найдется причина, которая побуждает человека действовать так или иначе. Вот причину и надо нейтрализовать, а не сражаться с ветряными мельницами следствий.

— А конкретнее?

— С конкретикой вам скоро придется знакомиться вплотную, — проговорила Мария. — А пока запомните основные принципы Катарсиса: человек должен оставаться человеком в любой ситуации, и приоритетным направлением деятельности службы над остальными способами достижения цели является просветительская работа. Это не означает, что мы только учим, разговариваем и вещаем прописные истины, но вершина Катарсиса — система просвещения на базе *живы*. А уж потом программы обучения выходят на уровень линейного исполнения в государстве и коллективах. Для чего создаются операторы управления, сначала — в семантическом поле, потом — в поле реальных событий. Хотя иногда, вследствие действий СС, приходится сшивать неопределенности программ с помощью нелинейных спец-программ. Вот как сейчас.

Никифор поглядел на Тарасова.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Мы все вместе являемся сейчас такой спецпрограммой: Ираклий и я — как магический оператор, вы трое — как триада, оператор реального воздействия. Собственно говоря, каждый из нас — подпрограмма в более высокой программе управления семантическим пространством России.

— Это что же, выходит, мы... запрограммированы?!

Мария улыбнулась, оглянувшись на помрачневшего Никифора.

– Все мы запрограммированы Космосом, еще до момента рождения на свет. А уж потом подчиняемся внешнему программированию семьей и обществом. Пока же вам достаточно знать, что существуют методы управления и программы, достаточные для изменения существующего порядка без захвата реальной власти и массового зомбирования людей, чего добиваются лидеры так называемой Новой Революционной Инициативы. Катарсис медленно, но верно замещает руководителей страны, хотя этому, естественно, мешает Система Сатаны. Когда же изменится мировоззрение — изменятся руководители, а вместе с ними и власть в целом.

– Это когда еще будет...

– Тут вы правы, капитан. Пока в России производственная деятельность человека определяется безвыходностью положения, а не потребностью в работе, ситуация с управлением не изменится. Да и СС нас опережает на несколько шагов. Все управление культурой — в ее руках, телевидение — тоже. Но особенно тревожная ситуация сложилась с качественным демографическим положением в России. Вы что-нибудь слышали о так называемом “русском кресте”?

– Нет, — за всех ответил Тарасов.

– В России образовалась своего рода социальная яма, или воронка, когда больные рожают больных, а бедные воспроизводят бедных. Отмечается постоянный рост количества инвалидов, падение рождаемости и сокращение численности коренного населения страны, то есть этнических русских. Это и есть “русский крест”. Могут добавить, что за последние четыре года потери занятых исследованиями и научными разработками сотрудников составили шестьсот с лишним тысяч человек.

– Утечка мозгов? — пробормотал Никифор.

– Только с две тысячи первого по нынешний год из России эмигрировало около миллиона человек. Этот отток интеллектуальных ресурсов еще аукнется в будущем, несмотря на поразительную способность России воспроизводить таланты. Но что особенно страшно, одновременно с этим продолжается и процесс “размывания” нравственности, норм доброты и вежливости, милосердия, честности, порядочности, ответственности. Все большее распространение получает прагматизм, преобладание ориентации индивида на личную выгоду, рост индивидуализма по американским моделям, чуждым рус-

ской культуре. Я уж не говорю о появлении категории “новых бедных” и о маргинализации общества, вы это и так знаете.

– Что же ваш Катарсис? Только анализирует беды?

– Катарсис — не властная структура, а по сути система иного мировоззрения, и она работает, только медленно. В наше время трансформация сознания людей не успевает за ходом реформ, срабатывает эффект двойного запаздывания, и чтобы его преодолеть, Катарсис пытается снизить темпы изменений, чтобы психика людей не пошла вразнос, и они успевали бы за изменениями в процессе приспособления к новым условиям. Однако мы далеки от реализации своих Замыслов — программ, и в России продолжается “распятие духа на кресте матери”, как образно говорил один мудрец.

В кабине машины наступило молчание...

Через несколько минут дорога свернула к озеру, и джип въехал в деревню Ладославль. Еще через несколько минут их познакомили с матерью “серебряного мальчика” и с ним самим.

В общем-то мальчишка был как мальчишка, и выглядел он соответственно своему шестилетнему возрасту: худенький, загорелый, большеголовый, лобастый, с длинными белыми волосами, тихий и стеснительный по началу. Но его лицо и глаза!..

Это было лицо величавой Сдержанности и Достоинства, а глаза выражали глубокое Спокойствие, Долготерпение и Ум! На лицо “серебряного мальчика” хотелось смотреть и смотреть, и радость охватывала душу, когда он отвечал улыбкой на улыбку.

Все трое были потрясены знакомством и покорены естественным поведением мальчишки, которого прочили в лидеры будущей России.

Мария с Ираклием уехали незаметно, ничего толком не объяснив оставшимся мужчинам, поэтому функции командира триады взял на себя Тарасов.

Первым делом он запретил всем лишний раз показываться на глаза людям, чтобы возможные разведчики СС или “антенны” конунгов не засекли появления в деревне гостей. Во-вторых, Глеб составил план “превентивного ожидания опасности” и первым заступил на дежурство. Капитан понимал, что от их поведения будет зависеть очень многое в дальнейшем и что исчезновение “магического оператора” в лице Ираклия и Марии

скорее всего связано с деятельностью Катарсиса, хотя был возможен вариант, что это тест на возможности членов триады.

Остаток дня и вечер прошел в беседах с хозяевами, простыми русскими людьми, здраво рассуждающими о конкретных заботах и не забивающими голову размышлениями о смысле жизни.

Никифор больше слушал, чем говорил, затем и вовсе уснул на диване в горнице, и гости с хозяевами перешли на веранду, где Анфиса, мать “серебряного мальчика”, которого все называли Сергием, накрыла на стол.

“Серебряный мальчик” посидел с ними, с любопытством поглядывая на гостей, потом занялся сборкой планера, заготовку которого подарила ему Мария. И вскоре под его чудесными ручками вырос летательный аппарат, который потом с изумительной легкостью кружил над двором, долго не опускаясь на землю, будто был невесом. После испытаний планера Сергей (Глеб узнал позже, что крещеное имя мальчика — Световид) занялся лепкой из пластилина, и снова из-под его пальчиков вышли удивительно похожие фигурки зверей и странных животных, создающих впечатление живых существ.

— А это кто такой? — не выдержал Тарасов, показывая на серо-зеленую “шишку” с длинным носом, глазками-бусинами и ручками.

— Это шиш, — серьезно ответил Сергей. — Нечистая сила. Живет на обочинах дорог, играет пыльные свадьбы — вихри столбом.

Глеб перевел взгляд на Анфису, и та с улыбкой кивнула, подтверждая слова сына:

— Все правда, только редко теперь их встретишь, нечистиков — шиша, перебаечника, хлопотуна, почти перевелась нежить в наших краях.

— Вы... серьезно? — оторвался от своих дум Дмитрий, подняв брови. — Неужели это не сказки?

— Стали сказками, были былью, — ответила молодая женщина спокойно. — Как говорил мой свекор: в часовом механизме нет лишних шестеренок. А нежить прощая в нынешнем мире стала лишней, вот мир и разваливается потихоньку.

— Так вы считаете, что раньше все было не так? И эта самая... нежить по-настоящему водилась и жила?

— Все правда, жила...

Гости вернулись было в веранду, но уже стемнело, и включи они свет — с улицы их можно было увидеть всех, поэтому Тарасов предложил соратникам перейти в гостиную.

Анфиса, сославшись на хозяйственные хлопоты, ушла, мужчины остались одни, да изредка в комнате появлялся “серебряный мальчик”, игравший в прятки с кошкой, либо для того, чтобы задать какой-либо вопрос. Ни одного члена триады он уже не боялся, словно принял их за своих родичей или друзей родителей.

В горницу вбежал Сергей, глянул на собеседников умными смеющимися глазами и провозгласил:

— Тетя Маша идет.

Вошла Мария, вопреки ожиданиям — одна.

— Извините, что мы заставили вас поскучать. К сожалению, плохие новости. Ушел Владыко.

Мужчины продолжали молча смотреть на ведунью, и она добавила:

— У волхвов своя иерархия, и главный иерарх — Белый волхв, то есть Владыко. Он... ушел.

— То есть, вы хотите сказать, умер?

— Волхвы не умирают, а уходят. Хотя, честно говоря, я не знаю, что с ними потом происходит. Знаю точно лишь одно: Спиридона с нами больше не будет.

— Белого волхва звали Спиридоном?

— Теперь белым волхвом, скорее всего, станет ваш знакомый Егор Крутов, но для этого ему надо пройти Испытание. На это время единственными защитниками Сергея, ну, или почти единственными, останетесь вы.

— Разве мы отказываемся? — выразил общее недоумение Тарасов.

— Боюсь, вы не справитесь.

По лицам мужчин промелькнули беглые улыбки. Мария тоже улыбнулась, задумчиво и с грустью.

— Вы просто не представляете, с кем вам предстоит столкнуться. Если, конечно, мы не успеем спрятаться в зоне непрогляда.

— Объясните! — твердо сказал Глеб.

— Здесь, в районе озера Никулинское, когда координатором Катарсиса был Спиридон, располагалась зона непрогляда, то есть место, недоступное видению конунгов. Теперь с уходом Владыко заклятие непрогляда исчезло, и конунги в любой момент могут запеленговать местонахождение “серебряного мальчика”. И тогда...

— Они нападут.

— Сначала они пошлют спецкоманду типа фасовского “Зубра”, или “Альфы” ФСБ, или “Урагана” ГРУ, или своих “тающих” зомби. И даже если вам... если нам удастся отбить атаку, нападения конунгов нам не удержать.

— Что же ваши коллеги из Сопротивления, Витязи? Разве они не помогут?

— Витязи выполняют свои задания и руководят операторами воздействия на местах, они очень заняты. Возможно, кого-нибудь и удастся привлечь, но особых надежд нет. Нам придется обходиться своими силами.

— А этот ваш Крутов?

— Его уровень ответственности гораздо выше индивидуального, он не имеет права погибать. Хотя, конечно, он вмешается... в какой-то момент. И все же выпутываться нам надо самим.

— Мы готовы, — сказал Никифор примерно тем же тоном, каким до этого говорил Тарасов. — Говорите, что надо делать.

— В идеале мы должны незаметно пробраться в другую зону непрогляда в районе села Ковали Жуковского района Брянской губернии. В связи с этим я предлагаю свой план. До Новгорода добираемся все вместе, а потом разделимся: я и Сергей дальше следуем на Брянщину инкогнито, — я накрою его “глухой ночью” так, что конунги не учуют, — а вы пойдете на север, в Онегу, имитируя, что охраняете мальчика. И тогда все темные силы пойдут за вами.

В комнате стало тихо.

Потом пошевелился Дмитрий, потянул себя за ухо.

— Отвлекающий маневр?

— Звучит интригующе, — добавил Никифор. — Прямо как в старом киносериале “Обратной дороги нет”.

Они посмотрели на молчавшего Тарасова.

— Мы безусловно готовы пойти на это, — очнулся тот. — Но уверены ли вы, что сумеете уберечь мальчика?

Мария посмотрела Глебу прямо в глаза.

— Если вы хорошо сыграете роль беглецов, я справлюсь.

— А почему вы ничего не говорите об Ираклии? Разве он не пойдет с вами?

— Женщина и ребенок — мы переоденем Сергея в девочку — менее заметны, чем полная семья. Ираклий будет подстраховывать вас.

— Но ведь наши преследователи могут увидеть, что с нами нет ребенка...

— Ребенок с вами будет — мальчик тех же лет, почти полная копия Сергея. Но вам необходимо во что бы то ни стало уберечь его от опасности, не забыть, не подставить, сохранить ему жизнь и здоровье. Это главное условие похода. В противном случае нет смысла затевать игру.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— М-да, задачка, — промышал Никифор.

— Справимся, — тихо сказал Дмитрий.

— Я не отойду от мальчика ни на шаг! — пообещал Тарасов.

— Что ж, тогда с Богом! — с облегчением встала Мария. — Ждите, через полчаса мы подготовим малыша и выступим.

Она вышла.

— Героическая женщина! — сказал Никифор, глядя ей вслед. — Рискует жизнью так, будто родилась воином.

— Она берегиня, — вошел в горницу Ираклий; он слышал последнюю реплику Хмеля. — А этот крест достается только тем женщинам, которые отдают себя служению другим без остатка. — В глазах спутника ведунья мелькнула застарелая боль. — Итак, парни, давайте обговорим кое-какие детали похода. До Новгорода передвигаемся все вместе...

— Это мы уже слышали, — буркнул Никифор, у которого испортилось настроение.

— А дальше, — как ни в чем не бывало продолжал Ираклий, — Мария с мальчиком отправится своим маршрутом, вы же с двойником Сергея — своим.

— Где мы возьмем двойника?

— Его привезу я. Дальнейший ваш путь будет таким: Тихвин — Лодейное поле — Петрозаводск — Медвежьегорск. Конечный пункт маршрута — Онега. Там нас встретит проводник. — Ираклий усмехнулся. — Если конечно мы туда доберемся. Еще раз подчеркиваю: служение Роду, работа в Катарсисе — дело сугубо добровольное и не награждаемое. Еще не поздно отказаться.

— Поздно, — скривил губы Никифор. — И наград нам никаких не надо. Однако без кое-каких средств не обойтись, денег у меня к примеру, кот наплакал.

— Все необходимое вы получите, в том числе деньги, транспорт и экипировку. Пойдемте со мной, покажу наши запасы, выберете сами.

В комнату, где так и не зажигалась лампа, несмотря на сумерки, вошла Мария.

— Только что пришло известие: берега озера обшаривает спецподразделение “Зубр”. Еще две спецгруппы на подходе. В Ладославле они будут через час. Пора уходить.

Мужчины подобрались.

— Как мы будем выбираться отсюда?

— На джипе. Надеюсь, до Новгорода мы успеем доехать к утру. Ираклий останется здесь и догонит нас с мальчиком уже в Новгороде.

Ираклий махнул рукой, выходя в сени. Триада в молчании последовала за ним.

На улице царил теплый августовский вечер. Уличных фонарей в деревне практически не было, и она тонула в сумерках, постепенно растворяясь на фоне окружавших ее лесов. Лишь вспыхивающий в окнах домов свет удерживал деревню от полного исчезновения.

Шли недолго, сначала по улице, потом свернули к пристани и остановились у неказистого бревенчатого сооружения с плоской крышей, напоминающего пакгауз, с мощным висячим замком. Ираклий отпер замок, толкнул дверь, все четверо вошли в заполненное тьмой нутро пакгауза.

Их взору открылось сравнительно узкое, но длинное помещение со стеллажами вдоль стен, забитыми тюками с обмундированием, ящиками с оружием и патронами, продовольствием и всяческим инвентарем.

— Ух ты! — пробормотал Никифор. — Ничего себе сюрприз! Да это же никак “Игла-2М” в сборе! — Он подошел к длинному ящику с армейской маркировкой, в котором лежал переносный зенитно-ракетный комплекс.

— ЗРК вам не понадобится, — усмехнулся Ираклий. — А из оружия я советую взять “котики” или “волки”, “горох”, один “винторез”, пару “ершей”, три “нокаута”*. Плюс рации, комбезы и ножи. Комбезы, прошу заметить, трех типов, но лучше взять последнего образца “ратники”. Они хорошо держат выстрел из пистолета, легкие и имеют системы терморегуляции и компьютерной связи. Только они без защитных сфер.

* “Котик” — пистолет бесшумного боя; “горох” — пистолет-пулемет, “винторез” — бесшумный снайперский комплекс; “ёрш” — игломет (химический парализатор); “нокаут” — пси-генератор.

— Откуда у вас такое богатство? — поинтересовался Тарасов.

— От верблюда, — с иронией пояснил Ираклий.

— Я бы взял еще парочку гранат, — сказал Никифор.

— Берите. Лучше всего — “микробы”. — Ираклий раскрыл ящик с миниатюрными, величиной с мандарин, гранатами. — Вот сумки. Начинайте.

— А вы?

— Все свое ношу с собой, — ухмыльнулся Ираклий. — Побыстрее, пожалуйста.

Через десять минут три сумки были уложены, и мужчины покинули замаскированный склад, принадлежащий одной из баз Сопротивления.

Стемнело окончательно, когда отряд начал рассаживаться по местам в кабине джипа.

За руль на этот раз сел Тарасов. Мария с “серебряным мальчиком”, переодетым в девочку, села на заднее сиденье вместе с Дмитрием, Никифору досталось место пассажира на переднем сиденье.

Их провожал только Ираклий. Ни отец малыша Родослав, ни Анфиса, так и не появились на улице.

— А теперь аллур три креста! — сказал Ираклий, поглядывая на часы. — Поедете через болото, пока оно не закрылось, Мария знает, куда ехать. Удачи всем!

Тарасов включил двигатель. Джип с урчанием двинулся по улице к выезду из деревни.

— Сейчас направо, — сказала Мария. — За огородами свернете к озеру и сразу налево, в лес.

— А что значит — пока не закрылось болото? — полюбопытствовал Никифор.

— Это значит, что родная земля слушается нас, — ответила ведунья. — Мы любим ее, и она отвечает тем же. Болотный дух — болотняк — позволит нам проехать без помех, как по ровному месту, но тех, кто попытается идти за нами, ждут сюрпризы.

Джип свернул по малозаметной дороге в лес и вскоре приблизился к болоту. Впереди появились кочки, мшистые низинки, заросли осоки, деревья расступились, осинки стали хлипкими, скрюченными, тоненькими. Тарасов остановил машину, оглянулся и встретил взгляд Сергия.

— Поехали, дяденька Глеб, — сказал “серебряный мальчик”, одетый в платице и косыночку, и улыбнулся.

И Тарасов почувствовал прилив уверенности и бодрости.

— Как там в песне поется? — сказал он весело. — Вперед и вверх, а там — ведь это наши горы, они помогут нам?

Джип медленно двинулся через болото...

НОВГОРОД. ТРИАДА: МАНЕВР.

Утро наступило такое тихое, безмятежное, прохладное и ласковое, что не хотелось думать ни о бегстве и спасении мальчика, ни о черных колдунах, ни о своей собственной судьбе. Зато очень хотелось почувствовать рядом тепло Софьи и поднять на руки девочек так, чтобы они крепко держались за шею и визжали от притворного страха, как это было на пасеке деда.

Глеб обошел машину, уже остывшую от ночной гонки, справил нужду за кустами орешника и умылся в ручье.

Сзади раздался шорох, потом хрипловатый голос Никифора:

— Доброе утро, капитан. Ты что же, совсем не спал?

— Покемарил полчаса.

— Я тоже. А где наша проводница с мальчиком?

— Очевидно, удалилась по надобности. Живые люди все же, хотя и колдуны.

— Эт точно. А малец мне нравится, ей-богу. Хотел бы и я иметь такого сына.

Зашуршала трава под чьими-то ногами, и на опушке леса в двадцати шагах появилась Мария, ведя за руку "девочку" — Сергия в платьице.

— Доброе утро, капитан.

— Доброе, — отозвался Никифор. — Все в порядке?

— Скоро увидим, — коротко отозвалась ведунья, наклонилась к "серебряному мальчику". — Есть хочешь, беленький?

Сергий покачал головой.

— Не-а... пить хочу.

Мария достала термос, налила малышу чаю, отломала шоколаду. Сергей с удовольствием начал лизать плитку.

Все смотрели, как он это делает, испытывая странное чувство родительской нежности пополам с сожалением. Но сожалели они лишь о том, что это был не их сын.

Из джипа вылез, потягиваясь, заспанный Дмитрий, глянул на встающее солнце, на спутников.

— Кого-то ждем?

— Ираклия, — отозвалась Мария. — Он уже должен был быть здесь, но задерживается. Это меня беспокоит.

— Приедет, никуда не денется. Далеко еще до Новгорода?

— Километров двадцать. Садитесь, поехали.

— Где мы остановимся в Новгороде? — спросил Тарасов, продолжая вести машину.

— Можно у моей тетки Василисы, — предложил Дмитрий. — Она живет одна недалеко от кремля, на улице Толстого.

— Я город не знаю, — предупредил Тарасов, — будете подсказывать, куда ехать.

— Хорошо, едем к твоей тетке, — согласилась Мария, выглядевшая непривычно усталой. — Это неплохо, что она живет рядом с кремлем. Там мы встретимся с Ираклием и разойдемся.

Джип миновал Волотово, поплутал по улицам окраины города, пересек мост через Волхов и вскоре обогнул Новгородский кремль. Улица Льва Толстого была короткой и отходила от кремля, как спица колеса от ступицы, в числе десятка других таких же улиц-"спиц", упираясь в "обод" — улицу Черняховского. Дмитрий показал поворот, и джип въехал во двор старинного шестиэтажного здания с лепными карнизами.

— Вылезайте, приехали.

— Сначала проверьте, дома ли тетка, и поговорите с ней, — посоветовала Мария. — Вдруг она нас не примет.

— Уверен, примет. — Дмитрий послушался, вылез. — Просто ее может действительно не быть дома, она дама подвижная. Сейчас проверю.

Он исчез в подъезде.

— Мне здесь не нравится, — вдруг сказала Мария. — Не могу понять, что именно.

— Конунги? — понизил голос Тарасов, переглядываясь с Никифором.

— Нет, не конунги, их появление "звучит" иначе...

— Работаем! — жестко сказал Никифор, доставая из сумки пистолет и засовывая его под ремень брюк за спиной.

Тарасов тоже достал оружие, но другое — "глушак".

— Сидите в машине, — подмигнул он Сергию, — не высовывайтесь. Мы посмотрим вокруг и вернемся. Ты налево, я направо. Джип из поля зрения не выпускать.

Хмель вышел первым и неторопливо двинулся мимо подъезда, в котором скрылся Дмитрий, к другому подъезду, возле которого стояли несколько стареньких иномарок и новая "Волга" цвета "мокрый асфальт".

Тарасов же пересек уютный чистенький дворик и свернул к дому, стоявшему перпендикулярно тому, в котором жила тетка Булавина. Ему попались навстречу две женщины среднего возраста и девочка, а также старик-инвалид с костылем и крутобедрая девица с ярко-красными губами. На девицу он не обратил внимания, а вот взгляд инвалида Глебу не понравился. Это был взгляд человека, а не ализирующего ситуацию. К тому же старик не ушел со двора, а продолжал подолгу возиться у мусорных баков, делая вид, что ищет бутылки.

Еще больше не понравилось Тарасову поведение женщин с девочкой. Они вошли в подъезд соседнего дома, вышли, постояли с минуту, о чем-то беседуя, и направились к старику-инвалиду. Затем все четверо посмотрели на джип — о д н о в р е м е н н о! — и снова разошлись.

Зараза! — с досадой подумал Тарасов, направляясь к машине. Это же "матрица слезки"! Мария правильно оценила атмосферу: за двором следят. Неужели нас здесь ждали?..

Он залез в кабину, проговорил сквозь зубы:

— Влипли! Во дворе засада.

— Я так и поняла, — спокойно отозвалась Мария. — Наверное, за родственниками Булавина, да и за вашими тоже, установлено наблюдение на случай вашего появления. Надо будет учесть это в дальнейшем. Что вы думаете делать?

— Вернутся Никифор и Дима, сообразим.

— Если это засада, почему же на нас не напали сразу, как только мы остановились?

— Они не знают, кто мы и сколько нас в джипе, и как мы вооружены. Стратегия засады — не выявлять себя до самого последнего момента.

— Как же вы определили, что это засада?

Тарасов пошевелил пальцами с легкой улыбкой.

— Флюиды. Я занимаюсь такими делами много лет и подсознание срабатывает само. — Он снова подмигнул Сергию. — Не боишься, беленький?

— Не-а, — ответил мальчик и ткнул Глебу пальцем в рубашку на груди. — Рука...

Глеб непонимающе посмотрел на свою грудь, потом сообразил, вынул талисман на ремешке.

— Ты это имел в виду? Это амулет и он действительно называется "Рука Бога". Потрогай, если хочешь, не бойся.

— Я не боюсь.

Сергий дотронулся пальчиком до кругляша амулета, и тот на мгновение оделся сеточкой голубых молний, так что Тарасов едва его не выронил. "Серебряный мальчик" засмеялся.

— Это оберег... хороший внутри... строгий и добрый...

Глеб встретил взгляд Марии.

— Он в и д и т суть вещей, — пояснила ведунья. — Иногда я ему даже завидую. Где же Булавин, в конце концов?

Тарасов спрятал талисман под рубашку, ощущая его необычное тепло. Впечатление было такое, будто он нагрелся на солнце.

— Пойду к нему.

Из подъезда вдаль вышел Никифор, направился к джипу, но вдруг замедлил шаг, заметив инвалида у мусорного бака. Инвалид отвернулся. Никифор быстро зашагал к джипу и забрался в кабину.

— Влипли! — выдохнул он, выбирая то же выражение, что и Тарасов. — Это ЧК! Инвалида видел?

— Ну?

— Это сам полковник Гвоздецкий собственной персоной! Жаль, что я его пожалел на базе.

— Ты уверен? С чего бы это твою ЧК направили в Новгород наблюдать за домом родственницы Булавина?

— Не знаю, но факт остается фактом: это Кирилл Наумович Гвоздецкий, начальник ЧК. Он меня тоже узнал. Странно, что они медлят.

— Я тоже такого мнения.

Хмель и Тарасов обменялись взглядами.

— Дмитрий!

— Точно! Они наверное ждали его в квартире одного, и он сам к ним заявился!

— Пошли! — дернулся к дверце Никифор.

— погоди, давай работать согласованно. Я возьму твоего Гвоздецкого, ты иди выручай Диму.

— Согласен. Ну, с-собаки, неужели они способны выстрелить в своего бывшего сотрудника? Мы же три банды вместе брали!.. — Никифор захватил "ерш" и вылез из кабины, скрылся в подъезде.

— Сядьте за руль, — хладнокровно сказал Тарасов, вылезая. — В случае чего попытаетесь скрыться.

— Стойте! — шепотом воскликнула Мария; глаза ее снова почернели. — Я поняла! Вы не зря удивились, что здесь Булавина ждет ЧК. “Чрезвычайка” не должна была знать о существовании Дмитрия, его знали только профи из ФАС.

— Хорошо, допустим. Что из этого следует?

— Наш главный противник в нынешние времена — НРИ, в руках лидеров которой есть “лунный свет”. Понимаете?

— Пси-генератор?

— Система внушения виртуальной, несуществующей реальности.

Глеб зачарованно посмотрел в глаза женщины.

— Вы думаете...

— Они включили “лунный свет”! В Новгороде тоже есть храмы БЕСа, один из них вполне может использоваться в качестве усилителя поля.

— И он сейчас действует на нас!

— Внушая те страхи и опасения, которые мы предполагаем встретить.

— Дьявольщина! Как это можно проверить?

— Никак. Надо только ждать. Если на нас нападут...

Тарасов покачал головой.

— Тогда будет поздно что-либо предпринимать. Мы потеряем свободу маневра и, может быть, свободу вообще. Лучше перебдеть, как говорил киношный герой.

— Хорошо, действуйте, — согласилась Мария, пересаживаясь за руль. — Я буду ждать вас до последнего. Но прошу вас — не начинайте боя без основательных причин, не стреляйте во все, что движется.

— Панике не обучены, — скупое усмехнулся Тарасов, направляясь к инвалиду, присевшему на корточки у последнего мусорного бака с сигаретой в руке.

— Эй, дед, дай закурить.

Старик оглянулся, проворно сунул руку за пазуху, и Глеб, холодея, ожидая выстрела, нажал на спусковую кнопку “нокаута”. Инвалид вздрогнул, обмяк, осел на колени, сигарета выпала у него из ослабевших пальцев, а из правой руки тяжело шлепнулся на землю длинноствольный пистолет “волк”.

Что-то прошумело над головой.

Голубь?

Глеб поднял голову, но ничего и никого не увидел, хотя ясно слышал удаляющийся шум крыльев.

Что за чертовщина?!

Он с силой протер глаза кулаком, но добился лишь того, что предметы вокруг стали двоиться. А пистолет, выпавший из руки старика, и вовсе исчез.

Что же это творится?!

Кто-то окликнул его.

Тарасов напрягся, стряхивая налипшую на голову, неведь откуда взявшуюся паутину, и услышал тонкий голос Марии:

— Глеб Евдокимович, сюда!

Ничего не понимая, зашагал к джипу, пошатываясь, но с каждым шагом ему становилось легче и легче, и у машины совсем отпустило. Предметы перестали двоиться и плыть, земля под ногами успокоилась, невидимые птицы перестали летать над головой, исчезла “паутина”.

— Что со мной?! — прошептал он.

— Излучение действует на сознание, заставляя вас видеть то, чего нет. Быстрее идите за Хмелем и Булавиным, они не имеют оберега и им труднее отстроиться от воздействия извне. Как бы они не натворили там дел...

Со звоном вылетело стекло на третьем этаже.

Тарасов вздернул голову, оценивая разлет осколков: в стекло явно стреляли. Тогда он побежал.

В подъезде разговаривали двое мужчин, очень похожих на Тихончука и Черкеса, но Глеб помнил слова ведущий и стрелять в беседующих не стал, лишь крепче сжал в руке талисман.

Взбежал по лестнице на второй этаж, едва не сбив молодого человека (вылитый Роман!), извинился на бегу.

Третий этаж. Три двери. Где же тут квартира тетки Дмитрия? Если судить по разбившемуся окну, то здесь!

Рванул дверь на себя и едва успел уйти от выстрела, в прыжке ударил Никифора по руке.

— Не стреляй, свои!

— Япона мать! — изумился Хмель, сдерживая ответный удар. — Я думал — кто-то из моих бывших сослуживцев! Уходим отсюда, здесь только Славка-снайпер, я его уложил, да тетка Булавина со страху упала в обморок.

Глеб молча кинулся в квартиру и увидел лежащего ничком на полу Дмитрия. Женщина средних лет сидела в

халате в кресле с закрытыми глазами, но дышала. Это очевидно и была тетка Василиса.

— Чем ты его? — нагнулся к Дмитрию Тарасов.

— “Ершом” достал, — приблизился Никифор. — А что? Еще бы немного, и он бы меня по стенке размазал! Дерется как дьявол!

— Это Дима. Забираем его и уходим.

— Что?! Какой Дима?! — вытаращился Хмель.

— Слепой да безглазый. Булавин это, напарник наш!

Ты его принял за Славку-снайпера.

— С ума ты сошел! Я же не слепой...

— Значит, слепой. Посмотри внимательно. Бери под руки, понесли, потом все объясню.

Сбитый с толку Никифор нагнулся над Булавиным, хмыкнул, но повинаясь жесту Глеба, подхватил Дмитрия, парализованного иглой “ерша”, под мышки, Глеб взял за ноги, и они понеслись вон из квартиры, прыгая через две ступеньки. Дважды им попадались навстречу какие-то люди, Тарасову напомнившие сотрудников группы “Хорс”, а Хмелю — “чекистов”, обоих так и подмывало бросить Булавина и начать драку, но Глеб уже несколько привык к страху нападения и не реагировал на “врагов”, а очумевший от происходящего Никифор, глядя на него, так и не осмелился начать стрельбу.

В “грохоте” виртуальных автоматных очередей, несущихся в них отовсюду, триада пересекла двор, кое-как погрузилась в джип, и Мария вывела машину со двора.

И вдруг все кончилось!

Тарасову и Хмелю перестали повсюду мерещиться знакомые физиономии, оба недоверчиво поглядели друг на друга, на лежащего с бледно-зеленоватым лицом Дмитрия, на Марию, и только тогда сняли ладони со скрюченными от напряжения пальцами с рукоятей пистолетов.

— Действительно, Дима!.. — тупо сказал Никифор. Выругался сквозь зубы. — Извините... Я же мог его!.. что это было?

— Пси-атака, — хмуро проговорил Тарасов. — Наши преследователи, естественно, не знали, где мы остановимся, и включили пси-генератор по площади, в надежде на подчинение нашей психики. Как видишь, кое-что им удалось. Продлилась атака еще немного... — Глеб повернулся к Марии. — Неужели от излучения нет никакой защиты?

— Есть, — ответила женщина, сосредоточенно глядя на дорогу. — Собственная воля. Или специальные защитные шлемы. Но ведь нельзя же в них ходить среди бела дня, как в шляпе.

— Но я же точно узнал Славку! — взорвался Никифор.

Сидевший рядом с ним Сергей положил ему ручонку на локоть, и капитан замер, посмотрел на малыша удивленно, расслабился. Сказал удрученно, но уже гораздо спокойнее:

— Кажется, я действительно сплеховал?

— Ты не виноват, — покачал головой Тарасов. — Но хорошо бы нам все же как-то научиться защищаться от пси-излучения. Кстати, куда мы едем?

— Уже приехали. — Мария остановила машину у зубчатой стены Новгородского кремля. — Придется ждать Федотова здесь. Без него наш поход теряет смысл.

Где-то высоко в небе затрубила труба.

И тотчас же Тарасову показалось, что над городом зависла гигантская рука и начала шарить по улицам, искать беглецов, постепенно приближаясь к ним.

Никифор схватился за оружие.

— Кажется, это опять они! Видите двоих у киоска? Это Жека и Лёничка!

— Успокойся, — тронул его за плечо Тарасов, хотя ему самому снова начинали мерещиться знакомые лица. — Похоже, эти гады опять включили аппаратуру пси-воздействия. Надо выбираться отсюда и побыстрей.

— Да я не возражаю, но уж очень этот тип похож... — Никифор бросил руку к пистолету, но встретил взгляд мальчишки и криво улыбнулся. — Вот досада, малыш, а?

Сергей еще раз погладил его по руке. Никифор прислушался к себе, закрыл глаза, посидел так немного, открыл. Глаза его стали круглыми.

— Кажется, отпустило... Действительно, никого нет...

Тарасов внимательно пригляделся к нему, посмотрел на Марию, ответившую ему понимающим взглядом. “Серебряный мальчик” каким-то образом с ним ял с Никифора пресс внешнего пси-давления.

— А его можешь привести в сознание? — кивнул капитан на Дмитрия.

Сергей послушно погладил Булавина по руке.

Рука чуть вздрогнула, потом дернулось веко, затрепетали ресницы, Дмитрий пошевелился, глубоко вздохнул и открыл затуманенные глаза. Щеки его порозовели.

— Где я?

— Среди своих, — отозвался обрадованный Никифор. — Как самочувствие?

— Как после горного обвала... голова трещит... хотя нет, успокаивается. — Дмитрий огляделся. — Как я здесь очутился? На меня напал майор Дегтярев, новый начальник КОП, и дальше я ничего не помню...

— Это был я, — удрученно признался Никифор. — Принял тебя за своего напарника из ЧК. А ты меня за майора.

— Не может быть!

— Может, к сожалению. Вот Глеб расскажет.

Тарасов коротко объяснил Дмитрию, что произошло. Никифор виновато вздыхал и отводил глаза.

— Прости, Дима, я тоже поддался этому дьявольскому внушению.

— Так мы когда-нибудь друг друга перестреляем!

— Придется постоянно контролировать ситуацию и держаться вместе, — сказал Тарасов, — тогда не перестреляем. А сейчас ничего не чувствуешь?

Булавин прислушался к себе, нахмурился, выглянул в окошко джипа.

— За нами наблюдают?..

— Они снова включили “лунный свет” через “усилитель” храма.

— Так чего мы ждем? Пока не примчатся те, кто охотится за нами?

— Вот он! Наконец-то! — вдруг воскликнула Мария, стремительно выскакивая из кабины.

Сзади к джипу пристроилась зеленая “Мицубиси-Харизма”, из которой вышел Ираклий с ребенком на руках. Мария бросилась к ним, обняла обоих, поцеловала ребенка в обе щеки, и они тут же втиснулись в кабину джипа.

— Еле оторвался, — сказал Ираклий, поздоровавшись со всеми за руку. — Но они буквально сидят на хвосте. Давайте расходиться.

— Кто висит? — нахмурился Никифор.

— Волкодавы “Зубра” и взвод киллерш отдельного батальона спецопераций ФАС.

— Этих я знаю, никого не пощадят.

— Знакомьтесь, — необычно нежным голосом сказала Мария, посадив мальчика, которого привез Ираклий, себе на колени. — Это мой сын Сергей.

— Наш сын, — мягко поправил ее Ираклий. — Он и пойдет с вами вместо Сергея.

В кабине джипа стало тихо. Все рассматривали сына Марии, действительно как две капли воды похожего на “серебряного мальчика”. Разве что волосы у него были чуть потемнее, ближе к русому оттенку, да кожа на лице посмуглее, а так с ходу отличить их было невозможно: тот же овал лица, те же голубые глаза, носик-курносик, губки бантиком и роскошная улыбка чистой души.

— Вы так смело рискуете жизнью сына? — пробормотал Никифор, прокашлявшись.

— Мы рискуем всем, — спокойно сказал Ираклий.

— Выйдите из машины на минутку, — попросила Мария негромко. — Я их переодену.

Мужчины вылезли из джипа, поглядывая по сторонам, прислушиваясь к звону невидимой струны: “лунный свет”, усиленный храмом БЕСа, продолжал работать и пронизывал весь город волнами пси-излучения, внушающими людям чувства подозрения и страха. Однако члены триады уже перестали реагировать на него слишком бурно, да и влияние Марии и “серебряного мальчика” помогало им отстроиться от внушаемых образов. На Ираклия же, по всей видимости, излучение не действовало совсем.

— Извините, мэтр, — сказал Никифор, поддаваясь внешне запному любопытству, — кто вы в иерархии Сопротивления? Если, конечно, это не секрет.

— Я Витязь, — невозмутимо ответил спутник и муж Марии.

— В чем же состоит ваша работа?

— Область моей ответственности — оператор систем воспитания. Но в данный момент мы с Машей выполняем поручение координатора по защите Сергея.

— Координатор — это Крутов?

Ираклий не ответил.

Помолчали.

— Вот же сволочизм! — проворчал Никифор, морщась, и добавил в ответ на недоуменные взгляды товарищей. — Я имею в виду психотронику. Если НРИ станет у власти, мы все будем плясать под одну дудку.

Ираклий снова не ответил.

Дверца джипа открылась, появилась невеселая Мария с “девочкой”.

— Мы готовы.

— Поедешь дальше на джипе, — покачал головой Ираклий. — Он заговорен. Они переседают в мою машину. Так будет п р а в и л ь н е е.

Мария задумалась на мгновение, глянула на его непреклонное лицо, на лица спутников и залезла обратно. Прижала к себе второго мальчика.

— Ты все понял, малыш?

Мальчик серьезно кивнул.

— Делай, что скажут наши друзья, и ничего не бойся. Скоро встретимся. Я тебя люблю.

Мария еще раз поцеловала сына, Ираклий протянул руку, помог ему выбраться из машины и повел к “Мицубиси”. Мальчик смешно засеменил ногами. На одно мгновение Тарасову показалось что-то знакомое в походе мальчугана.

— Капитан, — окликнула Тарасова Мария. — Я надеюсь на вас. Сделайте все возможное... и невозможное, но...

— Я понял, — кивнул Глеб. — Парни, забирайте сумки.

Хмель и Булавин вытащили сумки со снаряжением.

— Есть всего лишь один метод защиты от “массивного” пси-нападения, — добавила Мария. — “Заземление”, то есть подсоединение к эгрегору с достаточно большим количеством единомышленников. Если придется туго — попытайтесь.

Дверца закрылась. Джип сорвался с места, исчез за поворотом кремлевской стены.

— Поехали, — подозвал их рукой Ираклий. — За город я выеду с вами, потом пересеяду.

Мужчины молча подхватили свои сумки и заняли места в “Мицубиси”. Ираклий тут же погнал машину к мосту и дальше, к окраине Новгорода.

Глеб взял на колени сына Марии, от которого исходило то же ощущение “пушистости”, что и от “серебряного мальчика”, сказал на ухо:

— Ты меня не боишься, малыш?

— Не-а, — отозвался тезка “серебряного мальчика” с кротким простодушием.

Джип миновал площадь Строителей, забитую мотоциклами всех видов, затем пост ГИБДД, устремился по Ленинградской улице в сторону Санкт-Петербурга, однако уже на выезде из города, перед Трубичино, Ираклий вдруг замедлил скорость, а потом и вовсе остановился, не доехав до моста через речку Стипенку около трехсот метров.

— Все-таки они успели перекрыть дороги, шакалы!

Впереди просматривались какие-то легковушки с мигалками и два вазовских микроавтобуса, прижавшиеся к мосту с двух сторон в ожидании неких событий.

— Ты думаешь, это по нашу душу? — засомневался Никифор, незаметно для себя переходя на “ты”.

— Эти “ГАЗели” гнались за мной чуть ли не всю ночь.

→ Откуда они знали, что мы поедем этой дорогой?

— Из Новгорода можно выехать разными дорогами, но стратегических только две — в Москву и в Питер. Вот они и перекрыли обе.

— Не понимаю. — Хмель хмуро смерил взглядом Ираклия. — Почему же ты направил нас сюда?

— Потому что мы о б я з а н ы идти напролом и вести за собой погоню, — сказал Тарасов. — Только так Мария с мальчиком будет в относительной безопасности. Хоть бы она сумела выбраться из города.

— Она выберется, — уверенно сказал Ираклий. — Итак, ваши предложения, судари мои? Будем прорываться с боем?

Тарасов вдруг вспомнил слова Марии о присоединении к эгрегору.

— Пойдите, у меня идея...

Все обернулись к нему.

— Помните, мы проехали какую-то площадь?

— Строителей, там обосновались байкеры. В Новгороде вчера проходило байк-шоу, и таких таборов около десятка разбито по стадионам и площадям.

— Давайте присоединимся к ним и попросим выехать из города по Питерской трассе.

В джипе установилось молчание. Профессионалы обдумывали предложение и не спешили его критиковать.

— Идея неплохая, — сказал наконец Никифор. — Но вряд ли мы их уговорим.

— Это моя забота.

— “Глушак”? — догадался Хмель.

— Сначала я попробую купить жоака. Если не получится, тогда пустим в ход “нокаут”.

— Согласен, — бросил Ираклий, разворачивая “Мицубиси”.

Через десять минут они вернулись на площадь Строителей, оккупированную мотоциклами всех видов, от туристических, комфортабельных и тяжелых, с мощными обтекателями, кожаными креслами со спинками и подлокотниками, до спортбайков, узнаваемых по особому

профилю с "горбатым" бензобаком и агрессивным обтекателем, закрывающим весь передок и двигатель. Дмитрий и Никифор мало были знакомы с этой двухколесной техникой, хотя и проходили курсы спецвождения, Тарасов же был к ней равнодушен и знал, чем отличается класс эндуро от класса чопперов.

Оставив машину у почтамта с Дмитрием и Иракием, Тарасов и Хмель направились к центру табора, где торчала мачта с флагом байкеров: закованный в латы рыцарь на помеси коня и мотоцикла на бело-голубом фоне. За двадцать шагов до флага их остановили трое здоровенных парней в "прикидах" байкеров.

— Сюда низзя, — лениво сказал утробным басом центральный бугай, вдвое шире Тарасова. — Валите отсюда.

Очевидно, троица олицетворяла местную секьюриту.

— Мы к боссу по делу, — кротко сказал Тарасов.

— Босс отдыхает и делегаций не принимает.

— Нас примет.

— Это ж какого фи́га?

— Мы из органов. — Никифор показал одно из своих удостоверений. — Поговорить надо.

Здоровяки переглянулись.

— Катись отсюда, орган. У нас свои законы.

Дружки бугая захихикали.

— Если вы сейчас же не пропустите нас, — ровным голосом сказал Тарасов, — через пять минут здесь будет ОМОН, и я тебе обещаю, пузатый, чумовую бузу. Усек?

— Пропусти их, Слон, — раздался из толпы байкеров и байкерш чей-то хриплый голос.

— Проверить на предмет оружия?

— Не надо.

— Идите, — буркнул бугай по кличке Слон, отступая.

Тарасов и Хмель подошли к расступившимся парням, остановились перед увальнем в коже, с золотой цепью на шее и с пальцами в перстнях. Увалень сидел на стуле, закинув ноги в ботинках со шпорами на сиденье мотоцикла, пил пиво и выглядел мирно.

— Кто вы и чего хотите?

— Поговорить без свидетелей.

— Они из органов, — доложил из толпы Слон.

— Это интересно. — Вожак табора расслабленно двинул рукой, мотоциклисты стали расходиться, с любопытством разглядывая гостей. — Ну, слушаю.

— Нам нужны три мотоцикла, — сказал Тарасов.

— Чо?! — Владелец золотых перстней изумленно захолопал глазами. — Чо ты сказал? Или я чо-то висну?

— Нам нужны три мотоцикла, — терпеливо повторил Тарасов. — Естественно, не задаром.

Вожак байкеров заржал, потом пренебрежительно скривил губы.

— И чо ты можешь предложить? Знаешь, сколько стоят наши аппараты?

— Не больше полутора-двух тысяч "зеленых". Мы предлагаем обмен: ты выделяешь нам мотоциклы, мы отдаем свою тачку.

— Что еще за тачка?

— "Мицубиси-Харизма", вон стоит на другой стороне площади. Новая, еще двух тысяч километров не пробежала. И не в угоне. Ее стоимость тебе известна?

— Ха! — сплюнул вожак. — Сбрендили, тихари! Да за такую можно шесть аппаратов купить! — Он подозрительно оглядел гостей. — А сами-то что ж не продадите и не купите? Дешевле обойдется.

— У нас нет времени. Мало того, ты объявишь своим об отправлении и выведешь вместе с нами из города в сторону Питера.

Вожак хмыкнул, почесал за ухом, прищурился.

— Знаете что, органы, валите-ка отсюда. Я с криминалом не связывался и не собираюсь. Понятно? И тачки вашей не нужно. Слон!

— Не спеши. — Тарасов достал свое удостоверение. — Мы действительно из органов и к криминалу у нас отношение — через прорезь прицела. Нам очень нужно выехать из города, причем немедленно. Если хочешь, можем добавить к тачке одну интересную штучковину.

— Какую?

— "Ёрш" называется. Стреляет усыпляющими иглами.

Вожак снова почесал себя за ухом.

— А не обманете?

— Мамой клянусь! — ответил Никифор вместо Глеба.

Вожак помедлил, соображая, какую бы выгоду еще выторговать, не придумал и махнул рукой, подзывая кожаных секьюрити:

— Уезжаем. Вы двое и ты, Коротышка, — вожак ткнул пальцем в хилого бородача, — остаетесь, ваши аппараты я реквизирую в пользу органов. Завтра пригоню новые, дождетесь здесь.

— Да ты что, Хирург? — начал было спорить бородач и замолк, получив подзатыльник от Слона.

— Тебе сказали — ждать, — рявкнул бугай, — вот и сполняй!

— Пошли тачку посмотреть, — поднялся вожак.

Через полчаса Хмель, Дмитрий и Тарасов с мальчишкой попрощались с Ираклием и сели на “туристы” с большими багажниками, где разместились сумки с экипировкой триады.

— Ни пуха... — помахал им рукой Ираклий. — Я буду за спиной.

— К черту, — проворчал Хмель.

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ПРОВЕРКИ НА ДОРОГАХ.

До Тихвина доехали без особых приключений и переживаний в составе кавалькады мотоциклистов численностью в сорок мотоциклов и пятьдесят с лишним голов. Затем Хирург остановил колонну и вежливо сообщил Тарасову, что дальше они не поедут. Попрощались почти сердечно, пожав друг другу руки.

Стадо байкеров развернулось и в пыли, бензиновом чаду и грохоте умчалось по шоссе назад, к Новгороду. Троица защитников дублера “серебряного мальчика” молча глядела им вслед. Затем Никифор достал из сумки пластмассовую бутылку с квасом, которую они купили по пути, приложился к ней, сделал несколько глотков и сплюнул. Квас был теплый и слишком сладкий.

— Итак, первый этап мы прошли неплохо, господа охранники. Что там у нас по плану следующее?

— Тихвин, — сказал Тарасов. — Потом Лодейное Поле.

— А почему бы нам не рвануть напрямик в Онегу? зачем давать кругалю? Ведь наверняка есть дорога покороче.

— Мы обязаны соблюдать график движения и трассу, чтобы преследователи успевали следить за нами, но при этом отставать на полшага. Поэтому сейчас мы проследуем через Тихвин и свернем к Лодейному Полю.

Глеб завел мотоцикл и выехал на шоссе. За ним пристроились остальные “туристы”.

Тихвин показался через двенадцать километров после Новоандреево. Остановились в центре города у кафе “Семен Семеныч”, имевшем собственную стоянку для автомобилей. Почему им захотелось вдруг остановиться

именно здесь, хотя собирались поначалу обедать на окраине города, в менее крутом заведении, стало понятно позже. Мало того, Дмитрий предложил сесть в отдельном кабинете, — кафе имело помещения для желающих покушать индивидуально. — и все согласились, хотя опять же по правилам спецназа должны были обеспечить себе круговой обзор и возможность удалиться через запасной выход.

Официант принес меню.

— Принеси холодной минералки, — попросил Тарасов и, когда официант вышел, быстро добавил. — Парни, не кажется ли вам, что мы здесь не по своей воле?

Никифор скептически хмыкнул.

Дмитрий вопросительно посмотрел на Глеба, прислушался к своим ощущениям.

— Знаешь, что-то мне действительно не по себе...

Вошел официант, принес запотевшую бутылку “Бор-жоми”.

— Ваша минералка.

Тарасов протянул руку к бутылке и вдруг понял, что это не о ф и ц и а н т! На него смотрел черноволосый, с густой проседью, мужчина средних лет с пронзительно-черными умными глазами. Он был одет не по-летнему в темно-серый костюм и серый свитер.

Глеб цапнул за спиной пистолет.

Незнакомец усмехнулся, и Тарасов почувствовал, что плечо онемело и он не может пошевелить рукой.

— Разрешите присесть на минутку? — сказал гость насмешливо-вежливым тоном.

Никифор и Дмитрий переглянулись, посмотрели на Глеба.

— Кто вы? — спросил тот, стиснув зубы.

— Я грэй. — Незнакомец сел, подмигнул Сергею, глядевшему на него во все глаза. — Привет, светлый. Как дела?

— Хорошо, — несмело ответил малыш.

— Ну и отлично, что хорошо. Стало мне любопытно, кто же это колеблет мое ментальное пространство, вот я и решил проверить. Только большая просьба — не хватайтесь за оружие, я ничего вам не сделаю. Лады?

Тарасов кивнул. И тотчас же руку отпустило.

— Грэй — это имя или фамилия? — поинтересовался Хмель.

— Скорее характеристика мастерства, — ответил черноволосый, продолжая разглядывать мальчишку.

— Вы колдун, — заявил вдруг Дмитрий. — Но не черный, не конунг...

— А серый, — закончил Тарасов, в свою очередь рассматривающий гостя. Иногда ему начинало казаться, что у человека напротив в темно-сером костюме отсутствует половина лица. Либо голова его вдруг теряет плотность, становится туманным пятном и проваливается в туловище.

Грэй почувствовал взгляд капитана, внимательно посмотрел ему в глаза, осмотрел наблюдавших за ним мужчин. Дернул уголком губ, намечая улыбку.

— Да, все правильно, вы — монада духа, реализованная в триаде, весьма редкое явление, надо признаться. С такой реализацией я сталкиваюсь впервые. Впрочем, волхвы действительно великие кудесники по части выращивания единомышленников. Итак, куда же вы направляетесь, господа защитники отечества?

— Чего вам надо? — вопросом на вопрос ответил хмурый Никифор.

Из всех членов триады он был самым нетерпеливым (относительно, конечно) и готовился, если потребуется, начать бой первым.

— А вот грубить не стоит, — спокойно покачал головой незнакомец. — Это моя территория и хозяин положения я.

— Плохо верится, — сказал Тарасов. — Если бы вы были здесь *х о з я и н о м*, в Тихвине не свило бы гнездо Братство Единой Свободы.

— Оно мне не мешает, — возразил грэй. — Да и храм БЕСа является для меня своего рода испытательным полигоном.

— Вы тоже используете его в качестве пси-усилителя?

— Ого, вы знаете такие тонкости?

— Посвящены.

— Что ж, хвала и слава. — Грэй поднялся. — Спасибо за беседу, я удовлетворен. Можете следовать дальше, в этом городе и его окрестностях вас *н и к т о* не остановит. В Лодейное Поле лучше ехать через Часовенское, а не через Алеховщину. — Он посмотрел на по-прежнему не сводившего с него глаз мальчика, подмигнул ему. — Долгие лета, светлый, расти большой и умный. Рад был познакомиться.

Грэй исчез. Не вышел из комнаты, а просто исчез.

Оставшиеся молча смотрели на то место, где он только что стоял.

— Чего он от нас хотел? — наконец нарушил молчание Никифор.

— Познакомиться хотел, — задумчиво сказал Дмитрий. — Причем, я так подозреваю, не с нами.

— А с кем?

— Вот с ним. — Дмитрий кивнул на сына Марии.

— Шутишь? Впрочем, это не развеивает моих сомнений. Как он определил, что это мы? По запаху, что ли?

— Может быть, и по запаху, — не менее задумчиво проговорил Тарасов, с некоторым сомнением глядя на белую головку Сергея. — Меня больше настораживает другое. Грэй *з н а е т*, куда мы направляемся.

Вошел официант с бутылкой "Святого источника".

— Ваша минералка... — он в замешательстве уставил на бутылку "Боржом" на столе. — Извините, я кажется забыл, что уже принес...

— Ничего, оставьте бутылку. — Глеб сделал заказ себе и Сергею. — Теперь ваша очередь.

Записав заказы, официант вышел, расстроенный.

— А давайте не будем следовать советам этого прохвоста, — предложил Никифор. — Почему это нам лучше ехать через Часовенское, а не через Алеховщину?

— Он не прохвост, — покачал головой Дмитрий, — а очень сильный маг, раз владеет искусством передвижения с помощью телекинеза или... как там этот способ называла Мария?

— Легкоступ.

— Вот-вот. Хорошо, что серые маги не связаны с черными и действуют самостоятельно. И все же я тоже склоняюсь к мнению Никифора.

— Решено, на развилке поворачиваем в сторону Алеховщины, — кивнул Тарасов. — Заодно проверим, чего стоят советы грэев.

Пообедав, они снова уселись на мотоциклы, выехали из Тихвина и в Кайваксе повернули направо, на Бор и Сарожу, по дороге, ведущей к Лодейному Полю через село Алеховщина, а не через Часовенское, как советовал серый маг.

До Усть-Сары домчались быстро. Посты ГИБДД не обращали на них внимания, а сзади не появлялось ни одной подозрительной машины, похожей на погоню. Лишь поближе к вечеру в стороне от шоссе пролетел вертолет.

От Усть-Сары до Алеховщины оставалось около двадцати километров, всего четверть часа езды, и когда маленькая группа "байкеров" двинулась в путь, у Тарасова вдруг возникло ощущение, что их ждут неприятности. Однако выглядеть перестраховщиком в глазах товарищей ему не хотелось, и о своих ощущениях он говорить не стал.

Дорога пересекла реку Сить, уперлась в селение, деля его на две части. На въезде мотоциклистам никто не встретился, все было спокойно, в вечернем воздухе была разлита особая неспешная благодать, рабочий день закончился, и вдоль обочин тянулись к домам стайки жителей Алеховщины, возвращавшиеся с работы. На мотоциклистов они не обращали никакого внимания. Но стоило группе достичь центра села, как на дорогу сзади выехал откуда-то черный джип, а впереди, на выезде из села, появился микроавтобус, перекрывая дорогу.

Тарасов прижался к обочине, остановил мотоцикл.

— Кажется, приехали.

— Это вертолет, — сказал Никифор. — Помните, про-
тарахтел над лесом? Наверняка выбросил десант. Прав был грэй. Знать бы, с кем мы имеем дело на этот раз.

— Кто-нибудь знает эти места? — спросил Глеб, успокаивающе погладив прижавшегося к нему мальчишку по волосам.

— Я знаю, — отозвался Дмитрий. — Можно вернуться к перекрестку и повернуть направо, на Новинку. Километров через тридцать выедем на московское шоссе.

— Боюсь, они перекрыли все выезды из села.

— Могу проверить.

— Давай, мы подождем. Очень уж неохота пробиваться с боем.

Дмитрий развернул мотоцикл, доехал до перекрестка, исчез за поворотом.

Микроавтобус "Соболь" продолжал маячить впереди, никто из него не выходил, но обольщаться его мирным видом не стоило, бойцам спецназа требовались доли секунды, чтобы выскочить из машины и открыть стрельбу.

Булавин вернулся через несколько минут, покачал головой.

— Там две машины ДПС с мигалками.

— Понятно. Какие соображения?

— Давайте-ка переодеваться, — предложил Никифор. — Начинается война, пора становиться солдатами. Потом я попробую отвлечь их.

Тарасов в нерешительности потер лоб, глянул на Сергея, цеплявшего ручонками за ремень его брюк.

— Что скажешь... светлый?

— Злые дяди, — с готовностью ответил мальчик. — Там и там. Ждут. У них очень длинные глаза...

— Как-как? — заинтересовался Никифор. — Длинные глаза? Что это значит?

— Это значит, что за нами наблюдают в бинокли, — догадался Дмитрий. — А то и через оптические прицелы снайперских винтовок.

— Переодеваемся, — решил Тарасов, поворачивая мотоцикл к воротам ближайшего дома.

Возле ворот стоял ящик с банкой, внутри которой белел листок бумаги. Это означало — здесь продают молоко.

— Эй, хозяин, — позвал Глеб.

Вышла старушка, вытирая руки фартуком.

— Нам бы молочка баночку.

— Посуда есть, касатик?

— Нету, бабуля. Может, найдете литровую баночку? Мы заплатим. И еще мы хотели бы переодеться в чистое. Разрешите?

— Проходи, мил человек, найду я тебе баночку. Больно уж у тебя сыночек хорошенький.

Старушка скрылась в доме.

— Только в России заборы делают из досок, — кивнул Дмитрий на высокий деревянный забор соседнего дома, — а мебель из опилок.

За старушкой по одному прошли в хату Никифор и Дмитрий. Последним переоделся в спецкомбинезон "ратник" Тарасов, вооружившись "винторезом", "горохом" и "глушаком". Теперь они стали военным подразделением, представлявшим внушительную силу, с которой надо было считаться, учитывая опыт каждого, и командир засады, расположившейся в деревне, должен был это оценить.

Правда, огневая мощь триады оставляла желать лучшего. Глеб пожалел, что они не взяли с собой хотя бы пару гранатометов, но жалеть об этом было уже поздно, пора было выходить на "тропу войны".

— Они знают, что мы на мотоциклах, — сказал Дмитрий, понаблюдав за действиями предполагаемого противника. — Пока вы переодевались, проехало около двух десятков машин, в том числе грузовые, а остановили они только фургон и парня на мотороллере.

— Интересно, где сейчас Ираклий? — задумчиво сказал Никифор, влезая на мотоцикл. — Он же должен быть недалеко отсюда, если собирался подстраховывать нас. Кстати, если бы с нами была Мария, мы бы проскочили бы мимо засады незаметно. Ну что, я пошел?

— Подожди, — остановил его Тарасов, задумавшись. — Прорыв — это стрельба, а пуля, как известно, дура. Предлагаю другой вариант.

— Огородами, что ли, и к Котовскому?

— Огородами не уйдем, наши “туристы” — не танки. Вы двое обойдите микроавтобус без мотоциклов, за домами, а я подъеду.

Дмитрий и Никифор оценивающе посмотрели друг на друга.

— Мне идея нравится, — сказал Дмитрий.

— Работаем, — согласился Никифор. — Жди пять минут, Глеб, и отправляйся. Только отдай “винторез”, мне он больше понадобится.

— Начнете только в самый подходящий момент. Мы не знаем, кто это и что им нужно. А гору трупов оставлять за спиной я не хочу.

— Обижаешь, начальник.

Хмель и Булавин исчезли во дворе дома.

Тарасов взял у хозяйки литровую банку молока, отлил Сергею, и тот с удовольствием отпил из стакана. После этого Глеб усадил мальчишку на заднее сиденье мотоцикла, завел двигатель, взгромоздился сам. Медленно вырулил на дорогу и повел двухколесное чудо туда, где глыбой угрозы стоял отечественный микроавтобус “Соболь”, вмещавший двенадцать человек.

Предчувствие его не обмануло: “Соболь” ждал беглецов. Однако состав спецкоманды охотников оказался неожиданным даже для Глеба.

Когда до микроавтобуса осталось всего полсотни шагов, из него вышел с небрежным видом... майор Тихончук собственной персоной, в камуфляже, с сигаретой в зубах и с пистолетом-пулеметом под мышкой.

Глеб остановил мотоцикл. Некоторое время они разглядывали друг друга, словно не виделись очень давно,

потом Хохол сплюнул сигарету с губы и подозвал своего бывшего подчиненного:

— Подойди, Старый, поговорить надо. Только не поднимай шумер, шансов у тебя мало. И предупреди своих подельников, чтобы тоже подтягивались сюда. Одно мое слово — и от хаты, где они прячутся, пух полетит.

Тарасов хладнокровно слез с мотоцикла, взял на руки Сергея и связался с напарниками по рации, встроенной в воротник комбинезона:

— Где вы?

— Почти на месте, — еле слышно ответил Никифор. — Видим тебя и парламентаря. Задержи его на пару минут. Будь осторожен, зеленая “десятка” на той стороне очевидно тоже принадлежит плохим дядям.

Тарасов приблизился к Тихончуку, приглядываясь к нему, прислушиваясь к своим ощущениям и пытаясь определить, “настоящий” это Хохол или “наведенная галлюцинация”. Но пространство вокруг не “гудело” и не качалось, в глазах не двоились предметы и не мерк свет. Майор Тихончук, командир группы “Хорс”, был вполне натуральным.

— Хорошим комбезом разжился, капитан, — кивнул Хохол на “ратник” Тарасова. — Даже у меня такого нет. А пацана где раздобыл? Неужто выкрал у кого? — Тихончук хохотнул. — Под выкуп?

— Кто тебя послал за мной на этот раз, майор? — спокойно осведомился Глеб. — Что ты все время пытаешься перейти мне дорогу? Ведь я тебе ничего не должен.

— Ошибаешься, Старый, должен, — осклабился Тихончук. — Во-первых, ты украл комплект дорогостоящего снаряжения и компьютерную технику, а вернул только часть. Во-вторых, не выполнил приказ. В-третьих, бежал с отягчающими обстоятельствами. Так что давай без фокусов, капитан. Садись в машину, поедem обратно в Москву.

— А если не сяду?

— Тогда мы доставим тебя... в горизонтальном положении. Да и дружок твоих тоже.

Тарасов усмехнулся.

— Ты смелый человек, Владимир Сергеевич, но недалекий и слишком задавленный уставом. Неужели ты веришь, что я вот так сам приду к тебе в руки, не подстраховавшись? На тебя сейчас смотрят два ствола с двух сторон. Стоит мне мигнуть — и пиши пропало. Может

быть, договоримся? Ты пропускаешь меня и моих друзей, мы не трогаем тебя и ребят.

Тихончук изменился в лице, нервно оглянулся, бросил взгляд на дома деревни и вынул из бокового спецкармана "глушак".

— Не бери на понт, Старый, знаю я твои штучки...

Сергей вдруг соскользнул с руки Тарасова, подбежал к обалдевшему майору и дотронулся пальчиком до тыльной стороны его ладони.

— Злой дядя... добрый дядя...

Струйка золотистого разряда перетекла с пальца мальчишки на руку Тихончука. Майор вздрогнул, широко раскрывая глаза. Сергей бегом вернулся к Тарасову и спрятался за его ногой.

Открылись дверцы микроавтобуса, оттуда на дорогу выпрыгнули бывшие сослуживцы Глеба Черкес, Роман, Хана, Терминатор и еще трое незнакомых парней. Окружили не двинувшегося с места Тарасова, направляя на него оружие.

— Мы готовы! — донесла рация голос Никифора. — Начинать?

— Нет, — ответил Глеб, посмотрел на мальчишку, ответившего ему лукаво-понимающим взглядом, и вновь повернулся к Тихончуку. — Так мы договорились, Владимир Сергеевич? Ты нас пропускаешь?

Тихончук очнулся, преображаясь на глазах.

— Все в машину! Быстро!

— Но, товарищ майор... — удивленно протянул незнакомый мордатый парень с чубчиком и серьгой в ухе.

— Отставить разговоры! В машину!

Команда "Хорс" полезла в микроавтобус. Роман, проходя мимо, затем Черкес — похлопали Тарасова по плечу и спине, скрылись в салоне "Соболя". Дверцы закрылись.

— Уходи, Старый, — сказал Тихончук несвойственным ему доброжелательным тоном. — Мы тебя не видели, ты нас. И будь осторожен. Павлов дал приказ ликвидировать тебя любой ценой.

— Это какой Павлов?

— Генерал, начальник СБ президента. Ну, бывай, удачи тебе.

Тихончук махнул рукой, обогнул микроавтобус, залез в кабину, и машина сорвалась с места, умчалась в сторону Тихвина. За ней отъехала и зеленая "десятка".

— Что ты с ним сделал, светлый? — нагнулся к сыну Марии Тарасов. — Ты что же, умеешь... колдовать?

— Не-а, — качнул белой головой мальчуган. — Я просто открыл ему глаз.

— Какой глаз?!

— Третий.

На дорогу вышли, пригибаясь, Дмитрий и Никифор.

— Что тут у вас происходит? — прохрипел обескураженный Никифор, не снимая пальца со спусковой скобы "винтореза". — Почему они тебя отпустили?

— Мы им открыли глаза, — честно ответил Тарасов, подмигивая мальчику.

— По коням! Следующая остановка — Лодейное Поле. Надеюсь, там нас никто не ждет...

Лодейное Поле проехали без происшествий, хотя останавливались в самом центре села в чайной — поужинать. Однако до наступления ночи доехать до Петрозаводска не успевали, поэтому расположились в лесу, на перегоне между деревнями Святозеро и Пряжа, на северном берегу озера с одноименным названием.

Мотоциклы загнали в осоку, разбили палатку для одного взрослого и мальчика, развели костер — бездымный и расположенный таким образом, чтобы огонь не был виден ни с дороги, ни с озера.

Сначала Сергей долго, не отрываясь, смотрел на огонь широко раскрытыми немигающими глазами, обхватив колени ручонками, а потом тихонько запел о "горе-зло-счастьи, о Божественном промысле, о добрых молодцах и красных девицах", и — чудо! — огонь в костре то разгорался, то гас в такт этой нехитрой песенке.

Мужчины слушали своего маленького спутника молча, переглядываясь и удивляясь тому, что готовы сидеть так всю ночь, и разговорились, лишь уложив мальчишку спать.

— Может, поговорим о дальнейших планах? — сказал Никифор. — Я бы посоветовал все-таки изменить маршрут и махнуть в Онегу напрямик через леса.

— Мы уже говорили на эту тему, — нахмурился Тарасов. — Наша задача — отвлечь погоню на себя и сохранить сына Марии.

— Ты уверен, что это ее сын? — вдруг спросил Дмитрий.

Тарасов пристально посмотрел на инструктора.

— Ты... заметил?

— О чем вы? — удивился Никифор.

— Так, ни о чем... есть подозрения, что с нами не Сережа, сын Марии и Ираклия, а "серебряный мальчик".

Слишком уж знакомо ведет себя, да и способностями обладает далеко не детскими. Чтобы заставить Тихончука не выполнить приказ, отпустить нас, надо было изменить всю его психику.

— Он открыл ему “третий глаз”.

— По-моему, такое даже самой Марии не под силу.

— Как это выяснить, что он — “серебряный”? Спросить напрямую? Дети врать не умеют.

— Зачем, будем действовать, как действовали. Уверен, что наш путь контролируют не только враги, но и друзья. Волхвы должны были все рассчитать, иначе какие они, на хрен, маги?

— Мария говорила о каком-то замысле...

— Возможно, наше путешествие — лишь часть этого замысла, достаточно сложного и трудного, а также тест на нашу профпригодность. Короче, будем двигаться по маршруту. В Петрозаводске ни у кого нет знакомых, у кого мы могли бы остановиться на пару часов?

— У меня есть, — сказал Дмитрий. — Школьный приятель сюда из Вологды переехал, живет недалеко от пристани.

— Он нас примет?

— Думаю, если попросим, пустит отдохнуть. Мы же не собираемся у него задерживаться?

— Только искупаемся с дороги и проведем небольшую разведку на предмет наличия в городе наших преследователей. Если они есть — значит мы идем правильно.

Никифор хмыкнул.

— Не перемудрить бы... Все же нас всего трое, мало-мало для боя со взводом спецназа.

— Попробуем обойтись без боя. А теперь давайте спать. Кто подежурит первым?

— Я могу, — предложил Дмитрий.

— Хорошо, потом ты, Никифор. В путь двинемся часов в пять утра.

— Переодеваться перед Петрозаводском будем?

— Нет, пусть все видят, что в город въехали мотоциклисты в камуфляже. Переоденемся у приятеля Димы, там же и мотоциклы оставим. Дальше поедem другим транспортом.

— Каким?

— Определим на месте.

НОВГОРОД. МЕЧ УСТ МОИХ.

Они собрались на базе Сопротивления в Новгороде, располагавшейся в одном из детских домов города: двое волхвов — Крутов и Ярослав, и три Витязя, зоны ответственности которых входили в сферу Замысла, — петрозаводский, медвежьегорский и северодвинский. Ждали еще одного Витязя, тихонько переговариваясь между собой.

Наконец появился последний участник совещания — Ираклий Федотов, сосредоточенный и суровый.

— Они прошли Лодейное Поле, — сказал он, поклонившись всем, — но тихо, без резонанса. По нашим данным с ними контактировал грэй.

— Кто именно? — спросил могучий телом, седобородый Ярослав.

— Очевидно, Тимергалин, — ответил за Ираклия Крутов. — Шесть лет назад он получил посвящение и обосновался в Тихвине, где у него свой исследовательский биоэнергетический центр “Алафр” и лаборатория психотроники.

— Откуда он узнал о Замысле?

— Мы дали просочиться кое-какой информации, но не обо всем Замысле, разумеется. Тимергалин нам не опасен, в свое время мы спасли его от верной гибели. Союзником нашим он вряд ли будет, но и чинить препятствий не станет. Но к делу, судари мои. Общая ситуация такова. Мария с сыном удачно вошла в Замысел и отвлекла на себя конунга Кобягу. Триада движется в графике с “серебряным мальчиком”, не подозревая об этом, заставляя напрягаться все оперативные силы НРИ. Скоро конунги поймут, что гонятся не за тем, кем надо, узнают о подмене, заматаются и бросятся в погоню за триадой. Если их удастся заманить в место Силы — задача триады будет выполнена. Наша же задача — п е р е х в а т управления усилителями, то есть эгрегорами храмов БЕСа. И от того, как мы с этим справимся, зависит и исполнение Замысла, и жизнь наших людей, и... будущее России.

— Мы это понимаем, координатор, — сказал петрозаводский Витязь. — Мой оператор готов к перехвату.

— Мой тоже, — добавил медвежьегорский Витязь.

— Я могу гарантировать встречу в Северодвинске, — сказал северодвинский Витязь, — но до Белого моря они могут не дойти. Их перехватит в Онеге конунг Аксель Чертков.

— Замысел рассчитан на встречу с конунгами, — прогудел Ярослав в бороду. — Я буду там в нужный момент.

— Но риск огромен!

— Да, риск велик, — согласился Крутов, — но иначе мы не сохраним “серебряного”, если не симитируем бой на уничтожение. Конунги расслабились, празднуя победу заранее, и потеряли бдительность, грех не воспользоваться. Пора сокращать их численность и увеличивать подконтрольную нам территорию.

— К сожалению, не все волхвы одобряют наш Замысел, — сказал Ярослав. — Многих поразила душевная лень. Я не могу их убедить.

— Их убедит только наша победа, — угрюмо сказал Иракий. — Или смерть. В то время как наш Замысел гарантирует жизнь.

— Он экстремален.

— Без экстремального излома зла не обойтись, и вы это знаете. Хватит прятаться за спины других, надо пресечь распространение черной заразы по нашей земле!

— Спокойнее, Федотов, — посмотрел на Иракия Крутов. — Здесь нет оппонентов, только единомышленники. Отправляйся за триадой, ты остаешься пока единственным их резервом.

— Но Мария нуждается в помощи.

— Марию подстрахует Ярослав, оператор Брянска.

Седобородый волхв промолчал, оглаживая широкой ладонью бороду.

— Теперь о тактике, — продолжал Крутов. — Под нашим контролем находится Северный центр РВСН, а также система космического мониторинга среды, с помощью которой можно отслеживать даже полеты новейших отечественных самолетов-невидимок с антирадарным покрытием. НРИ наверняка после провала спецкоманд типа “Зубр” и “Хорс” бросит на поиски триады всю технику и группировку ФАС, и подразделение “тающих”. Мы должны вовремя корректировать движение группы с “серебряным”. Расконсервируйте комплексы ККС* и ждите сообщений. У меня все. Вопросы?

Вопросов не было. Только Иракий медленно проговорил, не обращаясь ни к кому в особенности:

— И поразит несправедливых меч уст моих...

* ККС — аппаратура космической связи.

Петрозаводск встретил отряд внешне приветливо и даже дал время на отдых и купание в озере, что стало реальностью благодаря расположению дома, в котором жил приятель Дмитрия Олег Мамонтов; девятиэтажку построили в конце пристани прямо на берегу Петрозаводской губы Онежского озера.

Однако спустя два с половиной часа после прибытия в Петрозаводск Никифор заметил появившиеся на улицах усиленные милицейские патрули, и стало ясно, что в городе объявлено особое положение под названием “Дельта”, вводимое при совершении побега преступников из мест заключения. Преступниками же в данном случае были конечно они, защитники “серебряного мальчика”, вынужденные делать вид, что изо всех сил стремятся уйти из-под “колпака” спецслужб и доставить мальчика в надежное место.

Приятель Булавина оказался членом городской управы и смог через свои связи выяснить причину введения властями плана “Дельта”. План был спущен сверху, из Москвы, в расчете на перехват “террористов, похитивших ребенка — мальчика шести лет”. И перечислялись фамилии: Булавин, Тарасов и Хмель. Хорошо, что школьный друг Дмитрия знал его достаточно и в “террориста” Диму не поверил. Но и оставаться у него в доме больше было нельзя.

После короткого совещания решили из Петрозаводска выбираться на лодке, пересечь северную часть Онежского озера и в селе Песчаное попытаться найти наземный транспорт, чтобы доехать до Медвежьегорска.

Лодки у Мамонтова не оказалось, зато нашелся сосед, имевший моторку, который за приличную сумму согласился одолжить свою “Невку” для “экскурсии” на Большой Климецкий остров, где недавно обнаружили развалины старинной крепости. О том, что они возвращаться не собираются, беглецы, естественно, говорить владельцу лодки не стали.

Пристань охранялась нарядом милиции, поэтому Мамонтову с соседом пришлось брать лодку самим и гнать вдоль берега к месту, где их ждали успевшие переодеться в “цивильное” “экскурсанты”. Дмитрий пообещал вернуться обратно к вечеру, и моторка взяла курс на южную оконечность Большого Климецкого острова, едва види-

мого на горизонте. До него от места посадки было около двадцати восьми километров.

За штурвал моторки сел Дмитрий.

Никифор вооружился биноклем и стал обшаривать горизонт. Однако до острова они дошли спокойно, лишь од нажды заметив идущий параллельно пассажирский катер.

Сын Марии вел себя тише воды, ниже травы, ни разу не пожаловавшись на неудобства, усталость или голод. Пил и ел он очень мало, будто питался воздухом.

От южной оконечности острова до противоположного берега озера насчитывалось километров двадцать, и это расстояние моторка прошла за час с небольшим. Но уже на подходе к берегу Никифор заметил приближающийся сзади быстроходный катер, а Тарасов почувствовал знакомое раздражающее томление и шарящую по озеру невидимую гигантскую "руку". Беглецы поняли, что их засекли.

— Есть только один выход, — бросил Никифор. — Шпарим к берегу на всех парусах, метрах в трехстах я вас высаживаю и даю деру вдоль берега на север, чтобы отвлечь погоню. Доплывете с мальцом?

— Доплыть-то доплывем, — сказал Тарасов, переглядываясь с Дмитрием. — Если только они клюнут на этот маневр. А если не клюнут?

— У тебя есть еще варианты?

Тарасов помолчал, глядя, как увеличивается в размерах настигающий их в бурунах катер.

— Попробуй снять рулевого, — предложил Дмитрий, оглядываясь на Хмеля.

— Не торопитесь, — возразил Тарасов. — Подождем, что они предпримут. Еще неизвестно, кто на сей раз сел нам на хвост.

Словно в ответ на его слова воду за кормой лодки перечеркнула цепочка всплесков, затем донеслись звуки пулеметной очереди: по моторке открыли огонь!

— А вот за хулиганство, блин, ответите! — сквозь зубы проговорил Никифор, устраиваясь с "винторезом" на корме.

Целился он недолго, выстрелил, затем крикнул Дмитрию:

— Сделай галс влево и пройди по дуге!

Булавин послушно изменил курс, и Никифор сделал несколько выстрелов подряд. Два из них попали в цель: разлетелся плекс блистера, пулеметчик на носу кувыркнулся через голову в воду, — и катер резко замедлил ход.

— Отлично стреляешь, — хладнокровно похвалил снайпера Тарасов. — Где учился?

— В Чечне, — оскалился Никифор, меняя магазин винтовки.

Приблизилась стена тростника.

Дмитрий сбавил скорость, ища в сплошной зеленой стене проход к берегу, но пулеметная очередь сзади заставила его поторопиться, и моторка устремилась в тростниковые заросли, скрипя бортом об упругие прочные стебли.

— Еще раз предлагаю свой вариант... — начал Никифор.

— А вот теперь в самый раз, — согласился Тарасов. — Дима, быстро в воду, бери сумки, я возьму Сережу. Капитан, встречаемся в Песчаном, где-нибудь на выезде. Не рискуй без нужды.

— Не беспокойся, дружище, я в такие игры пятнадцать лет играю. Чао, бамбино. — Никифор подмигнул мальчугану. — Держи хвост пистолетом.

Дмитрий сиганул в воду, окунулся с головой, но тут же нащупал ногой дно.

— Тут мелко, но топко, лучше плыть.

Тарасов передал ему сумки, посадил на плечи мальчика, велел держаться за шею, и перелез через борт лодки. Поплыл, раздвигая стебли тростника и камыши руками.

Моторка тут же взревела, протискиваясь сквозь заросли в сторону, исчезла за зеленой стеной.

Некоторое время был слышен удаляющийся звук ее мотора и приближающийся гул катера, затем гул на мгновение стих и резко усилился, стал уходить правее. На катере заметили пробиравшуюся сквозь тростник моторку и погнались за ней.

— Порядок, — выдохнул Дмитрий, пуская пузыри. — Пару километров он выиграет, а это уже хорошая фора.

Тарасов не ответил, ища глазами просветы в зеленой стене и готовясь к выходу на берег.

Через несколько минут они вылезли на слой торфа, пружинящий под ногами, и по нему вышли на полого поднимающийся берег восточного края озера.

Очередь легла точно в борт лодки, и Никифор понял, что пора покидать борт суденышка. Он и так увел преследователей от места высадки группы дальше, чем рассчитывал. Заклинив куском проволоки рукоять дросселя, он направил моторку в открытую воду и сиганул за борт, по грудь погрузившись в ил и воду. Пригнувшись, услышав шуршание пулеметной очереди по тростнику, но пули

легли в стороне. Преследователи опасались подходить ближе, чем на сто метров, и лупили по верткой моторке из двух-трех стволов, кося тростник, как косой.

Никифор добрел до торфяного берега, нырнул за густые заросли ивняка и перевел дух. Стрельба на озере прекратилась. Видимо, преследователи обнаружили, что в лодке никого нет.

— Давайте, давайте, ребята, — беззвучно прошептал капитан, доставая “винторез”. — Вылезайте на берег, не разочаровывайте меня. Я тут вам сюрприз приготовил. Страсть как хочется посмотреть на вас поближе...

Катер взвыл, протискиваясь сквозь тростниковые заросли ближе к берегу, показался его борт с номером “12” и синей полосой. Но в нем находилось всего два человека: рулевой в камуфляже и какой-то пожилой человек в зеленой рубашке. Никифор узнал в нем соседа Олега Мамонтова, который дал им лодку. Остальные пассажиры катера были опытными оперативниками и высадились где-то раньше.

Чертыхнувшись в душе, Никифор метнулся в лес, прислушиваясь к сонной тишине прибрежной полосы. Прикинув возможное направление движения группы, высаженной с катера, Никифор бросился бежать чуть наискосок от берега и вскоре выбрался на проселочную дорогу, которой, судя по всему, пользовались довольно часто. Очевидно, она соединяла пристань на берегу с деревнями вокруг. Сюда же стремилась попасть и группа преследователей, понимавшая, что беглецы наверняка воспользуются дорогой, чтобы передвигаться как можно быстрее.

Капитан перебежал дорогу, присел за поваленным деревом и быстро переоделся в “ратник”, попрятав по карманам все свои запасы. В этот момент к дороге выбежали пять пятнисто-зеленых фигур, передвигаясь уступом: каждый следующий оберегал спину впереди идущего. Такой манерой прикрытия пользовались практически все спецподразделения и армейские разведчики, но Хмель по некоторым признакам и расцветке комбинезонов (“леопарды” последнего образца) признал в парнях оперов “Зубра”. На этот раз беглецов догнала особая группа ФАС, специализирующаяся на охоте на людей.

Никифор затаился. Открытый бой принимать было нельзя, даже имея на своей стороне фактор внезапности — с волкодавами “Зубра” в одиночку справиться он не мог.

Цепь фигур остановилась, затем две из них вышли на дорогу, глядя под ноги, а трое начали обшаривать кусты вдоль обочин, постепенно приближаясь к Никифору. Он достал две гранаты, выбирая момент нападения, и в это время на дороге показалась старенькая белая “Нива”, внутри которой сидела пожилая пара: старичок в шляпе и старушка в панаме.

Шедший впереди рослый спецназовец шагнул на середину дороги, поднял руку. Водитель “Нивы” затормозил почти рядом с Никифором. Капитан понял, что более удобного момента для атаки не найти, и выстрелил два раза.

Обе пули нашли свою цель: плечо первого спецназовца и ногу второго.

Никифор перескочил через ствол сосны, бросился к “Ниве”, метнул одну за другой две гранаты. Оба “микроба” взорвались перед сторожевой тройкой “Зубра”, прочесывающей обочину дороги, когда Хмель был уже рядом с “Нивой”. Рывком распахнул дверцу, дернул за руку старичка.

— Извини, отец! Мне нужна твоя тачка! Мамаша, быстренько вон!

Женщина не удержалась на ногах от толчка, и это возможно спасло ее от смерти, потому что опомнившиеся “зубровцы” открыли огонь по машине. Однако Никифор уже дал обратный ход, с воем отъехал сто метров, круто развернулся на двух колесах, не обращая внимания на град пуль, и умчался в противоположную от озера сторону.

Через минуту машина миновала поселок Онежский, проскочила перекресток дорог, но Хмель вернулся назад, вспомнил слова Мамонтова, описавшего этот район, и повернул направо.

В Песчаное он добрался за десять минут, поглядывая назад и ожидая погони. Но ее не было. Группа “Зубр”, догнавшая их на катере, понесла серьезные потери и преследовать беглецов не стала.

Не надо было нас “мочить” из пулемета, мысленно оправдал свои действия Никифор, тогда и мы бы вас не тронули.

В конце села никого не оказалось.

Он проехал туда-сюда два раза, вглядываясь в дома деревни, в автобусную остановку, в проезжавшие мимо грузовики, собрался было спрятать машину за кусты возле полуразвалившегося сарая, и в это время “Ниву” дог-

нал колесный трактор, из кабины которого спрыгнули на землю Тарасов с мальчиком на руках и Дмитрий, — оба в камуфляже. Ситуация заставила переодеться их так же, как и Никифора.

— Садитесь, — распахнул он дверцы “Нивы”.

— Экспроприировал? — понимающе усмехнулся Дмитрий.

— Обменял на спички, — хмуро пошутил Никифор, выжимая сцепление.

— Кто это был? Мы слышали выстрелы и взрывы.

— Волкодавы “Зубра”. Их навел на нас тот самый сосед твоего школьного приятеля, который одолжил нам лодку.

— Не может быть!

— Я его узнал. Возможно, старика заставили пойти с ними проводником силой. Откуда у вас трактор?

— Оттуда же, откуда у тебя “Нива”. Сколько времени у нас в запасе, как ты думаешь?

— Если у них есть связь с материком, а она должна быть, то пока они свяжутся с командованием, пока там соберут другую команду, пока долетит вертолет с десантом — пройдет не меньше часа.

— До Медвежьегорска мы за час не доедем, отсюда туда около сотни километров.

— Что ты предлагаешь?

— Под Пяльмой стоит часть ракетных войск стратегического назначения, располагающая установками мобильного базирования типа “Тополь-2М”.

— Ты предлагаешь нам оседлать “Тополь” и стартовать на орбиту? — фыркнул Никифор, выжимая из старенького мотора “Нивы” все, на что тот был способен.

— Нет, в части служит двоюродный брат отца Зосима Терентьевич Миргородский. Я попрошу его дать нам какой-никакой транспорт.

— А он даст?

— Думаю, не откажет, Зосима — мужик правильный.

— Тогда я не возражаю.

Тарасов, не проронивший до сих пор ни слова, согласен кивнул.

Дмитрий вышел из проходной вместе с невысоким плотным мужчиной с коротким ежиком волос. На плечах родственника Булавина, одетого в полевую форму, виднелись майорские звезды.

— Знакомьтесь, Зосима Терентьевич, — представил его Дмитрий, назвал имена товарищей. — Он предлагает поужинать в их столовой.

— Спасибо, мы бы с удовольствием, но у нас мало времени, — покачал головой Тарасов. — С транспортом поможете?

— А вы правда из спецназа? — понизил голос майор, окидывая взглядом фигуры членов триады в “ратниках”.

Тарасов, чувствуя смущение, достал красную книжку, но Зосима Терентьевич разворачивать ее не стал, отвел руку со стеснительной улыбкой:

— Да это я так, для проформы. Комфортабельного “кадиллака” я вам выделить не смогу, в наличии только “Урал” с лавками в кузове имеется. Подойдет?

— Будем весьма благодарны.

— Тогда ждите, сейчас оформлю.

Майор скрылся за дверью проходной с красной звездой. Из-за металлических решетчатых ворот с двумя звездами смотрели на группу “спецназовцев” часовые...

Медленно открылись ворота части. На площадь перед ними выехал мощный восьмиколесный “Урал” зеленого цвета с откинутым задним бортом. Зосима Терентьевич соскочил с подножки машины, протянул Дмитрию листок предписания.

— Вот, выписал маршрутный лист до Медвежьегорска на всякий случай, чтобы военные патрули не остановили.

Тарасов и Хмель пожали ему руку, Никифор и Дмитрий залезли в кузов машины. Глеб с мальчиком сел в кабину, и водитель, молодой ефрейтор с соломенными усами, вдавил педаль газа. Через минуту ворота части и Зосима Терентьевич с поднятой рукой исчезли за деревьями.

Проехали Пяльму, Чёлмужи, Возрицы, Лобское, а за Повенцем Тарасов остановил машину, повинувшись скорее инстинкту, нежели здравому рассуждению. Их давно должны были настигнуть, судя по скорости “Урала”, но почему-то не спешили, словно были уверены, что никуда беглецы не денутся и движутся в нужном направлении.

Тарасов вылез на подножку, оглядывая вечеряющее небо, разбитую асфальтовую ленту дороги и лес по обеим сторонам.

— Вам не кажется, судари мои, что мы...

— Сами направляемся к черту в зубы! — закончил Никифор.

Дмитрий и Никифор выжидательно посмотрели на Глеба. Тот спрыгнул на землю, обошел машину, глядя на совершенно пустое в обе стороны шоссе, постоял немного и вернулся.

— Уверен, за нас еще не брались всерьез. Попробуем побарахтаться самостоятельно. — Он влез в кабину “Урала”. — Поворачивай назад, солдат, поедem другой дорогой.

— Но мне велено ехать в Медвежьегорск.

— Мы туда и направляемся, но сначала завернем в другое место.

— Я не могу...

— Тогда вылезай и жди нас здесь. Через пару часов вернемся.

Водитель подумал, потом развернул машину и повел ее к недалекому перекрестку. Через минуту они свернули налево, на дорогу, соединяющую шлюзы Беломоро-Балтийского канала. На седьмом, после поворота, километре показался указатель: “Шлюз №7. 2 км.”

— Сворачивай, — потребовал Тарасов.

Ефрейтор хмуро повиновался.

Показался бетонный створ шлюза, перегородивший небольшую речку, за дальним концом которого начиналось водохранилище, давно ставшее озером.

— Загони машину на плотину, — сказал Тарасов. — Открой капот и сделай вид, что ремонтируешь мотор.

Водитель уже понял, что его пассажиры люди серьезные и ничего не делают зря, поэтому возражать не стал.

— Что ты задумал? — просунул голову в кабину Никифор.

— Хочу проверить, такой я умный, каким кажусь себе, или нет.

Тарасов подхватил Сергея на руки, спрыгнул на бетонное покрытие верхней части плотины, по которой можно было проехать на другой берег. Хмель и Булавин попрыгали из кузова тоже, начали разминаться.

— Нас здесь видно отовсюду, — недовольно заметил Никифор.

— Предлагаю вернуться метров на двести назад и спрятаться у дороги, — сказал Глеб. — Чувствую, скоро нагрянут гости.

— И у меня такое же ощущение, — признался Дмитрий. — Голова гудит, будто колокол.

Тарасов тоже почувствовал нарастание беспокойства и звон в ушах: “пси-локатор” врага засек изменение обстановки и силенсился понять, что произошло. Проняло

даже Никифора, имевшего самую устойчивую к внешнему воздействию нервную систему. Он прислушался к своим ощущениям и изрек:

— Готов поспорить на червонец, что это кавалерия: я слышу топот копыт.

— Если уж и ты чувствуешь погоню, то нам надо держаться в пределах прямой видимости, — сказал Дмитрий. — Помнишь, как ты меня спутал с кем-то из своих сослуживцев?

— Помню, — смутился Никифор. — Но я был на сто процентов уверен...

— То же самое может произойти и сейчас, особенно если излучение усилится. Имейте это в виду.

Они вернулись к дороге, ведущей к шлюзу, и заняли удобные места по обе ее стороны. Тарасов с мальчиком и Дмитрий — слева, за холмиком, поросшим рябиной и кустарником, Никифор — справа, за огромным трухлявым пнем. Потянулись минуты ожидания, полные нарастающего напряжения.

Но ждать долго не пришлось. Уже через четверть часа на дороге появились первые гости. К изумлению сидевших в засаде это и в самом деле были всадники на лошадях. В полном молчании, — был слышен только характерный стук лошадиных копыт и какое-то дребезжание, — мимо просакали три мужика в одинаковых пиджаках и разномастных штанах. Все трое были в кожаных картузах и с ружьями.

— Лесники, что ли? — прошептал Дмитрий.

— Может быть, — ответил так же тихо Тарасов.

Через несколько минут на дороге снова появились гости, и тоже не совсем обычные: четверо девушек на велосипедах, с рюкзаками за плечами и с кожаными чехлами, закрепленными на рамах. Они тоже ехали молча и заговорили, только когда остановились недалеко от замерших членов триады.

Предметы перед глазами Тарасова стали двоиться, плыть, звон в голове усилился, в горло вцепились невидимые пальцы и начали душить. Капитан понял, что поток пси-излучения, инициированный храмом БЕСа в Петрозаводске или где-то еще ближе, достиг максимума.

— Я выйду к ним, спрошу, не видели ли девчата подозрительных людей, — пискнул в наушниках радиации Тарасов.

— Отставить! — шепотом рявкнул Глеб. — Это и есть охотники!..

Но было уже поздно. Никифор встал из-за пня во весь рост, держа за спиной "винторез", направился к велосипедисткам. В то же мгновение они оглянулись, протянули руки к чехлам, выхватили какие-то изогнутые предметы, — Тарасову показалось, что это саперные лопатки с дополнительными рукоятками, — и открыли из них огонь по Хмелью и лесным зарослям за его спиной.

Если бы он замешкался на долю секунды, капитана не спас бы и "ратник", имеющий вшитые бронепластины, но Хмель все же был профи высокого класса и упал в траву прежде, чем очереди из пистолетов-пулеметов (ничего себе — "саперные лопатки"!) прошли воздух над ним.

Тарасов и Булавин выстрелили одновременно.

С криками две "велосипедистки" выронили оружие, упали в пыль на дорогу. Их напарницы мгновенно ответили огнем в сторону стрелявших, прыгнули с дороги в канавку на обочине.

— Меняем позицию! — просипел Тарасов, метнулся чуть назад и вправо, прикрывая мальчика, упал за кучу старых шпал. Дмитрий без звука последовал за ним.

И тотчас же на том месте, где они только что лежали, вспух клуб дыма и огня. "Велосипедистки" открыли огонь из гранатомета.

Из травы по ту сторону дороги взметнулась рука Никифора. Граната легла точно там, откуда стрелял гранатомет, однако девушки-велосипедистки тоже были профессионалками и успели отойти. Взрыв "микроба" их не затронул.

На какое-то время стрельба прекратилась. Стал слышен женский голос, вызывающий "гамму-три".

— Я обойду их! — выдохнул Дмитрий, исчезая в лесу.

На дороге показались скачущие во весь опор "лесники", с ходу открыли огонь по деревьям, по кустам, за которыми скрылся Никифор. Их окликнули "велосипедистки", и "лесники" спешили, продолжая стрелять, оставили лошадей на дороге, залегли в канаве.

— Не бойся, малыш, — прошептал Глеб, успокаивая мальчика, тельце которого вдруг потряс озноб.

— Много злых... кругом... — прошептал в ответ Сергей, бледнея и закатывая глаза. — Много глаз... плохой запах...

— Ох ты, господи! — испугался Тарасов, не зная, чем помочь теряющему сознание мальчику. — Держись, парень!

Но тот вдруг открыл засиявшие голубым огнем глаза, и Тарасов сразу освободился от неприятных ощущений и

почувствовал прилив сил. Он уже не удивился, заметив происходящие с пейзажем метаморфозы.

Лошади "лесников" и велосипеды "путешественниц" превратились в мотоциклы, пиджаки "лесников" стали камуфляжными комбинезонами, а рюкзаки "велосипедисток" обернулись горбами спецоборудования с аппаратурой компьютерной обработки данных и связи.

Над лесом вдруг раскатился приближающийся стрекот. Показался вертолет — "Касатка" зеленого цвета, с эмблемой российской армии: двуглавый орел и три полосы — белая, синяя и красная. Он завис над дорогой, поднимая пыль. Из открытых дверей с обеих сторон фюзеляжа смотрели на дорогу и лес стволы крупнокалиберных пулеметов.

Послышался усиленный мегафоном голос:

— Прекратить огонь! Выходите по одному! Малейшая попытка сопротивления — и будете уничтожены!

Тарасов хотел было по рации предложить товарищам отступить в лес, но случилось неожиданное. Бывшие "лесники" и "велосипедистки", в том числе раненые, побросали оружие, подняли руки вверх и вышли на дорогу. Приказ прекратить сопротивление относился к ним!

Глаза Тарасова начали слезиться. Он протер их кулаками, зрение восстановилось. Стало видно, что эмблема на вертолете изменилась: на месте российского двуглавого орла показался белый круг с головой волка, пронзенной кинжалом. Это была эмблема спецподразделений ФАС.

— Чтoб я сдох! — раздался в наушниках голос Никифора. — Да это же наши! До чего же вовремя! Я выхожу, Глеб.

— Стой! — глухо воскликнул Тарасов. — Ты уже один раз выходил. Это снова обман! Излучение продолжает действовать!

Никифор, показавшийся из-за деревьев, в нерешительности остановился.

— Тогда почему вертолетчики приказали этим парням и бабам сдаться?

— Действительно, Глеб, — вставил слово Дмитрий, появляясь в двадцати шагах от сдавшейся группы, — ты не перемудрил? Зачем военным такой спектакль?

— Именно затем, чтобы мы поверили! Уходите!..

Пулемет на борту "Касатки" дал длинную очередь по опушке леса, где стоял Никифор. Капитан исчез. Стрелок перенес огонь на Дмитрия. "Лесники" и женщины в камуфляже, стоявшие на дороге с поднятыми руками, хватали свое оружие и тоже открыли огонь по лесу.

И вдруг откуда-то со стороны шлюза вынеслась из лесной чащи дымная стрела и вонзилась в борт "Касатки". Раздался взрыв. Вертолет подпрыгнул в воздухе, стал заваливаться боком, снес винтом верхушки высоких сосен, врезался в землю и взорвался.

Спецназовцы у мотоциклов оглянулись, зачарованно следя за падением и взрывом воздушной машины. И тотчас же раздался залп триады: Тарасов, Хмель и Булавин, воспользовавшись моментом, одновременно и точно ударили по противнику.

Бывшие "лесники" дружно легли на дорогу. "Велосипедистки" открыли было стрельбу во все стороны, но получили по пуле из "винтореза" и прекратили сопротивление.

На землю легла тишина, нарушаемая лишь треском пламени горящих обломков вертолета.

Подождав минуту, Тарасов оставил мальчика под защитой шпал и вышел на дорогу, держа палец на курке пистолета. За ним появились Дмитрий, зажимающий ладонью бедро, и Никифор — целый и невредимый, но мрачный и недовольный.

Одна из "велосипедисток" зашевелилась, пытаясь поднять пистолет-пулемет. Он повернул в ее сторону ствол винтовки, дождался, сжав губы в бледную полоску, но пересилил себя, снял палец с курка и отшвырнул ногой оружие в сторону. Сказал хрипло:

— Суки поганые! До чего же я ненавижу стреляющих баб!..

— Встречался? — понимающе посмотрел на него Дмитрий. — В Чечне?

— Везде. Что у тебя с ногой?

— Ерунда, царапина. Пуля кожу сняла. А я думал — тебе хана, когда тебя на мушку поймали.

— Костюм спас и магазин, в нагрудном кармане лежал. Кстати, кто сбил вертолет?

— Я, — раздался знакомый голос, и на дорогу вышел невозмутимый Ираклий.

Все смотрели, как он приближается, неся в руке автомат Никонова с подствольным гранатометом.

— Сережа, — позвал Витязь.

— Дядя Ираклий! — радостно отозвался мальчик, выбегая на дорогу, бросился к Ираклию, и тот подхватил его на руки.

— Дядя?! — с недоумением проговорил Никифор, переводя взгляд с Ираклия на лица товарищей и обратно.

— Ты еще не понял? — скупой улыбнулся Тарасов. — Это наш "серебряный мальчик".

— С чего ты взял?!

— Он и мне открыл "третий глаз"... или что там у меня есть. Вот почему я смог отстроиться от излучения.

— Бог ты мой! А я-то думал... что за фигня происходит! Кстати, я и сейчас ничего такого не чувую... а вы?

— Я тоже. — Дмитрий прислушался к себе, вопросительно посмотрел на Глеба. — Они выключили свой "локатор"?

— Его выключили наши люди, — сказал Ираклий. — И перехватили управление эгрегором БЕСа. Теперь этот район не подчиняется лидеру НРИ. Правда, это не означает, что мы решили проблему. Впереди Онега.

— Мы и не считали свою задачу решенной, — буркнул Никифор. — Но все же надо было нас предупредить.

— Сожалею, — качнул головой Ираклий. — Таков Замысел. Я тоже его исполнитель и попутно решаю множество задач. — В глазах мужа Марии промелькнула горечь. — И я бы дорого заплатил, чтобы в настоящий момент быть в другом месте. Хотя по Замыслу вынужден подстраховывать вас.

— Извини...

— Ничего, все в порядке. Продолжайте движение. Берите трофейные мотоциклы, вам уже привычен этот способ путешествий, и отправляйтесь в путь. В Медвежье-Горск заезжать не следует, эта дорога приведет вас к южному берегу Выгозера. В поселке Валдай вас будет ждать проводник.

Ираклий ласково погладил Сергея, — впрочем, теперь уже С е р г и я, — по головке, опустил на землю.

— Держись, беленький. Все будет хорошо.

— Я знаю, дядя Ираклий, — серьезно ответил мальчик.

Проводник ждал группу в старенькой бане на берегу Выгозера, сложенной из толстых сосновых бревен чуть ли ни век назад. Им оказался молодой человек лет двадцати, по имени Пахом.

— Нам надо добраться до горы Соколиное Крыло, — сказал Пахом обступившим его защитникам мальчика в потемневших от дождя комбинезонах. — Это в семидесяти пяти километрах отсюда точно на восток. Дорог в этих местах практически нет, только тропы, поэтому придется идти на лошадях.

— Что ж, на лошадях так на лошадях, — сказал Тарасов.
— Отправляться надо сейчас, — виновато покачал головой Пахом. — Там гудёт.

— Что? — не понял Никифор. — Что гудёт?

Молодой человек покраснел гуще.

— Там... ну, природа вокруг... вибрирует...

— Понятно. И отчего же этот ваш там... гудит?

— Вас ищут конунги, они уже близко. Надо идти к горе.

— Почему именно к горе?

— Там выход добрых Сил, они защитят вас, а потом придут волхвы. Таков Замысел.

— Ты что же, посвящен во все тайны волхвов?

— Ну что вы, не во все. — Пахом снова покраснел. — Я отвечаю только за свое дело.

— Кем же ты работаешь?

— Лесничим... Вы только не пугайтесь, я буду сопровождать вас в другом обличье.

— Каком еще?

— Волчьем. Оборотень я...

Никифор изумленно оглядел парня, обошел его кругом, хмыкнул.

— Сроду бы не подумал! Неужели волкодлаки существуют на самом деле?

— Ладно, принимаем к сведению, — сказал Тарасов, не слишком ошеломленный признанием проводника.

— Да, перспектива в такую погоду мчаться куда-то в ночь на лошадях меня не радует, — вздохнул Никифор. — Нет ли тут у вас поблизости какой-либо воинской части? Или аэродрома?

— Есть, — кивнул Пахом. — В двух километрах от деревни стоит вертолетный полк МЧС.

Мужчины переглянулись.

— Не кажется ли вам... — начал Дмитрий задумчиво.

— Что лететь лучше, чем скакать на лошади, — закончил Никифор простодушно.

Оба выжидательно посмотрели на Тарасова.

— Идеи овладевают массами в извращенной форме, — проворчал Глеб меланхолически.

— Нет, согласишься, ничто так не сокращает дорогу... — начал было доказывать Дмитрий.

— Как авиакатастрофа, — мрачно перебил его Тарасов.

— Ты против? Почему?

Тарасов подумал.

— Я — за. Но что-то меня смущает, сам не пойму.

— Можно попробовать В конце концов, попытка — не падение, а то, что мы выиграем часов двенадцать времени — факт.

— Еще далеко не факт. Но все же попытаемся. Пахом, ты хорошо знаешь то место, где расположена база МЧС?

— Я же здешний, — улыбнулся проводник.

— Тогда проводишь нас и покажешь, где у них что. Странна база большая? Колючая проволока?

— Обыкновенный тесовый забор с проволокой сверху — под током. Две вышки с прожекторами и четверо часовых. Но пройти на территорию можно с двух сторон, я пробовал.

— Как человек или как волк?

— И так, и так.

— Отлично. Веди.

Они вышли из натопленной бани в холодную дождливую темноту.

— Может, доедем до базы на лошадях? — предложил Никифор. — Два кэмэ в такую непогоду — это час времени.

— Согласен. Пахом, где твои лошади?

— Здесь, недалеко, на берегу.

Они спустились к воде и обнаружили трех смиренно стоящих стреноженных коней, которые при появлении Пахома слегка заволновались, начали прядать ушами и дергиваться.

Чуют волка... — пробормотал Никифор на ухо Тарасову, добавил громче. — А ты как же, парень?

— Со мной пусть сядет, — сказал Дмитрий, — я легче посижу на вас.

— И так добегу, — отказался проводник. — Вы не пугаетесь, если что... кони сами найдут дорогу.

— Чего пугаться, мы уже пуженные, — хмыкнул Никифор. — Они у тебя человеческий язык понимают, что ли?

— Нет, — донесся тихий ответ.

Сказали недолго. Вскоре лошади снова перешли на шаг, выйдя между деревьями, и на пригорке остановились.

— Где же он? — подъехал к Тарасову Никифор.

— И здесь, — послышался голос Пахома, низкий, хрипловатый, гортанный, идущий словно из-под земли. — База МЧС в сотне шагов отсюда.

— Ничего не вижу. Ты же говорил, что у них вышки с прожекторами.

— В такую погоду часовые обычно сидят в дежурке.

— Олухи царя небесного! Так они всю свою технику проморгают.

Всадники спешили.

Двинулись через мокрый лес, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шелестящей дождем ночной тишине. Вышли к забору высотой в два с лишним метра. Никифор наступил на что-то мягкое и живое, шарахнулся в сторону, выцеливая стволом “винтореза” это живое. Сверкнули желтые волчьи глаза, раздалось ворчание, затем голос оборотня, в котором почти не осталось ничего человеческого:

— Осссторожжжнее... здддзесь пподкопп... ппролезете...

Черная тень мелькнула у забора, исчезла в траве.

Дмитрий нащупал рукой довольно широкий лаз, вырытый звериными лапами, протиснулся под забор на территорию лагеря МЧС. За ним с трудом пролезли Тарасов с мальчиком и Хмель.

На летном поле базы мокли под дождем туши вертолетов разных типов от Ми-8 до Ка-115 последней модификации. Никто их не охранял.

— Как только мы заведем двигатель, они проснутся, и придется отбиваться, — прошептал Никифор.

— Не придется, — прохрипел полуволк-получеловек, возникая рядом из темноты. — Я отвлеку часовых.

— Они тебя пристрелят.

— Не беспокойтесь, я найду выход из положения.

— Предлагаю “Москвичку”, — показал Никифор на силуэт Ка-115. — Маневренная и быстрая машина, мне доводилось пилотировать ее пару раз.

— Хорошо, садимся.

Тихо щелкнула, открываясь, дверца кабины вертолета. Никифор сел за штурвал. Глеб с мальчиком заняли место рядом с пилотом, Дмитрий устроился в пассажирском салоне, способном вместить шесть человек.

Никифор быстро защелкал тумблерами, включая электропитание и навигационную систему. Чмокнул стартер, заквакали выхлопные патрубки, зашелестели, разгоняясь, лопасти винтов.

Дверь сторожевой будки открылась, вылив на землю каскад света, на пороге появился часовой, вглядываясь сквозь пелену дождя в глыбы вертолетов на летном поле. Потом он осознал, что звуки двигателя ему не померещились, метнулся в будку, и над территорией базы взвыла сирена.

Сразу в трех одноэтажных домиках части загорелся свет, наружу стали выскакивать люди. Вспыхнул прожек-

тор на одной из вышек, выхватывая из темноты вертолеты один за другим и бегущие по полю фигуры.

— Ну, давай же! — сквозь зубы проговорил Никифор, продолжая колдовать над панелью управления.

— Я их сейчас отвлеку! — крикнул Дмитрий, высовывая в открытую дверь салона пистолет-пулемет.

Но в этот момент над полем прозвучал многоголосый волчий вой, в траве заметались серые тени, и бежавшие к вертолету люди остановились, начали отбиваться от десятка невесть откуда взявшихся волков.

Двигатель “Москвички” взвыл, она оторвалась от земли, задрала нос и начала подниматься в воздух.

— Подожди, — быстро сказал Тарасов, заметив метнувшегося в их сторону зверя, — проводник!

Заметил приближавшегося волка и Дмитрий, сообразил, что это союзник, отступил вглубь кабины. Волк прыгнул, легко преодолел полутораметровую щель между землей и днищем вертолета и оказался в кабине. Дмитрий задвинул дверцу. В следующее мгновение вертолет косо пошел вверх, взлетное поле провалилось в темноту, отдалилось, крики и волчий вой стихли, еще некоторое время слышались редкие выстрелы, затем и они стихли. Вокруг кабины “Москвички” сомкнулась темнота.

Глеб открыл окошко в перегородке, отделяющей кабину пилота от пассажирского салона.

— Дима, что там у вас?

— Порядок, мы тут превращаемся в людей. Зрелище, могу честно признаться, жутковатое.

— Прошу прощения, — отозвался виновато плохо видимый в темноте Пахом, уже приобретший человеческие черты, — обычно я это не делаю при свидетелях. Мне бы накинуть на себя что-нибудь...

Глеб не сразу понял, что проводник после трансформации остался голым, вся его одежда осталась на земле.

— Здесь ничего нет, посмотрите в салоне.

Дмитрий обшарил помещение и нашёл брезентовый, пахнувший соляжкой плащ.

— Вот, только эта шкура.

— Сойдет, мне только на время полета. Кстати, вы ничего не чувствуете? Там снова гудёт.

Мужчины замолчали, обратившись в слух.

— Похоже, снова включился пси-локатор...

— Это конунги!.. — Пахом накинул на себя плащ. — Они совсем близко! Великий Свентовит, помоги нам добраться до цели!

— Куда лететь?— оглянулся Никифор.

Пахом вцепился руками в спинку сиденья, закрыл глаза и замер. Затем крикнул:

— Правее держите... и чуть выше... мы уже прошли мимо Оловгоры, осталось километров пятнадцать по прямой...

— Выше еще... чуть правее... вот так... смотрите внимательней, гора невысокая, всего метров двести, но крутая.

Вертолет продолжал нестись сквозь мрак и дождь, повиснув вне времени и пространства в бесконечной яме без единого проблеска света. Казалось чудом, что он еще не упал, не врезался в дерево или в столб линии электропередач.

— Мы уже близко... — начал Пахом, вытягивая руку вперед.

И в это время наперерез вертолету метнулась крылатая черная тень и врезалась в лобовое стекло кабины.

Тарасову показалось, что тень пробила блистер и лопнула клубком огня. Вскрикнул Никифор, выпуская штурвал из рук и прижимая ладони к глазам. Вертолет клюнул носом, по дуге устремился вниз, к земле.

Лопасты винта срезали несколько вершин у берез и сосен, вертолет ударился салазками о бугор, подскочил, снова грохнулся пузом о землю, лопасти винта вгрызлись в мощный ствол ели и разлетелись, как стеклянные. Двигатель заглох. Движение прекратилось.

— Живы?— раздался слабый голос Дмитрия.

— Я ничего не вижу, — глухо отозвался Никифор, по-прежнему зажимая руками лицо. — По-моему, я ослеп...

Сергий в объятиях Тарасова пошевелился.

— Дядя Глеб, я его п о с м о т р ю.

Тарасов отпустил мальчика, тот перебрался к скорчившемуся Хмелю, погладил его по голове, по рукам, по лицу, проговорил серьезным тонким голоском:

— У березы заболи, у дяди Ника не боли...

Никифор посидел несколько мгновений в той же позе, отнял руки от лица.

— Вижу... свет вижу!

— Выходите быстрее! — появился у дверцы кабины Пахом. — До горы всего полсотни шагов, надо успеть взобраться наверх.

Преодолевая странное оцепенение, едва слыша голос проводника сквозь усиливающийся струнный звон в ушах, Тарасов вылез из кабины с мальчиком на руках,

спотыкаясь, побрел за Пахомом, удивляясь, почему он видит его спину, вертолет, деревья вокруг. Потом понял: под ногами начала светиться почва и трава!

Лес как бы протаял в глубину, повис в воздухе на фоне голубовато-бежевого свечения. Впереди над ним глыбой полупрозрачного зеленоватого стекла проявилась гора, чем-то действительно похожая на птичье крыло.

— Быстрее, умоляю! — подстегнул беглецов гортанно-хриплый голос Пахома, уже наполовину превратившегося в волка.

Бежать по скользкой мокрой траве было трудно, то и дело под ноги подворачивались камни, груды веток, ямы и бугры. Первым к подножию горы выбежал Дмитрий и остановился, вскинув пистолет. Впереди, метрах в сорока, на полого поднимающемся склоне с несколькими вросшими в землю валунами и кипами кустарника, стоял человек в длинном коричневом свитере и зеленоватых брюках, длиннотелый, с узким, как щель, ртом, с гривой черных волос. Он стоял, сложив руки на груди, поставив ногу в сапоге на камень, и с полупрезрительной усмешкой смотрел на приближающихся.

Из-за спины человека в свитере вышел еще один незнакомец в длинном блестящем лиловом плаще. Бритая бугристая голова его блестела, как полированная.

— Не нравится мне это место, Харитон, — сказал он мрачным басом. — Здесь пахнет чужим повелеванием. Забираем мальчика и уходим отсюда.

— Все в порядке, Аксель, — отозвался мужчина в свитере. — Мы здесь не задержимся, но я хочу понять, почему выбор волхвов пал на этих людей.

— Это просто курьеры, профи боя...

— Не просто, Аксель, это триада, владеющая каким-то секретом. Простые курьеры не прошли бы так далеко без подпитки с и л о й.

— Им помогли волхвы. Кстати, ты сам сначала начал охотиться за ведуньей, которая провела тебя, как мальчишку. Еще немного и мы бы не успели перехватить отряд, до зоны непрогляда осталось всего полсотни километров.

Конунг иронически усмехнулся.

— Предлагаю обмен: жизнь на мальчика. Отдадите сами — жизнь гарантирую.

Мужчины переглянулись.

— Да пошел ты!.. — сквозь зубы проговорил Никифор, скидывая "винторез".

В то же мгновение на головы триады обрушился тяжелый удар, едва не сваливший их с ног.

— Иди ко мне, змееныш, — улыбнулся конунг Харитон, поманив Сергея пальцем.

“Серебряный мальчик” отступил к ноге Тарасова. Глаза его стали огромными, наполнились голубым сиянием, волосы на головке впустились, заискрились крошечными молниями.

— Гляди-ка, не хочет! — удивился бритоголовый. — Что же ты, Харитоша, не можешь справиться с ребенком?

Конунг в свитере нахмурился, глаза его метнули черное пламя.

“Серебряный мальчик” схватился за голову, тоненько закричал:

— Дяденька, миленький, не надо, мне больно!..

Этот крик словно открыл в душе Тарасова запасы сил, сбросил оковы, освободил парализованные гипноатакой конунга мышцы. Глеб рванулся вперед, выстрелил в конунгов из “глушака”.

Новая волна оцепенения заставила его остановиться.

Зато вышел из-под контроля черных магов Дмитрий, прыгнул вперед, разряжая в них пистолет-пулемет, и тоже замер, получив парализующий импульс.

Но одновременно с ним преодолел шок Никифор, выстрелил из винтовки, попал в бритоголового Акселя, и тот с изумленным криком схватился за грудь, на доли секунды утрачивая контроль.

Этого оказалось достаточно, чтобы очнулся Тарасов, снова рванулся вверх по склону, разряжая в противника пси-генератор. Остановился, парализованный. Но бросился вперед Дмитрий, затем Никифор, и так они продвигались к озадаченным отпором черным магам до тех пор, пока в бой не вмешались другие лица.

Сначала помощь пришла конунгам.

Чуть выше по склону горы на голом глинистом бугре появился еще один человек, худой, высокий, с невыразительным серым лицом, в шляпе с высокими загнутыми полями, как у ковбоя.

Никифор получил гипноприказ открыть огонь по своим товарищам, попытался бороться с внушением, но добился лишь временного смещения внимания: руки его дрожали от усилий сдерживать воздействие, глаза слезились, и несколько пуль из “винтореза” он выпустил мимо.

Воля Дмитрия сломалась не сразу, он успел-таки выпустить в конунгов весь запас парализующих игл из “ерша” и очередь из “гороха”, попал в бритоголового мага, но больше ничего сделать не успел. Владеющие бесконтактным воздействием конунги нанесли очередной фрустрирующий пси-удар, и у Булавина отнялись руки и ноги.

Дольше всех держался Тарасов, благодаря талисману и поддержке “серебряного мальчика”, взявшего на себя часть излучения. Глеб добежал до конунга Харитона и в последний миг, перед тем как потерять сознание, — у него внезапно остановилось сердце, — сильнейшим ударом в лицо сломал магу нос.

На этом бой мог бы и закончиться, телохранители Сергея по сути были из строя, становясь легкой добычей конунгов, но тут подоспела помощь триаде.

Лес вокруг горы, продолжавшей светиться изнутри, вдруг словно взорвался, и на конунгов выплеснулась волна зверей и птиц!

Здесь были волки, лисы, россомахи, рыси, олени, сохатый и даже семейство медведей, а птичье войско состояло из двух десятков видов от стрижей и соек до сов и ястребов.

Несколько секунд конунгам пришлось обороняться от клыков, когтей и клювов, пока наконец, разъяренные атакой, искусанные, исцарапанные, они не с о т в о р и л и заклинание, повергшее звериную и птичью стаю в паническое бегство. Не убежали вместе со всеми только волки, вцепившиеся в чужаков мертвой хваткой. Их пришлось добывать заклятиями “черного покоя”, на что тоже ушло какое-то время, и это позволило прийти в себя Никифору: он снова перенес огонь из винтовки на врагов и в третий раз попал в бритоголового Акселя, окончательно лишив его воли к сопротивлению.

Получив пулю в живот, бритоголовый конунг бежал с поля боя.

Однако это была еще далеко не победа триады и ее помощников... Черные маги снова получили помощь в лице прибывших к месту сражения двух коллег — молодого парня, смуглолицего, с бородкой и усиками, одетого в спортивный костюм, и могучего, с метровой ширины плечами, мужчины с круглой головой и коротким седым ежиком волос.

Ситуация снова изменилась не в пользу спутников “серебряного мальчика”, застывшего в траве с широко раскрытыми глазами и прижатыми к груди кулачками.

Никифор выстрелил в последний раз — кончились патроны, выхватил пистолет, но сухопарый “ковбой” в шляпе и шортах выкинул в его сторону сжатый кулак, с перстня на пальце вылетела фиолетовая молния, вонзилась в грудь Хмеля, и капитан упал.

— Какого дьявола вы с ними возились так долго? — проговорил молодой спортсмен, подходя к силившемуся подняться Дмитрию, и коротко ударил его ребром ладони по затылку. Булавин раскинул руки, затих. Спортсмен подошел к Никифору, вынул из его руки пистолет, прицелился в голову.

— Вы недооценили этих парней, пан Харитон, они вас едва не провели. — Он выстрелил, но попал Хмелю не в голову, а в плечо. — Вот черт! Я промазал! — Он снова навел ствол “котика” на Никифора.

— Не играйся, Кибир, — бросил конунг в свитере, озабоченно поглаживая нос. — Забирай мальчика, уходим.

Молодой человек выстрелил — и снова не попал!

— Что за дьявольщина?! Прицел сбит, что ли?

— Подними руки! — раздался вдруг за его спиной четкий, хотя и негромкий голос.

Конунги замерли.

Из леса в двадцати шагах от горы вышел мужчина в зеленоватом плаще, делавшем его почти неразличимым на фоне леса, держа в руке автомат с подствольным гранатометом. Это был Ираклий.

Оглянувшийся на него смуглолицый маг скривил губы, демонстративно приставил к виску Никифора пистолет, но на курок нажать не успел. Хмель вдруг вывернул голову из-под ствола, рывком за ногу отбросил конунга в сторону, и тотчас же Ираклий выстрелил.

Сорокамиллиметровая граната вонзилась в бок спортсмена, раздался взрыв, рука с плечом отделилась от туловища конунга, полетели брызги, осколки костей, кусочки одежды. Его тело пролетело по воздуху несколько метров и свалилось в кусты бесформенной массой.

Стало совсем тихо.

Ираклий навел ствол автомата на застывших конунгов.

— Вот и настал ваш судный день, холоуи Сатаны! Не хотите помолиться?

— Кажется, ты нас подставил, Харитоша, — женским голосом проблеял широкоплечий конунг. — Во всяком случае Витязя ты проморгал. Нюх потерял?

— Он один, — презрительно отмахнулся Харитон. — Кибиру просто не повезло. Добываем его и уходим.

— Давно пора, — буркнул “ковбой”.

— Добывайте, — пожал плечами здоровяк с женским голосом. — А я пока заберу мальчишку. Или, может быть, его просто убить?

Харитон и “ковбой” выбросили в сторону Ираклия кулаки, метнувшие фиолетовые молнии, но Витязь за мгновение до этого выстрелил и исчез. Молнии вонзились в дерево, перед которым только что он стоял, и срезали его, как ножом. Но и граната не поразила цель, она просто не долетела до конунгов, взорвалась в воздухе.

Ираклий же обьявился в десяти шагах от первой своей позиции, дал очередь из автомата, выпустил гранату, заставляя конунгов тратить на него силы и внимание, и снова пропал в лесу.

— Иди сюда, змеиное отродье, — ласково позвал Сергей огромный конунг, — конфетку дам.

“Серебряный мальчик” покачал головой, отступил на шаг.

— Иди, говорю! — угрожающе нахмурился гигант, вытягивая в его сторону огромную ладонь.

Сергий прижал к ушам ладошки, зажмурился, закричал:

— Уйди, ты плохой! Мамочка, мне больно!..

Этот крик буквально оживил Тарасова, сердце которого заработало с прежней частотой и силой. Он перевернулся на бок и разрядил всю батарею “глушака” в конунга.

Не ожидавший нападения гигант вздрогнул, медленно повернул к Тарасову голову, глаза его стали мутными, но не надолго. Импульс пси-генератора все же не пробил его защиту. Так же медленно он вытянул к Тарасову руку, и в глазах его разгорелось черное пламя смерти.

Но случилось иное и неожиданное.

Никифор хотя и получил удар, однако благодаря бронепластине “ратника” остался жив. Превозмогая боль в груди, — молния “ковбоя” пробила броник и сломала два ребра, — он подобрал свой пистолет и разрядил его в спину конунга с женским голосом.

Здоровяк заорал, взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, и фиолетовая молния миновала Тарасова.

Конунг осел на камень, но тут же поднялся, ища нали-

мадные кулаки, но появившийся неподалеку Ираклий выстрелил в него из автомата, и обладатель женского голоса исчез. Сработавший инстинкт самосохранения вынудил его покинуть место боя легко и быстро.

— Уходи! — крикнул Ираклий Тарасову, исчезая за деревьями.

Глеб кубарем скатился с подножия горы, больно ударился плечом о валун, инстинктивно отпрянул в сторону, и молния разряда пролетела мимо. Пахнуло ледяным ветром.

Да и вообще в результате применения конунгами эндотермических “заклятий черного распада”, вызывающих процессы поглощения энергии, в радиусе ста метров от места сражения температура воздуха упала ниже нуля и пошел снег!

Тарасов был уже возле мальчика, когда на горе снова появился конунг с женским голосом, но не один, а с двумя спутниками — бритоголовым Акселем, пожелавшим вернуться и отомстить обидчикам, и толстяком с жирным лицом.

Против такого количества магов Ираклий, несмотря на возможности Витязя сражаться на сверхскорости в пространстве “устроения повелевания”, конечно же выстоять не мог, даже если бы ему помогли еще живые спутники Сергея... Поэтому бой длился всего несколько секунд.

Фиолетовые молнии поразили Тарасова, нащупали Витязя за деревьями, и одежда на нем вспыхнула странным сине-фиолетовым пламенем.

Конунги перестали посылать импульсы распада, молча смотрели, как по лесу идет к ним человек-факел. Не дойдя до подножия горы десятка шагов, Ираклий выронил автомат, остановился. Волосы на голове у него тоже загорелись.

— Дурак ты, Витязь! — проговорил бритоголовый. — Зачем влез не в свои дела? Где же твои друзья-волхвы? Ты им служил, как верный пес, а кто из них кому и когда помог? Никто, никому и никогда!

Ираклий вдруг перестал гореть, будто его облили водой. И тут же рядом с ним возник высокий седой человек в белой рубашке и таких же штанах. Это был Егор Крутов.

— Дядя Гора! — вскрикнул “серебряный мальчик” и бросился к нему, путаясь в траве, с глазами полными слез.

Крутов подхватил его на руки, поцеловал, передал Ираклию, уцелевшему в огне; было страшно смотреть на лохмотья его сгоревшей одежды и на следы ожогов на лице и руках.

— Вы правы, не люди, — сказал Крутов, окидывая конунгов сверкнувшим взглядом. — Волхвы редко помогают отдельным людям, радея за общее благо, и в этом, возможно, состоит их ошибка. Но мы в скором времени исправим это положение.

— Ты... умрешь! — страшным голосом проговорил Харитон.

— Конечно, — согласился Крутов. — Когда-нибудь умру. Волхвы смертны, как и все люди. Но вы умрете раньше, ибо не достойны жить. Наши воины умирают за то, ради чего стоит жить. Вы же — не люди — убиваете друг друга ради власти! А всякая власть — это ограничение свободы и желаний, прежде всего собственных. Вы же понимаете это иначе.

— Ты... умрешь... сейчас!

— Не тратьте сил понапрасну, — усмехнулся Крутов. — Вы не смогли справиться даже с триадой, далекой от всего магического, но имеющей то, чего нет у вас — душу! А теперь оглянитесь вокруг.

Конунги завертели головами.

Свечение горы, на склоне которой они стояли, сдвинулось в желтую полосу спектра, и вокруг черных магов образовалась лучистая переливчатая вуаль.

— Око Свентовита! — хрипло выговорил бритоголовый.

— Ловушка! — заверещал толстяк.

В следующее мгновение тела конунгов пронзила вспышка золотого света, и они превратились в клочья дыма, уносящиеся вверх, в освободившееся от туч небо... Око крика еще гуляло по лесу, затихая вдали, а конунги уже перешли в состояние нежити.

Снег перестал сыпаться на мокрую землю.

Крутов взял у Ираклия с рук “серебряного мальчика” и пошел с ним к неподвижным телам бойцов триады. Он шел уверенно и спокойно, словно не сомневался, что защитники мальчика живы.

Пожелаем же им...

Владимир
ПЕРШАНИН

ЛАБИРИНТ

ПОВЕСТЬ

Ствол старой бельгийской винтовки “фал” покрылся ржавчиной. Здесь, в каменной расщелине, было сыро повсюду, даже возле костра, который горел всю ночь. На рассвете я его погасил — дым мог нас выдать. Олег Сотников лежал, прижимая обмотанную тряпками руку к груди. Он не спал, но разговаривать не хотелось ни мне, ни ему. Я долго тер ствол оставшейся от перевязки тряпкой. Ржавчина понемногу исчезала. Я выщелкнул из плоского магазина патроны и тоже протер. патронов было шесть. Еще у нас имелся пистолет, короткоствольный ПСМ с двумя обоймами, но для обороны он был малопригоден — слишком мелкий калибр 5,45 мм.

Сегодняшнюю ночь Олег снова почти не спал. Ныла раненая рука. Мы разделили по-братски вареный кукурузный початок и запили его слегка подсоленным отваром.

— Сейчас я немного полежу и пойдем, — прервал молчание Олег. — Дождь кончился?

— Да... Еще ночью.

— Это хорошо.

Ничего хорошего я не видел. Олег идти не сможет, слишком ослабел. И вряд ли ему станет лучше. Что-то надо решать... Остаться в этой дыре слишком опасно. Уже сегодня, так завтра нас здесь обнаружат. Люди, которые нас ищут, прекрасно знают места, где могут прятаться такие беглецы, как мы.

Вокруг торчали одинокие скалы, смыкаясь в извилистые ущелья. Они нависали над бурлящей мутной речкой и круто уходили вверх, образуя основание хребта. Вот уже много дней мы выбирались из каменного лабиринта...

До равнины осталось совсем немного. Пора было что-то решать...

ГЛАВА 1

Я листаю страницы собственной жизни. Все, что осталось по другую сторону гор, кажется бесконечно далеким и нереальным... Александр Иванович Ермаков. Так меня когда-то звали. Сейчас у меня нет ни имени, ни фамилии. Я всего лишь затравленный беглец, пытающийся вместе с другим беглецом добыть свободу.

С чего начать? Наверное, с Москвы, куда я, восемнадцатилетний недоросль, приехал, уверенный в себе, в своем крепком тренированном теле, считая, что смогу завоевать место под солнцем.

На факультет иностранных языков столичного пединститута я поступил благодаря плаванию. На сочинении меня бы обязательно завалили — денег на взятку у родителей не было. Узнав, что я кандидат в мастера спорта по плаванию, спросили:

— За институт поплывешь?

— Сколько угодно! — заверил я, и напротив моей фамилии поставили крестик.

Экзамены я, конечно, сдал и был принят на первый курс. Учеба давалась мне легко, а там, где что-то не получалось, приходила на выручку кафедра физвоспитания. Факультет считался престижным: здесь учились дети далеко не бедных родителей. Я быстро вписался в их круг. Высокий рост, атлетическая фигура притягивали ко мне женщин, и к пятому курсу из скромного провинциального парня получился замечательный бабник. Я привык к веселым компаниям, вечеринкам в чьих-то квартирах, субботним поездкам за город, где всегда хватает выпивки и не знаешь, с кем проснешься утром. Я не особенно задумывался, откуда берутся на все это деньги. Я получал стипендию, кое-что высылали родители. Деньги и приходили и уходили легко. Но если бы я догадался когда-нибудь посчитать стоимость наших уик-эндов и посиделок в барах, то понял бы, что моих ежемесячных доходов не хватило бы и на неделю такой жизни. По сути я был приживалкой. Меня принимали в богатые компании из-за

внешности, физической силы, остроумия и платили за меня, как правило, женщины.

Я перескакиваю через золотые студенческие годы и подвожу свою историю к пятому курсу института... Перестройка и красивая столичная жизнь посеяли во мне глубокие всходы. Я превращался в хищного, пока еще мелкого зверька, но уже готового оттяпать молодыми зубками свой кусок удачи.

Итак, пятый курс... Мне исполнилось двадцать три года, близилось окончание института, и я с тревогой оглядывался по сторонам. Я не хотел возвращаться в свой городок, но ничего лучшего мне не предлагали. Кафедра физвоспитания от меня отвернулась, так как в чемпионы я не выбился и постепенно забросил тренировки. Приятели, еще вчера хвалившиеся связями своих родителей и даже обещавшие помочь при распределении, теперь уходили от разговоров в сторону. Госэкзамены и будущая жизнь ставили каждого из нас на свое место. Затянувшееся детство подходило к концу. Со мной было весело бездельничать, но по-настоящему допускать меня в свой круг, как оказалось, не собирались... И тогда я решил жениться.

Это был довольно распространенный способ навсегда обосноваться в столице и поправить свое материальное положение. Люди поумнее, чем я, так часто и делали. Пока я развлекался, увеличивая счет своих любовных побед, некоторые ребята и девчонки на курсе сумели удачно пристроиться.

Я был уверен, что без особых проблем найду веселую и богатую девушку, одну из тех, что просыпались рядом со мной в улывающей московской жизни. Все оказалось сложнее. Богатые девицы, хоть и незамужние, были давно охвачены. Мне отказали раз, другой, а когда я сделал предложение третьей, она просто рассмеялась в лицо... При суетишься, Казанова! Раньше надо было думать.

Между тем закончились выпускные экзамены. Я получил диплом, распределение в родной городок, и мне предложили покинуть общежитие. Это был крах! Я сидел в своей комнате, в которой кроме меня не осталось ни одного человека. Все разъехались. Через день-два меня выкинут, и прощай, Москва! Вернуться сюда я уже не смогу.

Вошла комендантша, толстая веселая баба, лет на семь старше меня. Села на койку напротив и подмигнула.

— Как жизнь, Саня?

— Спасибо, хреново...

- Не горюй, будет еще хуже. Когда уезжать собрался?
- Некуда мне уезжать, — соврал я.
- А к родителям в Красный Яр?

Комендантшу звали Люда... Она работала в общежитии давно, и знала каждого из нас как облупленного. Я неопределенно пожал плечами, давая понять, что в родном городке мне делать нечего.

— Понимаю, — вздохнула Люда, хотя вряд ли что понимала. — Но ты, Саня, все равно закругляй дела и сдавай до пятницы белье. Абитуриентов заселяем.

— Вообще-то я еще хотел пожить в общежитии недельку-другую, — закинул удочку я. — И тебе веселее будет. А то заскучаешь одна.

Люда внимательно посмотрела на меня и облизнула пухлые губы, подведенные модной в тот год сиреневой помадой. Через десяток минут на столе стояла бутылка вина, за которой я сбегал в магазин, а Люда принесла из своей каптерки банку шпрот и несколько домашних котлет.

— За удачу!

Мы чокнулись гранеными стаканами. Я знал чем закончатся наши посиделки... Я нравился комендантше, а она не нравилась мне. Но другого выхода не оставалось. Если бы кто из моих светских приятелей увидел, как я соблазняя толстую Люду, стать бы мне надолго предметом насмешек. Простоду бы не дали! Сейчас же мне было на все наплевать. Комендантша Люда была мне в тот момент нужнее, чем любой из приятелей. Если я сохраняю это жилье, то у меня есть шансы чего-то добиться в Москве.

Третий тост был за любовь... Мы выпили его на брудершафт. Я целовал Люду отнюдь не для приличия, и она отвечала со всей страстью. Наконец, оттолкнув меня и отдышавшись, Люда попыталась поправить сбившуюся прическу.

— Ну ты прямо с налету... Как коршун! Опомнись бедной женщине не даешь. В нашем городке все такие?

— А ты что, разве против?

Люда промолчала... Я снял с нее блузку и расстегнул крючки бюстгалтера. Комендантша застонала и прикрыла руками большую грудь.

— Санечка, милый... не надо... Ты дверь закрыл?

Дверь я закрыл в самом начале посиделок, и Люда это видела. Остальную одежду она сняла сама и, накрывшись простыней, наблюдала, как раздеваюсь я. Комендантша была простой деревенской бабой из-под Воронежа — на жизнь и измены мужу она смотрела просто.

С Людой было хорошо... Мы пили самогон, настоящий на зверобое, закусывали его грибами, домашними пирожками, и Люда рассказывала про свою жизнь. Как приехала после техникума к родне в Подольск искать свое московское счастье. Вышла замуж, родила двух сыновей. С мужем — не так и не сак. Любви не было и нет. Просто надо было устраиваться в жизни. Пьет, а пьяный делается дурной, лезет драться и устраивает разборки. И, я, я! Квартиру получил, тебя осчастливил, а ты тварь неблагодарная... Потом протрезвеет и начинает считать деньги. Куда они деваются и почему их вечно не хватает. Но все же, несмотря на свары, живут вместе одиннадцать лет. Дети подрастают. А если вернуть прошлое, то лучше оставалась бы в своей деревне...

— И ты, Саня, уезжал бы к себе. Чужой для нас город. Дома лучше...

Я отмалчивался. Люда начинала мне надоедать, но я терпеливо принимал ее. Жить-то где-то надо...

Городок, в котором я родился и вырос, назывался Красный Яр. Такое название он получил от огромных глинистых круч на правом берегу Волги. Заходящее солнце окрашивает их в красный цвет, вода в реке голубая, а отмели — желтые. Сочетание этих ярких цветов осталось в памяти с раннего детства. Я любил Волгу, свой городок, больше похожий на деревню, и никуда не рвался.

Потом я стал побеждать на соревнованиях по плаванию, и меня включили в сборную команду области. К концу школы я объездил пол-Союза, побывал в Прибалтике и даже в Болгарии. Я увидел красивые города, море, холмы, бьющиеся о гранитные набережные. Гостиница в Риге, где я прожил неделю, показалась мне верхом роскоши, а вид ночного Пловдива буквально потряс. Даже люди здесь были другие... Почти обнаженные загорелые женщины на сочинских пляжах снились мне ночами, и низ живота прямо-таки сводило.

И возвращался в свой городок и видел его уже совсем другими глазами...

Мелкие домишки, покосившиеся заборы, кривые, пыльные улицы, наш культурный центр, застроенный двумя десятками обшарпанных купеческих домов. До железной дороги почти сто километров, а прямо за городком начинается степь. Полынь, солончаковые плешины, редкие озера и беспощадное солнце, выжигающее к июню все живое. Дождя в наших краях большая редкость, зато хватает пыли и

ветра. Он дует с Каспия, не принося летом прохлады, и гладко вылизывает голую бесснежную землю зимой.

Поколесив по стране и отучившись пять лет в Москве, я уже не мог представить свою дальнейшую жизнь где-то в ином месте, не в столице. Я приехал в Москву, когда должность Генсека ЦК КПСС занял Михаил Горбачев. Начиналась перестройка. Москва менялась на глазах. Разрешили торговать, и позорное слово "спекулянт" изгнали из лексикона. Предприниматели! Именно они, считалось, должны были привести страну к процветанию.

Вырастал новый класс — богатые. Ими хотели быть все... Быстро менялись убеждения. Школьники уже не рвались в космонавты, и появился анекдот о валютной проститутке.

— Родители у вас интеллигентные люди. Папа — инженер, мама — учитель. Как вы стали проституткой?

— Сама не знаю. Наверное, просто повезло...

Такова краткая история того времени, когда проходило мое студенчество. Я видел на улицах дорогие машины, разевал рот на длинноногих красавиц с рекламных щитов, и мне все это хотелось иметь. Желательно сразу...

Вопрос с жильем с помощью Люды был решен до первого сентября. Я соображал, что делать дальше. В запасе имелась пара девчонок из бедных семей, за которых можно было зацепиться и оформить брак. В один из дней позвонила Валя, моя любовь с первого курса, прощавшая все измены и родившая от меня дочку. Валя сказала, что я могу пожить у нее. Родители согласны. Я представил ее квартиру в облупленном доме, глухую комнатушку, где предстояло жить с Валею и орущей восьмимесячной дочкой. Мне стало тошно, и я вежливо ответил, что подумаю.

— Я позвоню завтра, — заторопилась Валя.

— Не надо... Я сам звякну.

— Ты остаешься в Москве?

— Еще не знаю... Ну пока!

Валя умолкла и, выждав с полминуты, положила трубку. А я продолжал торопливые поиски богатой невесты. Однажды встретил в кафе своего приятеля из прежней компании Вадика Дубовицкого. Отец у него занимал какой-то мелкий пост в райисполкоме, и сынок получил направление в один из московских техникумов. Вадик, как и другие приятели, обещал мне помочь остаться в Москве, но ничего, конечно, не сделал. И тем не менее, я был рад его видеть. Я чувствовал себя одиноким.

Мы взяли по двести граммов портвейна и уселись за столик в дальнем углу стекляшки. Вадик, мятый, припухший с похмелья, пожевал отвислой нижней губой и сказал, что выпить сегодня можно, он не за рулем.

— Предки тачку подарили? — невольно вырвалось у меня.

— Угу. "Девятку". Премировали за диплом.

Вадик ждал еще вопросов о машине, но я их не задавал. Машина оставалась моей голубой мечтой еще со школьных времен. Тогда Дубовицкий стал сам расписывать, какая это хорошая тачка. Родители угодили ему здорово. "Девятка" считалась самой престижной машиной. Даже у адвокатского зятя, Юрки Дегтярева, не было такой. Я же мог рассчитывать только на старый отцовский "москвич", который служил нашей семье с незапамятных времен. Я допил вино...

— Ну все, пока. Мне надо идти.

— Подожди, — остановил меня Вадик. — Сейчас я еще позвю. Не поговорили же толком.

Видимо, он понял, что заехал не туда... Через пару минут Дубовицкий принес бутылку "Изабеллы" и шоколадку.

— Ты где сейчас? — поинтересовался Вадик.

— В Москве. Ищу невесту. Ответ Дубовицкого не удивил.

— Ну и как успехи?

— Пока никак.

— Это серьезное дело, — заскреб в затылке Вадик. — Но так просто...

— Да уж знаю, — усмехнулся я. — Легче всего языком молотить. Распределение? Как два пальца!.. Сделаем!

Упрек был справедливым, и Вадик молча разлил вино по стаканам.

Я не слишком верил Дубовицкому... Он причислял себя к сливкам общества и любил пустить пыль в глаза. А у его отца, по словам Вадика, ходила в знакомых вся столичная перхушка. Дубовицкого-старшего я пару раз видел. Это был типичный московский чиновник и, судя по всему, большой взяточник. Вадик спал и видел, чтобы получить должность, как у папаша.

— Как твою невесту зовут? — спросил я.

— Она не моя, а твоя... Катька.

— Ну и что, она действительно... богатая?

— У е-ей, — закатил глаза Вадик. — Папашка ее милыми словами ворочает... Фирмач!

- А чего ж ты сам к ней не подкатил?
- Не в моем вкусе.
- Или ты не в ее.
- Может, и так.

Жизнью правит случай. Я случайно встретил в тот день Вадика Дубовицкого, и случайно не уехала за город Катя, богатая девушка, которая, по мнению Вадика, очень подходила мне в невесты.

— То, что она страшненькая, тебя не пугает? — деловито спросил Вадик.

— Не пугает...

— Тогда пошли звонить.

— Катя, привет! — кричал в трубку Вадик. — Как жизнь? И я тоже... Лариску давно не видела? Давай сегодня встретимся. Познакомлю с мэном, ты обалдеешь. Одни мускулы... Мозги? Также есть.

Судьба продолжала благоволить мне. Катина подруга, Лариса, оказалась дома и согласилась составить компанию. Часов в шесть вечера мы оказались в захлавленной однокомнатной квартире, принадлежавшей бабке Вадика.

— Времени маловато, — озабоченно сказал он. — Надо бы прибрать и накрыть на стол.

Со старого комода на нас смотрело фото семейной пары. Круглолицая женщина с уложенными венцом косами и мужик в старомодном черном костюме с орденской планкой.

— Бабка с дедом, — пояснил Вадик. — Сейчас мы их уберем, чтобы не таращились. Ты только к Лариске не клейся. Она симпатичнее Катьки, к ней все вяжутся. Да и зачем она тебе?

Наши дамы пришли в половине восьмого. Я посмотрел на потенциальную невесту и едва не застонал. Господи!.. Почему я такой невезучий! Одни толстухи или страшилища попадают. Вчера Людка-комендантша, сегодня эта Катя...

ГЛАВА 2

Катя, конечно, не была страшилищем, но и хорошенькой ее назвать было трудно... Передо мной стояла худая девица с острыми, выпирающими сквозь джинсы коленками и плоской мальчишеской грудью. Редкие светлые волосы, закрученные в локоны, нелепо торчали. Джинсы ей абсолютно не шли, но в юбке она была бы еще хуже —

выставлять и демонстрировать ей было нечего. Катя походила на нескладного подростка. Впрочем, лицо у нее было довольно миловидным, и желтые, как у совы, глаза смотрели на меня и с легкой усмешкой и с любопытством. Глаза были очень неглупыми. Я смотрел на нее, как давно научился смотреть в Москве на женщин, к которым проявлял интерес и хотел это показать... Во взгляде Кати интерес читался сразу.

Мы уселись за стол, пошли тосты, анекдоты, сплетни. Я продолжал почти физически ощущать на себе взгляд Кати. Ей, похоже, было наплевать, что подумают о ней другие. Она явно знала себе цену, и уж точно принадлежала совсем к иному кругу, до которого и мне, и Вадика было как до луны. Это угадывалось и по ее поведению и по вещам. На шее у Кати была золотая цепочка очень тонкой работы. Кольцо на пальце было с бриллиантом. Рядом с пачкой "честерфильда", из которой мы все беззастенчиво таскали сигареты, лежала тяжелая желтая зажигалка.

— Золотая? — спросил я.

Катя пожала плечами, а подружка Лариса фыркнула, давая понять, какая же, мол, еще? Не медная же!.. Катя не выделялась. Пила по чуть-чуть коньяк, шампанское и вежливо не обращала внимания, что апельсины мы купили мятые, а сыр перемороженный и крошится. Вадик и Лариса перед ней явно заискивали, а мне почему-то стало весело. Мы танцевали, погасив свет. Катя положила руку мне на плечо и не отстранялась, когда я осторожно прижимал ее к себе. Мы ушли на балкон.

Потом мы целовались, и Катя гладила меня по щекам кончиками тонких и прохладных пальцев. Часов в двенадцать ночи она достала из фирменной дорогой сумочки сотовый телефон. Я первый раз в жизни видел такую штуковину.

— Мама, я останусь с Ларисой у ее сестры... Нет, все нормально. Не надо никакой машины... Ну хватит!

Она облизнула губы и снова посмотрела на меня. Теперь взгляд у нее был глупый, как у влюбившейся семиклассницы.

Для соблюдения приличий Вадик постелил нам две постели, а сам с Лариской устроился на кухне. Я погасил свет и, выждав пару минут, переполз на тахту. В Москве стояли душные июльские ночи, но тело Кати был неприятно холодным. Я осторожно (пока осторожно!) поцеловал ее, и она, подавшись ко мне, застонала.

Я был у нее не первый, но сексуальный опыт новой моей подруги был ограничен. Она возмещала его неподдельной страстью, с которой отдавалась. Я понравился Кате — в этом не мог ошибиться. Однако (опыт был) я хорошо знал, как легко рвутся такие отношения. Ночью — страсть и слова любви, а наступает день — и все кончается.

У каждого своя жизнь. Конечно, я наверняка был для нее хорошим и желанным партнером. Но хотел большего...

На рассвете, когда моя обессиленная подруга крепко спала, я осторожно открыл ее сумочку. Губная помада, ключи и россыпью, вперемешку доллары, червонцы, сторублевки. Я еще раз оглядел разметавшуюся во сне Катю. Ее торчавшую из-под одеяла худенькую, почти детскую ногу. Товар, конечно, не ахти, но денег на карманные расходы таскала подружка целую кучу. Наверное, всю мою стипендию за пять лет учебы.

— Ну как? — спросил Вадик, когда мы, проводив наших женщин, остались одни. — Процесс пошел? Крылатая фраза, запущенная болтливым Генсеком, была в Москве в то время очень модной.

— Да так... У нее родители действительно богатенькие?

— Я ж тебе говорил... Если хочешь, могу показать загородный дом. Недалеко от кольцевой. Ищи машину.

Я нашел, и в тот же день, похмелившись, мы отправились глянуть, как живет только что появившийся "класс" — "новые русские"... Большой трехэтажный особняк родителей Кати стоял в сосновом бору над озером в ряду таких же богатых домов. Высокий забор отгораживал владельцев от любопытных. Дом блестел новенькой крышей из красной металлокерамики, сверкал металлическими жалюзи. По зеленой ухоженной лужайке к озеру неторопливо шла женщина с полотенцем через плечо. На площадке стояли две автомашины, тоже блестящие, словно только что вымытые. Вся эта яркая и праздничная картинка дышала таким благополучием, что я невольно сглотнул.

Рядом позевывал уставший за ночь Вадик. Наш водитель, нанятый за четвертак, ковырялся в старом и грязном моторе "москвича". Наверное, он тоже завидовал людям за высокой оградой. Вадик хлопнул меня по плечу:

— А че, я здесь уже два раза был... Повезет — и тебя пригласят.

Я ничего не ответил... Меня сюда уже пригласили на пятницу в восемнадцать ноль-ноль.

Комендантша, напрасно ожидавшая меня все выходные, не на шутку обиделась.

— Брось, Люда, — устало сказал я. — Я, кажется, нашел невесту. Жизнь, сама понимаешь, надо как-то устраивать.

— Ну и убирайся к черту, — сказала Люда. — Мне из деканата насчет комнаты раз пять уже звонили. Кого-то поселить хотят.

— Уйду... Пару дней потерпишь?

— Да хоть неделю... Только куда ты пойдешь?

— Есть одно место.

— Ну-ну... Погубят тебя бабы, — сочувственно сказала Люда. Я кивал, соглашаясь с ней, но голова была занята мыслями о Кате.

Побывав в гостях в ее доме, я понял, что такая удача светит только раз в жизни... Катя была дочерью по-настоящему богатых родителей. Вечеринку она устроила в основном из-за меня. Правда, мать и отец на ней не присутствовали. Катя решила показать приятелям своего нового друга и не скрывала, что увлечена мной.

Я понимал, чтобы стать мужем Кати, надо действовать очень расчетливо и умно. Но все мои планы пересечивались отсутствием денег... Я не мог посидеть с Катей даже в простеньком кафе-мороженом, не говоря уж о чем-то более приличном. Платить за себя Кате я не позволял. Это тоже было частью игры. Я занял сто рублей у Вали, а затем триста у Дубовицкого. Вадик долго мялся, но я знал, что деньги у него есть. Я пообещал отдать шестьсот и помочь устроиться в совместную фирму. Конечно — после свадьбы.

— Когда она еще будет, твоя свадьба? — недоверчиво смотрел на меня Вадик.

— Скоро, — сблефовал я и пригрозил: — Не выручишь — никакой фирмы!

Вадик уже ходил на работу в техникум и своим местом был разочарован. Обшарпанные коридоры, шум, дети, как сумелые, носятся туда-сюда, и зарплата — сто шестьдесят рублей... Только название, что техникум, а так, самая, шальная школа. Школу Дубовицкий терпеть не мог.

— Если не женишься, плакали мои денежки?

— Кто не рискует, тот не пьет... портвейна!

Гони свой магнитофон, — наконец решил Вадик. — Если не отдашь шестьсот, он у меня останется.

Мы хлопнули по рукам, и я получил деньги. Теперь я не лез к Кате в постель. Мы просто гуляли по городу или сидели в

кафе. Я изо всех сил давал понять, что серьезно увлечен и не хочу сводить наши отношения только к постельным. Однажды я сообщил, что должен недели на две уехать.

— Куда? — всполошилась Катя.

— К себе на родину.

— Это обязательно?

— Обязательно.

— Зачем?

Я наотрез отказался объяснять, намекнув, что уезжать никуда не хочу, но таковы обстоятельства. Скоро, мол, обязательно вернусь. Это был рискованный ход. Катя за это время могла попросту найти другого. Но я чувствовал — рисковать надо. Я возился с Катей уже целый месяц, но никакого разговора о нашей дальнейшей совместной жизни все не было. Катя была влюблена, как кошка, но ей хватало свиданий.

В Красном Яре я встретил своего одноклассника Васю Кошелева. В десятом классе мы занимались тогда в полужапперной секции карате. Потом я уехал в Москву, а Вася, отслужив армию, жил в Ростове. Небольшого роста, широкий в груди и плечах, он производил странное впечатление. Мне виделось что-то хищное в его спокойных светло-голубых глазах. Был он коротко стрижен и, судя по всему, продолжал заниматься спортом. Я бы назвал его “крутым”, но таковых в нашем захолустном городке тогда еще не водилось. Да и выглядел Вася по-другому, без адидасовских причиндалов, золотой цепи на шее и стриженного затылка.

Теперьшний Василий Васильевич Кошелев, по школьной кличке Вась-Вась, тоже приехал погостить к родителям. Мы не были с ним друзьями, но жили на одной улице, и я позвал его отметить приезд. Мы чувствовали, что пригодимся друг другу, и даже успели в те дни съездить на рыбалку.

— Значит, остаешься в Москве?

— Да...

И неожиданно для себя рассказал про Катю. Наверное, мне требовалось с кем-то поделиться. Он слушал внимательно. В Кошелеве чувствовалась жесткость уже успевшего много повидать человека. На правом боку темнел лиловый уродливый шрам.

— Воевал?

— Немножко.

— Афган?

— Теперь за этим необязательно за границу ехать. На Кавказе уже всюду пуляют.

— И наших убивают?

— Убивают, — вздохнул Вась-Вась. — Наплачемся еще с Кавказом. Вначале Карабах, теперь Осетия, а Горбачев, сволочь меченая, будто ничего не видит... В Москве как жизнь?

— Перестройка. Иностранцев полно. Офисы шикарные открываются.

— В столице есть где развернуться. Правильно сделал, что решил там остаться. В нашей деревне только небо коптить да детей строгать.

— А ты, Вася, где сейчас? — спросил я.

— С братвой кручусь, — просто ответил Кошелев. — Ты не упускай эту Катю. В жизни только один шанс дается. Я вот своего пока не нашел.

— Жизнь-то ничего?

— Ничего. Тачка есть, хата... Но все ненадежно. Сегодня есть, завтра — нет. Рядом с тюрьмой хожу.

Мы расстались, договорившись, что если понадобится, найдем друг друга через родителей.

Через два дня я был у Кати.

— Вернулся, — просто сказал я. — Ты знаешь, я, кажется, не могу без тебя.

Богатая невеста смотрела на меня радостными, сразу поглупевшими глазами.

— Больше я тебя никуда не отпущу, — заявила она ночью, прижавшись ко мне всем телом.

В ее словах звучала театральность. Что-то увиденное в фильмах. Но Катя не лицемерила. Она влюбилась и не хотела со мной расставаться.

Запрос с моим распределением и пропиской решился быстро. Катя через свою тетку устроила меня техническим переводчиком в подмосковный исследовательский институт. Прописку сделали в каком-то соседнем городке, а я в однокомнатной квартире недалеко от Кати. Квартиру сняла и оплатила она сама, несмотря на все мои протесты. Ездить на работу было далеко, но Катя сказала, что это недолго. Речь о женитьбе я не заводил, угадывая чутьем, что этого делать пока не надо. Но получился перебор — слишком неравная партия.

В действиях моей подруги угадывалась четкая определенная цель. Действовала она очень разумно. Из человека без московской прописки, без работы я превратился

в молодого специалиста, имевшего неплохую работу и жилье. С помощью Кати я хорошо оделся и только после этого был представлен родителям.

В начале зимы мы поженились...

ГЛАВА 3

Тесть относился ко мне прохладно. Крепкий здоровенный мужик, тоже в прошлом спортсмен, он словно просвечивал меня насквозь желтыми, как и у Кати, глазами. Иногда мне казалось, что он читает мои мысли. Я терялся и начинал молотить вздор. Это был умный и цепкий делец, с жестким характером. Хорошо разбиравшийся в людях. В прошлом тесть занимал крупный пост в Министерстве нефтяной и газовой промышленности. Когда хлынула первая мутная волна перестройки, он почуял, что можно крупно сыграть. Куй железо, пока Горбачев! Тесть рискнул. Оставил должность, где без особых хлопот имел очень многое, и взялся за коммерцию. Умея делиться с кем надо, присосался к экспорту нефти, и за пару лет сколотил большие, даже по европейским понятиям, деньги.

Тесть не хотел, чтобы Катя выходила за меня замуж, и подыскивал для дочери более выгодную партию. Но здесь нашла коса на камень, и тесть спорить с Катей не стал. Обсуждая вопрос о свадьбе, он предупредил меня:

— Ты свой аул в Москву не тащи. Незачем цирк устраивать... Вы не мальчик с девочкой, чтобы бабушек веселить.

— Мне ваша свадьба вообще не больно нужна, — огрызнулся я.

— Ой-ей, зубки показываем? — удивленно глянул на меня тесть.

Я знал, что для мамы и отца это будет удар... Причину, по которой их не пригласили на свадьбу старшего сына, они, может, и поймут. А в поселке будут ехидничать. Ну что, нашли богатых родственников? Даже на свадьбу не позвали!

Этот первый разговор с тестем показал, что простых отношений у нас не получится. Я выбрал наиболее оптимальную линию. Молчал, не спешил поддакивать и не лез ни с какими просьбами.

С тещей, Альбиной Николаевной, мыладились...

На свадьбу нам вручили ключи от квартиры и две путевки в свадебное путешествие по Средиземному морю. По возвращении меня устроили на должность референта в советско-австрийскую фирму с приличным окладом в валюте.

Я словно впитывал в себя каждый день новой жизни, делая приятные открытия. Как правило, богатство легко не дается, зато легко пользоваться его плодами. За первую зиму мы с Катей дважды, словно между делом, слетали отдохнуть в Италию и на Кипр. Поначалу мне казалось страшно расточительным обедать и ужинать в ресторанах. Но я быстро привык к этому, как привык к новому окружению, дорогим фирменным вещам, и забыл, что на свете существует общественный транспорт.

Раз в месяц тесть и Альбина Николаевна устраивали в своем загородном доме "небольшие приемы", как они это называли. Народу там и правда собиралось не слишком много, но родители Кати знали, кого приглашать. Здесь я познакомился не меньше чем с десятком министров, с киноактерами, какими-то важными военными и еще со многими людьми, которых можно было назвать высшим светом столицы. Впрочем, вряд ли кто запомнил меня. Для них я был никто, выскочка из провинции, умело осмуривший дочь советского миллионера. Сегодня я есть, а завтра исчезну, и мое место займет другой смазливый молодой мужик.

Все это я без труда читал в глазах высоких гостей, когда нас знакомила Альбина Николаевна. Поэтому я не набивался ни к кому из них с разговорами, предпочитая находиться рядом с Катей. Эти люди производили на меня двойственное впечатление. С одной стороны, я не мог не оценить острого недюжинного интеллекта многих из них. Интеллекта, которого я никогда не достигну... Но попадалось немало таких, кого я тоже назвал бы выскочками. Удачная женитьба, умелый карьеризм выталкивали людей, ничуть не умнее меня, к вершинам власти.

Однажды ко мне заявился Вадик Дубовицкий... На свадьбу я его не пригласил, и, наверное, он обиделся. Теперь мы поменялись местами. Вадик со своим исполкомовским папашей, так же как и Юрка Дегтярев, были подопечными по сравнению с моей новой семьей. Разговор не клеился. Катя, сухо поздоровавшись, ушла в спальню. Вадик передо мной заискивал. Хвалил квартиру, мой "Форд", стоявший под окном. Потом поинтересовался, как платят в фирме, где я работаю.

— Как везде, — пожал я плечами. — Долларами.

Везде платили не долларами, а рублями. Но Вадик не стал меня поправлять.

— Там у вас места не найдется? — спросил он.

- Сейчас нет.
- Может, появится?
- Вряд ли.

Я достал шестьсот рублей и положил перед ним. Дубовицкий посмотрел на деньги. Жадность боролась со здравым смыслом. Он понимал, что драть с приятеля двойную сумму (я занимал у него триста рублей) не слишком красиво, но и отказаться от дармовых денег было выше его сил. Победила жадность. Он сгреб сотенные купюры и сунул в карман.

- Магнитофон я завтра привезу, — сказал он.
- Оставь его себе.
- Да ну, зачем...

Он покосился на бутылку коньяка, из которой я налил ему лишь две рюмки, и вздохнул:

- Ну что... Я пошел?

Я не стал его удерживать. Дубовицкий своим заискиванием был мне противен. Катя тоже не хотела его больше видеть. Возможно, ей не хотелось вспоминать, как мы занимались сексом в одной квартире.

- Не зови больше Дубовицкого к нам, — сказала она.
- Хорошо... Да его и не звал. Он сам заявился.

Спустя месяц я случайно встретил Вадика на улице возле арбатского гастронома. Он еще с института пил крепко и сейчас был, как и всегда, на взводе. На этот раз Вадик взял совсем другой тон. Что-то похожее на фамильярность старого приятеля:

- Как фирма? Пашет?
- Пашет.

– Ну ничего, я тоже себе что-нибудь найду. А ты забываешь добро. Ведь это я познакомил тебя с Катей.

- Всех нас кто-то знакомит, — философски заметил я.
- Смотри, расскажу Катьке!
- Что именно?
- Как ты богатую невесту искал.

– Валяй, хоть сейчас. Но если ты еще хоть раз появишься возле нашего дома, будешь иметь дело с начальником охраны тестя. Знаешь, что он делает с такими, как ты? Молча ломает им руки или ноги. В зависимости от настроения.

Приятель исчез. Он знал, что с моей семьей связываться опасно. Больше я его не встречал. Вскоре Дубовицкий окончательно спился и погиб нелепой смертью. Поздно ночью жена не пустила его пьяного домой, он упал со ступенек, разбил голову и тихо замерз. За ночь

никто к нему не вышел. На похороны мы с Катей не пошли. Но спустя годы во мне шевельнулось чувство вины. Ведь Дубовицкому я был обязан. Несмотря на зазнайство и болтливость, он был веселым и открытым парнем, часто служил мне по мелочи на сигареты или пирожки. Я мог помочь ему, но не сделал этого.

Теперь о том, как складывалась наша жизнь с Катей... Спустя год у нас родилась дочь Настя. Тесть понемногу привыкал ко мне, а после рождения дочки признал как члена семьи. Не совсем, правда, полноценного, но все же... Мы с ним хорошо напились, он даже снизошел до беседы со мной и подарил новенькую небесно-голубую "Ауди". Спустя короткое время я возглавил небольшую, но доходную фирму, где шестьдесят процентов акций принадлежали мне и Кате.

Шло время больших перемен. Вдруг исчезла КПСС, потом прекратил свое существование Союз, сменился президент и грянула небывалая инфляция. Разваливалась страна, армия, экономика, и где-то бастовали шахтеры. Но все это не затрагивало благополучия нашей семьи. Тесть, получивший доступ к нефти, разбогател еще больше. Мы с Катей летали загорать на Кипр и каждые полгода меняли иномарки. Но если с материальной стороны все обстояло благополучно, то мои отношения с богатой женой складывались куда сложнее.

Когда мы шли с Катей под венец, наша будущая жизнь виделась мне следующим образом... Жена-дурнушка обожает своего красивого мускулистого мужа, отнюдь не дурака и умеющего удовлетворить ее в постели. Я всячески доказываю ей свою любовь и являюсь хозяином в семье или, по крайней мере, полноценным партнером. Конечно, пользуюсь определенной свободой и плюс нашими деньгами. А деньги и свобода — это такая заманчивая вещь, что начинаешь невольно облизываться. Я любил женщин, веселую жизнь, поездки к морю и московские тусовки. От перспектив кружилась голова.

Тесть и Альбина Николаевна в наши семейные дела не лезли и жить мне не мешали. Зато быстро охладила мои восторги Катя. У безалаберной девочки-подростка был властный характер отца и далеко не детская проницательность. Эти качества не слишком бросались в глаза, пока летели медовые месяцы. Потом Катя вынашивала и рожала дочку, шумно праздновались крестины, и мы принимали многочисленных гостей.

Ее характер дал себя знать вскоре после рождения дочки. Насте шел второй или третий месяц. Катя сидела дома, а я продолжал праздновать. Снова, как в студенческие времена, сбилась веселая компания. Мы шатались по барам, и я, наверстывая упущенное, переспал с пол-десятком молодых подружек. Катя, как я считал, ни о чем не догадывалась. Однажды вечером, когда по наспех выдуманной легенде, я собирался к друзьям в баньку, Катя вдруг заявила, что я никуда не поеду.

— Там будут не только друзья, — спокойно объяснила она. — Я видела твой носовой платок, он испачкан губной помадой.

— Но ведь это же глупо, Кать... Кто-то в шутку поцеловал. Я и не собирался его прятать.

Думаю, Катя не подозревала меня всерьез в неверности. Иначе ее реакция была бы куда более бурной.

— Все равно, посиди сегодня дома, — она вдруг улыбнулась. — Красивых мужей надо держать возле себя, так ведь?

У меня было назначено свидание с секретаршей, которая в тот вечер обещала мне отдаться. Я был возбужден и рвался из дома. Кроме того, я понимал, что это — пробный камень. Многое в будущей нашей жизни будет зависеть от того, кто возьмет верх в этой нашей первой стычке.

Я с треском проиграл...

Попытки убедить Катю, что я имею полное право отдохнуть с друзьями, ни к чему не привели. Я пытался решить вопрос испытанным способом — затащить жену в постель, а уж после этого она сделается мягкой, как воск. Но Катя отказалась заниматься любовью. Когда я, вконец разозлившись, вызвал по телефону нашу машину и стал обуваться, она коротко объявила:

— Водитель тебя никуда не повезет. Попробуешь уехать сам, посмотришь, что будет!

— И что будет? — выкрикнул я.

Катя не стала даже объясняться, и я понял, что лучше не рисковать. Так я потерял свободу...

В дела фирмы Катя не лезла, но следила за всеми моими передвижениями. Она уволила мою хорошенькую секретаршу, с которой я так и не успел переспать. Веселая компания была безжалостно разрушена. Приятели боялись Катю и не хотели с ней связываться. Я был ограничен в своем передвижении и уже не мог, как раньше, рвануть от скуки в Сочи или посмотреть на новых девушек в рижском варьете. При этом я не скажу, что отношение ко мне стало

уже. Катя смотрела на меня как на ребенка, которого любят, но которого надо постоянно опекать, а иногда и бить по пальцам. Ради его же пользы... В то же время Катя никогда меня не унижала и со стороны наши отношения выглядели вполне пристойно. Любящая пара, да и только!

Поведение Кати было непредсказуемым. Мы могли полдня готовиться к банкету в Доме актеров, но в последний момент, отшвырнув платье, она заявляла, что не имеет никакого желания глазеть на этих раскрашенных дур. В другой раз, фыркая и злясь неизвестно на кого, уезжала домой в разгар вечеринки, и я плелся следом.

— Чего тебе там не понравилось? — раздраженно спрашивал я.

— Все! Особенно ты...

— Ну и в чем я виноват?

— Ты мог бы поменьше пялиться на эту рыжую Таньку! Только что слюни не пускал. Всю ее глазами затрахал.

— Это неправда!

Катя замолкала. Мне не было нужды пялиться на рыжую Таньку. Она сама проявляла ко мне усиленное внимание, и это злило Катю. Несмотря на сильный и независимый характер на нее часто накатывало то, что называется комплексом неполноценности. Особенно это проявлялось на вечеринках и банкетах, где появлялись красивые женщины. Кате казалось, что над ней укладкой издеваются и, чтобы сильнее унижить ее, демонстративно флиртуют со мной.

Это было не совсем так. Катю побаивались и уважали. Ее влияния вполне бы хватило, чтобы надолго отлучить от компании любую зарвавшуюся девицу или супружескую пару. Свое плохое настроение Катя предпочитала срыгивать на мне, но вспышки гнева быстро гасли, и мы возвращались домой помирившимися.

Я тебя люблю, — в очередной раз сообщала Катя.

Я тоже.

Я на все ради тебя готова. Скажи, чего ты хочешь?

Тебя, — шептал я в ответ.

Бери, — прижималась она ко мне.

Я инал. Больше всего на свете я хотел свободы.

Она любила читать и тратила кучу денег на книги. Вообще к деньгам Катя относилась легко и транжирила их, не раздумывая. Могла просто так сунуть подружке долларовую бумажку. Ей часто звонили какие-то бабушки, дальняя родня, и Катя выносила им к подъезду деньги.

— Эта бабка приходит уже третий раз, — как-то не выдержал я. — И снова одна и та же песня про больного внука. Врет ведь!

— Ну и пусть, — пожимала плечами Катя. — Сто баксов — не деньги.

— Да уж... Я целых шестьсот в месяц получаю, а тебе папаня вдвое больше карманных дает... Для попрошаек.

— Ну не злись! Не дам я этой старухе ничего... Хочешь, вышли своим в Красный Яр с тыщонку.

Я высылал. Мама отвечала встревоженным письмом. Зачем так тратиться на нас? Мы с папой хорошо зарабатываем. Да и куда нам девать эти заграничные деньги. И так разговоры всякие идут, еще неприятности получатся! Мама по-прежнему жила категориями советских времен.

По характеру Катя была домоседкой. Мы месяцами жили в загородном доме, и, кроме работы, я почти нигде не бывал. Катя держала меня рядом с собой. По вечерам я смотрел осточертевшие боевики или читал. У тестя была огромная библиотека, занимавшая целый зал. Посмотреть на нас со стороны — сплошная идиллия. Я сидел в кресле, Катя валялась на диване. Оба читаем. Здесь же спит наша любимая дочка.

Я с детства любил читать, но сейчас, когда у меня имелись деньги, казалось глупым читать о всяких чудесах, когда их можно потрогать руками. Тесть летал на охоту в Конго и однажды пригласил меня. Африка всегда казалась мне сказочной страной. Но Катя сказала, что ей жалко животных, и никуда меня не отпустила. Тесть, усмехнувшись, пожал плечами, и я остался в осточертевшем загородном доме перечитывать Чейза и гулять по лесу с любимой женой.

Богатые тоже плачут! За широкой спиной тестя мы не знали никаких проблем, а я имел все... кроме свободы. Попытки отстоять независимость наталкивались на жесткий характер Кати. Я метался, как птичка в золотой клетке. Что толку, что жена дарила мне после своих скандальных выходов платиновые часы или сверхмодный костюм? В нем никуда было пойти. Моих карманных денег вполне хватало, чтобы слетать на выходные в Италию и весело провести там время. Но жена меня туда бы ни за что не отпустила.

— Может, погуляем? — отрываясь от книги, переползала на мое кресло Катя. — Ты, я и Настя...

Она терлась об меня, как кошка, и щекотала языком ухо.

— Или сходим в спальню.

— Лучше вечером.

— Вечером еще раз, — гладила мне живот Катя. — Ты же хочешь приласкать свою Катюшку?

Ее нежности меня раздражали. Я знал, что Катя не отстанет, и шел с ней в спальню. Как женщина, она мне прислалась, но показать этого я не мог. Жена продолжала меня любить и считала, что я так же крепко люблю ее. Любовь часто слепа...

В то же время, пользуясь безалаберностью Кати в деловых вопросах, я понемногу сколачивал личный капитал. Оформлял далеко не все сделки, проведенные фирмой, и сумел скопить семьдесят тысяч долларов. Часть денег я хранил на своем валютном счете, часть — наличкой в сейфе. Но между деньгами и теми удовольствиями, которые они могли дать, всегда стояла на страже Катя. Я становился раздражительным и все чаще прикладывался к бутылке.

Упомяну об одном событии, которое имело значение для моей дальнейшей жизни. Однажды ко мне заявился Вася Кошелев. Он с трудом скрывал нервозность и сразу перешел к делу. Ему срочно нужны были тридцать тысяч долларов.

— Зачем?

Вася колебался с ответом всего несколько секунд. Он понимал, что, заводя речь о такой крупной сумме, надо объяснять, для чего нужны деньги.

— Саня, понимаешь, я буду откровенным... Был заказ убить одного человека. Я взялся за это дело, но человек оказался жив. Сейчас он за границей, то есть ничего исправить я уже не могу. Надо платить... долг верну через пару месяцев.

Вот до чего, значит, докатился мой бывший одноклассник! Передо мной сидел киллер. Давать ему в долг деньги на еще на такой долгий срок было бы неразумно. Где гарантия, что через месяц-два Вася-Вася будет жив? Или он скроется с деньгами за границу? Но чутье подсказывало, что Кошелев дешеветь не станет. И если быть до конца откровенным, это же чутье шептало: "Он тебе еще пригодится... рискни!" Я рискнул и привез для Васи тридцать тысяч.

— Двадцать процентов тебя устроят? — спросил Кошелев. — Через пару месяцев верну тридцать шесть тысяч.

— Брось! Какие к черту проценты! Земляки все же...

— Спасибо, Саня! Если со мной что-то случится, жена оплатит машину, квартиру и частично с тобой расплатится.

— Хватит, Вася! Не надо никаких квартир. Все будет нормально. С тебя бутылка.

Кошелев был растроган.

— Я твой должник... Деньги верну, не сомневайся. Если когда понадобится помощь, можешь на меня рассчитывать.

Деньги, как и обещал, Вась-Вась через два месяца вернул. На процентах он больше не настаивал, но привез мне в благодарность несколько огромных копченых лещей и оправленный в серебро патилитровый бочонок старого армянского коньяка. На изящной дощечке была выгравирована цифра 1894.

— С ума сойти! Сто лет! Настоящий? — ахнул я.

— Обижаешь!

— Где же он столько лет хранился! Ни красные, ни белые не выпили.

— В горах возле Севана. Там специальные пещеры. Вино и коньяк по сто лет настаиваются. Отец умирает — сыну место показывает, тот стережет, а когда умирает — своему сыну секрет передает. Несколько поколений сменяются, пока коньяк доспеет. Хватает же терпенья, с ума сойти!

— Сам в Армению ездил?

— Сам. Ну, давай за нас с тобой.

Мы пили ароматный крепкий коньяк, закусывая его всем подряд, что я нашел в холодильнике: грибами, зеленым горошком, каким-то дорогим, но уже засохшим сыром. Потом разрезали истекавшего жиром леща.

— Спецзаказ, — хвалился Вась-Вась. — Таких раньше для обкома делали.

Я вдруг понял, зачем мой приятель ездил в Армению. Недели три назад там произошла попытка государственного переворота. Перед этим были убиты несколько членов правительств и военных. И в это же время там побывал профессиональный киллер Кошелев. Таких совпадений не бывает, и ездил он туда отнюдь не за коньяком.

— Как Армения? — спросил я.

— Пришлось тяжело, — после паузы проговорил Вася. — Но мне повезло. Некоторые не вернулись...

Он вытер замасленные руки и налил в рюмки коньяку.

— Давай за упокой души.

— Кого поминаем? — поднял я свою рюмку.

— Всех вместе. Дружка моего и тех, кого я там на тот свет отправил.

— Много их было?

— Трое, — просто ответил Кошелев. Три души.

Мы выпили, не чокаясь, и Вася снова взялся за леща.

— Есть пиво, — предложил я. — Датское.

— Неси, — согласился Вась-Вась и отрывисто заговорил, глядя мимо меня в окно, за которым угасал пасмурный осенний день. — Работа как работа. С тобой вот рассчитался, немного денюжат для семьи осталось. А вообще не очень-то везет мне в последнее время. Летом перекопался и в Армении чуть прокол не вышел. Позицию для стрельбы неудачную выбрал. Клиент вышел, а его телохранитель закрывает. Маячит, как хрен на огороде. Клиент уже к машине подходит, а я никак не могу прицелиться...

Наверное, любому человеку надо выплеснуть то, что скопилось на душе. Даже убийцам... Вася Кошелев, напарника, умел молчать, иначе при своей профессии долго бы не прожил. Но сейчас вдалеке от дома, от своих братьев он рассказывал мне то, о чем никому наверняка никогда не говорил.

Клиент уже в машину садится, а передо мной все та же винтовка. Винтовка у меня сильная. 9 миллиметров, раздумывать некогда, второго случая может и не быть. Выстрелил в телохранителя. Тот крутнулся и под колеса отлетел. Клиент дверь закрыть пытается. Не успел. Пять раз подряд выстрелил, голова, как мячик, задергалась, и кровь на стекле... Потом сутки в каком-то подвале отсиживался.

— Умер телохранитель? — спросил я.

— Умер.

— До последнего хозяина защищал. Не повезло ему. А третий?

— Какой третий? — не понял Кошелев.

— Которого тебе там убить пришлось.

— А а а... Ну, это потом, когда меня через границу переправляли. Проводник шустрый попался, хотел меня с барьера сковырнуть, а баксы забрать. Не успел. Сам вместе со мной вниз упал. Речка там быстрая, о камни, наверное, и там же размолился.

После матери вернулась Катя с дочкой, приготовила ужин, и мы просидели остаток вечера втроем. Разговор вертелся вокруг школьных друзей и московских сплетен. Вася тоже рассказывал анекдоты, и подвыпившая Катя хохотала, опираясь за мое плечо. Она не любила, когда в нашей квартире почуют чужие люди, но для Васи было сделано исключение. Катя постелила ему в зале, а мы отправились спать, занимаясь любовью в спальню.

Вот такая встреча состоялась у меня с земляком Васей Кошелевым... Прощаясь, он сказал:

— Ты забудь про мою болтовню. Зря я тебя грузил...

— Я уже забыл.

— Ну, ладно. До встречи. А за жену держись, она тебя любит. Сразу видно. Чужой ты в Москве. Без Кати не выживешь.

Кошелев, испытавший в жизни куда больше, чем я, видел то, что мне пока было недоступно. Мы были слишком разными людьми, хотя выбрали одну цель — жить лучше, чем другие. Только Васе приходилось за это рисковать шкурой и свободой. Я же, вытянув свой счастливый билет, плыл по течению, наблюдая сверху, как копошатся люди-букашки. Я пресыщался и хотел большего...

У жены было мало подруг. Ирина была одной из немногих. Вернее, она была дальней родственницей, что-то вроде троюродной сестры. Когда-то ей помогли устроиться в Москве, и она часто появлялась в нашем доме. Катя не терпела возле себя красивых подруг, но для Ирины сделала исключение. И надо сказать, та вполне оправдывала доверие жены. Две-три попытки завести с ней флирт ни к чему не привели. Но весь мой любовный опыт подсказывал, что Ирина сопротивляется только из-за того, чтобы не портить отношения с Катей... Жена часто помогала ей деньгами.

Если Катя и после рождения ребенка осталась таким же тощим неуклюжим подростком, то Ирина была полной ее противоположностью. Очень привлекательна: мягкие черты лица, полные, красиво очерченные губы, густые светло-пепельные волосы, стройные ноги, широкие бедра. Ирина все больше нравилась мне... Кажется, что никогда в жизни я не испытывал такого бешеного влечения к женщине. Ее лицо преследовало меня. Однажды ночью, ничего не соображая, я вдруг назвал жену Ириной. К счастью, она не слышала.

Я временно оставил попытки соблазнить Ирину и занял совсем другую позицию. Я подсмеивался и подшучивал над ней, демонстративно игнорируя ее как женщину. Хороший приятель, да и только! Я добился чего хотел — жена совершенно не ревновала меня к Ирине и даже выговаривала мне за насмешки. Но Ирина хорошо видела мою игру. Временами я ловил ее быстро ускользающий взгляд, и у меня начинало быстро колотиться сердце. Я скучал и не находил себе места, когда она несколько дней не появлялась у нас.

И в то же время меня все сильнее раздражала жена. Однажды мы крепко цапнулись — это было едва не впервые, когда я осмелился поднять голос. Результат оказался совсем неожиданным. Куда исчезла ее обычная решимость! С Катей сделалась истерика. Она кричала, что я ее не люблю, волочусь за каждой юбкой и нам лучше расстаться. Закрылась в спальне. Когда я пришел туда утром, Катя лежала в постели, и на столике перед трюмо я обнаружил короткую записку: "Я от всего устала. Прощайте". Рядом валялась полупустая упаковка фенозепама. Несколько секунд я тупо рассматривал таблетки. Отравилась... Я осторожно дотронулся до плеча жены. Оно было теплым.

Катя не отравилась... Она выпила четыре таблетки фенозепама и проспала полдня. Я сам покормил и отвез к себе дочку. Вечером мы помирились, но записку я Кате не отдал, сказав, что порвал ее и выбросил.

— Ты только ничего не говори папе, — просила Катя. — Он начнет думать плохо о тебе. А ведь я сама виновата.

— Перестань, все нормально.

Я дура, — плакала Катя. — Не подумала ни о тебе, ни о Насте. Я ведь вас обоих очень люблю. А ты?

— Конечно!

Я обманывал ее. Я не испытывал любви ни к Насте, ни к этой некрасивой женщине. Я вдруг вспомнил чувство, которое испытал, подумав, что жена умерла... Это было облегчение.

Шли месяцы. В моей жизни ничего не менялось. Но мысль о смерти жены все чаще приходила мне в голову. Я представлял, как она гибнет в автомобильной аварии, лечится (уже по-настоящему) таблетками или даже стреляется из пистолета. Я стою возле ее гроба, и все мне равнодушно. И вот я свободен. Как это ни пошло, избито звучит, но весь мир у моих ног. Мне никто не мешает жить...

Может, самым лучшим выходом был бы развод, но я хорошо представлял, что произойдет. С Катей начнется истерика, тут же появится тесть и прикажет мне не дурить.

— Голым на улицу хочешь вылететь?

И выкинет меня голым. Тут я не сомневался.

Тесть был из жестких, беспощадных в людям дельцов... Стоило только увидеть его охрану! Здоровенные были с квадратными затылками и мощными кулаками смотрели на меня как на пустое место. Я был для них

ником и ничем. Скажут "ФАС!" — разорвут любого на клочки... В том числе и меня.

Командовал ими отставной генерал-контрразведчик. Он напоминал умного бульдога. Толстый, со свисающими багровыми щеками и небольшими свинными глазками, генерал постоянно находился рядом с хозяином. По слухам, он не раз устранял людей, мешавших тестю. Однажды я сам видел, как охранники выволокли из "Волги" и били какого-то человека. Мне кажется, им было все равно, убьют они или покалечат свою жертву. Человека безжалостно молотили ногами и дубинками. Все это происходило на глазах у людей, и никому не было дела до происходящего. Потом они пробили ломиком бензобак, подожгли машину и уехали. Закопченный остов "Волги" оставался на улице еще дня три. Потом его подцепили краном и уволокли.

И все же, несмотря ни на что, я продолжал упорно думать о смерти жены. Это превратилось в навязчивую идею. Мысли о случайной смерти незаметно сменились другими. А что если Кате помочь? Скажем, подсунуть таблетки, от которых она уже не проснется. Или найти сильнодействующий яд. В руках у меня есть записка, которая объяснила бы причину смерти. Но на пути всех планов вставал грозный тесть. Обвести его вокруг пальца очень сложно. Если с дочерью что-то случится, он любыми способами докопается до истины. Значит, надо делать так, чтобы у него не возникло ни малейших подозрений.

Яд казался наиболее предпочтительной штукой, но, обдумав все хорошо, я понял — это нереально. Чтобы яд эффективно сработал, надо быть специалистом. Цианистый калий так просто не достанешь. Если я рискну его купить у подпольных торговцев, тесть через столичных уголовных авторитетов все равно проследит цепочку. По этой же причине я не мог нанять киллера.

А если кто-то поможет Кате застрелиться? У жены был изящный дамский "вальтер", калибра 6,35. Одна из множества дорогих безделушек, которые она любила. Катя покупала за огромные деньги какие-то непонятные египетские статуэтки, янтарные четки, африканские маски, множество натуральных и поддельных украшений. Пистолет подарил ей отец, он же через МВД сделал разрешение.

Воображение услужливо рисовало картину... Я сижу рядом с Катей, о чем-то разговариваю и кручу "вальтер" в руках, потом стреляю ей в висок, стираю свои отпечатки

пальцев и сжимаю мертвые пальцы жены на рукоятке. На столе лежит записка. Никто ничего не заподозрит. Причина — больные нервы, психоз. Но я снова видел перед собой тестя и понимал, что не смогу нажать на курок. Слабак! Я всю жизнь был слабаком. Я ругал себя и в то же время понимал, что убить человека способен далеко не каждый.

Может, мысли о смерти Кати так бы и остались в глубинах моего подсознания, но произошли два события... Тяжелело заболел тесть, и началась любовь с Ириной.

ГЛАВА 4

Тесть редко жаловался на свои болячки. Но в этот раз его скрутило крепко. Тестя с инфарктом положили в Кремленку, а затем Альбина Николаевна повезла его на специализированном самолете в Цюрих делать операцию. Командовать в его отсутствие огромным синдикатом меня, конечно, не поставили. Этим занимались более опытные компаньоны тестя. Но отношение ко мне мгновенно изменилось. На бирже биржи это звучало бы так: мои личные акции резко подскочили... Со мной разговаривали уже как с наследником огромного состояния и будущим главой фирмы. В офисе тестя, где я бывал теперь каждый день, передо мной вставали, а заплаканная, умопомрачительной красоты секретарша, "мисс-очарование" (тесть с ней спал) заискивающе улыбалась. Теперь ее благополучие зависело от меня. Было от чего закружиться голове...

Врачи утверждали, что даже при самом удачном исходе операции тесть будет надолго выведен из бизнеса. Ему понадобится покой и домашний уход. К тому же известие о смерти дочери наверняка добило бы его. Я перебирал разные варианты, но в любом случае мне требовался помощник. Или помощница...

В один из дней Катя попросила меня захватить в Москву Ирину, которая ночевала в нашем загородном доме. Когда мы селись в "форд", между мной и Ириной словесно пробежал электрический разряд. Я понял, что мы думаем об одном и том же. Отъехав с километр, я остановил машину прямо на дороге и посмотрел Ирине в глаза. Она ответила мне таким же прямым взглядом, в котором читались и легкая усмешка, и согласие.

Мы целовались, не обращая внимания на сигналившие фары машины. С трудом оторвавшись от Ирины, я снова завел "форд" и направил его в лес. Мы торопливо разде-

вались, словно нас кто-то подгонял. Вокруг торчали заснеженные сосны, а на стекле таяли снежинки. Мне никогда не было так хорошо с женщиной, как в тот день. Роскошное тело Ирины теперь принадлежало мне, и я не собирался его никому уступать.

Мы встречались с Ириной почти каждый день. Катя была занята отцом. Летала в Цюрих, неделями жила вместе с матерью в клинике. Но так долго продолжаться не могло. Рано или поздно она нас вычислит.

Мысли о смерти Кати снова одолели меня. Проснувшись однажды утром, я вдруг понял, как лучше это сделать. План был сложный, хитроумный, почти как у Агаты Кристи. Но снова и снова обдумывая его, я понял, что он вполне осуществим и доказать убийство будет практически невозможно.

Мне нужен был помощник. Отбросив всякую осторожность, я рассказал о своем плане Ирине. Чутье меня не обмануло. Лучшая подруга жены ничему не удивилась. Мы лежали в постели, Ирина задумчиво курила.

— Ну, хорошо, а что будет потом? — наконец спросила она.

— Мы будем вместе...

— Хочется верить...

— Через год я на тебе женюсь...

— Даже так?

— Дочери нужна будет мать. Родители Кати это поймут и возражать не станут. Тем более, ты их родственница.

Если бы кто-нибудь услышал мои слова, он решил бы, что я спятил. Но это было не так. Я, как никогда, чувствовал себя уверенным. Я сумел жениться на дочери миллионера, превратиться из провинциального мальчика в богатого предпринимателя, смог заработать тайком семьдесят тысяч долларов... Почему же я не сумею сделать следующий и необходимый шаг!

— Родственница, — усмехнулась Ирина. — Нищая, но родственница... А я ведь соглашусь тебе помочь. Знаешь почему?

Я поцеловал Ирину в шею, и она прижалась ко мне.

— Потому что я люблю тебя и терпеть не могу твою жену. Почему этой уродине досталось все? А мне швыряют крохи, как бездомной собачонке...

Мы проговорили всю ночь до утра. Коньяк и вино нас не брали, возбуждение снова и снова заставляло нас заниматься любовью, но в подсознании моем все время крутилась мысль об убийстве Кати. Я играл в страшную

игру и взвалил на себя тяжелую ношу. Тогда я этого и не понимал и не чувствовал. Я лишь старательно готовился к убийству женщины, которая меня любила.

Кроме помощницы мне требовался опытный консультант...

С Васей Кошелевым мы встретились в Воронеже, на полпути между Москвой и Ростовом. Дело я изложил четко и по-деловому. Надо убрать человека, чтобы все выглядело как несчастный случай или ограбление. Плата — двадцать тысяч долларов, из них пять тысяч даю сразу в задаток.

Мы сидели на лавочке в парке на окраине города. Вася-Вась, в короткой спортивной куртке и джинсах, на номинал провинциального коммерсанта. На пальце поблескивало обручальное кольцо. В Москве уже прошел первый снег. А здесь, на Дону, стояли ясные теплые дни. Тополя еще не облетели, и на солнце поблескивали нити тонкой паутины. Подходило к концу бабье лето.

— Кто это? — спросил Кошелев.

— Моя жена... Но исполнитель не должен знать, кто заказывает... — я запнулся, подбирая нужное слово, и Вася-Вась насмешливо подсказал: "Ликвидацию".

Пусть будет ликвидация...

Сань, ты случайно не заболел?

— Нет.

Зачем тебе это нужно? Я же видел твою жену. Она тебя любит. Я тебе уже это говорил тогда, в Москве.

Зато я ее ненавижу.

За что?

— Долго рассказывать.

Нам спешить некуда, — прищурился Вася. — Валяй, рассказывайся.

Я путано и долго объяснял, почему я ненавижу жену. Звучало, наверное, убого, потому что Вася Кошелев, не поддерживая, перебил:

— Ну все, хватит... У тебя просто психоз. Пусть она тебе нравится, пусть характер паршивый, но ведь ты благодаря ей имеешь все. Ради чего так рисковать?.. Найди себе подругу для души и успокойся.

— Нет! Я уже давно все обдумал.

— Ты ни черта ничего не понимаешь! Если с Катей что-то случится, тесть вытащит из тебя все жилы и докопается до правды. Думаешь, не сумеет? Я и за двести тысяч не отдамся — башка она дороже.

Я рассказал Кошелеву о болезни тестя, но здесь Вась-Вась лишь недоверчиво покачал головой.

— Не торопись его хоронить. Ельцин оклемался после такой же операции через две недели.

— Вася, если ты не хочешь мне помочь, то я все сделаю сам.

— Пойми, затевать что-то с твоим тестем я не рискну. Давай на полную откровенность.

— Давай!

— Я твой должник и готов помочь. Поверь — рисковать я умею, но тут никаких шансов. Ребята из службы безопасности тестя расколят тебя за полчаса. Зажмут в кулак мошонку и пригрозят ее раздавить. Ты все расскажешь, я тебе гарантирую. И тогда мне конец. А у меня, между прочим, жена и сын...

Мне было наплевать и на жену и на сына Васи. Я закусил удила. Кошелев приводил все новые аргументы, доказывая, что ничего хорошего из этого не выйдет, а я упрямо твердил, что в таком случае доведу дело до конца сам.

— Тебя послушать, так это самый сложный заказ на свете! — запальчиво воскликнул я.

— Поступай, как хочешь, — махнул рукой Кошелев, понимая, что меня не переубедить. — Но послушай мой совет. Ни к кому больше не обращай. Тебя продадут. Тесть выложит любую сумму за такую информацию. Поэтому делай все сам.

— Знаешь, Вася, у меня есть один вариант.

И я рассказал Кошелеву о Катиной записке и пистолете. Вась-Вась слушал очень серьезно.

— Нужно предусмотреть десяток мелочей. И прежде всего обеспечить стопроцентное алиби. Боюсь, что с алиби у тебя не выйдет. Или надо привлечь в помощь еще одного человека.

— Алиби — мое дело! Посмотри пистолет. Подойдет?

Я протянул Кошелеву "вальтер". Умело отсоединив обойму, он выщелкнул на ладонь маленькие желтые патроны и долго их рассматривал. Потом снова зарядил пистолет и, оглянувшись по сторонам, вдруг выстрелил в тополь.

— Пойдем глянем, — возвращая "вальтер", сказал Кошелев.

Срезав кору лезвием складного ножа, он попытался выковырять пулю, но так засела глубоко.

— Годится, — Вась-Вась спрятал нож в карман. — У тебя дома есть еще патроны к этому пистолету?

Неполная пачка где-то в шкафу лежит.

— Ну и пусть лежит. Если все же пойдешь на эту глупость, используй патрон только из обоймы.

Почему?

Потому что в боеприпасах ты ни хрена не смыслишь. Неизвестно, что там за патроны, а эти стреляют нормально. Слабый у тебя пистолетик... Ты хоть знаешь, куда стрелять?

Знаю, — буркнул я.

Смотри, — Кошелев легонько ткнул пальцем меня в висок, — Стреляй именно сюда! Ни правее, ни левее... Только в височную кость.

Слушай, Вась, а на чем сыпется большинство таких, как я? — вырвался у меня вопрос, который не выходил из головы много дней.

На сообщниках, на уликах, на болтовне, на свидетельствах, — неторопливо перечислял Кошелев. — Особенно на болтовне. Чтобы не случилось, держи язык за зубами. Это — самое сложное. В свое время и я не выдержал, наболтал тебе лишнего о своей работе. Так что советовать легко, а на самом деле...

Он невесело засмеялся, а я стал убеждать его, что давно все забыл.

Ладно, проехали, — махнул рукой Кошелев. — С уликами, я думаю, у тебя будет порядок. Убрать окурки за собой нетрудно. Свидетелей ни в коем случае не оставь! Когда сделаешь дело, сразу о нем забудь. Никому ни слова, даже самому близкому человеку. Это все при условии, что ты обойдешься без сообщников. Сообщник — самое опасное звено. Обойдись без него, как бы трудно не пришлось... Понял?

Понял, — послушно кивнул я.

Со стороны наш разговор напоминал какой-то бред. Чужинный убийца объяснял директору фирмы, как тому лучше ухлопать жену. Вася не был мне лучшим другом, и я доверялся ему. Он имел возможность обезопасить себя на всю оставшуюся жизнь и навсегда бросить свое опасное ремесло, если бы продал меня тестю. Какие традиции могут быть у киллера? Вася оказался куда более честным человеком, чем многие люди, уже встретившиеся мне в жизни... И уж, конечно, честнее, чем я сам.

Тестю сделали операцию. Несмотря на мастерство хирургических врачей, прошла она не слишком-то удачно. У него дважды останавливалось сердце, и его еле-еле

вытащили с того света. Альбина Николаевна постоянно находилась при нем. Катя ходила заплаканная и без конца звонила в Цюрих.

— Саня, у папы опять упало давление. Девяносто на семьдесят...

Я сочувственно обнимал жену и деловито думал о том, что если к ночи давление упадет еще делений на десять, то Катя останется без отца, а я без тестя. Я терпеть его не мог и вспоминал сейчас самое плохое в наших отношениях. Он с первых дней давал понять, что видит мои планы насквозь, что женился я на его дочери только из-за денег. Тестю доставляло удовольствие унижать меня и всячески демонстрировать, что сам по себе я ничего не значу.

Он мог вызвать меня к себе в офис и продержать два часа в приемной. Я бесился, чувствуя, как хихикают украдкой сотрудники, а секретарша, пряча усмешку, просит подождать еще и предлагает очередную чашку кофе. Как-то раз я не выдержал и уехал. Тесть в тот же вечер заявил, что если я еще раз его не дождусь, то он отберет у меня фирму... Можно было привести еще десятки мелких случаев, когда тесть всячески давал понять, что я никто и он терпит меня только из-за дочери и внучки. Я скрипел зубами, но внешне никак своего возмущения не показывал.

Он презирал моих родителей и ни разу за оба их приезда в Москву не встретился с ними. В загородный дом тесть их не приглашал и, дождавшись, когда они побудут в Москве два-три дня, начинал терзать меня разными делами или посылал в специально придуманную командировку. Катю и внучку он тоже старался держать подальше от них.

Я, надо сказать, так и не понял до конца причин такого поведения тестя... Чего он добивался? Того, чтобы я еще сильнее стал его ненавидеть? Или тут просто был своего рода снобизм? А возможно он просто хотел до конца сломить меня и полностью подчинить себе.

Но одного результата тесть точно уже добился... Я его ненавидел, и часть этой ненависти перешла на Катю. Иногда эти два совершенно разных человека, отец и дочь, сливались для меня в единое целое, и я страстно желал им обоим смерти...

Мы с Катей и дочерью жили в квартире на втором этаже перестроенного в европейском стиле старого московского дома. В подъезде было всего шесть квартир,

первый этаж был занят офисом, вход в который находился с другой стороны. Подъезд почти всегда был пуст, на нем я и строил мой план. Дочку с осени возили в частный детский сад, где она находилась до четырех часов. Катя в это время оставалась в квартире одна.

Во вторник Ирина вызвала к себе врача. Перед этим она насыпала в нос сухого канцелярского клея и проглотила несколько кусочков сахара с йодом. Как ни примитивны студенческие уловки, но срабатывают они эффективно. Сильный насморк, кашель, повышенная температура создают полнейшую иллюзию гриппа. Врач не мог подозревать, что взрослая, неплохо обеспеченная женщина станет симулировать. Соседка, заходившая к Ирине, тоже могла подтвердить, что та серьезно болеет и не встает с постели.

Около десяти часов утра в среду Ирина пришла к нашему дому. Я был в своем офисе, Катя оставалась в квартире с дочкой. Цифровой код подъезда Ирина знала, а дверь в квартиру ей открыла Катя. Если бы Ирину увидел кто-нибудь в подъезде или у нас в квартире, мой план сразу бы рухнул, и пришлось бы ждать другого раза. Но все сложилось, как нельзя лучше. Ирина прошла в квартиру никем не отмеченная. Настю уже отвезли в детский сад...

Ирина сильно нервничала. Из рук у нее падала то зажигалка, то сигареты. О причинах моя жена, конечно, не догадывалась. Заряженный пистолет, который я передал Ирине утром, лежал у нее в кармане. Требовалось только достать и нажать на спуск. У нее тряслись руки, и она боялась, что не сможет справиться с оружием. Катя, сидевшая в кресле, засмеялась:

— Ты сегодня какая-то дерганая, разбитая... Любовью, что ли, всю ночь занималась? Интересно, с кем?

Это были ее последние слова... Ирина прошла по коридору, подошла к креслу сзади и выстрелила в Катю. Выстрел был похож на хлопок, резкий и краткий. Катя вскрикнула, вытянулась, словно пытаясь подняться, и снова села в кресле. Ирина торопливо протерла "вайпер" и попыталась вложить его в безвольно свесившуюся руку Кати. Пистолет упал на ковер.

Вдруг Ирина заметила, что Катя, похоже, еще жива. Она смотрела перед собой открытыми глазами, и по щеке текла кровь. Готовясь к убийству, мы обсуждали этот вариант, и решили, что если Катя останется в живых после первого выстрела, то придется стрелять второй

раз. Но Ирина мало что соображала в тот момент. У нее хватило лишь выдержки, чтобы положить на столик Катину записку, вытряхнуть из пепельницы окурки, протереть ее... Потом она выбежала на улицу. Ирина позвонила мне в офис, как было условлено, из телефона-автомата и, безбоязненно нарушая конспирацию, зашептала:

— Я все сделала, но она... Она, кажется, жива. Что делать? Почему ты молчишь? Алло...

Я положил трубку. Сердце в груди бухало так, что, казалось, вот-вот выскочит. Час, оставшийся до обеденного перерыва, показался мне вечностью. Но ехать домой немедленно я не мог, чтобы не возбудить подозрений. Если Катя осталась в живых, мне конец! В кабинет заглянул кто-то из сотрудников, но я не понимал, о чем он спрашивает, и сказал, что занят.

Шофер довез меня до подъезда, и я на ватных ногах подошел к двери. Мои опасения оказались напрасными. Жена по-прежнему сидела с открытыми глазами, но была мертва и, судя по всему, давно.

Если у следователей и возникли потом какие-то подозрения, то я начисто разрушил их своим поведением. У меня началось что-то вроде нервной горячки. Я ходил, словно в бреду, повторяя, что во всем виноват сам. Цепкий инстинкт самосохранения заклинил мои признания на нужном месте. Я клял и винил себя, не упоминая, однако, имени Ирины и уж конечно ни слова не произнес о том, что это убийство... Из моих бессвязных восклицаний была очевидна и ясна лишь моральная вина, которой я мучаюсь, а какая именно, непонятно. Меня жалели, мне сочувствовали. Все были уверены, что жили мы с Катей душа в душу.

Катю похоронили... В официальных бумажках о причинах смерти было написано о депрессивном состоянии и нарушенной психике. Историю выдачи разрешения на пистолет больному человеку замяли. Тестю о гибели дочери сообщили в Швейцарию лишь через неделю — боялись, что не выдержит сердце. Но сердце выдержало, а тесть, вопреки моим ожиданиям, вскоре стал поправляться.

Он вернулся в Москву... Я опасался, что тесть сразу же начнет трясти меня и допытываться о причинах самоубийства дочери. Но тесть об этом почти не говорил. Возможно, причиной этому был подробный отчет, который он получил от начальника службы безопасности. Генерал провел свое расследование и сделал вывод, что

вины в смерти Кати нет... Может быть, у него имелись какие-то подозрения, но я о них не знал.

Я жил с дочкой в загородном доме вместе с тестем и Альбиной Николаевной. Отлежав неделю в дорогой неврологической клинике, я поторопился вернуться на работу. Я опасался деликатных профессоров с их бесчисленными вопросами и долгими беседами по душам. Вдруг что-то заподозрят.

Ни дома, ни на работе никто не заговаривал со мной о тесте. Но страх, что тесть догадывается об убийстве, мучил меня. Я не мог спать, глотая вперемежку транквилизаторы и коньяк. Потом во мне словно что-то сломалось. Я устал бояться и с ненавистью наблюдал за тестем. Ну, бери меня, сволочь, если ты что-то пронюхал!.. Но прошел месяц, второй, третий, и я начал успокаиваться.

Проснувшись однажды утром, я вдруг решил куда-нибудь слетать и развеяться. Подмосковные леса были засыпаны снегом, а февральская пурга сыпала и сыпала в меня мелкую крупу. Но где-то ярко светило солнце, беззаботные веселые люди гуляли по пляжам, и в уютных барах ждали кого-то красивые женщины. Теперь мне никто не мешает жить, как я захочу. И действительно, тесть не стал возражать против трехнедельного отпуска, а Альбина Николаевна, прощаясь со мной в аэропорту, сунула чек на две тысячи долларов.

— Отдыхай и ни о чем не думай! Только иногда звони маме с Настей...

Я поцеловал дочку и пошел к самолету. Огромный «Боинг-707» уносил меня прочь от Москвы. Впереди был Мадрид, откуда на самолете местной авиалинии я должен был попасть в Малагу на Андалузское побережье.

Господи, до чего прекрасна жизнь! Внизу проплывают горы, а впереди виднеется широкая синяя полоса моря. Я в бизнес-классе всего семь или восемь человек, и stewardessa, улыбаясь, рассказывает нам об Андалузии.

В аэропорту меня ждет «тойота» компании «Семь континентов». Изумрудно-зеленые рощи, ровные, как стол, террасы и белые свечки многоэтажных отелей. Я хочу бодрости, покоя и плеска волн на рассвете. Администратор туристического комплекса понимает меня с полуслова.

Бунгало на берегу в километре от отеля. Обедать и отдыхать вы можете приезжать сюда. Вечером хорошая дискотека, собирается много красивых девушек.

Он говорит на смеси испанского, английского и русского.

— Есть русские...

— Не надо русских, — перебил я его. Я хотел на время забыть о России.

— Как пожелаете, сеньор... Может, вам нужен секретарь?

Администратор выдвигает ящик стола и достает пакет с фотографиями. Хорошенькие женщины, блондинки, брюнетки, в купальниках и коротких облегающих костюмах.

— Все они из приличных семей, говорят по-английски, умеют водить машину. Любая из них может сопровождать вас в поездках.

Я задумчиво рассматриваю фотографии.

— Она может жить с вами весь срок пребывания у нас. Поверьте, скучно не будет. Если не понравится, выберем другую.

— Сколько это будет стоить?

Администратор называет сумму. Несколько сот долларов в сутки. Я киваю в знак согласия и, пробежав веер фотографий, показываю на коротко стриженую красивую шатенку в темных очках.

— Мисс Изабель... Отличный выбор! В своей провинции она дважды завоевывала титул "Мисс-очарование". Когда ей подъехать?

Старательный администратор начинает надоедать.

— Я хотел бы осмотреть дом.

— Конечно, конечно...

Туркомпания не зря берет такие деньги... Небольшой со вкусом покрашенный двухэтажный дом с террасой стоит в пальмовой роще. Море — в сорока шагах. Шофер поясняет:

— Здесь очень спокойно. Побережье — собственность отеля, посторонним находиться здесь запрещено. За порядком следит полиция.

Я осматриваю гостиную, кухню, просторную террасу с двумя спальнями наверху. Все — на высшем уровне. В барах ряды бутылок; холодильник, опечатанный узкой бумажной лентой, набит едой. Я отсылаю шофера, и он уходит в сторону отеля пешком. Спортивный "пежо", взятый на прокат, остается у дома. Я открываю бутылку красного вина и выпиваю бокал. Вино терпко-сладкое и приятно на вкус. Урожай 1985 года. Набираю номер телефона администратора.

— Когда сможет приехать Изабель?

— Через час... Она будет жить в доме?

— Наверное...

Изабель лет двадцать семь. Она среднего роста, с красивым слегка удлинённым лицом. Полные губы тщательно подведены, короткая причёска безукоризненна. Согласно контракту она мой гид, переводчик, секретарь... Женщина для постели. По сути, Изабель — дорогая проститутка, но обставлено все очень прилично.

Мы говорим по-английски. Обсуждаем план экскурсий на ближайшие дни. Она говорит медленно, и в общем-то я ее неплохо понимаю, хотя языком после института занимался мало.

— Завтра мы можем покататься на яхте... Собирается небольшая компания, пять-шесть пар, и в десять утра яхта отходит от пирса. Обед на одном из островов. Там отличный пляж. Ужин на яхте под звездами. В девять возвращаемся к отелю.

Я киваю, соглашаясь с Изабель. На женщине короткий строгий костюм, на коленях лежит кожаная папка. Я задало предлагаю выпить:

— Бокал шампанского?

— С удовольствием... Послезавтра мы можем съездить в город. С экскурсией на микроавтобусе или на вашей машине.

Мы пьем шампанское и рассматриваем яркую карту побережья. Наши колени почти соприкасаются. Изабель мне нравится, мне хочется ее обнять, но усилием воли я сдерживаюсь. Буду соблюдать правила игры.

Моей выдержки хватает на пару часов. Мы идем купаться на пляж. У Изабель великолепная фигура, круглые выпуклые ягодицы прикрыты тонким шнурком, верх купальника почти отсутствует — фактически она обнажена.

Я взял ее за руку и привлек к себе... Женщина послушно раскинулась всем телом. Я положил ее на влажный теплый песок и потянул вниз крошечные плавки... Изабель отдавалась мне в пяти шагах от линии прибоя, и сквозь стоны слышались слова оплаченной нежности.

Продолжение было в доме. Огромная двуспальная кровать сотрясалась от движений наших сплетенных тел. В креслах мы курили, и я приносил из бара холодное шампанское. Обессиленный, я лежал на спине, а моя роскошная подруга горячим острым язычком ласкала мой живот. Огромные южные звезды смотрели в открытое окно, и море равномерно билось о песок.

— Милая...

Я бормотал приходившие на память английские слова о любви, а женщина говорила что-то свое, ласковое и привычное...

Ни на какую яхту мы не попали. До трех ночи занимались любовью, потом заснули как убитые и поднялись только к полудню.

Яхту я нанял на следующий день. Для нас двоих. И команды были лишь капитан и два матроса. Они нам совершенно не мешали. Море искрилось лазурью и мимо проплывали такие же яхты с веселыми беззаботными людьми. Капитан принял предложение выпить бокал шампанского и, пожелав приятного плавания, снова поднялся на мостик.

Изабель, в коротких шортах, с блестящим медным замком-молнией сзади, перегнувшись через борт, бросала крошки хлеба. Небольшие рыбки, выскакивая из воды, хватали хлеб на лету. Я подошел ближе.

— А вот тот остров называют Пиратским. Лет триста назад там прятались пиратские галеры и нападали на проплывающие суда.

Мы высадились на остров и сфотографировались у почерневшей дубовой виселицы. Медная табличка гласила на испанском и английском языках, что здесь были казнены за убийства и грабежи 68 пиратов. Возле старинной пушки, направленной в сторону моря, возвышалась груда изъеденных временем чугунных ядер. Согласно табличке, пушка была поднята с затонувшей пиратской галеры.

Может быть, обе таблички обманывали и служили просто приманкой для туристов, но я сделал с десяток фотографий, а затем мы отправились купаться в прозрачную нагретую солнцем лагуну.

— Ты всю жизнь прожила здесь, Изабель? — спросил я. Девушка улыбнулась и покачала головой.

— Я могла бы сочинить трогательную историю о несчастной любви, но все гораздо проще. Я приехала сюда на заработки из Италии после колледжа. Нашу работу неплохо оплачивают, но лучше ее делать подальше от дома. Летом или осенью я вернусь в Италию. Там меня ждет парень.

— Вы с ним иногда встречаетесь?

— О, нет... Это запрещено условиями контракта. Вы мне нравитесь, сеньор Александр! С вами я забываю обо всем на свете.

Последние слова прозвучали несколько фальшиво, но я постарался этого не заметить. Очаровательная Изабель очень старалась, чтобы мне было хорошо.

Но это был, пожалуй, последний счастливый день на побережье Андалузии... Я вдруг вспомнил, что уже двое суток не звонил домой. Трубку взял тесть.

— Развлекаешься? — буркнул он.

— У вас все нормально?

— А что ты имеешь в виду под этим словом?

— Настя жива-здорова?

— Да. Ты долго еще собираешься там болтаться?

— Я нужен в Москве?

Это был диалог из сплошных вопросов. Тесть был не в духе, и мне захотелось швырнуть трубку. Изабель проснулась и внимательно смотрела на меня.

— У вас все нормально? — повторил я свой вопрос.

— Приедешь — узнаешь!

В трубке зачастили короткие гудки, а у меня громко, свистя на всю спальню, заколотилось сердце. Неужели что-то пронюхал? Мне не хватало воздуха. Я распахнул окно, высунул в него. Изабель совала мне склянки с какими-то лекарствами. Я послушно выпил и снова лег в постель.

— Тебе полегчало?

— Спасибо, все хорошо...

— Дома неприятности?

— Так, мелочи...

— Тебя ждет жена?

— Она умерла.

— Прости, Александр.

— За что? Прошло уже много времени. Да я и не очень любил ее. Это был брак по расчету.

— Сейчас многие женятся по расчету, — сказала Изабель. — Времена Шекспира прошли.

Я заснул, словно провалился, и рано утром, едва проснувшись, снова набрал Москву. На этот раз взяла трубку Альбина Николаевна. Голос у тещи был веселый, она подшучивала надо мной, а потом трубку взяла Настя. Казалось, все складывалось нормально. Ничего худшего не случилось, но смутное чувство тревоги не покидало меня.

Я поехал в горы. Но красота их оставляла меня безучастным. У меня пропал аппетит, я жадно глотал вино и к вечеру напился. Проснувшись среди ночи, нашарил в холодильнике бутылку марсалы и сделал несколько больших глотков. Подошла Изабель, обняла меня за плечи.

— Что случилось?.. Пойдем лучше в постель.

Но никакого желания спать с женщиной у меня не оказалось. Я понял, что надо срочно возвращаться в Москву. Незнестность страшила меня...

Мы простились с Изабель в порту Малаги. Провожая меня, она протянула пакет с фотографиями и маленькую фигурку тореадора — подарок фирмы. Я сунул ей в карман несколько сотенных бумажек и поцеловал в шею.

— Прощай, Изабель!

— До свидания, Александр... Приезжай.

— Спасибо. Я буду тебя помнить.

Все... Праздник кончился. Я летел в холодную Россию, навстречу неизвестности.

ГЛАВА 5

Судьба дала мне передышку. Пока никто ни в чем меня не подозревал. Плохое настроение тестя можно было объяснить финансовыми неудачами. Кто-то перехватил выгодный контракт, упал курс акций его фирмы. Но в целом это были пустяки.

Я жил с дочкой и Альбиной Николаевной в загородном доме и снова во второй раз после смерти Кати приходил к себе. Жизнь шла своим чередом. Я ездил в Москву, управлял фирмой, а по вечерам смотрел с дочкой телевизор или гулял по лесу.

Месяца через два мне вдруг нестерпимо захотелось женщину. Я поехал к Ирине и остался у нее на ночь.

Это был необдуманный поступок и обошелся он мне дорого...

К Ирине я приезжал теперь раз в неделю. Если кто-то прознает об этом, что тут такого? Хотя позади и недавняя горе, но жизнь есть жизнь. Мы условились с Ириной никогда не говорить об убийстве. Постепенно мы оба, словно актеры, вжившиеся в роль, поверили, что Катя и впрямь застрелилась. Мы строили планы на будущее и решили, что после годовщины смерти я осторожно начну разговор о женитьбе на Ирине. Тесть — умный мужик и, конечно, поймет меня. А теща всегда была на моей стороне.

Но тесть оказался гораздо, гораздо умнее, чем я думал...

В один из мартовских дней он вызвал меня к себе и сказал, что мне надо срочно жениться. Я не стал напоминать ему о том, что со дня смерти Кати не прошло и полугода. Он знал это прекрасно и сам.

У Рудаскова, моего компаньона, снова развелась жена... Момент упускать нельзя. Брак поможет сосредоточить восемьдесят процентов акций в руках одной семьи. Что это означает, тебе объяснять не надо.

Так, — машинально согласился я.

Ну, если так, — в голосе тестя слышалась ирония, — то сегодня в девятнадцать ноль-ноль едем на смотрины. Действовать надо быстро и вопрос с женитьбой решить в две-три недели.

Рудасков был из второстепенных компаньонов тестя. Это вроде начальника отдела или сектора. Конечно, по нашим понятиям, он был богатым человеком, но по сравнению с тестем так, мелочь. Дочь Рудаскова, Рая, была на три года старше меня. Я встречал ее иногда на приемах и банкетах. О ней шла молва как о вздорной и неумной бабенке, сменившей трех мужей. Внешностью она напоминала известную институтскую комендантшу Люду, с которой я когда-то спал, расплачиваясь за комнату в общежитии.

За что такая немилость? — попытался я прощупать обстановку.

Обличьем она, конечно, похуже моей секретарши... Но ничего не сделаешь ради денег! — в голосе тестя слышалась злобная ухмылка. — Ну, да тебе не привыкать...

Я вдруг почувствовал себя голым. Казалось, он видит мою насквозь, понимает, почему я женился на его дочке, почему наскладхехе и даже догадывается об обстоятельствах ее смерти. Этот человек обволакивал, душил меня своей властью. Я попытался ускользнуть...

Я вам не игрушка... Катю только-только похоронили. Нормальные люди хотя бы из приличия год выдерживают и только потом женятся.

Если существует на свете Бог, то за мое лицемерие он должен был сразу оторвать мне язык. Но Бог промолчал, и я немедленно съязвил тестя:

Так это ж нормальные люди... А здесь, сам понимаешь, таковых нет. Слушай внимательно! У отца Раи крепкое положение в столице, хорошие связи в Совмине и огромный пакет акций. Вот твой шанс внести свою долю

в общий котел. Ты пока для нашей семьи ничего не сделал... кроме внуки. Да еще умудрился наворовать тысячу семьдесят баксов. Ну, ну, шучу! Не украл, а заработал.. Ты будешь встречаться с Раей и женишься на ней. Все своих баб, красивых-некрасивых, немедленно брось. Дело серьезное, понял?

— Понял...

Это был удар ниже пояса. Оглушенный, ничего не себе, ображающий я покорно поплелся с тестем к невесте и был встречен Раей. Женщина с мелкими чертами некрасивого, какого-то плоского лица с интересом осмотрела меня. Я старался изо всех сил показать, что она мне тоже симпатична. Вряд ли мне хорошо это удавалось. У Раи была бесформенная, похожая на кувшин, фигура, изъяны которой даже не могло скрыть очень дорогое, умело пошитое шифоновое платье. Несколько перстней и кольцо с бриллиантами истощающе давали понять, что невеста очень не бедная... От злости и разочарования я едва мог говорить.

— Волнуется, — издевательски заметил тесть и, отведя меня в сторону, шепнул: — Не телись! Женихов на нехватает. Назначай на завтра свидание. Побудете вечером вдвоем. Пообнимаетесь, то-се...

Сопротивления со стороны Раи не предвиделось. Оперевая меня, она назначила свидание сама.

— Я знаю, вы так тоскуете по Кате! Конечно, это больно многие годы. Но может я хоть немножко смогу ее облегчить. — Ее пальцы ласково сжали мое запястье. — Приезжайте завтра часов в шесть. Дома никого не будет, я сама приготовлю ужин.

Что стояло за ее словами? Глупость, лицемерие? Или она просто торопилась прибрать к рукам мужчину, который ей нравился...

— Давайте выпьем за Катю, — предложила она.

Я с такой силой сжал предложенную рюмку, что хрусталь затрещал. Но выдержал... Посуда у потенциальной невесты была крепкая, старинной работы.

Я попытался найти защиту у Альбины Николаевны, но та лишь посмотрела на меня грустными беспомощными глазами. После смерти Кати теща делила свое время между внучкой и церковью.

— Ах, Саня, как тоскливо без Кати! Женись, если это нужно для дела. Отец знает лучше нас. А я помолюсь за тебя. Бог простит...

На следующее утро я приехал к Ирине и все ей рассказал. Она была оглушена не меньше, чем я.

А что будет со мной? — закуривая сигаретину, спросила она.

— Ты же знаешь тестя. Он бы меня просто выкинул на улицу.

— И ты женишься на этой твари?

— Куда мне деваться?

— Слизняк!.. Никуда он тебя не выкинет. Ты же отец его внуки. Ты просто трус!

— Пусть будет так... Но выхода я не вижу.

— Пойди и откажись.

— Это бесполезно. Все уже решено.

— Я ради тебя рисковала жизнью, пошла на убийство человека, а ты оказался ничтожеством.

— Выбирай слова! — крикнул я.

— Зачем мне их выбирать? Ты никого в своей жизни не любил, кроме себя самого... Господи, зачем я только с тобой связалась!

У нее началась истерика. Я уже начал уставать от Ирины. Она нравилась мне как женщина, но общая тайна, которая связывала нас, давила тяжелым грузом. Я ловил себя на мысли, что был бы рад, если бы она уехала из Москвы. Но Ирина никуда не уезжала и все больше привязывалась ко мне. Она всерьез рассчитывала, что я женюсь на ней, и мы будем жить вместе. Однако, жить с ней я бы, наверное, не смог. Ирина, как ни крути, была соучастником убийства, и я не хотел, чтобы мне всю жизнь напоминали о нем.

— Послушай, родная... Меня загнали в тупик, — терпеливо объяснял я. — Неужели ты думаешь, что по своей воле я женюсь на этой квашне? Дай срок, и я выберусь из тупика.

— Какой срок?

— Ну, три-четыре месяца. Может, полгода. Я с ней все равно жить не буду. Найду любой предлог и разведусь.

— Да уж ты осмелишься! Тесть сотрет тебя в порошок. Нужно показать характер именно сейчас... Откажись от этой женитьбы!

— Не могу, пойми же!

— Трус! Ничтожество!

Уговаривать ее было бесполезно... Я молча вышел из квартиры. Ирина, всхлипывая, что-то истерично кричала вслед. Я спустился вниз и открыл дверцу машины, но чья-

то рука с силой дернула меня за плечо. Передо мной стоял один из охранников тестя. Его бесцеремонность меня взбесила.

— Пошел вон!

Охранник показал на заднее сиденье и коротко приказал:

— Садись туда.

В груди у меня екнуло. Люди из охраны тестя никогда так со мной еще не разговаривали. Значит, поступила какая-то команда. Именно сейчас после разговора с Ириной? Неужели она кому-то проболталась? Я сидел позади водителя, стиснутый двумя охранниками. Впереди шла еще одна машина, темно-вишневый “джип”. Меня сопровождали как ценный груз... или как арестованного. Мы пересекли кольцевую и неслись в сторону нашего загородного дома со скоростью километров сто в час. Господи, где же гаишники? Хотя бы они нас остановили! Я буду кричать, вырываться. Помогите, меня хотят убить!

Словно услышав мой немой крик, на обочине возник пост ГАИ. Милиционер, с автоматом под мышкой, сделал жезлом знак остановиться. Но “форд” продолжал нестись, не снижая скорости. Сопровождавший нас “джип” резко затормозил и, развернувшись, поехал к будке ГАИ. Я понял, что все мои надежды бесполезны. Охрана тестя просто откупится, и никто даже носа не сунет в нашу машину.

— Володя, дай закурить, — попросил я одного из охранников.

— Скоро приедем... Там покурите.

Никто из охранников не ответил, когда я спросил, что за спешка, и у меня противно заныло внизу живота. Стало по-настоящему страшно.

В кабинете тестя, в загородном доме, кроме него сидел отставной генерал. Охранники, втолкнув меня, вышли.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— А ты не догадываешься? — ответил вопросом на вопрос тесть.

— Н-н-нет...

— Ну, вспоминай, вспоминай!

— Я не...

Мне не дали закончить фразу. Тесть подошел и вдруг с силой ударил в челюсть. Я отлетел в угол. Башка звенела, изо рта текла кровь. Генерал наклонился надо мной и поставил огромный башмак между моих ног.

— Сейчас ты все расскажешь. Про Катю, про убийство.

Генерал произносил слова, как ласковый удав. Башмак стоял мне на мошонку.

— Я не понимаю...

Башмак с маху впечатался в промежность. От дикой боли, пронзившей все тело, я не мог даже закричать. Застылая ладонями низ живота, я катался по ковру, стоная и вскрипывая. Генерал и тесть спокойно ждали, когда я верну в себя. Я лихорадочно соображал, что делать. Если расскажу правду, тесть меня просто убьет. Смерть единственной дочери он не простит.

— Говорить будешь?

Генерал наклонился надо мной. У него были красные глаза крепко выпившего человека. Безжалостного и готового добиться что ему надо любым путем.

— Я действительно не понимаю...

Генерал не дал договорить. Удар по кости голени дернул все тело новой болью. Еще один удар... Меня ломали профессионально. Сейчас мне стало безразлично — убьет меня или нет. Желание любой ценой избавиться от боли заставило рассказать правду.

Тесть не скрывал торжества. Он с самого начала подозревал, что я довел Катю до самоубийства и осторожно доиспытывался до причин. Несколько месяцев прослушивались все мои разговоры. В комнате и офисе установили микрофоны, но ничего подозрительного не выявили. Тесть уже собирался прекращать слежку, но по совету ушедшего генерала решил встряхнуть меня якобы предстоящей женитьбой. Про мои отношения с Ириной он знал и приказал установить в ее квартире несколько жучков. Когда Ирина в горячах произнесла слово “убийство”, ловушка захлопнулась.

Я рассказал им все, и до сих пор удивляюсь, как они меня не прикончили. Меня жестоко измолотили, сломали два ребра и отвезли в следственный изолятор... В тот же день арестовали Ирину.

ГЛАВА 6

— Садись, земляк!

Широколицый парень в спортивном костюме показал на скамейку возле стола. Я доковылял до указанного места и сел. Четверо суток я пролежал в тюремной санчасти, а когда смог кое-как передвигаться, меня перевели в камеру.

— Хорошо тебя разукрасили, — рассмотрев мое опухшее желто-фиолетовое лицо, подвел итог парень в спортивном костюме.

— Прилично, — невесело усмехнулся я.

В камере находились еще двое. Морщинистый, невысокого роста мужик лет сорока пяти и еще один парень тоже в спортивном костюме. Парни напоминали охранников из службы безопасности тестя: оба коротко стриженные, с покатыми атлетическими плечами и мощными затылками профессиональных рэкетилов. Их лица и здесь в тюрьме, продолжали хранить то же самое выражение, что и на воле. Сознание силы, своей бычьей значимости и брезгливая снисходительность к простым смертным...

Морщинистый лежал на нижней койке в углу. Он был одет в легкие джинсы и черную рубашку. На тумбочке стояла пластиковая бутылка минеральной воды, аккуратно стопкой лежали газеты и несколько книг. Рядом с керамической пепельницей лежала пачка "честерфильда". Уголок напоминал место в больничной палате. Еще бы решетки с окон убрать...

Я почему-то сразу понял, что человек в черной рубашке здесь главный. Для меня в первые дни пребывания в тюрьме все ощущения были острыми и отчетливыми. То, что я видел, мгновенно откладывалось в памяти. Я и сейчас помню глаза этого человека, внимательно оглядевшие меня. Потом он снова взял отложенную газету и принялся читать, не обращая на меня внимания.

— Как зовут? — спросил широколицый.

— Александр.

— А фамилия?

— Ермаков.

— Не слышал.

— Я про тебя тоже.

После допроса у тестя я уже мало чего боялся.

— Бойкий парнишка, — похвалил широколицый. — Братвой ты дела не имел, так я понял?

— Нет.

— Лох, значит... Наш простой советский лох. И за что же, позвольте спросить, мирного лоха сунули в камер номер двести девять, где сидят люди уважаемые, бойцы и даже один строитель финансовых пирамид.

— Подозревают в убийстве жены.

— Ты ее, конечно, не убивал?

— Нет.

— Ну и правильно. Жены существуют для других надобностей. Убивать их не следует. Ты, кстати, на спортсмена смахиваешь. Где, кем, чем?

— Кандидат в мастера по плаванию и пару лет в карате ходил.

— Ну, что — лох с хорошим образованием... Как же мы тебя окрестим? Ермак Тимофеевич — слишком жирно. Заслужить надо. Будем называть проще — Ерема. Славное имя. А меня зовут Серега, он же Борман. Генеральский титул, произноси с уважением.

Болтовня Бормана утомляла. После башмаков другого генерала, от контрразведки, у меня еще не срослись робра и хотелось лечь.

— Ну, рассказывай свою историю, — потребовал Серега Борман.

Я знал, что вновь прибывшему положено отвечать на вопросы, но идти на поводу не хотел. Догадался, как легко в камере потерять авторитет.

— Чего рассказывать? Жена застрелилась, а подозревают меня.

— Почему застрелилась?

Вместо ответа я оглядел шконки и, определив свободную, показал на нее рукой.

— Там вроде никто не спит... Я займу.

Я ожидал, что Серега продолжит расспросы, но он только кивнул головой:

— Занимай.

Я кое-как вскарабкался на верхнюю шконку и вытянулся, затолкав под голову тощую комковатую подушку. За окном шел мокрый апрельский снег. Внизу о чем-то вполголоса переговаривался со своим напарником-быком Сергей. Напарника звали Женька. В камере пахло человеческим потом, хлоркой и еще чем-то кислым. Я закрыл глаза. Не зря предупреждал меня Вася Кошелев. Чего тебе не хватало? Имел все. Жрал икру, пил шампанское... Нера и шампанское. Показатели благополучия. Мне было этого мало. Теперь получил сразу всего много.

Я незаметно задремал, а потом проснулся среди ночи и уже не спал до утра. Тюрьма жила своей обычной ночной жизнью. Во внутреннем дворе ходили охранники, под ногами громко скрипел снег. Потом приехала машина. Долго открывали ворота и о чем-то спорили. Кажется, привезли арестованных и не хватало каких-то бумаг. Вскоре на дворе все затихло. Продолжал падать снег, и хло-

пья, подсвеченные лучом прожектора, были яркими и крупными, словно на новогоднем празднике.

В метре от меня ворочался и вздыхал толстый сосед по верхней шконке. Как я понял, его возили в районное управление милиции на очную ставку или на допрос. Лицо соседа я не разглядел. Кажется, ему было за пятьдесят. Он спал тяжело, раза три просыпался, что-то бормотал и снова забывался. Рэкетеры спали спокойно и бесшумно. Морщинистого мужика в углу слышно не было, хотя он просыпался и курил свой "честерфильд". Быки Серега и Женька именовали морщинистого Алексей Ивановичем и обращались к нему на "вы". Поэтому я не просил у него закурить и молча ждал, пока придет сон. Не дождался...

Так прошли мои первые сутки в следственном изоляторе.

Мне казалось, что к тюрьме невозможно привыкнуть. Замкнутое пространство, железная дверь давили со всех сторон. Выпустите меня, я не могу больше! Я ходил по камере, постепенно убыстряя шаг, пока не начинал метаться.

— Эй, Ерема, угомонись! — крикнул Сергей. — Топают, как слон, мечтать мешают.

Я сажился на койку и, тупо глядя перед собой, постепенно успокаивался. Первые дни я напряженно ожидал, что мне могут устроить в камере "крещение", и был готов дать отпор. Но никто меня не трогал. Серега и Женька воспринимали меня с пренебрежением. Оба принадлежали к "братве", чем очень гордились, и угодили в камеру примерно за один и тот же букет: рэкет, незаконное хранение оружия, избиение людей. Впрочем, за такую мелочь их бы не посадили. Серегу подозревали в убийстве, а Женька участвовал в похищении заложника и лично отрезал парню ухо. Парень был сыном крупного предпринимателя, и папаша добился ареста Женьки.

Вначале оба быка казались мне на одно лицо, потом я стал их различать. Серега был рангом выше. Что-то вроде бригадира. Закончил институт физкультуры, выступал в сборной по тяжелой атлетике, а затем подался в рэкет. Женька был помельче. И фигурой, и рангом. В школе занимался боксом, отслужил в десантных войсках, и после армии, не мудрствуя, тоже примкнул к братве. Серега и Женька жили в разных концах Москвы и принадлежали к разным группировкам. В камере они мгновенно объединились и держали бы верх, если бы не Надым.

Эту кличку носил морщинистый человек, кутивший "честерфильд". Впрочем, по кличке никто из нас его не называл. Он был "вором в законе". Не знаю, коронованным или нет, но влияние Надым имел огромное. Я видел, как надзиратели приводили к нему из других камер людей, и он, словно прокурор, разбирал какие-то дела. Один из них о чем-то упрасивал Надыма, но авторитет отрицательно качал головой.

— Мне ж тогда конец! — выкрикнул человек.

— Ты сам на это напросился, — негромко ответил Надым. — Иди к себе...

Надым держался особняком. Нельзя сказать, что он кого-то игнорировал, но любой из нас, включая Серегу-Бормана, чувствовал дистанцию и без необходимости к Надыму не лез.

И наконец, о пятом обитателе нашей камеры... Фамилии не помню, но все называли его Звездинский. Иногда, коверкая фамилию, превращали в непечатную. Ему было лет пятьдесят, он сидел за финансовые аферы и любил поговорить. Звездинский знал моего тестя, имел с его фирмой какие-то дела, хотя, конечно, до тестя ему было далеко.

Звездинский попал в тюрьму на пересидку, чтобы не мозолить глаза обманутым вкладчикам после громкой аферы с очередной финансовой пирамидой. Ему обещали условный срок, и он действительно получил три года условно. Но прокурор опротестовал приговор, и Звездинский ожидал нового решения суда. Сесть надолго он не боялся, заявляя, что человека с деньгами в свободной России посадить невозможно — это не прежние времена! Однако новый суд требовал новых расходов, и толстый аферист ходил озабоченный. Еще Звездинский любил порассуждать о политике и вовсю ругал коммунистов.

— Пропадет Россия, если коммуняки к власти придут, — с пафосом восклицал он. — Конец всем демократическим завоеваниям!

К нам подселили еще одного арестованного, парня лет двадцати. До этого он провел месяцев пять в санчасти. На него было жутко смотреть. Кожа на руках сгорела, раны долго зарастали. Новая кожа местами светилась нежно пергаментными пятнами, а в других местах бугрилась месивом шрамов, глубоких швов от операций и квадратными заплатками донорской кожи. На правой руке вместо пальцев торчали обрубки, а правое ухо словно влилось багровым комком в сожженную щеку.

— Тебя как зовут, малец? — присвистнул Борман, исполнявший обязанности старосты.

— Гриша.

— Танкист?

— Нет. Шофер.

— А похож на танкиста. Тебя не из горящего танка вытаскивали?

— Не-е... Я под замыкание попал.

История Гриши из городка Пичаев, что под Тамбовом, оказалась дурацкой и очень грустной. Пичаевцы воровали где можно цветной металл. "Цветнина" — так они его именовали. Компания подобралась крутая, имелся свой приемный пункт, машины, выход на экспортные компании. Гриша был из мелкоты, шоферил. Однажды завалили опору ЛЭП-200, собираясь затариться очередной порцией алюминия, но что-то не рассчитали. От мощного удара током ЗиЛ Гриши мгновенно вспыхнул.

— Напарник мой мякнуть не успел. Сгорел, как головешка, лопатами отскребали. Ну и мне досталось. Месяц в реанимации лежал.

— Ты откуда такой дурак взялся? — рассуждал Борман. — Не иначе как из задницы.

— В колхозе третий год денег не платят, — объяснял Гриша. — Все воруют...

— Ну и много ты на проводах зарабатывал?

— По-разному. И пятьсот тысяч в месяц и семьсот. Однажды два лимона огреб.

— Ого! Аж четыреста баксов. Богатющий Буратино! И чего ты с такой кучей денег творил. Из кабаков не вылазил?

— Гудел иногда, — скромничал невезучий Гриша. — А в основном на хозяйство тратил. Муку, сахар покупал. Сестренкам одежду. Комбикорм для коровы...

Над Гришей, получившим кличку Танкист, оба быка издевались как могли.

— Тебя в школе учили, что воровать нехорошо, — наставительно грозил ему пальцем Женька.

— Учили...

— Кому ты теперь такой нужен? Танк водить не сможешь, воровать тебя с собой никто не возьмет, слишком приметный.

— Тетка обещала учетчиком устроить.

— Какой к черту учетчик с такой судимостью? — Женька хлопал себя по ляжке огромной ладонью. — Ты что, рехнулся? Кто тебе учеты доверит?

Гриша из Пичаева уныло замолчал. Он был неразвит, кое-как закончил восемь классов и охотно верил, что к учетам его теперь не допустят.

— Он лифтером может пойти, — подавал, издеваясь, голос Серега Борман. — Хорошая работа.

— Да у нас в городе лифтов нет... Переезжать, что ль, куда надо?

— Зачем переезжать? У вас баня есть?

— Две штуки.

— Вот... Подавай заявление в женскую. Станешь бабам лифчики расстегивать. Где копейку огребешь, а где и натурой получишь. Хорошие лифтеры всегда в цене. Правда, дядька Звездинский?

— Конечно, — важно кивал со своей шконки коммерсант. — Платят там хорошо... Ну, и удовольствия разные.

Гриша растерянно улыбался, понимая, что над ним издеваются. А вдруг и правда такая должность есть...

Однажды нас всех ошарашила положенная по закону шестнадцатикилограммовая передача для Гриши. Надеюсь поживиться, Женька-Бык вытряхнул на стол мешок и присвистнул от удивления. Кроме пузырька с гусиным жиром в мешке лежал один хлеб. Серые и белые буханки, булки, домашние коржи и просто сухари.

— Берите, ребята, угощайтесь, — сказал Гриша.

И, подавая пример, захрустел сухарем. Борман и Женька-Бык переглянулись.

— Слышь, танкист, а сало у тебя в деревне не растет?

— Растет, — жадно глотая полуразжеванный сухарь, заулыбался Гриша. — Только мать всю скотину продала, когда мне операции делали. Ешьте коржи, они с сахаром, вкусные.

— Нет уж, спасибо, — отозвался Женька-Бык. — Жри сам свою мякину. Нам бы чего похуже: колбаски или мяса.

Простоватый охотник за "цветниной" растерянно вертел в руке серый корж, обсыпанный крупинками сахара. Презрение уголовников к нищей передаче больно задело его. А что еще могла выслать его мать, которая жила, продавая овощи с огорода и вязанные носки? Мне показалось, что Гриша сейчас заплачет. Я взял со стола корж и стал медленно жевать.

— Эй, Танкист! — подал голос Надым. — Брось-ка сухарик. — Потом спросил:

— У тебя кроме матери кто еще есть?

— Две сестренки. Тетка, дядька, мамкин брат. Только он в тюрьме сидит, под следствием. Мы с ним вместе проводили резали.

— А отец жив?

— Помер. Спирт на станции купил, а он плохой оказался. Хорошо, что мамка с ним пить отказалась. С соседом пол-литра выпили и отравились. Отец насмерть, а сосед ослеп.

— Сестренки большие?

— Одной — тринадцать, а второй — семнадцать.

— В школу ходят?

— Младшая ходит, а старшая ребенка ждет.

— И муж есть?

Надым смотрел на обгоревшего парня внимательно, без тени насмешки.

— Кто ее возьмет, если у нее даже юбки порядочной нет! Раньше я иногда покупал, а теперь сама зарабатывает.

— Чем? — фыркнул Борман.

— Чем-чем... Известно чем. Этим самым местом.

Гриша показал, каким местом зарабатывает на жизнь его сестра.

— Во семейка, — удивился Борман. — И сын контуженый.

— Ладно, уgomонись, — осадил его Надым.

Нетронутый сухарь лежал на его тумбочке рядом с минералкой и пачкой "честерфильда".

Гриша из Пичаева долго у нас не задержался. Возможно, начальство хотело, чтобы больной паренек окреп в нашей спокойной и малочисленной камере. Но Гриша стонал ночами от боли, не давал спать другим, от него дурно пахло гниющей кожей, и Надым настоял, чтобы парня вернули в санчасть.

Однажды, когда Звездинский снова завел речь о завоеваниях демократии, которые непременно погубят коммунисты, Надым не выдержал:

— Ты помнишь Гришку? Отец от метилового спирта подох, мать — нищая, сестра — проститутка, а сам Гришка дураком сделался. Вот так пол-России сейчас живет. Какие тебе еще надо завоевания? Страну развалили да голые жопы по ящику показывают? Ты чего за всю Россию базар ведешь? Скажешь, что таким, как ты, коммунисты сразу кислород перекроют? Так ты сгреб со своей пирамиды сотни тысяч баксов и три года условно получил. Коммунисты тебя бы за такое на нарах сгноили, а сейчас ты через месяц опять на свободе будешь.

— По-моему, нам всем неплохо живется, — обиделся Звездинский.

— Нам — неплохо... вот Борман с Женькой ни дня в жизни не работали. Лохов мордовали да пили-жрали в свое удовольствие, и никто их не трогал, пока сами не шипли. Да и то ненадолго. Тоже скоро на свободе будут...

— Спасибо на добром слове, Алексей Иванович, — вежливо ответил Борман. — Злые люди мне трупешник вешают, но правда победит. Судье целый пакет баксов отнеси. Он человек справедливый, разберется.

— Конечно, разберется, — подтвердил Женька.

— А вы, господин Звездинский, со своих больших денег могли бы поделиться с товарищами по несчастью.

— Какие там деньги! Все счета арестовали.

— Хватит стонать, урод жирный, — вдруг разозлился Борман. — Счета у него арестовали! У Алексея Ивановича сигареты кончаются, а ты и рылом не ведешь. Как будто так и надо...

— Чего молчишь, аферист сраный? — поддержал приятеля Женька-Бык. — Совсем нюх потерял? Когда сигареты будут?

— В среду или четверг, — с трудом выдавил Звездинский.

Несмотря на свои миллионы и обширные связи, он был незащищен перед двумя вымогателями, которые, чувствуя молчаливую поддержку Алексея Ивановича, трисли Звездинского, как грушу.

И нам блок сигарет, — дожимал афериста Борман. — Яря, что ли, мы тебя здесь охраняем? Ну и пожрать соответственно. Закажи всего побольше. Колбасы копченой, сыру. Понял?

— Понял, — бормотал из своего угла Звездинский.

— Не слышу!

— Понял!

— Ну, вот так! И не надувайся, как индюк. Чтобы тебя защищать, нам силы нужны.

Звездинский делал вид, что совсем не обижается. Все эти сигареты и колбасы были сущей мелочью по сравнению с его капиталами. Ссориться с уголовниками он не хотел.

Камера считалась привилегированной. Если в большинство других набивали арестованных, как селедок в бочку, то в нашей имелось даже одно свободное место. "Сидеть здесь можно!" — сказал Женька, переведенный

из общей камеры на сорок человек. Попадали сюда по очень большому благу. У меня такового не имелось. Лишь впоследствии я понял: меня сунули сюда из-за особого контроля, под которым держалось дело. Тогда же я стал понимать, почему меня до смерти не забили в своем кабинете тестя и его генерал-бульдог.

Тестя как опытного практика тянули на высокий пост в правительстве. Полагали, что такие люди смогут вытащить из грязи разваленную российскую экономику. Тестя соглашался принять портфель заместителя министра. Его фирма крепко стояла на ногах, а новая должность сулила большие перспективы. Шум вокруг моего убийства ему был совсем не нужен. Тестя решил, что выиграет, если дело получит законную огласку, а в глазах общественности он будет выглядеть жертвой криминала. Процесс должен был также отвлечь внимание от некоторых темных дел, в которые влез его концерн.

Все в камере, кроме меня, получали с воли передачи. Никто ни у кого силой ничего не забирал. Однако существовала целая система неписаных правил. Каждый выделял лучшие куски и приносил Надыму. Иногда Надым отказывался, иногда принимал подарки. Спасибо не говорил. Кивал в сторону тумбочки:

— Положи вот туда.

Больше всех передач получал Звездинский. Кроме Надыма, он подкармливал Бормана и Женьку.

«Не верь, не бойся, не проси!» — я изо всех пытался соблюдать эту старую лагерную заповедь. Я ни у кого ничего не просил. Мне доставались почти нетронутые пайки каши, супа, серого тюремного хлеба. Я давился, глотая безвкусную ячку, стараясь не видеть, как рядом пережевывают копченую колбасу, хрустят печеньем и пьют хороший чай. Иногда предлагали куски и мне, но, как правило, я отказывался. Я не хотел попадать в зависимость. Да и ни с кем в камере я близко не сошелся. Звездинский был мне противен своей болтовней и заискиванием перед Надымом, а Борман и Женька вызвали чувство брезгливости... Жвачные животные!

Впрочем, и мне в камере дали очень точную оценку. Однажды меня подозвал в свой угол Надым и, угостив сигаретой, стал расспрашивать о жизни. Врать авторитету было нельзя, и я рассказал ему почти все, кроме убийства.

— А что там произошло в квартире, я не знал. Скорее всего, жена застрелилась сама.

— Ерема, ну ты хлюст! — негромко засмеялся Надым. — Тона тебя любила, а ты ее чик и готово! Даже о дочке не подумал. Хлю-ю-ст... Ну, ступай... С тобой все ясно.

Следствие шло интенсивно. Уже в первую неделю меня привели на место убийства и провели очную ставку с Ириной. Она все отрицала, заявляя, что мою жену не убивала, а в тот день находилась дома.

— Зря упираетесь, — сказал следователь прокуратуры по особо важным делам. — Это вам ничего не даст. Подельник во всем сознался.

Подельник — это, стало быть, я... Следователь, кучерявый, с широкой залысиной на лбу, угощал Ирину и меня сигаретами и даже распорядился снять наручники. Ирина, глубоко затягиваясь, аккуратно стряхивала пепел.

Подельник сознался бы в чем угодно. Поглядите, у него еще синяки не сошли... Если бы вас так молотили, вы бы о всех своих любовниках мгновенно рассказали.

Ирина за эти дни осунулась, но стала еще привлекательнее. Красивая женщина, со светло-пепельными волосами, весело смотрела на следователя, и тому было приятно, что его принимают за настоящего мужчину, имеющего кучу любовниц.

Следователю за сорок... Одутловатое лицо с мелкими морщинками веснушек, светло-голубые глаза и старый форменный китель с вытертым воротником и с одной звездой. Трудяга, разгребающий столичную грязь. За это он получает зарплату, иногда небольшие премии. Все... Начальство в свои ряды его не двигает. Начальником может работать любой, а вот чтобы стать хорошим следом, нужен талант. Следователя, который ведет мое дело, зовут Эдуард Васильевич. В детстве называли Эдиком. Подходящее имя для музыканта или актера. И фамилия подходящая — Коренев. Утонченный, бледно-красивый Интиандр, любимец девочек из когда-то нашумевшего фильма «Человек-амфибия». Фамилия не вяжется с прощатым носом-лепешкой и перхотью на воротнике мундира, хотя Эдуард Васильевич далеко не неряха и не простак.

— Может, и рассказал бы, — согласился следователь. — Кстати, подследственный Ермаков не заявлял, что его забили.

Конечно, он сам себя молотил.

— При задержании всякое бывает... Ермаков пытался скрыться, целился в охранника из газового пистолета, очень похожего на настоящий.

Корнев достал из ящика письменного стола импортный "кольт", который я возил в бардачке и который был действительно похож на боевой пистолет. Темные глаза следователя перебежали с моего лица на лицо Ирины, скользнули по ее легкой блузке и джинсам, туго обтягивающим бедра.

— Саня, не надо наговаривать на себя и на меня... Там в доме, тебя били, но здесь люди вежливые, — сказал Ирина.

Следователь протестующе замахал рукой.

— Отвечайте только на вопросы.

— Признаваться в несуществующем убийстве я не собираюсь, — перебила его Ирина.

Очная ставка длилась два часа и ничего не дала. Ирина все отрицала, а за ней и я отказался от своих первоначальных показаний. Корнев приказал включить видеокамеру и терпеливо ловил нас на противоречиях. Мы упорно стояли на том, что никакого убийства не было, а отец Кати просто мстит нам за любовные отношения и смерть дочери. Корнев очную ставку прекратил и в последующие дни вызывал нас порознь. Я продолжал все отрицать.

— Вы лишь создаете себе лишние сложности, — сказал он. — Вы же прекрасно понимаете, что у нас есть способ заставить вас заговорить.

— Опять будут бить?

— Брось, Саша! Ты угробил невинного человека... Женя, кстати, тебя любила, это утверждают все.

— Я никого не убивал.

— Угробил руками другой женщины, которая тоже тебя любит. Покайся хоть, черт тебя возьми!

Я отворачивался и смотрел в окно следователяского кабинета. За окном шумели машины, переговаривались прохожие. Огромный город жил своей обычной жизнью. Я исчез из этой жизни, и никто и не заметил. Даже мама и отец, которых я уже давно не видел. В свой городок после свадьбы я так ни разу и не съездил. Отец с матерью приезжали пару раз в Москву, но высокомерие тестя и равнодушие Альбины Николаевны их так задели, что больше они в столице не появлялись.

Время обеденное... В камере для меня оставлена каша с баландой и синяя ячневая каша. Быки — Серега и Феня — жрут ветчину и печенье. Следователи в прокуратуре питаются хуже. Эдуард Васильевич снимает книгу и расстилает на столе половинку "Советской России". На чистых листах бумаги разложены бутерброды с колбасой, яйца вкрутую и два куса домашнего пирога с вареньем.

Перекусим? — подмигивает следователь.

Я не выламываюсь и беру бутерброд. Эдуард Васильевич наливает в стаканы крепко заваренный чай. Жую и пью, не докучая друг другу пустой болтовней. Корнев вздыхает и обдумывает какие-то свои невеселые мысли, а может, страдает с похмелья. Как я догадываюсь, закладывает он хорошо. Я его понимаю... От такой жизни и от такой зарплаты запьешь. Но на работе это не проявляется. Эдуард Васильевич злость на мне не сдерживает и разговаривает по-человечески. Он очень не глуп, но не делает умную морду и не строит мне всяких дешевых ментовских ловушек. Приятно, что он не жлоб и не отводит меня в клетку возле дежурки, чтобы в одиночестве сожрать свой обед. Впрочем, я допускаю, что ему выделяются деньги на подкормку арестованных. Ну и что, если выделяют? Когда человек сволочь, то он проедет этим деньги, а арестованного не спросят, кормили его или нет.

Мы по-братски съедаем обед, закуриваем "Нашу марку" и минут на двадцать погружаемся в чтение. Эдуард Васильевич читает "Советскую Россию", а я — "Спид-инфо". Идиллия да и только! Но идиллии не получается. Скорее мы почитаем, и следом с актерской фамилией станет дальше подталкивать меня к признанию. Корнев сидит, погруженный в обличительные статьи "Советской России". Я отрываю глаза от ослепительной задницы, украшенной с разворота "Спид-инфо". Синяки на промежности от башмаков генерала-бульдога у меня уже появились, и несмотря на безрадостное положение мне снова снится женщина.

Интересная газета? — спрашиваю я Корневу, кивая на "Савраску".

Слишком много эмоций... Но как любое издание оппозиции, ее интереснее читать, чем официоз.

Начальство не преследует за коммунистические издания?

— Нет... В обеденный перерыв что угодно читай, а в остальное время раскрывай преступления.

“Ну, сейчас начнется”, — зевая, подумал я.

Коренев неторопливо складывает газету с огромным заголовком “Куда привели Россию?”. Куда привели страну я догадывался. В помойку, если не сказать крепче. Но мне на это наплевать, я об этом не задумывался. Я долгие годы жил совсем в другом мире, и меня мало касались такие вещи, как цены на сахар, чья-то невыданная зарплата и даже война в Чечне. Люди из моего круга в Чечню не воевали.

— Послушай, Саня, — заговорил Коренев, — дело твое не простое, и я о тебе много всяких справок наводил. Даже в Красный Яр не поленился слетать... И вот получается такая картина. Жил в поселке Красный Яр простой мальчик. Любил книги, рыбалку, неплохо учился, в меру балбес, в меру разумный. В семнадцать лет стал кандидатом в мастера спорта по плаванию. Упрямый паренек, молодец!

Мы снова закурили следовательские сигареты. Мне тянуло на сон, потому что ночью я опять плохо спал. Коренев дремать мне не дал и вынул из толстой папки какую-то бумажку.

— Но время безжалостно меняет людей! — Эдуард Васильевич сделал драматический жест. — Вот институтовская характеристика за пятый курс. К учебе относится недобросовестно, от коллектива группы держится особняком, скрытен, допускает циничные высказывания... Ну, это бумажка, а устно тебя описали еще краше. Бабник, эгоист, очень любит красивую жизнь, изо всех сил ищет богатую жену.

— Ну и чего плохого! — огрызнулся я. — Вы, что ль, бабы не любите?

— Люблю, точнее, любил... Скажи, что тебя так изменило? Москва, перестройка, чужая жизнь, богатые компании?

— Знаете, Эдуард Васильевич, не надо меня выставить полным дерьмом! Я никогда не притворялся. Если тянете ниточку к Кате, то я не отказываюсь. Деньги в мою женитьбу сыграли не последнюю роль. Ну и что?

— Ничего. Только почему на столе у твоей жены обнаружил записку, написанную задолго до ее смерти? Это экспертиза установила... “Я от всего устала. Прощайте”. Не вяжется... Обычно такие записки пишут перед самоубийством, а не за полгода до него. Что скажешь?

Откуда я знаю.

Ну ну... А ведь причин для самоубийства я так и не нашел. Не верю в него. И суд не поверит.

Мы закуриваем на прощанье еще по сигарете, и меня провожат в родную шестиместную камеру номер двести девяносто. После одного из допросов Надым преподал мне интересный и очень понятный урок...

Хорошо поужинавшие Борман и Женька весело пихали друг друга локтями, пытаясь столкнуть с лавки. Оба мускулистые, сытые, они не знали, куда девать силу. Тюрьма совсем не угнетала, оба были уверены, что больше никакого приговора не получат, а жрали они за решеткой лучше простого гражданина России — теперь-то я начал это понимать. Надым, зевая, поднялся со своего места.

— Застоялись, жеребцы?

Есть маленько, Алексей Иванович.

Данайте-ка разомнитесь. Кто кого на руках одолеет... Это приз победителю. Участвуют все.

Он положил на стол пачку “честерфильда” и яркую открытку с фотографией голой девицы.

Звездинский участвовать в чемпионате не хотел, но и отказаться Надыму побоялся. Женька и я без труда согнули его руку, а Борман, дурачась и делая вид, что обессилел, припечатал Звездинского костяшками к столу с такой силой, что тот заорал от боли. Попытался выдернуть попикивающую кисть, но Борман сжимал ее все сильнее.

Пустите, слышите...

А ты зачем сам в меня как клещ вцепился? — смеялся Серега.

Больно же.

Брэк! — скомандовал Надым.

Борман разжал руку, и Звездинский испуганно шараясь прочь. Потом выбыл Женька. Силенка у бычка имеется немалая, но я все же прижал его руку к столу. В конце вышли мы с Борманом. И тут началось непонятное. Я был уверен, что мне не выстоять, однако мышцы Сереги выдержали не такими сильными, как я ожидал. Подобное иногда наблюдается у культуристов, накачавших мышечную массу за короткий срок.

Можно повторить? — спросил Борман, повернувшись к Надыму.

Если Сашка не возражает, — пожал плечами авторитет.

Надым первый раз назвал меня по имени. Значит, понял, что я чего-то стою. Мы схватились снова. Отжимая его кисть, я почувствовал, что он поддается мне нарочно. Я тоже ослабил нажим, но Борман не пытался припачкать меня к столу, изображая последние усилия. Зачем это делает?

— Чего вы телитесь? — прыгал от нетерпения Женька.

Даже Звездинский придвинулся ближе, внимательно наблюдая за поединком. Я рывком прижал руку Бормана к доскам стола. Поддаешься, и черт с тобой! Серега потянул кулак и вдруг заявил:

— Хитришь, Ерема!

— В чем я хитрю?

— Локоть незаметно двигаешь...

Обвинение было настолько абсурдным, что я решил не спорить. Но Борман от меня не отставал.

— Локтями по столу может любой возить. Ты попробуй в честном бою помахайся.

Я мгновенно понял, куда клонит Борман. Драки хочешь? Ни хрена себе, честный бой! Да он двоих таких как я на стене размахнет.

— А че не помахаться? — поддержал приятеля Женька. — Не в полную силу, а так, на касание... — Чтоб костяшки не поломать. Разрешите, Алексей Иванович?

Надым насмешливо оглядел меня.

— Сашка, по-моему, не очень настроен. Может, боится... И правильно делает.

— Да вы что, Алексей Иванович! Чтобы Ерема об...ся? Он не трус!

Меня загнали в ловушку. Отказываться значило навсегда прослыть трусом. Начнется такая травля, что привычная жизнь мне покажется медом. Если эти сволочи задумали подлянку, то мордовать меня будут все равно. Ладно, посмотрим!

Я принял вызов. Нам расчистили место в центре камеры, и мы с Борманом встали друг против друга. Моя немалая физическая сила и два года занятий каратэ оказались ничем по сравнению с бешеным напором столярно-логарифмовой туши Бормана. От удара в живот я согнулся пополам, хватая ртом воздух.

— Вперед, Ерема! Не бойсь!

— Серега, пришиби его! — последнюю фразу выкрикнул Женька.

Борман дал мне отдышаться и даже позволил махнуть кулаком. Еще через секунду я валялся на полу, держась руками за костяшку голени, куда безжалостно и точно попал башмаком Борман.

О-о-о...

Ты, запел! — дергался от смеха Женька. — Вставай, Борман, чего разлежся?

Хотели поразвлечься, сволочи? Я вам такого удовольствия не доставлю... Борман ткнул носком башмака меня в бок. Я изловчился и схватил его обеими руками за ногу. Он попытался стряхнуть меня, но я держался крепко, мотаясь из стороны в сторону вместе с его ногой. Борман, нагнувшись, ударил меня кулаком по затылку. Перед глазами заплескали огненные чертики. Еще удар! Я вцепился зубами в голень, Бык заорал от боли.

Убью, сволочь!

На меня сыпался удар за ударом. Наверное, я потерял сознание, потому что очнулся, лежа на полу лицом вверх. Борман лил на меня воду из кружки. Я попытался встать и, из-за боли, снова растянулся на цементе. Борман обхватил меня крепко, но представления, которого они хотели, не получилось. Спустя полчаса я кое-как отполз на свою верхнюю шконку и не слезал оттуда. Кажется, я получил сотрясение мозга: тошнило, болела голова, а левая половина лица превратилась в кровоподтек.

Что случилось? — спросил надзиратель.

Упал.

Медицинская помощь нужна?

Нет... Оклемаюсь и так.

Меня освободили от очередного допроса. Звездинский сварил крепкого чая, а Женька передал булку, кусок хлеба и пачку "честерфильда".

От Алексея Ивановича, — шепнул он.

А сам Алексей Иванович на следующий день вполголоса рассказывал меня на путь истинный:

Ты, Сашка, не дури... Дело, считай, доказано. Упирайся на нечего. Кайся. Пойдешь в отказ — до суда не доведешь. Понял?

Да.

И хорошо понял Надыма и на допросах больше не сопротивлялся. Эдуард Васильевич Коренев занес мои показания в протокол и снова провел очную ставку с Ириной. Я

монотонно пересказал, как было организовано убийство, но Ирина все отрицала.

— Как хотите, Ирина Владимировна, — пожал плечами Корнев. — Доказательств достаточно...

В июне состоялся судебный процесс. Тестю как подготовился основательно. Меня полоскали, как тряпичную тряпку. Собрали все, что можно, и перед судом предстал вконец разложившийся тип. Раскопали давнюю историю с Валеи: я соблазнил невинную девушку, зачала от меня ребенка, а я бросил их обоих. Жена ради денег на другой девушке и хладнокровно подстрелила ее убийство. Не задумавшись, что убиваю мать своего ребенка. Справедливости ради скажу, что портрет моего ребенка нарисовали довольно точно.

Даже адвокат вел защиту так, что по его словам мне лучше бы прихлопнуть. Для общей пользы. Прокурор требовал смертной казни, и в зале захлопали в ладоши, вздрогнул. К смерти я еще не был готов. Ирину публике воспринимала с сочувствием, считая, что она пошла на убийство подруги из-за любви ко мне.

— Вы любили его? — спросил судья.

— Да, — коротко ответила Ирина.

В зале возбужденно загомонили.

Моих родителей на суде не было. Спасибо тестю за это... Мне дали последнее слово. Оглядев зал, Альберт Николаевич, Ирину, журналистов, хмурого следователя Корнева, я хотел сказать что-то вроде "простите меня", но в горле у меня что-то сжалось, и я молча опустил голову.

ГЛАВА 7

Я получил пятнадцать лет общего режима. Ирину — четырнадцать. Несмотря на сочувствие публики, судья влепил ей почти полный максимум, великодушно сократив лишь год. А меня через пару дней перевели в общую камеру на сорок человек. Кто-то решил показать мне, что такое настоящая тюрьма.

Двести девятая камера по сравнению с общей выглядела курортом. В переполненном помещении пахло потом, нечистым бельем и плесенью. Стоял прерывный гомон множества голосов, а под потолком клубился табачный дым. Здесь я нагляделся такой чужой, о которой раньше мог только догадываться...

...как грабят, вытряхивают из одежды всех, кто попадает сюда. Как насилюют, избивают и пинком гонят к параша "осужденных".

Умного, авторитетного уголовника вроде Надыма в этой камере не оказалось. Верховодила какая-то новая мафия, не придерживавшаяся воровских законов, жившая не "по понятиям". Ночью я просыпался от шума разбития. Кого-то безжалостно молотили ногами, и глухие удары башмаков о человеческую плоть заставляли меня дрожать от напряжения и ненависти к уродам, вершившим суд. Я забывал, что сам попал сюда за убийство женщины и был ничем не лучше остальных.

Медленно проходило лето, необычайно душное и жаркое. Может, мне это только казалось, и лето в городе было самым обычным, но переполненная камера древней тюрьмы нагревалась, словно кофегарка. Пол и стены потели, заливали водой, однако это не помогало. Испарения воды и запах долго не мытых тел превращали воздух в липкую, вязкую смесь, которой было невозможно дышать.

Я не спал сутками. Тяжелый, прерывистый сон, в котором, обессилев, погружался на час-два, не приносил облегчения. Я ходил вялый, как весенняя муха, и желал только одного — вырваться из этих стен. Про меня словно забыли и решили сгноить. Я дважды обращался на прогулках к надзирателям — когда меня отправят в колонию? Надзиратели записывали мою фамилию и обещали выяснить. Я просил ускорить отправку и намекал, что сумею благодарить. Всерьез мои слова не принимали.

Между тем, деньги у меня имелись. Доллары и рубли, спрятанные в сейфе и в мелких тайниках квартиры, которые, конечно нашел. Но еще год назад я зарыл под забором, неподалеку от дома, целлофановый пакет с тысячами долларов. Помню, я подсмеивался над собой, когда, поглядывая по сторонам, копал на расчистке, а затем маскировал ее. Вряд ли кто нашел мой клад. Это было все, что осталось от огромных сумм, принадлежавших мне и Кате.

Однажды среди ночи кто-то толкнул в плечо.

Грмаков?

Я...

Тебе привет...

Мгновенная острая боль распорол живот. Я рванулся, пытаясь подняться, но боль еще раз пронзила тело, и я потерял сознание...

Заточка делается просто. Берут кусок арматурного прута, шпильку, на худой конец — обрезок толстой проволоки, заостряют на наждаке или напильником, обматывают изолентой рукоятку, и вот страшное и простое тюремное оружие готово... Если нет под рукой напильника, железяку можно заточить о кирпичный подоконник или цементный пол. В человеческое тело эта штука входит, как в масло. Один Бог знает, сколько людей отправлено на тот свет с помощью заточек в лагерях еще со времен Лаврентия Берии.

Я едва не стал одним из них. Меня притащили в санчасть уже без сознания, и к утру я должен был умереть. Но не умер. На мое счастье в ту ночь дежурил старый тюремный хирург. Еще не очухавшись толком от стакана спирта, принятого на сон грядущий, он осмотрел меня и приказал класть на операционный стол. Похмелившись, взялся за дело. Всю ночь резал, чистил и зашивал мои кишки. Операция прошла удачно. Мне влили литра полтора консервированной донорской крови, и спустя несколько часов я открыл глаза.

— Все в порядке, — теперь выкарабкается, — сказал кто-то из врачей.

И сглазил... У меня началось заражение. Я терял сознание, снова приходил в себя и, с трудом ворочая разпухшим сухим языком, пытался что-то сказать. Что? Я сам не знал. Я очень хотел жить и боялся смерти. Этот страх заставлял меня тянуть навстречу хирургу руку, про черченную багровыми полосами воспаленных лимфатических узлов. Сделайте хоть что-нибудь! Мне ведь всего двадцать восемь лет. А сколько было Кате, когда она умерла? Двадцать четыре... Она не умерла — ее убили. Кто? Я опять погружался в беспамятство.

Меня спасали, насколько позволяли возможности тюремной санчасти. Хирург сделал еще две операции, кто-то из осужденных сдал кровь для переливания. Но ничто не помогало. Однажды я услышал бубнящие голоса двух санитаров. Они не знали, что я их слышу, а скорее всего им было просто наплевать.

— Долго этот парень держится...

— Держись не держись, а против смерти не попрешь. Врачи базарят, еще день-два — и конец... От него уже ничто не несет.

— Так ссанье ведь никто не убирает.

— Возьми да убери.

— На хер он мне сдался! Когда умрет, надо Витьку сюда переложить. Он просил. Место хорошее, возле окна.

— Давай сейчас кровати поменяем.

— Хирург разорется. Пусть на своем месте помирает... Но, а ведь он плачет.

— Кому помирать охота... Эй, парень, может покурить хочешь?

Я хотел ответить, что хочу курить и не хочу умирать, но сил не хватило, и я опять погрузился в забытие. Чем закончился разговор сердобольных санитаров, не знаю.

После одного из уколов мне стало легче. На край кровати села медсестра и, заглядывая мне в глаза, спросила:

— Ты можешь разговаривать?

— Да...

— У тебя заражение крови, нужны дорогие лекарства. Родственники в Москве есть?

— Нет.

— Тогда ты умрешь.

Широкоскулое лицо медсестры было усыпано мелкими веснушками. Откуда она взялась? Женщин в тюремной санчасти мало, но я, кажется, ее видел. Когда меня привозили сюда после разговора с тестем.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Фраза далась в три приема. Язык не слушался, и я собирался с силами после каждого слова.

— Таня.

— Отец живет... в Красном Яру. Дайте телеграмму.

— Будет поздно, — покачала она головой. — Если уже не поздно.

— Отец живет...

Я попытался повторить адрес своих родителей. Таня меня перебила.

— Никто такую телеграмму официально давать не будет.

— Ты...

— Наверное, хотел попросить, чтобы телеграмму дала мать. Таня меня поняла.

— У меня зарплата шестьсот тысяч. А вас вон сколько. Будет поздно будет. Пока соберется, пока приедет.

— Ты...

В голове заклинило. Я повторял слово "ты", как часовой механизм, и шарил рукой, пытаюсь поймать ее руку. Слово смерти — самый сильный из всех страхов — рвался из меня, меркнувшее сознание и умолял о помощи. Я никог-

да не поверю, что люди могут не бояться смерти. Чтобы это понять, надо самому пройти по ее острию.

— Хорошо, я дам телеграмму и найду лекарства на первые десять инъекций. Твой отец сможет со мной рассчитывать?

— Да. Я сам смогу...

Я хотел сказать, что у меня есть деньги. Четыре тысячи долларов. Надо пойти и выкопать их. Но объяснить, где лежат доллары, было выше моих сил. В голове все путалось, и я тут же забыл про эти тысячи.

— Таня...

— Ну что тебе?

— Я... Я...

Приехал отец и привез деньги. Каждые два часа мне делали уколы. Боли я уже не чувствовал. Последующие дни отложились в памяти как бесконечные провалы в сознании. Были чьи-то голоса, лица отца, медсестры Тани... Потом я впервые попросил есть. Меня поили бульоном, и сильная боль обжигала желудок.

— Больно...

— Это хорошо, что больно. Значит, оживаешь!

В те дни мне впервые приснилась Катя. Побывав возле смерти, я вдруг с ужасом понял, что убил человека. Зачем? Теперь я этого не знал. Кажется, я хотел свободы... Что это такое?

Отец прожил в Москве месяц. Через день приходил ко мне в санчасть. Приносил куриный бульон, котлеты, чай, заваренный в китайском термосе.

— Не говори ничего маме, — попросил я.

Про мое ранение мама не знала. Для нее было достаточно репортажа, увиденного по телевизору. Сын получил пятнадцать лет за убийство жены! Вот почему полгода не приходило писем. С мамой сделалось плохо. Ее увезли в больницу. Она уговаривала отца ехать в Москву, но знакомые убедили, что ехать нет смысла. Лучше дождитесь, пока сына направят в колонию. Там легче получить свидание. И вот телеграмма от медсестры Тани.

— Ты с ней рассчитался, батя?

— Нормально... Да она много не взяла. Я ей рыбешки привез, меду.

Мед отец привез и мне. Но двухлитровую банку в первую же ночь украла. Отец очень переживал. Он сходил на рынок и купил еще одну банку. Теперь приносил на

большими порциями. Отец меня побрил, сменил белье и неторопливо рассказывал домашние новости.

Под монотонный голос отца я начинал дремать. Слышал, как подходили санитары, хвалили меня (молодец, парень, крепко держался, не ныл!) и стреляли у отца папиросы.

Я выздоравливал. Отца предупредили, что разрешенный на свидание он больше не получит, и ему лучше вернуться домой. Отец расплакался и обещал приехать с матерью в колонию, куда меня направят. Я успокаивал отца, а он уговаривал меня, чтобы я не падал духом.

Это ничего, что пятнадцать лет. Трудись хорошо, и могут освободить раньше.

— Конечно, батя.

— Я Тане пятьсот тысяч на еду и сигареты оставил. Хорошая она девушка. Кажется, ты ей нравишься.

Я это знал. Таня под всякими предложениями крутилась возле меня, и в глазах у нее появлялось такое же глуповатое влюбленное выражение, как когда-то у Кати, а поз-же — у Ирины.

Хорошая девушка, — повторил отец.

Я смотрел на него и думал, можно ли его просить выкопать те четыре тысячи долларов и пронести часть денег мне в санчасть. Батя был хорошим надежным человеком, но для такого дела не годился. Слишком честный... Через несколько дней он пришел в последний раз.

— Береги себя, Саня!

— И ты тоже. Прости, что все так получилось.

— Чего ж теперь!

— Маме ничего не говори. Я ей потом сам напишу.

— Ладно.

Мы простились, и я снова остался один. Вечером пришла медсестра Таня и часа два просидела у кровати. Я рассказывал ей что-то смешное, Таня тихо смеялась. Подошел санитар, кажется тот, который предлагал поменять свидание с Витькой. Санитар отпустил Тане комплимент и пристроился рядом с нами.

— Слышь, топал бы ты к своему Витьку, — не выдержал я.

— А че, мешаю? — окрысился тот. — Тут места не хватает.

Я напарил на тумбочке кружку с чаем и молча запустил чайник. Санитар стряхнул с воротника остатки заварки и, вернувшись, поплелся из палаты. Почувствовал, что под дверью остальных эков не на его стороне.

Таня смотрела на такие стычки спокойно. Привыкла за шесть лет работы. А я ей действительно нравился. Мы говорили о каких-то пустяках, я пытался острить, и впервые за много недель мне хотелось женщине. Я гнал из башки эти мысли, понимая, что ни к чему хорошему они не приведут. Впереди четырнадцать с лишним лет лагерей. Я выйду на свободу, когда мне будет за сорок. Глубокий старик. Так мне тогда казалось. Я уставал от Тани, от ее круглых коленок, коренастого, крепко сбитого тела. Близость и недоступность женщины раздражали. Я положил руку ей на колено, потом передвинул руку выше. Таня вздохнула, но продолжала сидеть неподвижно. Потом сняла мои пальцы и осторожно пожала их. А может, мне и показалось.

Дело о нанесении мне тяжких телесных повреждений вскоре закрыли. Я бы и не смог опознать человека, который нанес два удара сорокасантиметровой заточкой. Никто из моих соседей по нарам, как водится, ничего не видел и не слышал. Отпечатков пальцев на заточке тоже не обнаружили. Связывать попытку убийства с моим тестем следователь не хотел, да и какой с того был бы толк? Такие вещи недоказуемы и делаются за большие деньги через очень надежных людей.

Я был уверен на сто процентов, что это заказ тестя. Кому еще понадобилось убивать меня? Врагов в тюрьме у меня не было, ни в каких разборках я участия не принимал. Ошибка тоже исключалась. Прежде чем воткнуть заточку, меня вежливо спросили, действительно ли я Ермаков. Что я с дури и со сна подтвердил.

Но почему меня не добились? Это легко можно было сделать в санчасти, пока я висел между жизнью и смертью. Скормить, например, таблетку клофелина, и мое почти не существующее сердечное давление упало бы до нуля. Или просто положить на лицо подушку, пока я находился без сознания. Я знал, что жизнь в тюрьме ценится дешево, и успел в этом убедиться.

За время пребывания в общей камере при мне дважды выносили мертвецов. У одного из арестованных была разбита голова. Я знал, что его убили ночью и даже слышал крики. Но как и остальные в камере я ничего не сказал оперативнику, проводившему расследование. Убитый принадлежал к группе, торговавшей наркотиками, и на суде болтанул что-то лишнее.

Он со шконки свалился! — громко объяснил кто-то из черных паханов, и это дружно подтвердили с полдесятка подпевал.

Другого человека просто сгноили. Он был уже в возрасте, толстый и страдал от высокого давления. Жару он переносил особенно тяжело. Однажды у него началось обильное кровотечение, толстяк пытался вызвать врача, но повинуясь чьей-то команде, его силой держали в глухой камере и не давали кричать. Лекарства у него отбились и выбрасывали в унитаз. Толстяк кому-то мешал, но бить или душить его не стали. Он умер сам от сердечного приступа в невыносимо липкой жаре переполненной камеры. Его унесли, и даже не пришлось проводить расследования. По слухам, толстяк, недовольный полученным сроком, грозил заложить кого-то из высоких лиц и сам самым подписал себе приговор. Болтали и другое. Толстяка заказала жена, чтобы получить квартиру, деньги и какое-то барахло. Уголовники исполнили заказ за пакет пачки и несколько блоков сигарет.

С такой же легкостью прикололи и могли добить меня, но почему-то не довели дело до конца. Неужели решили отпадать? Вряд ли...

Я попросил Таню позвонить следователю Кореневу. Таня смотрела ожидающими глазами. Я потянул ее к себе.

— Попаду я с тобой, — шумно выдохнула она.

Ее некрасивое широкоскулое лицо раскраснелось. Я ухватил руку в разрез халата, нащупал бюстгальтер и полез дальше. Голая грудь и напрягшийся сосок обожгли ладонь. Таня оглянулась. Человек семь арестантов, находившихся в палате и настороженно следивших за нами, ошарашенно отвернулись. Кто-то закашлялся. Морячок из Ленинграда, попавший в Москву вместе с наркотиками, ошарашенно посоветовал:

Водички выпей.

Медсестра отодвинулась и громко спросила, какая у меня температура, я не сразу сообразил и сказал, что еще не мерил. Снова отозвался морячок:

— Нормальная. Только по ночам ворочается... Девушки, наверное, снятся. Пошли покурим, что ли...

Заки потянулись в коридор. Последний аккуратно приоткрыл за собой дверь. Я обнял Таню. Халат задрался, обнажив ноги до самых бедер. Моя рука полезла уже совсем куда не надо. Таня, опомнившись, вскочила:

С ума сошли!

- Я тебя хочу.
- Хотеть не вредно.

Идиотская поговорка!.. Теня закусила губу и внимательно посмотрела на меня, что-то решая.

— Я дежурю завтра в ночь, — наконец проговорила она и, запнувшись, добавила: — Следователю я позвоню...

Волосы у Тани были взбиты и покрашены в пепельный цвет. Этот цвет мне всегда нравился. Накладные пушистые ресницы искрились французской тушью. В своем аккуратном белом халате и белой шапочке Таня напоминала снегурочку с сельской елки. Она очень хотела выглядеть красивой и нравиться мне.

Таня ушла. Начали по одному возвращаться мои соседи по палате. Морячок подсел ближе, хлопнул по плечу.

— Мы хоть поглядели, Санька, как баб щупают! А ты забыли... Жаль, не до конца дело довел. Считай, и мы бы поучаствовали заочно.

Грудь морячка облегалась заштопанная тельняшка, а на правой кисти синела пессимистическая татуировка "Нет жизни счастья". Он получил восемь годков за торговлю марихуаной и считал, что его подставил капитан:

— Сволочь! Я еще с ним разберусь.

Я сомневался... Восемь лет по сравнению с моими пятнадцатью, конечно, ерунда. Но их тоже надо отплатить...

Эдуард Васильевич Коренев принес свежие газеты и яблоки в целлофановом кульке.

— С собственной дачи, — похвалился он. — Шоколад и сигарет не жди. Зарплату задерживают.

— И вам тоже? — удивился я.

— А кто мы такие? Прокурорские крысы. Тянем лимит до пенсии. Попробуй пикни!

— Мне кажется, на ваших должностях можно обходиться и без зарплаты.

— На взятки намекаешь?

— Конечно.

Мы сидели с Корневым в пустой ординаторской, на нас никто не мешал. Курили все ту же "Нашу марку".

— Взятки, Саня, штука тонкая.

— Скажете, не каждый берет?

— Не каждому дают.

— А вам, Эдуард Васильевич?

— Мордой не вышел, — засмеялся Коренев. — Да и привык я чего-то к ним. Пока обхожусь.

— Я так и понял. Поэтому хочу с вами посоветоваться. Что мне делать?

Следователь не стал уточнять, что я имею в виду. Коренев все понимал.

Тебя должны отправить по этапу в какую-то колонию. Чем дальше от Москвы, тем больше шансов у тебя выжить. Здесь ты мозолишь глаза. Надо, чтобы ты исчез, тогда, может, про тебя забудут. Сибирь, Урал, Каспий, куда-нибудь подальше. Собственно, я предвидел эту ситуацию и еще до суда послал бумагу в МВД. Считал целесообразным направить тебя подальше от столицы. Но не все от меня зависит.

Сигарета слегка подрагивала в его толстых пальцах. Я разглядел сетку красных склеротических прожилок на веке. Наверное, он по-прежнему крепко выпивает. А какое у него еще радости, кроме возни с такими уродами, как я? Несколько месяцев подряд мы встречались с Корневым и успели изучить друг друга, видя мелочи, которые всегда замечали другие. Вначале я изворачивался и лгал, потом говорил правду. А Коренев говорил правду всегда.

— Ты изменился, Саня.

— Осознал, прочувствовал...

— Полгода назад ты был сытым, хоть и напуганным животным. Что-то похожее на тугой мешок с дерьмом.

— А сейчас?

— У тебя новое выражение в глазах. Почти человеческое.

— Вы, случайно, рассказы не пишете? — усмехнулся я.

— Психологические! О перевоспитании преступников.

— Нет, рассказы не пишу. Про Чикатило, правда, статью однажды написал. Направил в "Человек и закон", а ее не печатали. Журналистка какая-то опередила.

— Вы ловили Чикатило?

— Ловил... Отощал, Саня, ты. Как арматура стал.

— Так месяц почти ничего не жрал. Ну, сейчас ничего, бегаю.

— И говорил с врачом. Недели через две тебя выпишут. На какой этап включают, не знаю. Я пытался в спецчасть попасть, но там молчат. Ты на особом контроле. Чую, не выпустят без твоего тестя. Кстати, ты знаешь, кто он теперь?

— Откуда?

— Заместитель министра. Назначили неделю назад.

— Ну, блин, у нас и страна! Он же уголовник чистой воды... Как и я.

Я понял, что моя жизнь полностью по-прежнему зависит от тестя. Если он забудет про меня или решит, что я наказан достаточно, то, может, выживу. Когда прощались, Коренев сунул мне остатки сигарет. Мы стояли у двери. Я чувствовал, что он хочет сказать что-то еще.

— Что? — спросил я.

— Слушай, не хотел говорить тебе. Вроде ты еще больной, не оклемался... В общем, Ирина умерла.

— Когда?

— Месяц назад. Повесилась в камере.

— Непохоже на Ирину. Она сильная женщина. Можете повесили?

— Может. В общем, ты меня понял... Тебя, конечно, сумеют достать и на Чукотке, но вряд ли кто станет гордиться огород, посылать людей на край света. Подождем, может сработает моя бумага. Если что, повторю запрос.

— Спасибо, Эдуард Васильевич.

— Прощай, Саня...

Запрос следователя прокуратуры Коренева сработал точно до наоборот.

Прибежала Таня и сообщила, что пришла разнарядка и меня направляют в одну из колоний под Владимир.

— Ты представляешь! Всего двести километров, мы можем видеться каждый месяц. У меня в той колонии знакомая врачиха есть. Поможет свиданки устроить. Ладно, пока! Вечером увидимся.

Сегодня Таня опять дежурила в ночь. Три дня назад она отдалась мне и теперь уже смотрит на меня как на свою собственность. В отношении меня у нее уже имеются планы. Я отбываю наказание где-то недалеко от Москвы, она приезжает ко мне на свидания, честно тружусь сварщиком или библиотекарем, а Таня через своих знакомых помогает мне досрочно освободиться.

Господи, я мало чего хорошего делал в жизни женщины, но они почему-то верят мне! И влюбляются. Мне жалко Таню. Ничего у нас не получится. В моем положении только и дурить ее. Напой сладкого в уши, наобещай и получишь все, что хочешь. Назло себе и Тане, я говорю правду. По моей расстрельной статье меня не освободят раньше, чем через десять лет. Это огромный срок. Целая жизнь. Дадут ли мне ее прожить...

Мы лежим с Таней на узкой кушетке в ординаторской. В окно видна будка с охранником и луч прожектора, освещающий внутренний двор. Она в очередной раз повторяет: это очень здорово, что меня направляют во Владимир. Будем совсем рядом. Я осторожно расспрашиваю, почему я попал именно туда. Ведь большинство осужденных, особенно за убийства, отправляют подальше от столицы.

Вообще-то я просила девчонок в спецчасти, — говорит Таня. — Но, кажется, они тут ни при чем. Разнарядка пришла сверху.

Хреново! — вырывается у меня.

Почему?

Я не хочу объяснять Тане историю своих взаимоотношений с тестем. Зачем ей лишние заморочки? Но кое-что она догадывается.

За что тебя пытались убить?

Скорее всего, по ошибке. Приняли за другого.

Ничего себе ошибка! Не слышала я про такое. А тогда, ты на миллионерше был женат?

Правда.

И как вы жили? Небось икру ложками трескали?

Снова как символ богатства всплывает икра. Таня лежит на боку и, опираясь на локоть, смотрит мне в лицо.

Трескали, — обнимая ее за бедра, признаюсь я.

И на Канары летали?

Летали два раза.

Чего так мало?

Так получилось. Больше не удалось.

Денег не хватило? — насмешливо спрашивает Таня. С полминуты подумав, добавляет. — Терпеть не могу этих русских". Наворовали под завязку и людей за это считают.

Завидуешь?

Вот еще! — фыркает Таня, но продолжает прижиматься ко мне всем телом.

Моя рука осторожно гладит ей спину. Пальцы вжимаются в бедра, Таня закрывает глаза. Мы занимаемся любовью под тонкий писк радиоприемника, наигрывающего веселую песенку. Таня стонет. Ее тело напрягается, а ноги прижимаются мне в спину. Потом Таня бежит в угол за занавеску делать свои женские дела, а я закуриваю сигарету.

Тане двадцать шесть лет, сыну — пять. Она уже была замужем, и после развода год жила с лейтенантом

из оперчасти. Лейтенанта перевели служить в Главк, и отношения сами собой прекратились. Я в глазах Таня окружен романтическим ореолом. Роковая любовь, тайны высшего света, смерть жены от руки любовницы. Таня не догадывается об истинных причинах убийства. Я думаю, что во мне самом мало чего загадочного. Я действительно, как говорил Коренев, был тогда просто самым самцом, нюхнувшим сладкой жизни. Теперь все это осталось позади, и один Бог знает, что будет со мной дальше.

— Не спи! — теребит меня Таня. — У нас осталось всего три ночи. Ты любил свою жену?

Я еще не привык к ее манере перескакивать с одной темы на другую. И вопрос слишком в лоб. Я медлил с ответом.

— Она была красивая? Ты ее любил?

— Нет, она не была красивой. А любить ее я, наверное, не любил.

— Зачем женился? Из-за денег?

Она лежит на животе и болтает в воздухе пятками. В полутьме белеют ягодицы.

— Таня, давай не будем про это...

— Давай. А меня ты любишь?

— Не знаю.

Таня замолкает. Наверное, она хотела услышать от меня другие слова. Я осторожно целую ее в щеку и шепчу:

— Ты мне очень нравишься и мне хорошо с тобой.

— Правда?

— Правда.

— Обманиваешь! Привык там к разным артисткам и манекенщицам. За доллары кого угодно можно купить.

— Дождись! Меня к ним жена на пушечный выстрел не подпускала.

— Ну и молодец!

Таня рискует. Романы медсестер с осужденными — такая и редкость, но если об этом узнает начальство, работы женщин выгоняют. Мне хочется сделать для Таня что-то приятное, и я рассказываю ей про спрятанные четыре тысячи долларов.

— Их легко найти, — я подробно описываю место в саду, под деревом, под которым надо копать. — Если доллары никто не нашел, возьми себе.

— Да ты что! Такая сумма! Мне не надо.

— Таня, это не сумма... В день ареста тесть выгреб у меня полста тысяч наличными в кабинете и почти столько же пропало на валютном счете.

Хорошо, я постараюсь их найти, — говорит Таня. — Подожди, а почему ты говорил, что Владимирская обещала? — это хреново? Ты не хочешь быть рядом со мной?

Я там долго не протяну.

Почему?

Неизвестно зачем я рассказываю Тане про свои отношения с тестем и о разговоре со следователем. Для чего? Ведь ли мне сможет помочь девушка Таня, медсестра из тюремной санчасти. Но я хочу жить, и Таня моя последняя надежда.

Значит, получается так... Если будешь рядом со мной, ты умрешь. А чтобы жить, тебе надо уехать далеко от меня. Дрянь дело. Может, ты все это выдумал? Или тебе не только кажется?

— Может быть, — пожимаю я плечами.

Нет! Похоже на правду... Тебя ведь уже пытались убить. За окном ноябрьская ночь. На носу зима. Доживу ли я до весны?

Меня выписали из санчасти и перевели в общую камеру. Она не такая большая, как та, где мне всадили в живот шпильку. Человек двадцать. Здесь я неожиданно встретил Ваньку Бычка. Встретились, как родные. Рэкетир сразу предложил:

Топай к нам. Вон там, в углу, наша бригада.

Я посмотрел на маячившие в углу такие же бритые головы-шары и отказался.

Я уже занял шконку. Рядом с дедами, спокойное место. После санчасти слабый еще. Сплю целыми сутками.

Ну, как хочешь, — сразу согласился Женька. Он не спросил, почему я угодил в санчасть, зато с удовольствием вспомнил, как мы дрались с Сергеем. — Молодец, не трусил! Борман мужик крутой, мог и насмерть пришибить.

Где он сейчас?

На свободе, конечно. Полностью и подчистую оправдан. Свидетели изменили показания. Ошибались они. Ты мне передатку уже с воли прислал. Во, "Кэмел". Ну уривай!

Я закурил дорогую сигарету. Коренев себе такие позволить не может.

— А Звездинский?

— Три года условно... Уже на свободе, по телевизору его видел. Жаловался, что неправильно осудили. А вот Алексею Ивановичу не повезло.

— Что случилось?

— Он еще в августе освобожден. Уехал к себе, в Самару, а там его хлопнули, расстреляли в собственной машине.

В голосе Женьки особой скорби не чувствовалось. Воровской авторитет Надым был из совсем другого поколения, которое не очень-то жаловало молодых тупых бычков вроде Бормана или Женьки.

— А у тебя как дела? — спросил я.

— Судья что-то задурил... За отрезанное ухо два года общего режима влип. Во вторник пересуд будет. Обещали на условное переделать.

На том и закончился наш разговор с бычком Женькой. Через несколько дней его освободили, а я продолжал ждать. Этап почему-то задерживался. Я устал от тюрьмы и мечтал о колонии. Там какой никакой простор: бараки, двор, промзона, даже деревья растут. Можно дождь рукой пощупать. А тюрьма — это "крытка", клетка, которую я уже не мог выносить. Но судьба готовила мне очередную неожиданность.

В один из дней Таня устроила мне вызов в санчасть. Минут на десять нас оставили одних в перевязочной.

— Прощаемся, милый, — она положила мне на колени сверток. — Здесь свитер, теплое белье, кое-что из еды.

— Спасибо, Танюшка, — я поцеловал ее в шею. — Чего плачешь? До Владимира три часа езды. Через неделю увидимся.

— Нет, Саня, все меняется. Ты прости, что за тебя решила... Сегодня ночью уходит этап на Ростов, ты в него включен.

— Зачем?

— Ты сам говорил, что тебе надо уехать подальше от Москвы. Из Ростова тебя повезут в Дагестан. Там недалеко от Чечни есть колония общего режима номер восемь. Последние годы туда никого не направляют, но для тебя сделано исключение... за две тысячи долларов. Я уговорила начальника спецчасти, и он согласился рискнуть.

— Почему именно в Дагестан?

— Твою анкету переписали, а паспорт потеряли. Теперь ты родился в Дагестане, и тебя туда направляют.

автоного жителя. В общем-то, это не совсем Дагестан. Автономный район, который не поймешь, кому подчиняется. Я слышала про эту колонию. Там случается всякое... решают личные дела, статьи. У кого есть деньги, могут выпустить человека, и он сидит вместо преступника. Понимаешь? Или покупают фиктивные справки о смерти. Здесь в России ты будешь сидеть лет десять, пока не попадешь на условное освобождение. Если раньше тебя не прикармливали. А там сможешь освободиться через год-два, были у меня деньги. Тысяча восемьсот долларов у меня осталось. Приезду их весной, в марте. У меня отпуск, я приеду. И увидишь, там на Кавказе тебя вряд ли достанут те люди, которые тебя резали. Понимаешь?

Понимаю.

Сейчас Таня уже не напоминала влюбленную девочку, испытывающую о моих чувствах к жене. Она спасала свою жизнь и прокладывала мостик к свободе.

Мы попрощались... Торопливо и деловито, словно завтра собирались встретиться снова.

Я тебя люблю, — сказала Таня.

Я тебя тоже люблю...

Я не обманывал ее. Мне казалось, что у меня никогда не было более близкого человека. А может, жизнь, толкнув мордой в дерьмо, что-то сдвинула во мне, и я любил не только себя...

Я ехал на юг. Старый столыпинский вагон гремел на рельсах. Зеки вокруг меня смолили дешевые сигареты и вели неторопливые дорожные разговоры. В каких зонах лучше кормят, будет ли амнистия, и о том, что зима в Ростове теплая, не то что в Москве.

Я тосковал по Тане. Я не верил в сказку со счастливым концом и почему-то знал, что мы уже не встретимся...

В Ростове меня притормозили. В восьмую колонию порядок нет! Направляют по специальным запросам не только лишь местных жителей автономного района. Ушли начальник спецчасти, зная это еще в Москве, переделав мою анкету, и я числился уроженцем Кавказа. Паспорт благоразумно утеряли, но возникла нестыковка с договором (там указывалось другое место рождения).

Пока связывались с Москвой, я два месяца просидел в автономском изоляторе. Нахватался вшей и жестоко подкашлялся с двумя бандитами, пытавшимися вытряхнуть меня из свитера. Танина вещь мне была слишком дорога, и я

схватился насмерть. Мне сломали ребро и всмятку расколошматили лицо. Но и я, не обращая внимания на боли, измолотил в кровь обоих, одному переломил руку и не помня себя бросался на надзирателей.

Меня сунули в карцер. На грудь наложили тугую повязку, и на этом медицинская помощь закончилась. Кто сказал, что в Ростове теплые зимы? В те дни зашкаливало двадцать, особенно ночью. От боли и холода я не мог спать и часами ходил взад-вперед по каменной коробке. Сквозь узкое решетчатое окно блестили колющие декабрьские звезды. Первая зима в неволе, а сколько их еще впереди!

Моим напарником по карцеру оказался бывалый зек Сутулый, почти горбатый, весь свитый из усохших твердых мышц, он чувствовал себя в карцере, как дома. Зек носил непонятную кличку Карлон и имел за плечами кучу судимостей. На меня смотрел вначале недоверчиво, но, дозревая "наседку", но после долгого, пристрастного разговора убедился, что подозревать меня не в чем.

Уже на вторую ночь он кипятил в кружке чифир. Делалось это профессионально. Карлон скручивал из ваты тугий фитиль и на крохотном огоньке понемногу нагревал кружку. Затем осторожно высыпал в кипяток полпачки чая и закутал кружку в бушлат.

Пальцы и кисти рук Карлона были густо покрыты татуировкой. Сквозь расстегнутую рубашку тоже виднелись наколки.

— Седьмая ходка, — сказал Карлон. — Юбилейная. И влупили тоже семерик. Но я год уже в тюрьме отсидел, так что всего ничего осталось.

Карлон сидел за кражи, которыми занимался с тринадцати. Сейчас ему было за сорок. Он ни дня в своей жизни не работал, не имел ни семьи, ни детей и глубоко презирал женщин. Говорил о них исключительно похабщиной и хвастался, что переспал с двумя сотнями баб.

— Бывало штуки по три-четыре пропускал. Во все дырки их имел...

При этом он беспрестанно матерился и плевал на пол. От его похабщины и слюны меня едва не стошнило.

— Прекрати харкаться! — не выдержал я.

— Чистоплюй нашелся!

— Сейчас мордой вытирать будешь!

Я был гораздо сильнее Карлона и поднаторел в тюремных стычках. Это Карлон почувствовал сразу и выделяться не стал.

Но в общем-то жили мы с ним дружно. При всем пренебрежении к женщинам, Карлон осуждал меня за убийство, считая, что лишать жизни людей — самый большой грех. Он предлагал мне чифир, но я отказывался. Бурый, густой чай с деготь отвар внушал отвращение. Зато от самокрутки с анашей я не отказался. Хотелось хоть на час уйти от промозглого тюремного холода и решеток на окнах. Я медленно затыкался, и бубнящий говор Карлона уплывал все дальше и дальше. Я видел море, пальмы, желтый песок, и, дразня, ускользала от меня красивая итальянка Нибель. Потом я вдруг оказался дома и рядом с мамой стояла Катя и дочка...

— Эй, вставай! Застынешь.

Мой собрат по карцеру Карлон изо всех сил тормозил меня. Я кое-как распрямил окоченевшие ноги. В тускло освещенной камере пахло жженой ватой и мочой. Из рта Карлона при дыхании вырывались клубы морозного пара. За окном тусклым серым пятном начинался рассвет. После очередного дня наркотой стало еще тоскливее. Впереди очередная ночь. Пустой, долгий, наполненный тоской и болью в разбитом теле. А для чего жить? Четырнадцать с лишним лет такой жизни я не выдержу.

— Дай еще курнуть? — попросил я Карлона.

Тот внимательно посмотрел на меня и ответил, что "травки" больше нет.

— Дорогое удовольствие... Давай лучше чайку пообнем.

Чай (остатки чифира, разбавленного кипятком) оказался довольно крепким и вкусным. Из кармана телогрейки уголовник вытащил кусок хлеба и, разломив пополам, протянул мне.

Хлеб и горячий чай оживили меня. Я забарабанил в дверь:

— Чего надо? — спросил надзиратель.

— Вызови начальника. За какой хрен меня здесь морозят?

— Угомонись! Через час придет дежурный, он разберется.

Но разбираться со мной не спешили. Лишь на третьи сутки вызвали к оперуполномоченному, и тот долго заполнял разные бумаги. Личность моя оказалась ему заслуживающей внимания, и он пустился в разговоры о Москве.

— Мне в санчасть надо, — перебил я его. — Повязку бы сменить, ребро сломано.

Оперативник рассеянно покивал и стал задавать вопросы, почему меня направили в "восьмерку".

— Как местного жителя, — заученно отозвался я.

— Какой же ты местный? Ты из-под Астрахани.

Я стал объяснять, что это ошибка, а в анкете указаны правильные данные. Но опер лишь недоверчиво мотал головой:

— Угробил человека, а теперь на Кавказ решил смыться! В боевики? Ладно, мы еще с тобой разберемся.

Я вернулся в карцер и пересказал Карлону содержание разговора. Тот неторопливо докурив крошечный бычок и метким щелчком отправил его в угол. Карлон объездил весь бывший Союз и знал, казалось, все тюрьмы и колонии. Если где не сидел сам, то наверняка имел друзей.

— Это правильно, что ты в "восьмерку" рвешься. Люди с башнями там не пропадают. Правда, есть другая опасность. Продадут в заложники, и будешь в подвале гнить, пока родня не выкупит. Отец-то у тебя богатенький?

— Как Буратино... Механик на лесопилке. Недавно "копейку" десятилетней давности купил. Вот и все капиталы.

— Какой тогда тебе смысл на "восьмерке" париться? В боевики, что ли, хочешь наняться?

— Нет. Обещали люди помочь.

— Ну-ну...

Карлон больше с расспросами не лез и снова начинал пристраивать на крохотном огоньке банку с водой. Анашей он со мной уже не делился. Наверное, не хватало самому. В остальном Карлон честно оделял меня половиной продуктов. Связи у него были обширные. В нашу холодную камеру передавали сигареты, пакетики с чаем и сахаром, куски хлеба и даже сало. Твердое, желтое, отдающее свечкой, оно показалось мне необыкновенно вкусным.

Карлон любил рассказывать про зоны, в которых он был. Особое умиление у него вызывали колонии под Воронежем и в Саратове. И кормежка там неплохая, и работ той не мордуют, и братва надежная. Зато с ненавистью и тенью пережитого страха вспоминал одну из воркутинских лесных колоний.

Зона считалась штрафной... Заключенные валили и трелевали лес. Морозы под пятьдесят и изнуряющая тяжелая работа превращала жизнь в каторгу. Особенно для таких, как Карлон. Он дурковал и наотрез отказывался

выходить из барака в морозную темноту. Косил, как мог, притворяясь то психом, то больным. Но ушлые северные конвойники видели его хитрости насквозь, и, отведав очередную порцию пинков, вместо теплой санчасти Карлон оказывался в карцере.

— Это тебе не Ростов-папа, — горестно кивал шишкой головой Карлон. — Здесь и нуля нет, а ты вот зубами сутки напролет щелкаешь. А там все двадцать в камере ночью набегало. Заснешь и не проснешься. Бегаешь, как собачонка всю ночь, а утром ползешь косить. Но я их все равно перехитрил!

Карлон торжествующе закатил левый рукав и показал покрытое шрамами и поведенное вокруг оси предплечье.

Руку мокрым бинтом обмотаешь и в форточку... На морозе она через десять минут становится, как неживая. Положишь руку между двух табуреток. Кто-нибудь из брабанов поленом как даст. Есть перелом! На месяц в больницу да еще с месяц в бараке отлеживаешься. Три раза я себе таким макарончиком руку ломал. Только в третий раз не пошло. Олух один перестарался. Кость все мышцы порвала и наружу вылезла. Пошло загноение да заражение. Хотели руку оттяпать — не дал. Но с полгода промучился. А там и срок к концу подошел...

В карцере было голодно и сыро. Дни тянулись до бесконечности однообразно. В один из таких дней я подумал про Васю Кошелева.

— Не знаю такого, — покачал головой Карлон. — А он кто по масти?

Наверное, рэкет, — сказал я. — Ваши авторитеты должны его знать.

Поищем. Стоит овчинка выделки? Он что, сможет помочь?

— Сможет.

Ну, ладно, рискну... Только малява на волю недешево стоит. Люди рискуют. С тебя полста баксов, если твоего башку найдем. Согласен?

Кошелева нашли быстро. Меня сразу же освободили из карцера и переселили в небольшую, человек на двенадцать камеру. А через день вызвали на свиданку. Мы обменялись, и старый приятель Вася-Вася, выкладывая на стол кульки и пакеты, невесело усмехнулся:

— Ну что, встретились?

— Встретились, Вася...

Я жадно жевал хлеб с колбасой, сыром, отрывая одновременно куски жареной курицы и запивая все минералкой.

— Оголодал ты здесь.

— Восемь дней в карцере просидел. Спасибо одному уркану, пропасть не дал.

Вслушав мой недолгий рассказ, Вась-Вась покачал головой:

— Я был уверен, что ты попадешься. И говорил тебе это, так?

— Так.

— Ну, ладно, чего теперь! Будем думать, что дальше делать. В Ростове тебе долго оставаться нельзя. С "восьмеркой" попробую помочь. Оттуда действительно можно быстро освободиться. Деньги у тебя есть?

— Весной подруга пару тысяч баксов подвезет. Родители должны с тыщонку добавить.

— Маловато. Ну, тысячи две к весне я для тебя тоже наскребу, если жив буду. Дай мне адрес подруги.

— Слушай, Вася, а может ты ее до места проводишь? У тебя разговор лучше получится. Да и вообще женщина одной в горах...

— Нет, Саня. Мне в те края ходу нет. Слишком многим должен. Не выпустят меня живым.

Настаивать я не стал, зная, что Кошелев зря слов на ветер не бросает. Когда прощались, я вдруг вспомнил:

— Карлону бы надо пятьдесят долларов отдать. Должен...

— Уже отдал. Посыльный, бегунок, сначала баксы потребовал и только потом записку передал. — Вась-Вась засмеялся. — В тюрьме ничего бесплатно не делается. Вообще-то слупил он с тебя многовато. Такая услуга на десятку тянет, не больше.

Я понял, что ушлый Карлон взял с меня плату за анаш чай и хлеб.

Мы обнялись, и я пошел к себе в камеру. Под мышкой тащил пакет с харчами, а в потайном кармашке за подкладкой брюк были спрятаны пять бумажек по двадцать долларов. Их тоже на всякий случай сунул мне Кошелев.

Через три дня меня отправили поездом в сторону Пятигорска. Последние сто километров везли в зарешеченном "воронке" с двумя кавказцами. Те радовались, едут домой. Их кто-то ждал, и они надеялись на родственников. На кого-то надеялся и я...

Здесь все чужое... Даже охранники матерятся на своем языке. Колония общего режима номер восемь крепостью-городком возвышается на вершине плоского холма. Высокий забор из красного кирпича, колючая проволока, вышки, двухэтажные бараки-казармы — стандартный набор любой зоны.

Россия где-то далеко на севере. Вокруг горы смыкающиеся в хребты; узкие зеленые долины и речки, сбегающие по каменистым склонам. Огромная белая вершина Чиракчи уходит за облака, снег на ее склонах никогда не тает. Село с таким же названием раскинулось километрах в десяти от лагеря. Для кого-то это родина. Для меня — чужая земля. Вот уже полтора года, как я здесь. Таня ко мне не приехала. Прошлой весной я получил от нее два коротких письма — люблю, жду, обязательно встретимся! И все...

Уже осенью я узнал, что где-то неподалеку в горной речке нашли труп русской женщины. За сорок долларов, которые у меня сохранились, наш оперативник съездил в райотдел милиции и уточнил подробности. Привез даже фотографию.

Что женщину убили, это было очевидно. Вряд ли она сама свалилась с обрыва. Я пытался найти знакомые шорты в обезображенном опухшем лице и, кажется, нахолил их. До райцентра женщина ехала на автобусе, а потом договорилась с каким-то частником на светлой "ниве". И исчезла... Ехала она в направлении Чиракчи.

— Хотя какие-нибудь документы были?

— Никаких, — качал головой оперативник.

— А другие бумаги? Может, билет или записная книжка?

— Ты чего, жаловаться что ли собрался? — подозрительно оглядел меня оперативник.

— На кого и зачем? — невесело усмехнулся я.

— Ну и правильно. Нечего нос совать, куда не надо. — Он с минуту подумал и добавил. — Нашли при ней билет. Ростов-Пятигорск. Но фамилии не было. Водой смыло...

Теперь я не сомневался, что это была Таня. Бедная баба! Надо мной висел какой-то рок. Я продолжал приносить женщинам только беду.

Убийц Тани никто не искал. Жизнь русских ценилась в этих местах очень дешево. Скорее всего, ее убили не из-за долларов. Просто решили изнасиловать, а

заодно и ограбить. А тут такая удача! Пять-шесть тысяч долларов. Не зря осторожный Вась-Вась не хотел соваться в эти края. А Таня рискнула...

В политике здешнего региона что-то изменилось. Письма из России сюда уже не приходят. Администрация колонии по своим каналам помогает в переписке заключенным, которые клянчат у родственников деньги... Я просить денег ни у кого не собираюсь.

Мои знания английского и диплом тренера по плаванию здесь никому не нужны. Как новичка меня сунули слесарем-сантехником. Думаю, что за год я выгреб из забитых труб и коллекторов не меньше тонны всякого дерьма. Впрочем, однажды на меня обратили внимание какие-то приезжие люди, обвешанные оружием. Поинтересовались, не забыл ли я английский язык. Почувств, куда дует ветер, я сказал, что английского языка вообще толком не знал, а институт закончил благодаря плаванию.

— Стрелять хоть умеешь? — спросил бородач с кобурой на поясе.

— Я в армии не служил.

— Послужить хочешь?

— А какой толк? У меня мениск на правом колене поврежден. Больше километра не пройду.

Бородачи оценивающе поглядели на меня, и один из них, сплюнув, сказал:

— Пошел на ..., урод! А то я тебе второе колено продам.

Несколько заключенных из числа кавказцев они с собой забрали. Справедливости ради скажу, что людей боевики подбирали тщательно, как правило, из тех, кто раньше служил в армии. Всякая уголовная шваль с кучей судимостей их не интересовала. Начальник колонии, толстый полковник-взяточник перед боевиками заискивал, и если бы те потребовали, отдал бы им всю зону вместе с надзирателями.

Меня как человека с высшим образованием да еще не оправдавшего надежд снова бросили на канализацию. Черпай дерьмо, раз воевать не захотел! Может, и сгинул бы я навсегда в этом вонизме, но подвернулась удача. Нашел серебряный перстень, оброненный в очко кем-то из надзирателей. Не слишком велика ему цена, но что-то взять можно.

Сосед по нарам, Ваня Лагута, которому я доверился, решил вопрос просто.

— Я знаю, кто потерял. За литр чачи и курево хозяину продадим.

Что и сделали. Литр выпили с Лагутой вместе, поговорили за жизнь, и Ваня предложил взять меня с собой в напарники. Лучше кирпичи на вольном воздухе класть, чем дерьмо в трубах черпать.

И вот с апреля я работаю вместе с Иваном Лагутой у одного из богатых крестьян в Чиракчи. Колонию за горой не видно, и кажется, что свобода полная. Строим дом для сына хозяина. На Кавказе свои законы. Таких рабов, как мы с Лагутой, насчитывается в лагере несколько десятков. Богатых родственников у нас нет, и мы своими горбам зарбатываем себе пропитание. Нас отдают пасти скот, строить дома, кто-то водит грузовики. За всех нас хозяева отстегивают начальнику колонии деньги. Сколько — мы не знаем. Но живет он не бедно и ездит на работу на огромном черном "джипе".

Нашего хозяина зовут Асадулла. Сказать про него хорошее язык не поворачивается. Мы для него лишь рабочая скотина. Но по эковским меркам он хозяин еще ничего, попадаются куда хуже... По крайней мере, Асадулла нас не бьет.

Мы живем в каменном сарае в глубине огромного двора. Сами таскаем дрова и топим в холодные ночи кирпичную печку. В шесть утра — подъем, и работа часов до восьми вечера. Выходных не положено. Но раз в неделю, по воскресеньям, Асадулла отпускает нас с обеда на озеро искупаться и простирнуть одежду. В остальные дни ходить купаться не хватает сил. Упахиваемся за день так, что едва волочим ноги до своих лежанок. Перекуривать нам не дают. Хозяин или кто-то из родственников постоянно следят, чтобы не засиживались:

— Давай, давай! Не сиди... Вы почему, русские, такие ленивые?

Лагута шепотом матерится: "Тебя бы, сволочь, с утра до ночи пахать заставить!"

Мы отдыхаем, когда в колонию приезжают проверяющие из Главного Аула (так мы называем столицу автономного района). Рабов-заключенных на день-два собирают в зону, и мы вволю отсыпаемся. Даже не столько отсыпаясь, сколько лежим, давая покой задубевшим от тяжелой физической работы мышцам. Но в колонии практикой не кормят, и мы, оголодав, снова рвемся к своим лежанкам.

Старшего сына Асадуллы зовут Вагиф. Как и многие молодые мужики, он в селе почти не живет. Занимается отхожим промыслом. Местные жители возят в Россию плохой спирт, анашу, мандарины, крутят какие-то дела о краденными машинами или просто грабят. Иногда привозят с равнины заложников и перепродают в Чечню.

В селе, едва мальчишке стукнет лет тринадцать, отец покупает ему автомат или карабин. Года через два-три шкет владеет им, как ложкой. Я сам не раз видел, как мальчишки без промаха сшибали с уступов поставленные метров за двести консервные банки. Нашим бойцам бы так пулять! Только кто им столько патронов даст? Патроны и оружие продают все: от прапорщиков до полковников. И оно потоком идет на Кавказ.

В Чиракчи все мужики имеют автоматы, некоторые даже пулеметы и снайперские винтовки, хотя многие предпочитают открыто их не носить. Но Вагиф не расстается с короткоствольным АКСУ, а когда разговаривает с нами, часто кладет руку на рукоятку. Мне становится жутковато. У Вагифа злые сощуренные глаза, говорит он отрывисто, словно лает. Нас он кое-как терпит, потому что мы с Лагута люди казенные, числимся за колонией и просто так мордовать нас нельзя. Начальнику колонии это может не понравиться, и тогда придется платить дополнительные деньги.

Однажды по просьбе отца Вагиф привез нам кое-какую одежду. Стоптанные кирзовые сапоги, нателные рубашки и два поношенных армейских бушлата. Один из них был разорван и испачкан кровью. Я вопросительно посмотрел на Лагута. Тот разозлился:

— Чего смотришь? Пришили они кого-то... Бери и носи. А кровь на память останется.

Ивану Лагута лет тридцать пять. Долговязый, под метр девяносто, с квадратной челюстью и мосластыми плечами, он напоминает мне рабочую конягу. С лица у него не сходит унылое выражение даже когда он рассказывает анекдоты или вспоминает своих прошлых баб. Работает Лагута, как заведенный конь в борозде. Размеренно стучит мастерком, ляпает раствор, ровняет кирпичи. Стена растет вроде незаметно, но мы уже заканчиваем кладку второго этажа и приближаемся к крыше. За нашими спинами сопит Асадулла. Наверное, хочет поторопить Лагута, но не решается. Иван работает умело и не любит, когда его подгоняют. Может обляять, а хозяин свой авторитет

бережет и крепко себя уважает. Свой начальственный зуд он срывает на мне:

— Чего заснул, Сашка? Иди вниз за кирпичами.

Таскать кирпичи на леса второго этажа — занятие малопродуктивное и тяжелое. Обычно я швыряю их снизу, а Лагута подхватывает и складывает в кучи. За полчаса мы обеспечиваем себя кирпичами на весь день. Иногда нам помогает младший сын хозяина. Сам Асадулла к кирпичам не притронется. Я спускаюсь с дощатого помоста и набираю первую стопку кирпичей. Асадулла крутится возле нас еще с десяток минут, потом идет к своей "ниве".

Машина у него украшена диковинными желтыми номерами с тремя единицами — признак особого положения хозяина. Асадулла — один из самых богатых жителей Чиракчи и может позволить себе что угодно. Впрочем, и остальных в селе никто ничем не ограничивает. Все живут, как могут. И хотя формально это территория России, никакие российские законы здесь не действуют. Машина у Асадуллы, наверняка, ворованная, но никого это не волнует. Иногда к хозяину приезжает усатый капитан-участковый, одетый в камуфляж. Автомата за спиной у Вагифа он никогда не замечает, так же, как и не спрашивает, откуда взялись мы. Участкового хорошо угощают коньяком и грузят в багажник баранью тушу. На этом проверка завершается.

"Нива" хозяина исчезает за поворотом. Мы, как водится, плюем ей вслед и устраиваемся перекурить. Куда покурить? Мне сидеть еще двенадцать с половиной лет. Начать и кончить! Лагута — восемь! Иван — бывший прапорщик. Воевал в Осетии, Абхазии, потом служил в Пятигорске. В компании со своим начальством торговал списанной техникой. Во время одной из разборок застрелил заворовавшегося компаньона и получил двенадцать лет. Родители у Лагута давно умерли, а жена сошлась с другим. Время от времени он собирается бежать, но каждый раз свое намерение откладывает. Некуда бежать.

Мы швыряем окурки вниз и снова принимаемся за работу. Не сделаем норму — Асадулла всю душу вымотает. Место ужина даст помой и оставит без сигарет. Едой нас не балует, но молока хватает, хоть и снятого. Иногда подкидывает мяса (чаще обрезки), раз в неделю подкидывает двухлитровый кувшин вина. Прижимистость хо-

зяина мы еще терпим. Больше задевает его презрительное высокомерие. Нас он считает за людей низшего сорта. Заодно сгребает в кучу и всех других русских вы свиньи! Раза два Асадулла пытался накормить их похлебкой из тухлой баранины. Мы возмутились и вариво демонстративно отдали собакам. Те с удовольствием сожрали, а мы ходили голодные. Соответственно и работали через пень-колоду. После этого Асадулла тухлинину не подсовывал.

Сегодняшний день похож на все остальные. К вечеру кончаются сигареты. Мы вытряхиваем из консервной банки окурки и сворачиваем сигарку на двоих. Оба устали. Не хочется даже двигать языком. Мимо прогнали стадо, и мы определяем, что время восьмой час. Солнце скатилось к верхушкам гор, и длинные тени пересекали зеленую долину, где расположено село. Пора бы идти отдыхать в нашу хижину, но Асадулла не торопится. Без него мы не имеем права бросить работу. Наконец появляется хозяин и придирчиво определяет, что мы сделали за день. Норма выполнена, и Асадулла обходится без наравоучений.

— Надо быстрее заканчивать кладку, — рассуждает он по дороге. — Во вторник плотники начнут работать.

— До вторника не успеем, — говорит Лагута. — Или давай еще одного каменщика.

— Поднажмите... Зима скоро.

А ради чего нам нажимать? Ляжет снег, и нас до весны загонят за проволоку. Пустая баланда, ячменный хлеб и тоскливое ожидание завтрашнего дня.

— Сигареты кончились, — напоминает Лагута.

— Женщины принесут...

Женщины — это жена Асадуллы и его дочь Надия, четырнадцатилетний подросток. Надия смотрит на нас с любопытством, и, если приходит одна, мы с ней болтаем о деревенских новостях на жуткой смеси русских и горских слов. В присутствии матери она заговаривать с нами не решается. Хозяйке лет сорок пять, но выглядит она как старуха, одевается во что-то черное и бесформенное, увядшее лицо покрыто сеткой глубоких морщин. Говорит у Асадуллы в соседнем селе имеется еще одна жена. Поначалу мы сочувствовали хозяйке, не очень-то приятно делить собственного мужа с другой бабой. Но вскоре сочувствие пропало. Хозяйка оказалась не менее жадной, чем Асадулла, и мы стараемся с ней не общаться. Иногда

она просит нас помочь в огороде. Мы соглашаемся в обмен на сигареты или вино.

После дам, — обещает она.

Мы ей не верим. Научены прошлым опытом, что, кровав кружки жидкого снятого молока, ничего не получим, и поэтому помогать хозяйке не спешим. Достаточно того, что целыми днями вкалываем на строительстве дома.

Уже в сумерках Надия приносит сигареты и ужин. Кукурузная каша, молоко и пресная лепешка.

Надька, а мяса не будет? — спрашиваю я.

Дочь Асадуллы смеется, как будто я сказал что-то смешное.

Завтра мясо. Отец барана зарежет, Вагиф приезжает.

Вот это праздник! Шоболов ворованных, наверное, полные мешки привезет.

Дочь Асадуллы очень плохо говорит по-русски и моей внимательности не понимает. Для нее приезд брата действительно праздник.

— Надька, Вагиф где работает? — допытываюсь я. Девочка меня не понимает, и я уточняю: — Вагиф — джигит?

— Джигит, джигит!

Мы едим кашу, а Надия рассказывает, какой у нее хороший брат. Большую часть слов мы не понимаем, но по интонации и жестам догадываемся, что Вагиф, по мнению Надии, очень добрый брат. Он подарил ей золотую цепочку, кольцо, а себе недавно купил мебель для дома. Будущей жене Вагифа повезло. Под содержательный рассказ Надии мы приканчиваем кашу с молоком и закуливаем. Появляется хозяйка в своем обычном глухом платье, которое она не снимает все лето. Что-то шипит дочери. Надия торопливо сгребает посуду.

— А вина не будет? — интересуется Иван.

— Каждый день вино пьют только пьяницы, — учит нас хозяйка.

— Так мы вчера не пили... И позавчера тоже.

— Завтра вино. Сегодня нет.

— Кислятины пожалели, — бурчит Лагута.

Женщины собирают грязную посуду, недоеденную кашу, которая нам страшно опротивела, и уходят. Мы остаемся одни. Под закопченным потолком мерцает тусклая сорокасвечовая лампочка. Две продавленные железные кровати, стол, чурбаки вместо табуреток и печь с оловянной трубой. Картину оживляет красочный портрет порнозвезды Амбер Линн, застывшей на четвереньках.

Блондинка перепоясалась узким поясом, роскошная грудь вываливается из открытого бюстгальтера, а крашеные губы призывно раскрыты. Особенность фотографии в том, что откуда бы ты на нее не смотрел, честные голубые глаза блондинки пристально смотрят на тебя. Поиграем, мальчики?

Я отвожу взгляд от порнодивы и пытаюсь читать. Дочка Асадуллы таскает мне из подвала старые журналы и роман-газеты еще советских времен. Я с удовольствием перечитал "Три круга войны" Михаила Колосова и "Царь-рыбу" Виктора Астафьева. Взялся за "Щит и меч", но бестселлер семидесятых Вадима Кожевникова кажется мне ужасно примитивным. Немцы — сплошные идиоты, а наши разведчики — самые умные на свете.

На фоне позорно проигранной войны в Чечне это хвастовство раздражает. Хотя с немцами воевало совсем другое государство. Когда шла война в Чечне, мне было на него наплевать. Конечно, меня неприятно задевали бесконечные поражения нашей армии, но долго я об этом не задумывался. Теперь я смотрю на войну другими глазами. В селе до сих пор живет парнишка, захваченный в плен в Грозном и проданный местному жителю. Его зовут Олег Сотников и, кажется, он немного свихнулся. Он пасет скот и ходит в драном армейском бушлате. Иногда он подходит к нам, угощаем Олега сигаретами, и я пытаюсь его разговорить.

— Родители-то есть?

— Есть.

— Где живут?

— А в Вязовке.

— Это какая область? — допытываюсь я.

— Село такое... на Волге, — дурковато улыбается Олег.

— Я тоже с Волги, — говорю я. А область-то какая?

— Не помню. Город далеко. А село Вязовкой называется.

Олег худой, небольшого роста, ходит подволакивая ноги и глядя вниз. На макушке торчат желтые, как солома, волосы. На шее и плечах Олега, вперемешку с веснушками, темнеют следы давних ожогов. Левый глаз пересечен глубоким шрамом, и от яркого солнечного света слезится. Другой глаз смотрит внимательно и настороженно. Взгляд не вяжется с безвольно отвисающей нижней губой и всем его простоватым, ничего не выражающим конопатым лицом. Меня не оставляет ощущение, что Олег, побывав где-то рядом со смертью, играет придуманную для себя роль мальчика-дурачка. В сущности, он и есть маль-

чик, вряд ли ему больше двадцати трех. Но что-то подсказывает мне, что он далеко не дурачок и, наверное, много скрывает. Может, свою настоящую фамилию и область, где живут его родители.

Однажды мы пригласили Олега к себе в сарай обмыть шабашку. Асадулла одолжил нас на пару дней своему брату сложить гараж. Тот подарил за работу полведра вина. Олег сидел, раскрасневшийся от выпитых стаканов, и грыз орехи, которыми мы закусывали розовую "изабеллу". С нами наедине он производил впечатление нормального человека.

— Так ты, значит, с Волги? — спросил я. — Не из Астраханской области?

— Нет, из Саратовской.

— А в каких частях воевал?

— Мотопехота. Да я и не воевал. В хозвзводе был.

— В твоей части знают, что ты в плену находишься?

— Наверное, — неохотно ответил Олег, словно смирившись со своей долей.

— Давай через наших уголовников в Саратовский облвоенкомат сообщим? Пусть пошевелятся.

— Ни к чему.

— Ну, тогда родителям, — настаивал я.

— Зачем? Они знают, что я жив. А где, что делаю — это уже не важно. Мне мой хозяин предлагал письмо передать. Мол, тысяч за двадцать баксов я тебя освобожу. А откуда они их возьмут?

Лагута налил еще по стакану и принес с печки подогретую перловую кашу. Этим добром вместе с кукурузой хозяин кормил нас каждый день. Перловку раздобыли, наверное, на военных складах. Она была затхлой от долгого хранения и пахла мышами. Мы готовили ее по-своему: варили на ночь на печке и заправляли бараньим жиром.

— Жрите, — сказал Иван. — А ты, Сашка, к парню не привязывайся. Он лучше знает, что делать.

— Ну, может наскребут старики тысяч пять, — продолжал Олег. — В долги влезут, скотину продадут. У них эти деньги выманят, и дальше доить будут. А меня все равно не выпустят. Я уже видел такое.

— Надо военным сообщить, — настаивал я. — Освобождают же они пленных.

— Освобождают... только ждать долго. Вместе со мной в Гудермесе полковник один был. За ним два раза делегации приезжали.

— Выручили?
— При мне — нет. В клетке железной он сидел. А потом меня увезли.

— Неужели в железной?

— А в какой, еще! Днем пахал, а на ночь его в клетку закрывали. Боялись, что сбежит. За него выкуп хороший ждали.

Мы доели перловку, допили вино и вышли проводить Олега. Ему вставать еще раньше, чем нам, до рассвета.

— Жалко мальчишку, — укладываясь на свою продавленную кровать, — сказал Лагута. — И себя жалко. Подохнем завтра, никто и не вспомнит... Смыться, что ли?

Смыться очень непросто... Местное население относится к русским — хуже некуда. Беглеца сдадут сразу. Когда поймают, могут запросто искалечить. Один из заложников прошлым летом пытался бежать. Его застрелили в километре от села и закопали на пустыре, где зарывают собак, лошадей и выбрасывают разный мусор...

Так проходила наша жизнь в поселке Чиракчи.

Плотники взялись за крышу и полы, а нас приставили помощниками. Август подходил к концу. Мы гадали, загонят ли нас на зиму в колонию или будем работать у Асадуллы. Потом поползли слухи, что русских собираются отправлять в Ставрополь, где мы будем досиживать оставшийся срок. Такие слухи ходили и раньше, но пока никого не отправляли.

Конечно, Россия — это родная земля. Там и стены помогают, но уж очень неохота сидеть двенадцать с половиной лет. Впрочем, мне намекнули открытым текстом: гони двадцать пять тысяч баксов и можешь быть свободен. Даже липовые документы выдадут. Но двадцать пять тысяч для меня сумма нереальная, как и двадцать тысяч для Олега Иванова.

Чего я добился, попав сюда, на Кавказ? Рабский труд и впереди беспросвет... Правда, одну мелкую штуку я выиграл. Жизнь называется... Но она не кажется мне слишком великой ценностью. И все же она продолжается. Даже здесь...

Впервые за много месяцев я занимался любовью с женщиной. Если словом "любовь" можно обозначить физиологический акт между заключенным и спившейся бродяжкой...

— Давай сходим к бабам? — предложил Лагута.

— Не знаю... Подумать надо.

Я знал, кого он имел в виду. На сельской мельнице еще с давних пор прижились несколько бичей. Работа с зерном — тяжелая и пыльная. Местные жители шли сюда неохотно. И хозяин использовал бичей. Мельница была одна на несколько сел, доход приносила хороший. Бичей старались не обижать, без них все могло остановиться.

Жили здесь и две бродяжки — Наташа и Нинка. Наташа совсем не шло ее имя, которое так любили русские классики... Морщинистая, испитая, с жидкими серыми полосами, она существовала словно отдельно от своего возраста. Ей можно было дать и тридцать лет, и пятьдесят. Нинка была моложе, не такая морщинистая, но всегда сонная и опухшая. С ними жили такие же бичи и заключенные из нашей колонии. За небольшую плату или за выпивку они отдавались желающим. Желающих имелось в избыток, но бичи с мельницы смотрели на женщин как на свою собственность, и допускали к ним чужих с большой неохотой. Да и средств на оплату сексуальных услуг мало у кого хватало.

Лагута готовился к торжественной случке три дня. Литр вина, полученный от Асадуллы на ужин, он попросил не трогать и оставить ему для похода.

— Я тоже пойду, — заявил я.

— Правильно! — одобрил решение бывший прапорщик. — Если тюрьма, так что, помирать теперь? Я Наташу предупредил, что завтра придем. А баб по жребию раскинем. Нинка, конечно, лучше, но и Наташка на безрыбье сойдет. Где же еще вина взять? Литра мало.

Он долго скреб затылок, потом собрался и куда-то пошел. Вернулся через час, заляпанный грязью и пьяный. Брякнув донышком об стол литровую бутылку, объявил:

— Во, чача, Олег выручил. Золотой парень. И сыру дал. Пастухи-то лучше, чем мы, живут. Слушай, давай по старичику дернем?

— На женщин не хватит.

— Хватит. Бутылка под пробку залита. Слушай... ты к Олегу поменьше со всякими расспросами лезь. Кто да откуда...

— Ладно...

— Держи тогда стакан.

Поход к женщинам начался не слишком удачно. Нинка общаться с нами отказалась. Она в очередной раз

сошлась с кем-то из бичей, и он ее ревновал. Зато сразу согласилась Наташа. Остальные бичи проводили нас не слишком ласковыми взглядами, но связываться не рискнули. Физически мы с Лагутой были гораздо сильнее их.

Вблизи Наташа оказалась еще страшнее, чем издали. Мы пили чачу, потом вино, и я старался не смотреть на морщинистое лицо бичевки.

— Давно здесь живешь? — спросил я.

Я хотел задать ей другой вопрос: "Сколько тебе лет?" Но вовремя прикусил язык. Он прозвучал бы по-идиотски. Какая разница? Тридцать, сорок... Мы все равно не уйдём просто так, и Наташка пошла с нами не за тем, чтобы вести разговоры о возрасте. Да и на любовные дела ей кажется, наплевать. Она алкоголик, а мы принесли чачу и вино. В паузах между стаканами мы о чем-то говорили. О чем и что могло быть у нас общего? Дно, на которое мы опустили?

Сообразив, что пора погулять, я отправился бродить по лесу. Не дожидаясь, пока я исчезну, Лагута завалил на траву вяло сопротивлявшуюся женщину.

Через час я вернулся. Наташа допивала вино, Иван застегивал рубашку. Мы поменялись ролями. Лагута пошел погулять, а я остался с пьяненькой Наташей. Я не рискнул снимать с нее платье, а просто задрал его, стараясь не видеть то, что под ним. Она захихикала:

— Во бугаи... Вконец замучили бедную женщину.

Примитивное кокетство истасканной бродяжки прозвучало дико... Я боялся, что Наташа полезет с поцелуями, но этого не произошло. Я закончил свое дело и, стараясь не глядеть на голый и морщинистый живот женщины, стал одеваться. Захотелось выпить, но ни чачи, ни вина уже не осталось.

Вернулся Лагута и, словно угадав мои мысли, сказал, что надо выпить еще. Я занял у соседки Асадуллы трехлитровую банку с вином. Иногда мы помогали ей по хозяйству, и она расплачивалась с нами вином. Правда, очень скупо. За эту трехлитровую банку нам придется один вечер потеть у нее на огороде, но в тот день мы об этом не думали. Хотелось расслабиться.

Мы снова пили вино, говорили ни о чем и по очереди оставались с Наташей на поляне. Она рассказывала нам о своей несчастной жизни, вспоминала первую любовь, умершую мать и "козлов черножопых", которые не пуска-

ют ее в родной Питер, где ее ждет давний дружок. Насчет Питера и дружка Наташа явно загибалась, переоценивая себя. Да и на мельнице ее никто не держал. Похлебку из обрезков бичи варили не хуже женщин, а Наташу и Нинку держали для других целей.

Мы пели втроем "Летят перелетные птицы", и в этой песне звучала тоска, общая для каждого из нас троих. Где-то далеко была родная наша сторона, мы кружились в лабиринте, и никто нас не ждал. Потом я стал вспоминать женщин, с кем был близок последние годы. Никому из них я не принес счастья. Катя и Ирина давно мертвы. Валя осталась одна с моим ребенком. Таня погибла здесь, на Кавказе, пытаясь меня выручить, и зарыта где-нибудь на пустыре без имени и креста. А кому в жизни я приносил что-нибудь хорошее? Ну, Кошелева раз выручил да и то с прицелом, вдруг пригодится! Вез Вале тысячу баксов и пятьсот зажал. Не иначе, как от бедности! Из-за меня погибла Ирина. Представляю, как ее прессовали, но она ни в чем не призналась. Если бы я оказался тверже, может, все было бы по-другому. Вряд ли... Для суда хватало не только моих показаний, но и косвенных улик. А если бы не хватило, из меня бы их выбили. Я скрипел зубами и что-то бормотал.

— Слышь, Саня, — дергала меня за рукав вконец окосевшая Наташа. — Наливай вино, чего спишь!

Я наливал...

Утром мы кое-как проснулись и вышли на работу. Снова потянулись дни и месяцы, похожие один на другой. До декабря мы работали в доме у Асадуллы, потом он перебросил нас на недостроенную кошару километров за пятнадцать от села. Ее надо было срочно закончить до весны, что мы и делали в компании с двумя бичами. Строительные работы обычно ведутся по теплу, но Асадулла, видимо, исходил из наличия дешевой рабочей силы. Кроме того, он боялся, что весной нас могут отправить в Россию.

Зима в горах — штука суровая, много снега, ветер, а на смену оттепелям закручивают морозы под тридцать... Асадулла отсиживался в деревне, наезжая для проверки раза три в месяц. Нас погонял его двоюродный брат, который жил с нами и готовил еду. Братец был из бедных родственников и боялся рассердить Асадуллу. Вкалывали мы в любую погоду. Едой он нас сильно не баловал, опасаясь на то, что сейчас зима и всем тяжело.

В этой веренице однообразных отупляющих дней мой бы по пальцам пересчитать немногие события, которыми была отмечена долгая зима. В декабре я отморозил пальцы на ногах, и они долго болели. Под Новый год Асадулла привез барана и канистру вина. В феврале все дороги завалило снегом, и мы несколько дней голодали, выскребая остатки крупы. Бичи выкопали из снега две бараньи головы, и мы жрали отдающую гнилью похлебку. В марте мы все переболели гриппом, а я получил письмо из дома. Оно шло сюда три месяца.

Мать сообщала новости и спрашивала, почему я не ответил ни на одно письмо. Жив ли я? Ходила к гадалке, она сказала, что жив, но предстоят большие хлопоты. Я прочитал письмо Лагута.

— Наверное, в Россию нас весной отправят, — предположил он. — Вот и хлопоты.

И завел свою обычную тему: надо по весне бежать!

В апреле нас снова отвезли в село достраивать дом для сына Асадуллы. Мы вернулись в свою лачугу с родным портретом полуголой Амбер Линн, уставившейся, как обычно, нам прямо в глаза.

— Ждет девка-то, — подмигнул я Ивану.

— Надо к Наташке с Нинкой сходить, — понял это по своему Лагута. — Чего-то я заскучал по ним.

Мы встретились с Олегом и отметили приезд. В горы пришла весна. Как бы ни была паскудна жизнь, но по весне и у нас поднималось настроение. Его не испортило даже известие о том, что умерла наша подруга Наташа. Олег рассказал, что она пьяная ударилась головой о крыльцо и умерла. А говорят, пьяниц Бог бережет! Наташу могли прибить и бичи, но никто никакого расследования, конечно же, не проводил. Ее закопали на том же пустыре рядом со свалкой.

Однажды вечером мы с Лагутой сходили ее поведать. Все же не чужая нам баба. Паскудное место, словно и насмешку, выбрали горцы для наших покойников. Рядом свалка, несколько раскуроченных и поржавевших тракторов. Дальше полузасыпанный скотомогильник, а немного в стороне, на каменистом склоне, десятка два продолговатых бугров — некоторые уже совсем сравнялись с землей.

Ни на одной могиле не сохранился крест или надгробие. Их выдернули и оттащили к ржавым тракторам. Смысл был ясен. Полностью уничтожить память о русских, когда-то живших здесь.

— Вон целая семья лежит, — сказал Лагута. — Варениковы. Мужик справный был, грузовик имел, дом хороший. Вот на его хозяйство глаз кто-то и положил. Ночью всю семью вырезали. Года три назад. А похоронили под одним бугром, пять или шесть человек вместе с детьми.

— Нашли, кто убивал?

— Да их и искать не надо. Вагиф, либо кто из его приятелей. Вагифу грузовик достался. А две оставшиеся русские семьи через неделю в Россию дунули. От греха подальше. Таких могил по Кавказу не одна сотня.

Мы постояли над бугорком Наташи, выкурили по сигарке и отправились в село.

Быстро и весело проходил апрель... Пригревало солнце, вовсю зеленела трава. Я сочинял письмо домой, рассеянно слушая планы Лагута насчет побега. Куда бежать? Но вскоре Иван разговоры про побег прекратил и стал исчезать по вечерам. Иногда о чем-то вполголоса переговаривался с Асадуллой. Мне было неприятно, но я ни о чем Ивана не спрашивал. Надо будет, скажет сам.

Кормить нас стали лучше, давали вино. Потом Иван рассказал, что его уговаривают остаться в Чиракчи. В селе очень нужен каменщик. Асадулла и еще несколько хозяев согласны выкупить его из колонии. Уже присмотрели вдову-невесту.

— Баба ничего, страшенькая, правда. Зато свой дом, ошцы, корова. Сыну шесть лет. — Лагута ожидал, как я среагирую, но я молчал, а он продолжал. — Насчет себя говорил. Асадулла башкой крутит, специальности, мол, нет.

— Вань, поступай как знаешь... Я к ним в вечные рабы не рвусь.

— Какая никакая, а все же свобода... Хоть и работа тяжелая, но с женой лучше жить, чем за колючей проволокой.

— Лучше, — согласился я.

— До осени нас точно в Россию отправят, уже бумага из Москвы подписана. Начальник колонии Асадулле рассказывал. Я, наверное, соглашусь, если тебя здесь со мной оставят.

— Да не хочу я оставаться! Смотреть на эти рожи не могу.

— Будешь двенадцать лет досиживать?

— Не знаю. Постараюсь раньше выйти. Есть у меня дружок в Ростове. Если жив, поможет.

Я не был уверен, поможет ли мне Вася Кошелев. Освобождение стоит немалых денег. Захочет ли Вася тратить их на меня? Да и жив ли он? Люди его профессии долго не живут. И все же, несмотря ни на что, я рвался в Россию.

— Как хочешь... Жаль расставаться, привыкли друг другу.

— Чего заскулил? До осени все равно лямку вместе тянуть. Правда, жить отдельно теперь будем.

— Это не скоро. Надо еще ихнюю веру принять. Обрезание там и все такое. Ну, я и без обрезания свою будущую жену попробовал. Ничего баба, только ноги волосатые. Непривычно как-то...

Ваня Лагута рассказывал про свою горскую невесту и повторял, что в России его все равно никто не ждет. Одни пьяные двоюродные братья да тетки-старухи. С сестрой они всю жизнь цапались. Та до соплей будет рада, что родительский дом делить не придется.

— А сын меня не помнит, без меня вырос, — добавил он под конец.

Лагута жаловался, что устал от собачьей жизни и наконец-то заживет как человек. Места здесь курортные — горы, лес, даже вода минеральная течет. У вдовы-невесты в погребе вина три бочки — за год не выпьешь. Знаешь, как заживем! Хоть каждый день залейся! Он говорил, и в его голосе звучали надрывные скулящие нотки. Ванин верный мой дружок, тосковал по своей деревне и своей пьяной родне. Даже немеренные бочки с вином не могли утешить тоски. И все же ему будет лучше здесь.

— Лучше, — выдохнул Иван. — Ей-Богу лучше...

Никто не знает своего будущего. Ване Лагута осталось жить всего два дня.

События закрутились колесом. Вместе с рядовым Олегом Ивановым, пленным давно закончившейся первой чеченской войны, я бежал из колонии и горного села Чиракчи... Мы шли в сторону равнины.

ГЛАВА 9

В ту зиму и весну на границе с Чечней было неспокойно. В Ставрополе осудили за взрыв вокзала двух чеченских террористок. Боевики ответили мгновенным похищением генерала МВД. Президент, как

обычно, болел. Правительство и окружение были слишком заняты личными проблемами. Грозному лишь погрозили пальцем. Хватит, мол, хулиганить, бяки вы эти! Отдавайте нашего генерала назад! Отлично зная бессилие коррумпированных сверх всякой меры российских властей, боевики отдавать генерала задаром не собирались.

Лихие ребята из чеченских аулов тащили через прозрачную границу Ставрополя все новых заложников. Заодно лупили из автоматов по милицеским патрулям. Перед Пасхой русским сделали особый подарок: расстреляли четырех милиционеров, в том числе одну женщину, и разложили трупы крестом. Христос Воскресе!

Люди по всей России ахнули... Правительство в очередной раз промямлило что-то невразумительное. Ближился импичмент президенту, американцы бомбили Югославию. Прикормленные дикторы тряслись от возбуждения, ругая НАТО и тыча пальцем в развалины белградских заводов и трупы возле них. Свою войну и свои трупы они замечать почему-то не хотели. Югославия стала удобным предлогом для того, чтобы отвлечь внимание людей от российских проблем. Не видя толку от властей, обозленные менты и казаки стреляли в горцев, ломившихся на равнину за хабаром и заложниками. Где-то в тиши кабинетов Генштаба готовилась вторая чеченская война — держать под носом бандитскую территорию дальше было невозможно... Война начнется осенью и будет длиться очень долго.

А в те апрельские дни в поселке Чиракчи происходило следующее...

Вагиф, шустривший где-то с друзьями за Терек, вернулся после Пасхи злой, как собака. Вместо награбленных шмоток банда привезла с собой труп боевика, а спустя сутки умер в больнице от осколочных ранений двоюродный брат Вагифа. Вагиф с друзьями два дня пил и обещал резать головы всем русским. Асадулла приказал нам со двора никуда не высовываться.

Я хорошо запомнил тот день. С утра парило, как перед дождем. Мы подгоняли на втором этаже половицы и глотали прямо из ведра кислое молоко, разбавленное холодной водой. Где-то за селом ударила автоматная очередь. Потом еще и еще. Сельские джигиты любили пострелять. Но каким-то чутьем мы с Иваном ощущали, что сегодня

стреляют не просто так. Слишком злым и возбужденным был Вагиф.

Потом к дому подъехал "жигуленок", и мы услышали внизу шум. С кем-то спорил Асадулла. По лестнице поднимались люди. Нас выволокли на улицу и поставили к стене дома. Вагиф, в камуфляже, с перевязанной рукой, подошел ко мне вплотную и уставился прямо в глаза. Он нежно неслю перегаром, веко на левом глазу быстро и мелко подрагивало. Крючковатый нос был вздернут, мелкие белые зубы блестели.

Рядом с Вагифом стояли еще трое парней, четвертый — у ворот, не пускал во двор Асадулла. Ограду облепили мальчишки и, перекликаясь, наблюдали за происходящим. Вагиф, как удав, продолжал буравить меня неподвижным взглядом. Не выдержав напряжения, я отвернул глаза. Он засмеялся и ударил меня затыльником автомата в живот. Я свалился, как подкошенный. Мне показалось, что брюхо разорвало пополам. Я пытался кричать, но рот был сведен судорогой, я не мог ни вдохнуть ни выдохнуть. Меня подхватили под руки и отволокли в сторону. Ваня Лагута остался один. Он стоял, долговязый, с белыми незагорелыми плечами, в драной майке и стоптанных башмаках.

— Ты стрелял в нас, — сказал Вагиф — Ты убивал моих братьев. Так?

— Ни в кого я не стрелял, — пробормотал Иван.

Лицо у него сделалось пепельно-серое, на лбу выступили крупные капли пота. Он почувствовал свою смерть — я впервые видел такое. Подскочил Асадулла, снова стал спорить, что-то выкрикивая на своем языке, но на него не обращали внимания.

Лагуту зарезали, как барана. Двое схватили за руки, а Вагиф, зайдя со спины, вдруг воткнул пальцы в ноздри Лагуты. Отогнул назад ему голову. Иван страшно закричал, и я увидел, как напряглись, вздулись жилы на шее. Он рванулся в одну, другую сторону, но боевики повисли на нем намертво. Вагиф медленно, от уха до уха, располосовал горло широким ножом. Потом все трое сразу отпрянули, а Лагута, зажимая ладонями горло, упал на колени. Я услышал жуткий хрип, когда человек пытается вдохнуть воздух, а вместо вдоха клопочет и свистит кровь в перерезанной гортани. Агония — страшная штука... Тело Лагуты выгибалось, ноги гребли песок и строительный мусор, во все стороны летели

рызги крови. Этой сцены, как и мертвенно-бледного перед смертью лица Лагуты, мне не забыть никогда. Потом он затих, а вокруг тела расплылась огромная лужа крови.

Поселковые мальчишки, наблюдавшие с ограды, жадно придвинулись ближе. Я ненавидел их, как ненавидел Вагифа, людей, окружавших его, и весь этот чужой проклятый аул! Я решил, что теперь моя очередь и почему-то боялся не самой смерти, а то, что мне будут резать глотку, и я буду так же мучительно и страшно захлебываться собственной кровью. Лучше пристрелите!

— Сволочи! Нельзя так, — ругался и цокал языком хозяин. — Зачем людей убивать?

Вряд ли Асадулла сильно жалел Лагуту. Ему просто было жаль хорошего строителя и, конечно, он понимал, что за смерть заключенного ему придется отступить дополнительную сумму начальнику колонии. И еще он наверняка понял, что Вагиф перерос своего отца... Возможно, только благодаря сыну Асадулла так разбогател в последние годы и влияния на Вагифа он уже не имел.

— Я тебя сейчас отвезу домой, — сказал Асадулла. Под словом "дом" он имел в виду колонию. Он торопился избавиться от меня, чтобы не платить за второй труп. — Собирайся!

Но мне было не суждено войти в знакомые ворота. Прибежала Надия и, размахивая руками, быстро затопорила. Надо отдать должное Асадулле, соображал он еще быстрее.

— Сашка, сюда идет Вагиф! Надия отведет тебя через сад к оврагу. Убегай дальше от села, а ночью возвращайся к себе.

Бежать я не мог. Вагиф врезал мне крепко. Я едва успевал за девушкой, которая, то и дело оглядываясь, торопила меня. Надия открыла калитку. В полусотне шагов начинался овраг, густо заросший лесом. Там меня не догонят.

— Прощай, Сашка.

— Прощай, Надя.

Я шел не останавливаясь часа полтора. Овраг давно закончился, я шагал через сосновый лес по склону горы. Село осталось далеко внизу. Я вдруг сообразил, что иду в сторону зоны. А надо ли мне туда? Я опустил на про-

гретый солнцем бугор. Напряжение и пережитый страх сменились усталостью. Я завернулся в куртку и почти мгновенно заснул.

Когда открыл глаза, уже смеркалось. Долину заволокло дымкой, а в лесу стало неуютно и темно. Я повернулся и пошел обратно к селу. Я никогда не задумывался всерьез о том, что смогу совершить побег, но решение принял неожиданно легко и быстро. Олег ночевал в летней кошаре километрах в полутора от села. Собаки в здешних местах на людей не нападают, хотя и поднимают оглушительный лай. Я долго топтался возле домика, стучал в закрытую дверь, пока не откликнулся старик-месхетинец, напарник Иванова. Старик был из беженцев, по существу такой же раб, как и я.

— Где Олег?

— А кто это?

— Сашка. Мы с Иваном Лагудой дома строим.

— Знаю. Убили Лагуду... Они на мельнице еще двух бичей застрелили. А третьему яйца отрезали, он через час умер. Вагиф как зверь мечется. Может, и к нам бы приехал, да ручей разлился, не перескочишь.

— Олег где?

— В кошаре с овцами спит.

Я понял, что Иванов тоже прячется. Через несколько минут мы сидели на бревне возле кошары. Я рассказывал, как резали Лагуду. Олег сворачивал и никак не мог свернуть сигарку.

— Я однажды видел такое, — он наконец прикурил сигарку. — В Самашках. Спецназовца резали. Кровь, как из шланга хлестала.

— Тебя не искали?

— Вроде нет. А может, поленились сюда тащиться, речка разлилась, машина не пройдет. Паскуды! — У тебя пожарать найдется?

— Пошли в дом.

— Лучше сюда вынеси, договорим без старика. Я жадно черпал прямо из казана еще не остывшую баранью шурпу. Собаки, выстроившись полукругом, следили за мной.

— Хорошая шурпа, — сказал я. — Асадулла хорошо кормит.

— Овца захромала. Хозяин прирезать велел.

— Сегодня овцу, завтра — нас.

— И такое может быть...

Я швырнул собакам кость. Овчарка, самая крупная в стае, подхватила ее и с рычаньем отскочила в сторону.

— Я решил смыться.

— Может и правильно. Меня возьмешь?

— За этим и шел.

Меня не удивило, что Олег тоже собрался бежать. После сегодняшней живодерни в селе, пожалуй, не останется ни одного русского...

Мы шли по бетонке. Прошлой зимой меня везли по ней вместе с двумя дагестанцами. Те двое радовались не напрасно. На зоне их уже давно нет — откупились и вернулись домой. Надо уйти как можно дальше от Чиракчи, а с рассветом свернуть в горы.

Есть ли в колонии розыскные собаки? Вряд ли... Овчарки, которые бегают по периметру, умеют только сторожить. Розыскных псов могут прислать лишь из города. Если их там не перевели... Мы шли бок о бок. Два путника на пустынной горной бетонке. Спереди засветились фары, и мы торопливо отбежали в лес. Мимо на большой скорости прошла "нива", и снова все стихло.

Начался сгущаться туман, скоро рассвет. Машины стали появляться чаще. Мы то и дело отбегали в сторону и ждали, пока исчезнет свет фар. Идти напрямик не рисковали. Если поскользнешься на камне и сломаешь ногу — все, конец! Часа через полтора туман отслаиваясь пополз вверх, сквозь влажную пелену пробились первые лучи солнца. Оставаться на дороге было опасно, и мы свернули в лес.

На крошечной поляне, окруженной со всех сторон кустами терновника, сели передохнуть.

— Не ложись! — предупредил Олег, увидев, что я пытаюсь растянуться на мокрой траве. — Ночью под ноль было, застудишься.

Белобрысый мальчишка брал инициативу в свои руки. Достал из мешка плоскую лепешку и бутылку с молоком.

— Есть еще килограмма два вяленой баранины, но ее надо варить. Котелок я с собой прихватил. Правда, маленький.

Я с трудом жевал лепешку. Есть не хотелось. Ныли ноги. Больше всего на свете я желал растянуться и поспать часа два. Больше вряд ли удастся. Олег снова дернул меня:

— Я же сказал, не ложись. Глянь сюда, — он держал в руке обрывок топографической карты. Мы примерно вот

здесь, в принципе до России не так далеко. Если делать и день километров тридцать-тридцать пять, тогда...

Что тогда? Через неделю будем среди своих? Черта с два! В горах можно шагать целый день и приблизиться к цели всего на километр. Можно несколько часов плутать по ущелью, пока не убедишься, что впереди тупик. Напрямик через хребты не пройдешь. Надо искать перевалы. И найти их непросто. И я, и Олег знали это прекрасно и поэтому больше ничего не загадывали. Мы просто допили молоко, спрятали в мешок остатки еды и кряхтя поднялись. Мы шли, и я вспоминал случаи, когда из нашей зоны пытались бежать.

Бежали редко, чаще откупались. Прошлой весной пытались сбежать двое воров. Забрались в кузов машины и проскочили за день километров двести. Их все равно поймали и страшно били. Один из них вскоре умер. Слушались и удачные попытки, но это было без меня.

— Олег, ты бежать не пытался? — спросил я.

— Конечно, пытался. Еще в Гудермесе. Меня через день поймали и пообещали яйца отрезать. Из Чечни трудно бежать, любой мальчишка продаст или сам под автоматом приведет.

— А в других местах?

— Весной пробовал еще раз. Снова поймали. Вон они, шрамы, — он ткнул пальцем в лицо и шею. — Кипятком облили и штыком по морде полоснули. Потом сюда в пастухи продали...

Шли целый день. Перевалили через гребень, горы долго плутали по каменистой россыпи, обходя огромные тысячелетние валуны. Я сообщил Олегу, что камни сюда приволок ледник, когда на земле было похолодание... Ледниковый период.

— Давно? — рассеянно поинтересовался он.

— С миллион лет назад, может, больше.

— А-а-а... действительно давно. Кажись, вертолет летит.

Мы забились под огромный, размером с дом, камень. Военный МИ-24, в разводах камуфляжной краски, прошел метрах в пятистах над нами.

— Не заметил, — шепотом сказал Олег.

— Чей вертолет-то?

— Хрен поймешь.

За весь день мы видели лишь пастухов, да и то издали. Мы сразу же сворачивали и обходили их далеко

стороной. К вечеру окончательно выбились из сил. У ручья, на склоне гор, разожгли костер и сварили похлебку из вяленой баранины и риса. Полуторалитрового котелка на двоих явно не хватило, тем более хлеба осталось всего по кусочку. С минуту раздумывали — варить еще или обойтись. Олег разложил на тряпке кусочки разломанного темного мяса.

— Четыре кучки получается, — сообщил он. — Риса еще узелок, две лепешки, чай. Давай хоть поужинаем нормально.

Обжигаясь, выхлебали второй котелок и свернули по сигарке.

— Быстро ты согласился бежать, — сказал я. — Думал, уговаривать придется... Все же рискованное дело.

— Оставаться еще рискованней. Вагиф и так кругам возле меня ходил, допытывался, где да в какой части поевал. Хозвзвод, говорю, харчи подвозил. А он магачин от Калашникова отщелкнул и в морду сует. Патроны тоже возил? А если бы догадался, кем я на самом деле был.

— Кем?

Олег поворошил веткой костер, глянул на меня. Его расщеченный шрамом глаз слезился от дыма еще больше.

— Ладно. Чем меньше знаешь, тем лучше. Здравой оба будем.

— Иди ты на!..

Олег засмеялся, хлопнул меня ладонью по плечу.

— Обиделся? Ладно, секрет не слишком великий, а если бы узнали, давно бы мне конец был. Помнишь, я тебе про омововца говорил, которому в Самашках глотку перерезали?

— Помню.

— Ну так вот. Мы с ним из одного отряда ОМОН были. Отряд сводный, кто откуда. Он из Самары был. Нас в плен человек двенадцать попало. Танкисты, солдаты из мотополка и мы двое из ОМОНа. Я в разрушенный дом забежал и куртку с эмблемой успел снять. Затолкал вместе с документами под кирпич и бушлат прямо на майку натянул. Бушлат у меня обычный, армейский. А у того парня эмблема на рукаве. У него спрашивают, мол, ваш среди омонных есть? Он сказал, что нет... Жаль, говорят, тогда в одиночку на тот свет отправишься. И ножом по горлу! Шки у них фирменные, шведские. Лезвия широкие, острые, как бритва. Не любили они омововцев, живыми мало

кого оставляли. Мы им крепко на хвост давили, вот они и отыгрывались.

— Больше никого из пленных не тронули?

— Снайпера еще расстреляли. Беги, кричат! Он не хотел бежать, а его штыками в спину бьют. Побежал... В затылок как долбанули, аж глаз вылетел... Из его же собственной винтовки убили.

— Вы пленных тоже по головке не гладили?

— По-разному. Кого в штаб отправляли, а кого и на месте шлепали.

— Не похож ты на омовца.

— Поэтому и выжил. Хожу и слюни под дурака пускаю. Меньше вопросов... Рядовой Иванов. Кашу и портянки возил. Контуженый, ничего не помню. Ты вот все допытывался, откуда я, а мне такие вопросы ни к чему были. Хотя Лагута про меня знал. Мы с ним еще с осени бежать хотели.

— Мне, значит, не доверял?

— Значит, нет. Болтанул бы где-нибудь, и мне крышка.

— А Лагута бы не болтанул?

— Нет. Иван другой по жизни.

Олег забыл добавить слово "был", потому что Иван Лагута сутки был уже мертв. А мы еще к этому не привыкли. Но почему Иван другой? Какая между нами разница? Мы вместе сидели за проволокой, горбатились на хозяйина и жрали одну баланду.

— Чем же я хуже Ивана? — угрюмо спросил я.

— Ты, конечно, тоже всякого хватил. Но у тебя жизнь другая была. В миллионерах ходил. Сладко жрал, на Ка-нары летал. От дури жену пришил. Не бось, в Москве и не догадываются, что людей в клетках, словно быдло, держат. И телевизор не включал, когда показывали ошметки мертвецов в ростовских холодильниках.

— Включал! — с вызовом крикнул я. — Чего ты себя в грудь кулаком барабанишь?

— Да потому что тошно! В одном месте людей мордуют, глотки, как баранам, режут, а у вас там всякие сволочи в Кремле на иномарках раскатывают да от жира лопаются. Из твоих друзей кто-нибудь в Чечне воевал? Кто-нибудь, как я, в рабах три года ходил? Идиотом, дурачком притворялся... Фамилию настоящую боялся болтнуть. Не дай бог, узнают, что я лейтенантом в ОМОНе служил. На куски изрежут.

— Ты не больно-то вытыкивайся, герой! Я здесь тоже в таких же рабах ходил.

— А дальше? Если живыми выберемся, тебя, небось, адвокаты мгновенно выкупят. Полетишь опять на Канары, мозоли на пятках залечивать.

— Дались тебе эти Канары! Никто меня не выкупит. Хорошо, если не ухлопают.

— А могут?

— Могут, если тесть жив.

Олег, немного смягчаясь, протянул половину сигарки.

— Расскажи, чего там у вас в миллионерской семье случилось? — простодушно спросил он. — Интересно...

Олег, худой, белобрысый, совсем не похожий на омовца, с любопытством смотрел на меня. И я стал нетопливо рассказывать.

Уже укладываясь на жестких дубовых ветках спать, я спросил:

— Фамилия-то твоя настоящая какая? Или большой секрет?

— Какие секреты? Сотников. Олег Николаевич Сотников. Город Саратов, отряд милиции особого назначения. Если живыми выберемся, черкнешь. Чтоб жена, родители знали...

— Дети-то есть?

— Сыну еще не было года, когда я в Чечню уезжал.

— Добровольно поехал?

— Нет. Только у нас в ОМОНе такой закон. Не хочешь в горячую точку ехать — клади рапорт на стол. А я к ребятам своим уже привык, стыдно было трусом оказаться. Да и другие всякие обстоятельства. Жена в декрете, жили на мою зарплату. Комнату в малосемейке обещали... Теперь все накрылось.

— Да брось ты, Олег! Все нормально будет.

— Уж куда нормальнее! Знаешь, как у нас на пленных смотрят?

Очередь на жилье наверняка накрылась, да и из ОМОНа, наверное, выгонят.

— Брось! Никто тебя не выгонит. Ранен, два раза бежать пытался... Сейчас третья попытка. Бог троицу любит! Лишь бы живыми добраться.

Это был единственный случай за время нашего пути, когда Олег загрустил, раскис. Он снова взял себя в руки и уверенно вел меня за собой...

Ночевка в горах, даже в конце апреля, когда всю зеленеет трава, а днем можно ходить в одной майке — штука тяжелая. Уже к полуночи трава и дубовые ветки, на которых мы лежали, стали насквозь мокрыми от росы.

Я проснулся и полез разводить погасший костер. Зубы ли от холода, а сырые ветки никак не хотели гореть. Наконец застрелял, зашипел огонь. Олег тоже полез к костру. Огонь для нас — вещь опасная. Лес редкий, и отблески видны далеко. Если мы не поспим хотя бы часа четыре, то завтра далеко не уйдем. К рассвету снова пополз туман. Мы просыпались от холода каждые полчаса, снова подбрасывали ветки и двигались ближе к огню. У меня прогорел рукав бушлата. Я долго тушил тлевшую вату, потом понял, что больше заснуть не смогу, и повесил котелок — кипятить чай.

Мы шли, держа направление на северо-восток. Поднявшись на очередной гребень, увидели внизу равнину. В нескольких направлениях ее пересекали дороги, а возле пруда был виден довольно большой поселок. Значит, придется делать крюк.

Следующие три дня мало чем отличались друг от друга. Мы двигались, обходя стороной поселки и встречавшихся людей. Возле дорог, пересекавших наш путь, оставались и, убедившись, что поблизости нет машин, бежали вперед. Несколько раз видели вооруженные группы людей в камуфляже. Однажды утром прошла целая колонна, человек триста с пулеметами и снайперскими винтовками. На трех КАМаЗах везли спаренные зенитные установки. Это были явно не российские части. Куда-то передвигались боевики.

Тогда мы еще не знали, что готовилось вторжение в Дагестан. Попадись мы одной из таких групп, нам бы точно пришел конец.

Кавказ жил своей жизнью... Здесь уже много лет шла война, которую старались не замечать. Хозяйская дочь Надия иногда приносила мне газеты, случайно оказавшиеся дома. В них сожалели, что в России прекращается показ мыльной супероперы "Санта-Барбара" (показали всего 1300 серий). Фирма "Бум-Буль-Дан" выбросила на экран новую звезду рекламы Милую Милу. Газеты много писали о Югославии. Крошечная заметка извещала о расстреле в Ставрополе четы-

рех русских милиционеров. Про эту, увиденную мною, войну я нигде не читал.

На узкой горной дороге мы наткнулись на следы недавнего боя. На обочине стояли два сгоревших бронетранспортера. Еще один, разорванный пополам, без башни и колес, валялся внизу под кручей, вместе с обломками еще какой-то техники. Тяжелый танк, покрытый, как панцирем, пластинами керамической брони, уткнулся стволом пушки в землю. Броня его не спасла, машина полностью сгорела. Размотанная левая гусеница блестящей лентой змеилась рядом. Я заглянул в башенный люк. Из темноты несло запахом гари.

— Кто с кем воевал? — спросил я.

— Бог его знает, — пожал плечами Олег. — Может, наших из засады расшлепали, а может, горцы между собой. В Абхазии за полгода шестьдесят тысяч угробили. Про них кто-нибудь помнит? Многие и не знают, что такая война была. А здесь всего-навсего взвод накрылся. Мелочевка!

За эти дни мы видели еще несколько раз на обочинах дорог сгоревшие машины. Недалеко от перевернувшегося грузовика ЗиЛ-131 я увидел прилепившийся к скале памятник-пирамиду. Когда-то там были две фотографии, сейчас они были смяты в железо и разорваны в клочья пулями.

— Славянам памятник, — сказал Олег. — В засаду грузовик попал.

Славян не хотели оставлять в покое и после смерти. Пирамидку издырявили, как решето. От звезды на верхушке осталась лишь нижняя половинка. Еще я разобрал год рождения одного из погибших — 1979. Господи, совсем еще мальчишка!

За последние годы я увидел образ совсем другой страны. Москва, которая не верит слезам, с ее сытостью и сверканием рекламы, была всего лишь ширмой. За нее пряталась изнанка, совсем другой мир, в котором людей продавали, как скот, убивали, закапывали на свалке рядом сдохлыми овцами, и никому до этого не было дела. Когда-то мне тоже было наплевать на этих людей... Теперь я превратился в одного из них.

— Эй, русские, не дергаться! — скомандовали нам. — Стреляю!

Я и не думал дергаться. Прямо в лицо мне смотрел ствол автомата...

Мы вляпались до глупости просто. Увидели стадо овец и взяли, как обычно, в сторону. Собирались обойти их лесом. Но в той стороне оказался и пастух. Может, отдыхал в тени, а может, гнался за нами. Мы столкнулись лоб в лоб, и главным аргументом стал автомат, который пастух держал у пояса.

— Сидеть! — как обученным собакам подали нам следующую команду.

И мы сели, не задавая никаких вопросов.

— Ича! — крикнул пастух и, чтобы его лучше услышали, дал вверх короткую очередь.

Звук автоматных выстрелов похож на рвущееся полотно. Тр-р-р! Оторвали кусок нам на саван. Тр-р-р! И мы трупы. Пальцы, сжимавшие автомат были тонкими и грязными. Я уставился на них замороженный, от них зависела моя жизнь.

Пастуху было лет двадцать. Высокого роста, худой, он напряженно следил за нами. Наверное, он еще не привык целиться в людей, а может, боялся нас. Через несколько минут появился его напарник — Ича. Такой же мальчишка, только на голову ниже, плотный, обросший короткой черной бородой. Бородач держал наготове автоматическую винтовку с тонким блестящим стволом и дырчатым кожухом. Видимо, он был старшим, а может, привык брать инициативу в свои руки.

— Кто такие?

За нас двоих отвечал Сотников как более опытный. Он торопливо рассказал, что мы работали на хозяина, а теперь работы нет, и мы возвращаемся домой. Говорил он складно, сыпал названиями сел, именами горцев, половину фраз произносил на их языке. Но звучало неправдоподобно. Как же, дожидайся, отпустит нас добрый хозяин! Была бы шея, а хомут всегда найдется. Чего-чего, а тяжелая работа для русских есть везде. Кем бы мы ни были и что бы ни говорили, эти два пастуха нас все равно не отпустят. Если за нами числятся грехи, нам отрежут головы. А нет грехов — зачислят в чью-то собственность!

— Брешешь, свинья! — порадовал нас знанием русского языка бородатый джигит Ича.

— Чего нам брехать? — угрюмо отозвался Олег. — У нас на мордах все написано. Отпустите, ребята, мы никому ничего плохого не сделали,

— А кто твой морда резал?

— Это давно, в драке... Ну, отпустите, пожалуйста. Откупиться нечем, хотите, бушлаты забирайте. Богу за вас будем молиться.

— Ваш Бог ничего не стоит, — подал голос худой пастух с автоматом. — Он от вас отвернулся.

— Может и так, но матери у вас есть? Ради них отпустите. Ждут же нас...

Из рассеченного глаза Олега вытекла слеза. Наверное, он пустил ее не специально. У него часто слезился глаз. Дети-джигиты громко спорили между собой. Вначале я подумал, что один хочет отпустить, а второй — против. Потом оказалось, что они спорят из-за того, кому вести нас в деревню. Рвался худой, с автоматом, покрасоваться перед девками, но Ича доказал, что вести должен он.

Нам по очереди связали за спиной руки капроновой веревкой. Вязал худой, а Ича держал нас под прицелом. Заодно обыскали. У Олега отобрали бушлат и самодельный нож. Мешок и старый гнутый котелок оставили. У меня поживиться было нечем, кроме коробки спичек.

Бушлат был рваный и прожженный на костре. С досады худой пнул меня сапогом по копчику. Я подскочил, вскрикнул от боли. Худому это понравилось. Он засмеялся и пнул Олега, потом приказал вставать.

Мы шли вверх по склону. Сотников — впереди, я — ним. Ича, сосредоточенный и мрачный, шагал сзади. И уже предупредили, что если вздумаем прыгнуть, то сразу получим по мозгам.

— Двадцать патронов на магазин, — путая предлоги и надежи, объяснил Ича. Пули спиленные. Мозги на дереве висеть будут.

Я не знал, что такое спиленные пули, но догадался, что штука хреновая. Невольно посмотрел на дерево, мимо которого проходили. Это была дикая яблоня. Она только-только выпустила бутончики молодых светло-салатных листьев. Трава искрилась крупными каплями еще не высохшей росы, а над лугом струилось марево. Парила под ярким солнцем влажная весенняя земля, и от всей этой неселой картины становилось еще тоскливее. Сейчас приедут, затолкают в подвал, потом начнут допрашивать, наверное, бить, а через пару дней я окажусь в колонии. В лучшем случае. А в худшем — один Бог знает, что с нами будет... Тот, который отвернулся.

Вдруг докопаются, что Олег Сотников воевал в ОМОНе? Тогда и мне не поздоровится. Удивительно, почему раньше этого не боялся. Наверное, не понимал. А сейчас сообразил и впервые пожалел, что захватил с собой Олега. Мне они ничего не сделают. Ну, избыют, вернут в зону или даже продадут. Убивать-то не станут. А вместе с Сотниковым могут и прирезать. Убежал бы он, что ли...

— Слушай, браток, отпусти ты нас, — взмолился я. Ну, зачем мы тебе нужны?

Ича шагал не спеша, разбрасывая в стороны короткие ноги в тяжелых армейских ботинках. Заграничная винтовка висела на правом плече, стволом вперед. Ответил через минуту, сделав знак, чтобы я шел не останавливаясь.

— Проверим, старики решат... Ходят всякие, документ нету, воруют...

Он нес что-то еще, а Сотников, обернувшись ко мне, бормотал сквозь зубы: "Говори, говори с ним..." Кисти его рук лихорадочно ворочались. Прикрываясь мной, он пытался ослабить, растянуть веревку. Бесполезно. Я добросовестно отвлекал нашего конвоира.

— Мы не ворует. Работаем, дома строим. Где платят деньги, там и строим.

— Правильно, — кивал головой Ича. — Работать надо.

— А ты где так хорошо научился говорить по-русски? — спросил я.

— Ростов жил. Ваших девок трахал... Русские бабы — проститутки! Деньги плати, веди куда хочешь...

Бородатый сопляк Ича зря так оскорблял наших женщин... Олег, маленький, жилистый, с визгом летел на горца. Ича был вдвое шире Олега и, наверняка, сильнее физически. Но Сотников не зря служил в ОМОНе. С маху вцепившись в винтовку, он выдернул ее из рук Ичи. Бородач растерялся лишь на секунду и тут же бросился на Олега, который возился с затвором и никак не мог его передернуть.

— Отдай!

Возглас прозвучал почти по-детски. Отдай мою игрушку... Но дрался Ича совсем не по-детски. Лобастый, крепко сбитый горец одной рукой схватил винтовку за ствол, а второй ударил Олега а челюсть. Еще раз. Омоневец покачулся, но винтовку из рук не выпустил... Я подбежал и ударил Ичу в бок. Руки у меня были связаны

за спиной, и удар получился слабый. Ича крутнулся, уходя от меня и подставляя Сатникова. Теперь он выкручивал винтовку обеими руками. Если выдернет — нам конец! Своим оружием горцы владеют отлично. Передернуть затвор или сбросить предохранитель для них секундное дело.

Олег вдруг выпустил винтовку. Ича, изо всех сил тянувший ее к себе, не удержал равновесия и повалился на спину. Сотников прыгнул и вцепился пальцами в горло. Ича, не бросая винтовку попытался встать. Олег висел на нем, как клещ, продолжая душить. Бородач захрипел и, отбросив винтовку, попытался отодраться Сотникова. Я впервые видел драку, исход которой означал смерть. Ича, багровый от натуги, с выпученными глазами, бился всем телом и выдирали душившие его руки. Олега подбрасывало, как мячик. От натуги лопнули по шву штаны.

— Су-у-ука, — рычал Олег на одной ноте.

Я наконец сообразил, что надо помочь омоневцу, и, примерившись, пнул Ичу в голову. Олег сидел на бородаче, как наездник. Руки горца разжались. Стало страшно. На глазах у меня убивали человека.

— Олег, не надо!

— Су-у-ука...

— Ты его убьешь, хватит!

Сотников наконец разжал пальцы и встал. Его покачивало, как пьяного. Он пошарил по карманам, разыскивая табак, который кончился еще вчера. Потом сообразил что я еще связан, и, выдернув из-за пояса Ичи нож, перерезал веревки.

— Сучата! Связать как следует и то не сумели. Он обыскал карманы мертвого бородача. Запасной магазин к винтовке, зажигалка, начатая пачка "Примы", колода карт. Мы закурили. Ича лежал, разбросав руки Глаза его были открыты, нижняя челюсть отвисла, между зубов торчал язык.

— Хотел разбогатеть, паскуда. — Сотников кивнул на груп. — Отец, мол, обоим в Чечню продаст, машину новую купим. Ты им особенно понравился. Мужик, говорят, здоровый, за него хорошо заплатят. А перед продажей трахнем.

— Врешь!

— Нет, не вру. Чего на тебя смотреть! Мужик красивый, удовольствие можно бесплатно получить. Здесь баб не

хватает, коз используют, а тебя сам Бог велел. Ладно возьми себе нож, я — винтовку.

Я так и не понял — или Сотников надо мной зло подсмеивался, или говорил правду. Олег поднял винтовку, осмотрел ее и отщелкнул магазин:

— Бельгийская, системы “фал”. У нее предохранитель слева, а я забыл... провозился. Ножны у этого урода отстегни.

Я долго возился с поясом, стараясь не касаться мертвого, еще теплого тела. Наконец выдернул самодельные кожаные ножны.

— Ну, все, сматываемся, — закидывая винтовку за плечо, сказал Олег. Ему, наверное, что-то не понравилось моих глазах. Он с вызовом сплюнул под ноги. — А ты как думал? Война, она всегда дерьмом пахнет.

Мы шли быстро, почти бежали. Я понимал, что теперь за нами начнется настоящая охота и пощады ждать нечего. Лучше не думать, что с нами сделают, когда поймают!

— Часов двенадцать у нас в запасе есть, — на ходу рассуждал Сотников. — Длинный овец не бросит. Вечером вернется в деревню, тогда и начнут искать. Ичу, нас с тобой...

Мы шли сутки почти не останавливаясь. Даже ночью, рискуя переломать ноги. Перед рассветом прикорнули, не разжигая костра, и снова зашагали дальше. В желудках урчало от голода и выпитой воды. Я принялся жевать щавель, еще какую-то траву. Рот наполнился горькой слюной. К горлу вдруг подступила тошнота, и меня вырвало зеленью. Олег покачал головой, выругался:

— Не тащи в пасть всякую гадость. Потерпеть не можешь?

— Могу.

— Вчера утром рис ели. Человек трое суток без еды запросто прошагает. Ну что, идем?

— Полежать бы с часок.

— Нельзя.

Я сидел, привалившись спиной к нагретому солнцем камню. После приступа рвоты накатила слабость. Глаза слипались, хотелось спать. Олег внимательно посмотрел на меня. Наверное, он понял, что поднимать меня — бесполезное дело.

— Ладно, поспи... Я схожу в деревню, надо раздобыть еды.

— Может, вместе, — безразлично предложил я.

— Нет, я один.

Я мгновенно уснул. Не услышал даже, когда вернулся Сотников. В котелке кипела вода, а Олег резал какие-то куски. Траву покрывали белые перья и пух.

— Утку поймал. Жирная, сволочь! Сейчас суп сварим. При виде мяса у меня, как у собаки, потекла слюна. Но Олег мяса мне не дал.

— Пей жижу. Мясо потом, а то опять вырвет, — с минуту он наблюдал, как я, обжигаясь, хлебал горячий бульон, затем проговорил: — Ты вот что! Больше сопли не развешивай, а то оба загнемся. Мужик ты или нет?

— Ладно...

— Еще пара дней — и мы дома. Я не за тем в плену три года парился, чтобы у порога сдохнуть. Меня сын ждет...

Но пары дней не получилось. На следующее утро Сотникова ранили, и шансов выбраться из лабиринта чужих гор у нас почти не осталось.

Мы пересекли дорогу и шли наискось по склону. — Эй, стойте! — закричали сзади.

К нам бежали три человека в камуфляжных куртках. За поворотом стояла легковая машина, а около нее маячил еще один. Мы тоже побежали, и сразу же вслед застучали автоматы. Расстояние для прицельной стрельбы было слишком велико, метров пятьсот. Пули долетали до нас с большим разбросом, но их было много. Люди, гнавшиеся за нами, патронов не жалели.

Лес на этой стороне склона отсутствовал. Торчали редкие кривые сосны и островки дикой вишни. Прятаться от пуль было негде. Жуткое ощущение незащитности. Сейчас одна из пуль шмякнет в спину, и все! Я оглянулся. Трое брали нас в полукольцо и, кажется, приближались. Пуля отрикошетила от камня шагах в пяти от меня и с воєм ушла в небо. Сотников показал рукой направление.

— Беги туда. Жди меня на гребне...

Сам он, прячась за обкатанным серым валуном, пристраивал винтовку. Выстрелы били сухо и отрывисто. Я, задыхаясь, бежал вверх. Кажется, в меня не стреляли. Наверное, все трое лупили в омовца. Я оглянулся. Олег, пригибаясь, бежал к следующему камню. Снова хлопки одиночных выстрелов. Трое внизу залегли. Я побежал дальше. Вот он, гребень! Вслед ударила запоздалая очередь, пули прошли высоко над головой. Я присел, пополз на четвереньках, затем снова поднялся.

Ни Олега, ни наших преследователей я уже не видел. Я миновал гребень и спускался по склону. Деревьев здесь было больше. Они росли поодиночке, кучками, а в километре внизу смыкались в сплошную полосу. Лес заполнял седловину между двумя хребтами и тянулся с севера на юг. Только бы добраться до леса, а там буду шагать день и ночь, пока не выйду на равнину.

Я бежал, забыв про Олега. Стреляют или нет, я не слышал — мешало собственное тяжелое дыхание и стук в висках. На краю леса я все же остановился. Остановился вопреки голосу, толкавшему меня вперед! Беги! Те люди заняты Сотниковым, им не до тебя. Олег убил пастуха, в живых его не оставят. Исчезай, пока они стреляют друг в друга...

Мне не хватало какого-то толчка, чтобы кинуться в лес. Я продолжал стоять. А вдруг Олега убили и сейчас появятся те трое? Если они меня увидят, то уже не отстанут. Я попятился за деревья. Склон оставался пустым. Наверное, Олега убили. Досчитаю до шестидесяти и побегу, иначе будет поздно. Я отсчитал минуту, но продолжал стоять на месте... Все, дальше тянуть нельзя.

И в этот момент я увидел Сотникова. Маленький омовец катился вниз, держа перед собой винтовку.

— Олег, сюда!

Правый рукав бушлата был в крови.

— Одного я, кажется, зацепил, — задыхаясь от бега, сказал Олег. — Жаль, патронов мало.

— Ранили? — показал я на руку.

— Ерунда. Главное, ноги целые.

Сотников не повернул, как я ожидал, на север. Мы торопливо уходили на юг, в глубину гор. Часа через два остановились перевести дыхание.

— Сделаем крюк, запутаем следы, если сумеем. Глянь, что с рукой?

Рана действительно оказалась неглубокой, но крови вытекло много. Пуля вырвала клоч мяса повыше локтя. Предплечье и кисть были покрыты толстой коркой запекшейся крови. Сотников осторожно опустил рукав;

— Вроде засохло. Трогать не будем. Вечером обработаем.

Отсоединил магазин и выщелкнул оставшиеся патроны.

— Десять штук. Одиннадцатый в стволе. Сейчас мы его достанем, — Сотников передернул затвор и подобрал с земли выпавший патрон.

— Заряжается эта штука вот так... Предохранитель флажковый. Попробуй.

Я добросовестно подвигал затвором и предохранителем.

— Винтовка хорошая, хоть и старая. Прицельность — шестьсот метров. Смотри, автоматику с одиночными не перепутай. Здесь буква "а", не ошибешься. Ставь только на одиночные, понял?

— Понял.

— А вот это спиленные патроны, посмотри. Я повертел в пальцах два винтовочных патрона со спиленными на полсантиметра головками, сквозь которые виднелся свинец.

— Когда попадает в тело, разворачивается цветком и кромсает все, как разрывает. Вот мы их и зарядим в магазин первыми.

Небо затянули облака. Пошел мелкий дождь, и сразу стало холодно. Шагали до темноты. Кое-как разожгли костер, вскипятили воды, промыли рану. Перевязали ее разорванной на полоски майкой. Полоски Олег прокипятит в котелке, а затем на них помочился.

— Дезинфекция, — морщась, усмехнулся он. — Лучше бы, конечно, спирту. И на рану и внутрь...

Эту ночь мы почти не спали. То прекращался, то снова начинал идти дождь. Костер без конца гас. Мы лежали на куче лапника, тесно прижавшись друг к другу. Сверху накрылись моим бушлатом. Сотников ворочался и кричал от боли, я вставал, подкладывал ветки в костер. Я тоже садился ближе к огню. Мы шли б и ночью, но в полной темноте был слишком велик риск сломать шею или ноги.

— Скорее бы рассвет, — лязгнул зубами Олег. — Дождь чертов!

— Зато собаки след не возьмут.

— Какие тут на хрен собаки! В селах есть охотники, они по следу лучше легавой идут.

— И в дождь?

— Наверное.

Олег немного подумал и, чтобы успокоить меня, добавил, что хороших следопытов мало. Еще меньше, чем собак-ищеек.

Едва рассвело, мы снова шагали дальше. Часа через два увидели внизу под горой кошару. Олег долго наблюдал, примеривался, наконец решился.

— Сиди здесь. Надо идти за жратвой.

— Вместе пойдем.

— Нет уж! Сбегаю один. Меньше шума.

Я остался ждать, спрятавшись от дождя под сосной. Сотников снова не взял меня. Почему? Может, решил сбежать? В горах он ориентируется хорошо, я для него лишняя обуза. В голову лезли идиотские мысли. Одному проскользнуть легче и еды в два раза больше достанется. А я останусь один с дурацким ножом покойника. Ичи за убитого придется отвечать мне.

Олег вернулся часа через два, выложил из мешка два пакета: один с рисом, другой — с заплесневевшими сухарями.

— Не повезло. Кошара брошенная. Но ничего, какая-никакая, а жратва.

Ужин получился царский. Похлебка без капли жира и по большому сухарю на брата. Жить можно!

ГЛАВА 10

Нас искали. В этом сомневаться не приходилось. Добывая себе свободу, мы оставили позади труп, и нас будут преследовать до конца.

Пока нам везло. А точнее, выручала, казалось, неиссякаемая энергия маленького омовца. Он чувствовал опасность, как дикое животное, уходящее от облавы.

Мы шли почти без отдыха, подолгу высматривая путь с перевалов или холмистых вершин. Мы уже не опасались идти ночью. Время значило для нас больше, чем риск свернуть шею на какой-нибудь круче.

Мы обходили перекрестки дорог, избегали натоптанных тропинок, предпочитали переходить речки вброд, держась подальше от мостов. Не раз случалось, что без видимой причины Олег останавливался, прислушиваясь к птицам. Иногда мы медленно отползали назад или обходили далеко стороной подозрительное место. Помню, мы сделали огромный крюк, обходя густо заросшую кустарником каменистую речную долину. Людей там видно не было, слишком мрачной и необжитой казалась эта узкая щель в горе. Но уже сверху, вскарабкавшись на километровую кручу, мы разглядели не-

сколько зеленых фигурок. Живыми бы мы из этой долины не вышли.

По нашим подсчетам до Терека оставалось всего дня два-три пути, но удача нам изменила. Сильно воспалилась, мешая идти, рана Олега, а на нашем пути возникла вздувшаяся от талого снега речка.

Перейти ее вброд было невозможно. Мы кое-как прошли среди месива камней и расщелин километров пять, прежде чем убедились, что единственный путь к свободе — мост. И он был совсем рядом. Но через него надо было пройти...

Подвесной, на ржавых тросах дощатый мост раскачивался над пенящейся мутной водой. Мост охраняли. Двое, в камуфляжных бушлатах, сидели возле небольшого костерка между камней, до них было метров шестьдесят, и мы осторожно отползли за гребень.

Боевики чувствовали себя не слишком уютно. С утра не переставая сыпал мелкий дождь, костер шипел и отчаянно дымил. Наконец старший из них решил, что толку от такого тепла не будет, и залил огонь водой из чайника. Ни палатки, ни шалаша поблизости мы не увидели. Значит, пост появился недавно, и возможно из-за нас.

— Отсюда легко снять их обоих, — сказал Олег.

Он не обращался ко мне, он просто констатировал факт. Но стрелять наверняка придется мне. Мы сидели уже целый час и тряслись от холода. Чего ждать еще? Вот-вот появятся преследователи и зажмут нас между речкой и скалами. Я подобрал винтовку. Затвор был затворливо замотан промасленной тряпкой. Олег умело и бесшумно отвел затвор назад и плавно, почти без щелчка, загнал в ствол патрон. Тот самый, со спиленной головкой.

Я взял винтовку. Олег сделал мне знак подождать, неуклюже отставив раненую руку, прополз вперед и минуты три наблюдал за постовыми. Если бы мост был устойчивым, деревянным, охранники наверняка ходили бы по нему, и подстрелить обоих было бы легче. Но оба упорно жались в расщелину, пытаясь укрыться от дождя натянутым куском целлофана.

Мы пустились на уловку. Примитивную, но, пожалуй, единственно возможную в данной ситуации. Сотников отошел метров на сто выше по течению и бросил в воду камень. Потом еще. Оба боевика насторожились и вы-

лезли из-под своего целлофана. Один полез на обрыв, второй с автоматом наизготовку подошел к краю моста. С обрыва Сотникова видно не было, его закрывал поворот реки. Второй боевик, в разбухшем от влаги мокрым бушлате, держась одной рукой за перила, сделал несколько шагов. Еще пара-тройка метров и он увидит Олега.

До боевика, стоявшего на обрыве было метров восемьдесят. Я выстрелил в него, подведя мушку под грудь. Он повалился лицом вперед, и падение в кипящую мутную воду длилось долго, как в замедленном фильме. За это время я мог бы несколько раз выстрелить в боевика, стоявшего на мосту, но оба мы застыли, словно ожидая, когда тело убитого шлепнется в воду. Первым опомнился боевик на мосту. Он застрочил наугад, еще не видя меня. Пули из удлиненного, на сорок пять зарядов автомата сыпались градом, высекая крошки камней, и рикошетом уходили в небо.

Я видел его напряженное бородатое лицо и черную вязаную шапочку. Он не был новичком в своем деле и уже не торчал посреди настила, а, сжавшись в комок, медленно отступал к краю моста.

И все же преимущество было на моей стороне. Меня прикрывал камень. Я выстрелил, но локоть соскользнул и пуля ушла в сторону. Теперь боевик на мосту видел меня, и дело решали секунды. Я выстрелил три раза подряд, и торопливые хлопки прозвучали одной очередью. Я увидел, как подскочил в воздух автомат и от приклада полетели мелкие щепки. Боевика крутнуло. Он завалился набок, вцепившись обеими руками в металлический поручень. Ноги, шевелясь, тянулись к другому краю настила, чтобы удержать тело поперек моста.

Я подбежал к боевику. Он тяжело, с хрипом, дышал, в углу рта пузырилась розовая пена. Пуля попала в середину груди, и рана, судя по всему, была смертельной. Олег выдернул из кобуры маленький плоский пистолет и запасную обойму к нему. Пошарил в карманах, достал несколько долларовых бумажек, зажигалку и пачку «Явы». Боевик лежал с закрытыми глазами, приносясь мертвым.

Сотников пнул его в голень:

— Кого поджидали, уроды?

— Ты...

Говорить раненый уже не мог, начиналась агония. Олег с минуту рассматривал лежавшее перед ним тело, потом, нагнувшись, с силой толкнул вниз.

— А-а-а...

Крик, повторенный многократным эхом, прервался громким шлепком. Возле погасшего костра мы подобрали тощую заплечную сумку, топорик и, кое-как перерубив тросики, на которых держался мост, двинулись дальше... Понимая, что надо уйти как можно дальше, мы шагали часов пятнадцать без перерыва.

В сумке оказался кусок вареной говядины, несколько кукурузных початков, три пресные лепешки и неполная бутылка чачи. Мы жевали на ходу, запивая пищу водой из струившихся повсюду ручьев. Часа два подремали в каменной расщелине, засыпанной слоем гнилых веток, и снова пошли. Где-то за хребтом слышались автоматные очереди, хлопали гранатные взрывы. Кто-то с кем-то воевал. Может, стало уже не до нас? И не нас караулили у ржавого подвесного моста?

Идти долго на следующий день мы не смогли. У Сотникова все сильнее болела рана. Правая рука уже не сгибалась в локте. Олег двигался, как автомат, прижимая руку к груди и баюкая ее другой. Походка у него сделалась вихляющая, он словно падал и никак не мог устоять. Олег что-то непрерывно бормотал под нос, а глаза смотрели затравленно и отрешенно. И все же Сотников шагал.

— Бери левее, — сказал Олег.

— Там скала и речка. Не пройдем.

— Шагай, — простонал он. — Мать твою...

Позже я сообразил, что Олег, как раненое животное, ищет нору, в которой можно отлежаться илизать рану. Мы брели вверх по течению узкого бурлящего ручья. Омоновец показал мне дыру в скале.

— Иди глянь.

Я вскарабкался на камень и, пригнувшись, полез смотреть.

— Глубокая, метра четыре, — сообщил я. — На полу мусор всякий, даже трава.

— Не пойдет, — оглянувшись по сторонам, прошептал Сотников. — Дыру издалека видно.

Мы снова карабкались по камням. Наконец нашли подходящее, по мнению омоневца, убежище. Это была расщелина, шириной метра два, уходящая в глубь скалы. Темно-серый, с красноватыми прожилками камень сочил-

ся каплями влаги. У входа дождевая вода сбегала вниз целой струей, но внутри расщелины было почти сухо. Сырость — не в счет. Уже в темноте мы сгребли в кучу прелые листья, лохмотья травы и заснули, прижавшись друг к другу. Костер развести не смогли. Снаружи продолжал идти дождь и стояла сплошная темнота.

Кажется, Сотников опять не спал. Едва рассвело, он толкнул меня:

— Саня, помоги фуфайку снять. С рукой какая-то ерунда.

Я стащил его фуфайку и старую армейскую гимнастерку. На месте раны вздулась опухоль размером с кулак.

— Слушай, иди собирай дрова, — облизывая сохнувшие губы, сказал Олег. — Я скажу, что надо делать дальше.

Я нагрел в котелке воды, прокипятил тряпки, затем осторожно промыл руку. На все это ушел целый час. Сотников нетерпеливо подгонял?

— Прокали нож. Над углями, чтоб без копоты. Резать не боишься?

— Нет, — огрызнулся я.

— Протри лезвие чачей...

— Сиди молча, я знаю, что делать.

Вчера мы выпили граммов по сто крепкой, отдающей фруктами чачи. Зря! Я взболтнул оставшуюся в бутылочке жидкость. Ладно, на операцию хватит. Протер лезвие, положил руку Олега на свернутую фуфайку.

— Терпи! Главное, руку не выдергивай.

— Стерплю... Выпить бы. А-а-а!

Я давил из надреза гной и черную густую кровь. Сотников подскуливал и матерился, но руку не выдергивал. Я смахнул со лба пот и поглядел на Олега. Глаза у него закатились, губы вздрагивали, а лицо сделалось бледным, как бумага. Я понял, он теряет сознание.

— Олег!

— Сейчас... Давай передохнем.

Через десяток минут я все же закончил операцию и туго перетянул руку все теми же полосками майки. Сотников уснул, словно провалился, и спал до самого вечера. Я сварил два початка кукурузы, но есть Олег не стал, только выпил глоток горячего отвара.

Ночью он без конца просыпался, бредил, а я сидел возле костра и тоже не мог уснуть. В голову лезли всякие мысли, и главной была одна — надо уходить. До Терека всего ничего, и там мы в безопасности. Здесь, в этой сырой дыре, оставаться больше нельзя. Без еды и от

холода окончательно ослабеем, да и не дадут нам долго просидеть. Не сегодня-завтра наше убежище все равно обнаружат.

Ствол винтовки покрылся тонким слоем ржавчины. От нечего делать я долго тер его тряпкой, потом проверил затвор. Хорошо смазанный покойником Ичей, он вытолкнул из магазина патрон и догнал его в ствол. Я поставил затвор на предохранитель. Тяжесть оружия завораживала и придавала уверенность. Вчера я убил духов, мешавших нам пройти. Так просто нас не возьмешь. Все равно мы выберемся!

Сотников в очередной раз открыл глаза, пошевелился, прижимая к груди руку:

— Что случилось, Саня?

— Ничего, спи.

— Ты тоже спи. Завтра шагать...

Дурацкая приподнятость уступила место трезвому расчету. Я разрядил винтовку. Никуда мы завтра не пошагаем. Чудес не бывает...

Опухоль на руке спала. Можно сказать, что операция прошла удачно, но, как я и думал, идти Сотников не мог. Слишком ослабел; попробовал подняться и тут же сел.

— Во, черт! Давай перекусим, отдышусь и поедем. Сгрызли на двоих вареный кукурузный початок, запили его слегка подсоленным отваром, но сил Олегу это прибавило. Он лежал на телогрейке у входа и о чем-то думал. Дождь прекратился, и в просветы облаков выглядывало солнце. Вход в пещеру загораживала скала, торчавшая метрах в сорока от нас. И оттого, что видимость была ограничена, меня не оставляло ощущение, что из-за скалы сейчас выскочат люди и мы окажемся в ловушке.

Сотников пошевелил пальцами правой руки.

— Двигаются, — с минуту помолчал и отрывисто заговорил. — Дело такое. День-два мне надо отлежаться. Кровь потерял и воспаление. Поэтому ослабел. Слышишь?

— Слышу.

— Лежать и ждать — хуже нет. Но другого выхода не вижу.

Олег закрыл глаза. Собственные слова его утомили. Он опять провалился в забытие. Я думал о том, что мне, может, лучше дальше идти одному. А потом я приведу сюда людей. Каких людей? Ну, солдат или милицию. Я же не брошу раненого товарища... Через сколько дней я

вернусь? Через три, пять? За это время он загнетса от холода. А что, лучше подышать двоим? Я сидел, выщелкивая и вновь вставляя патрон в винтовочный магазин... Ждал, пока очнется Олег.

— И жрать что-то надо, — медленно проговорил он. — Что там у нас осталось?

— Кукурузы два початка и половинка лепешки.

— Тебе надо идти к пастухам. Помнишь ту кошару, которую мы видели вчера вечером?

— Помню... До нее километров семь.

— Это летнее пастбище. Чабаны живут там несколько недель и хранят обычно запас продуктов. Днем в доме никого нет, чабаны с овцами на пастбище. Потихоньку влезь и отсыпь из продуктов всего понемногу, чтобы не заметили.

— Соображу.

— Возьми с собой винтовку. Стреляй только в крайнем случае.

Я собрался. Олег смотрел на меня; Из рассеченного глаза вытекла слеза.

— Ты меня не бросишь?

— Конечно, нет.

— Страх — хреновая штука... Вьет из человека веревки. Ты хочешь поступить, как надо, а ноги несут тебя прочь. Поклянись на хлебе, что не бросишь меня... Или пристрели.

— Ты что, с ума сошел?

Олег Сотников, битый-стреляный ооновский лейтенант, видел и понимал меня слишком хорошо. Он не верил мне до конца.

— Разломи хлеб пополам и съешь свой кусок, — пошевелил губами Олег. — А я съем свой. Это самая страшная клятва в горах. Если ты ее нарушишь, тебе на этом свете места уже не останется. Будешь бродить по подземному лабиринту... до страшного суда.

Разломив пополам остатки серой лепешки, я вложил кусок в горячую ладонь Олега. Он сжал ее и снова закрыл глаза. Я подождал несколько минут и положил свой кусок в изголовье вместе с двумя початками кукурузы. Рядом положил винтовку и зажигалку. Больше я сделать для него ничего не мог, и торопливо выбрался из пещеры.

Теплый ветер уже высушил камни, над речкой стоял редкий туман. Я разулся, перешел ее вброд и, снова обувшись, зашагал вниз по склону. Прямо передо мной

всю северную часть горизонта перегораживал горный хребет. Может, последний? А за ним Россия. Если поднажму, к вечеру до него доберусь. Ручей сделал очередную петлю и дальше срывался небольшим водопадом, над которым переливалась небольшая радуга.

Вниз спускалась хорошо протоптанная тропа, и я шел быстро. У меня тренированные ноги и хорошее дыхание. Двадцать или тридцать километров — ерунда! Я одолею их махом. Доберусь до Пятигорска и оттуда сразу на Ростов. Беженцев в здешних краях хватает, вряд ли кто заподозрит во мне беглого зека.

Я увидел двоих людей в камуфляже совсем близко. Они бы обязательно услышали меня, если бы не шум водопада.

До них было метров пятьдесят. Они сидели на камне, видимо отдыхая, и о чем-то разговаривали друг с другом. Камуфляж — рабочая одежда Кавказа, и не поймешь, кто они такие. Оба были бородатые, один держал на коленях автомат. Вот и все, что я мог увидеть.

Я ждал. Водопад гремел, разбрызгивая струи и капли воды. Радуга, мерцая, по-прежнему висела над россыпью брызг. Оба бородача поднялись. У второго тоже оказался автомат. Они шагали вверх, откуда пришел я. Что им понадобилось здесь, среди голых скал, где нет жилья и людей? Ищут нас?

Склон был широкий, кроме того, путь им преграждала большая скала. Они исчезли за ней, и я мог бежать вниз. Но я зашагал вверх. Пригибаясь, сжимая в правой руке нож. Я их обогнал и через десяток минут был снова в пещере. Олег по-прежнему спал.

Я поднял винтовку и потянул затвор. Желтый патрон с остроносой пулей скользнул в патронник. Патронов шесть, а тех только двое. Я их уделаю, если они сунутся нам. Пусть попробуют!.. А скорее всего, они уделают нас. Ладно, посмотрим, паскуды! Но глотку под ваши ножи мы не подставим!

Дрожа от возбуждения, я нашарил на мешковине кусок лепешки и стал медленно есть. Хлеб был жесткий и совершенно безвкусный. Но я жевал, и крошки сыпались мне на колени.

ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ. Реальность и утопия

Роман Василия Головачева и повесть Владимира Першанина разные и по жанру, и по тематике, и по центральным образам, но где-то они сходятся. Правда, несколько косвенно. У В. Головачева, как раньше говорили, герои активные, положительные, движимые общественными, государственными интересами и идеалами. У В. Першанина – это старая история об индивидуализме, крайнем эгоисте, мечтающем только о личной карьере, собственной выгоде, на чем он в конце концов и спотыкается. Но першанинский герой Сашка Ермаков – преступник, а головачевские “рыцари” – борцы с преступностью. Здесь они могли бы и столкнуться. Но известный путь Сашки приводит его к такому виражу, где он, как это ни странно, мог бы оказаться с персонажами В. Головачева по одну сторону баррикад...

В. Першанин взял для исследования судьбу человека, не вписавшегося в современное российское общества по своим узкоэгоистическим причинам. Испить полную чашу страданий ему пришлось по своей вине, правда, усугубленную сложившимися в социуме антигуманными отношениями. Александр Ермаков и в других, более стабильных и благополучных обстоятельствах, мог стать преступником, хоть и с меньшей

долей вероятности. Но современное общество, успешно внедряющее в общественное сознание формулу: “человек человеку – волк” или “все люди – враги” явно провоцировало его наклонности. Прежнее, как говорят демократы, “тоталитарное” общество скорее всего вовремя бы остановило его, не дало скатиться на преступный путь и способствовало бы его перевоспитанию, аккумулировав в свои ячейки. Совершив преступление, Ермаков становится действующим лицом в системе бандитского, разрушенного государства, оказавшись в конце концов в горячей точке конфликта. И тут уже он получает по самой большой, верхней мерке.

Другие его друзья по несчастью, в общем-то, не преступники. Армеец Иван Лагута, омоновец Олег Сотников тоже становятся жертвами творящегося в стране беспредела: один оказывается в роли барана, которому горец Вагиф перерезает горло, второй отдает свою жизнь дорожке, обороняясь с оружием в руках. И Ермаков, если уцелеет и вернется в Москву, наверняка с большим пониманием посмотрит на сложившиеся в экономическом обществе отношения, где все равно ему места нет. Винтовку, взятую у умирающего Сотникова, выпускать из рук ему нельзя, иначе его страдания не окончатся. Но и реабилитировать его некому и не за что. Скорее всего его ждет судьба друга детства киллера Кошелева. Но и это ведь тупиковый путь.

Автор взял в герои человека, который, пожалуй, при любой власти вступил бы с ней в конфликт. И конец его бесперспективен. Пройдя дорогу горчайших испытаний, Ермаков достоин сочувствия, но не оправдания. Он – жертва и великий путаник, человек без нравственного стержня, и потому не может выбраться из своего “лабиринта”. Человека же, который бы действовал осознанно и целенаправленно, имея перед собой высокую цель, нам в повести не предложено. Здесь вообще нет персонажа, который бы служил нравственным образцом.

Ермаков стремится к красивой жизни в общем-то за счет других. Но ему не повезло – нарушил правила, не смог ужиться с миром нуворишей, вором и “приватизатором” тестем, не согласился с ограничением своей свободы, то есть захотел и богатства и возможности жить как пожелаю, а в данных обстоятельствах совместить это оказалось трудно – вот и поплатился. “С волками жить – по-волчьи выть” – этот принцип реализовать практически лично для себя он не смог. Отсюда и расплата.

Не сумел он и укротить свою индивидуалистическую натуру, ограничить потребительские запросы. Не вписался в клан правящей бандитской верхушки, вернее, его туда не пустили в силу изначальной непринадлежности к бывшей номенклатуре. Хотя шанс такой у него был. Ведь предлагал генерал, друг Паши-

Мерседеса ему карьеру под своим началом. Но не рискнул или богатая собственница жена не позволила – столкнулись интересы дающего и берущего. Не хватило духу и принять предложение тестя, пойти на унижения или хотя бы внешне смириться перед кормящей рукой (сильна оказалась гордая натура, а может, в нем глубоко в крови сидело его классовое самосознание: в сущности, кто он такой – выходец из бедной трудовой семьи, отец железнодорожник, мать – учительница). А он возмечтал из низов выбраться НАВЕРХ (классический путь растрепанных, жюльенов сорелей, «милых друзей» типа Дю Руа...). И в России известна такая «обыкновенная история». Ермаков решил ее в жюльеновском, французском варианте и потерпел поражение. Впрочем, предшественников у Ермакова немало и в более позднем времени – в этом смысле он повторяет судьбу одного из героев любимого им Дж.Чейза.

Ермаков хоть и совершил преступление, но служить враждебному классу, куда он, правда, так стремился, не захотел или не смог. Потому так трагична его судьба – на путь сознательной борьбы во имя общественных интересов он вряд ли станет, на нем висит убийство, он – жертва, а не герой. Одна из многих жертв прошлого, теперь – и настоящего, а, возможно, и будущего, где будет бесконечно повторяться этот ПУТЬ НАВЕРХ и чаще всего с трагическим исходом – либо физической, либо моральной гибелью героя. Потому что он «для себя лишь хочет воли». Он жаждет приспособить обстоятельства лишь для своих эгоистических целей, но эти обстоятельства всегда сильнее его.

Персонажи В.Головачева, в противовес Ермакову, отстаивают традиционные ценности справедливо устроенного социального общества. У них есть идеалы, коренящиеся в тысячелетней народной жизни духа – морали даже не христианской, а языческой, мифологической... Автор и прибегает ко всем этим волхованиям, приемам фантазии, потому что не может пока четко сформулировать путеводные идеи для своих героических «рыцарей». Потому и идеология их выглядит немного эклектичной, отсюда и смешение всего и вся: языческой мифологии, христианского, православного мессианства («серебряный мальчик» Сергей), революционного, анархического бунтарства (отряды по силовому уничтожению бандитов – «Хорс», «Тайборун», ЧКК).

В.Головачев – известный писатель, не раз публиковавшийся и в «Подвиге», написавший около двадцати фантастических романов. И в разбираемом нами романе В.Головачева «Серебряный мальчик» постоянно переплетаются реалистические и фантастические мотивы. Романтической выглядит история двух влюбленных: красавицы-чеченки Шарифы и спецназовца Никифора Хме-

ля. Кстати, по телевизору показывали такую же пару. При этом чеченке и русскому парню приходится скрываться в России, постоянно кочуя по городам и весям – родители девушки поклялись убить их обоих. В кинофильме «Блокпост» история и того трагичней – якобы влюбленная в русского солдата чеченка в финале хладнокровно расстреливает его из оптической винтовки... Сильный ход!

Распад Советского Союза отчасти излечил нас от излишнего романтизма в межнациональных отношениях, но он же породил и межэтническую рознь, а то и вражду, что, конечно, печально. Некоторые народности, забыв о веками кормившей их руке, захотевшие суверенитета «сколько влезло», начали проводить антирусскую политику. Русским, долгое время спасавшим других, пришлось задуматься о собственном спасении. Вот и в кинофильме «Брат-2» старший брат героя явно без любви относится к неграм и даже к украинским зарубежным националистам, обещая им припомнить Севастополь. В романе В.Головачева затрагивается проблема так называемых «лиц кавказской национальности», сепаратизма северокавказских республик, зверств чеченских боевиков, творимых ими над русскими военнопленными и заложниками. (Достаточно подробно об этом говорится и в повести В.Першанина, где Ермакову и его друзьям – Ивану Лагуте и Олегу Сотникову приходится испытать всю чашу страданий в кавказском рабстве). Вместе с тем автор не впадает в бессмысленный шовинизм – Никифор Хмель, столкнувшись с бесчинствующими молодцами из российской БНПР, отлавливающими в Москве «чернозадых», вступает с ними в драку. А его любовь к Шарифе говорит сама за себя...

Роман В.Головачева не лишен и идиллических настроений. Полуфантастический президент Прямушин у него прямо-таки исполнен сострадания к народным бедам и готов всячески бороться за его счастье. Реальный президент недавно в интервью тоже сказал, что он никогда не забывает о том, что многим людям у нас живется очень тяжело. Но в том же интервью твердо и определенно высказался о том, что он будет защищать крупный капитал. Но разве одно другое не исключает?..

П. Уляшов

ВНИМАНИЕ: подписка-2001 100 комплектов по льготной цене

В первом полугодии 2001 года выйдет 4 тома "Подвига" и 4 тома "Детективов "СМ" - остросюжетного, увлекательного чтения.

Стоимость **льготной подписки** в редакции:

- полугодовой комплект "Подвига" (четыре выпуска) - **92 руб.**
- полугодовой комплект "Детективов СМ" (четыре выпуска) - **92 руб.**

Стоимость одного номера журнала за 2001 г. составит **23 руб.**

- "Подвиг" и "Детективы "СМ" за 1997-1999 гг. - **15 руб.** за номер.
- "Подвиг" и "Детективы "СМ" за 2000 г. - **21 руб.** за каждый номер.

Цены указаны с учетом почтовых расходов (доставка бандеролью). Для оформления подписки отправьте почтовый перевод по адресу: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5-а, журнал "Подвиг" (с пометкой "Подвиг" или "Детективы "СМ") или оплатите через любое отделение Сбербанка по следующим реквизитам:

ЗАО "Издательская компания "Подвиг" ИНН 7715019690
Расч. счет 40702810138320101008 в Сбербанке России г. Москвы
Петровское ОСБ № 5287/1148 Кор. счет 30101810400000000225
БИК 044525225

Не забудьте разборчиво указать свой адрес, почтовый индекс и издание, на которое подписались.

Своевременная доставка гарантируется.

Отдел рекламы и распространения: **285-80-04, 285-80-63**

Дорогие друзья, подписчики и читатели журнала "НАШ СОВРЕМЕННОК"!

В ближайших номерах текущего года читайте в журнале уже заявленный нами анонсом на обложке № 12 за 2000 год роман Владимира ЛИЧУТИНА "Миледи Ротман".

Будут также напечатаны новые повести Юрия БОРОДКИНА, Николая КОНЯЕВА, рассказы Петра ПРОСКУРИНА, Николая ЕВДОКИМОВА, Валентина СОРОКИНА, Николая ЧЕРКАШИНА и многих других писателей, авторов "Нашего современника".

В портфеле редакции романы Петра АЛЕШКИНА "Время великой скорби", Владислава АРТЕМОВА "Улыбка зверя", Валерия КУРИЛОВА "Странники", роман-"баутка" Владислава МУШТАЕВА "Четыркины фантазмагории". Знакомый нашему читателю автор повести "Говорящая голова" (№ 6 за 2000 год) на этот раз погружается в полумистический, полугротесковый мир и постперестроечной России, и ее давней истории...

В редакцию журнала приходит много писем от ветеранов Великой Отечественной войны, от бывших узников фашистских концлагерей и тружеников тыла, от людей, чье детство было опалено военным лихолетьем. Мы тщательно отобрали наиболее интересные, на наш взгляд, воспоминания, любопытнейшие фотографии тех лет и к 60-летию вероломного нападения Германии на Советский Союз опубликуем их в подборке "Мозаика войны".

Крупнейшим явлением современной русской поэзии обещает стать третья, заключительная часть поэмы Юрия КУЗНЕЦОВА "Путь Христа", которая опубликована в февральском номере журнала... По-прежнему разнообразна и многоцветна палитра поэтических имен "Нашего современника".

Будут продолжены публикации: Вадима КОЖИНОВА "Россия как цивилизация и культура", Феликса КУЗНЕЦОВА "Шолохов и "анти-Шолохов"; появятся новые страницы из записных книжек Георгия СВИРИДОВА. Свои новые работы предложили редакции Сергей КАРА-МУРЗА, Александр КАЗИНЦЕВ, Ксения МЯЛО, Евгений СТАРИКОВ, Олег ПЛАТОНОВ.

Редакция вновь обращается к творческому наследию великого русского писателя Леонида ЛЕОНОВА (в рубрике "Мир Леонова").

По доброй традиции мы познакомим вас с новыми читательскими письмами... Гордимся и радуемся тому, что живая "обратная" — столь нужная нам! — связь с подписчиками не прерывается...

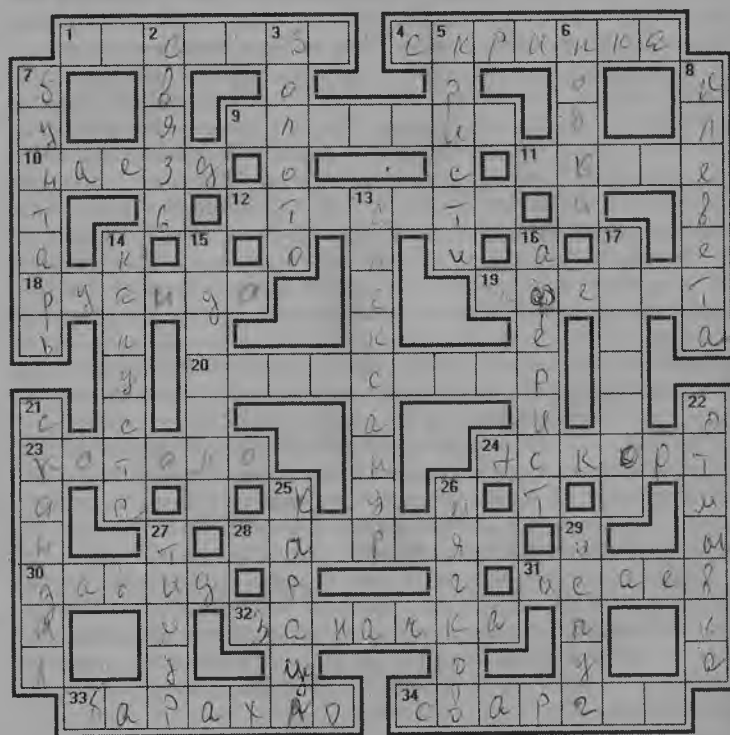
Редакция

Вниманию подписчиков!

Сообщаем, что двухтомник Ст.Куняева "Поэзия. Судьба. Россия" вышел в свет. Приобрести его можно в редакции.

Телефон для справок: 200-24-24

КРИМИНАЛЬНЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Дискотечный наркотик. 4. Какой музыкальный инструмент плакал в руках великого сыщика Шерлока Холмса? 9. Детективный боевик с Сергеем Никоненко в главной роли. 10. Способ наших братков выколачивать бабки из своих жертв. 11. Дама, заколовшая великого якобинца Жана-Поля Марата прямо в ванне. 12. Одицавшее чувство. 18. Житель французского города, где сожгли легендарную Жанну д'Арк. 19. Какое психическое состояние отчасти служит оправданием для преступника? 20. Однажды сенатор Роберт Кеннеди получил от своего брата-президента в подарок ... с надписью: «Желаю начать с того, чем кончил я». Через несколько лет пожелание станет страшным пророчеством! 23. Профессиональный картежный шулер. 24. Конвой с почётом. 28. Царь приговоривший к казни Шахерезаду, а после помиловавший её. 30. Победитель великана Голиафа. 31. Подлинная фамилия Штирлица. 32. Что прятал Ваня Пасюк от жены в дуло пистолета из народного телесериала «Место встречи изменить нельзя» Станислава Говорухина? 33. Вещи на блатном жаргоне. 34. «Газовый ключ» к банковскому сейфу.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Что поддерживают с помощью тайника шпионы? 3. Металл, вокруг которого разгораются страсти в фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих». 5. Она любила обдумывать планы самых кровавых своих убийств, когда мыла посуду, поскольку это занятие она сильно не любила. 6. Физическое воздействие озверевшего мужа на свою супругу. 7. Опасный мятежник. 8. Оружие оговорщика. 13. Русский император, чья трагическая смерть пришла на первый день весны в 1881 году. 14. Русская валюта на блатном жаргоне. 15. С какого города началось путешествие киногероя Бурвиля из криминальной комедии «Разиня» француза Жерара Ури. 16. Мастер тёмных делишек. 17. Российский кинорежиссёр, постановщик криминальной кинокомедии «Ширли-мырли». 21. Что происходит в случае обнародования компромата? 22. ... «грязных денег» нашей мафии обычно происходит за границей. 25. Вооружённая охрана. 26. Звезда нашего кино, сыгравший главаря русской мафии в Соединённых Штатах из гайдаевского фильма «На Дерибани хорошая погода, или На Брайтон-бич опять идут дожди». 27. ... хан, отравленный, по одной из версий, ядом аконита. 29. ... ужас в душе.

Работа Олега ВАСИЛЬЕВА.

Анонс
Московский почтампт открыл подписку
на газеты и журналы по Москве через интернет
www.gazety.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ "СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

Главный редактор
Игорь ШТОКМАН

Генеральный директор
Алексей ШЕВЕЛЕВ

Ответственный секретарь
Татьяна БАЛЯБИНА

Обложка:
Валерий ХОМЯКОВ

Рисунки:
Виктор ДУНЬКО

Компьютерная верстка:
Алексей САЗОНОВ

Журнал зарегистрирован Министерством
печати и информации РФ. Рег. № 012140

Подписано к печати 07. 02. 2001 г.

Формат 84x108 1/32

Гарнитура "Прагматика"

Печать офсетная

Усл.печ.л. 10

Тираж 26 200 экз.

Заказ 17117

Отдел распространения:
285-8063,

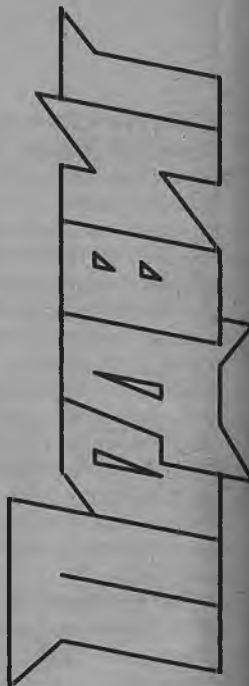
Ильинская Елена Павловна.

Адрес редакции: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., д. 5а.

Типография АО "Молодая гвардия".
103030, Москва, Суцеевская ул., 21.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. «Экстази». 4. Скрипка.
9. «Классик». 10. Навяз. 11. Корде. 12. Страсть.
18. Руанец. 19. Аффект. 20. Портсигар. 23. Ката-
на. 24. Эскорт. 28. Шахрияр. 30. Давид. 31. Исаев.
32. Заначка. 33. Баракло. 34. Авторен.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Связь. 3. Золото. 5. Крис-
ти. 6. Побой. 7. Бунтарь. 8. Клевета. 13. Алек-
сандр. 14. Капуста. 15. Неаполь. 16. Аферист. 17.
Меншов. 21. Скандал. 22. Отымыка. 25. Караул.
26. Матков. 27. Тимур. 29. Испул.

ЖУРНАЛОВ
МНОГО.

**ВЫБЕРИ
ЛУЧШИЙ!**

Такого еще не было!
"Сельская молодежь".
Единственный журнал
ТОЛЬКО
о русской молодежной культуре.

В этом номере "СМ":

"Ты же знаешь, я просто чудовищно наглый!!!" Как сделать карьеру в 18 лет.

Где же это происходит? Интервью с диджеями "Нашего радио".

Музыкант Нади Илизарова, продолжательница традиций талантливой семьи.

Воспитательница Игор ЛЕГОВ о сибирской школе рок-музыки.

Музыкальные программы MTV Сева ДЯКОВА.

Музыкальные программы Преподы вешаются!

Почему? (и много другое) мегапостер!

К л е в е н ь к о